

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (40)
2022

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:

Ф.Ш. Хузин – доктор исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

Индекс ПП1753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2022

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2022

© Журнал «Поволжская археология», 2022

Издательство «Фэн»

Казань, Татарстан

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

F. Sh. Khuzin – Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2022

© Mari State University, 2022

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия), Васютин С.А. (Кемерово, Россия)</i> Восточный Алтай в раннетюркское время: «новые» материалы раскопок комплекса Кудыргэ (из археологического наследия А.С. Васютина)	8
<i>Самашев З. (Алматы, Казахстан), Айткали А.К. (Нур-Султан, Казахстан), Толегенов Е. (Усть-Каменогорск, Казахстан)</i> К вопросу о сакрализации образа кагана.....	21
<i>Кубаев С.Ш. (Ташкент, Узбекистан)</i> Изображение лекарственных растений на керамических изделиях Средней Азии	35
<i>Русланова Р.Р., Русланов Е.В. (Уфа, Россия)</i> Бирский и Кушнарниковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований	42
<i>Кравченко Э.Е. (Казань, Россия)</i> О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец	56
<i>Подосенова Ю.А., Крыласова Н.Б., Данич А.В. (Пермь, Россия)</i> Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье	72
<i>Акылбек С.Ш. (Шаульдер, Казахстан), Гурсой М. (Туркестан, Казахстан)</i> «Культовые помещения» на городище Культобе.....	89
<i>Казаков Е.П. (Казань, Россия)</i> Постпетрогром в системе средневековых угорских культур Урало-Поволжья	102
<i>Клёнов М.В. (Сыктывкар, Россия)</i> Начальный этап становления православной церкви на Европейском Северо-Востоке.....	114
<i>Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. (Москва, Россия)</i> Внешняя линия фортификации раннего Болгара.....	124
<i>Валеев Р.М., Бугарчев А.И. (Казань, Россия)</i> Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища	135
<i>Нарожный Е.И. (Карачаевск, Россия), Тищенко И.Б. (Саратов, Россия)</i> Новые мусульманские захоронения золотоордынского города Маджара (Ставрополье).....	145
<i>Сагидуллаев Д.З. (Уральск, Казахстан)</i> Золотоордынские поселения Северо-Восточного Прикаспия: география, топография, домостроительство	159

<i>Юдин Н.И., Масловский А.Н. (Азов, Россия), Каземтур М. (Тебриз, Иран)</i>	
Глазуванная чаша с персидскими стихами из Азака	175
<i>Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Изменение уровня Каспийского моря и его влияние на исторические процессы на территории низовьев Волги в средневековье (анализ материалов гидрологии и археологии)	183
<i>Зеленев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Валеев Р.М. (Казань, Россия)</i>	
Внутренние и внешние миграции в Примокшанье в XIII–XV веках.....	198
<i>Мургабаев С.С., Малдыбекова Л.Д., Бахтыбаев М.М., Жетибаев К.М., Гурсой М., Сиздинов Б.С. (Туркестан, Казахстан)</i>	
История орошения Сыганака	206
<i>Мустафин Х.Х. (Долгопрудный, Россия), Энговатова А.В. (Москва, Россия), Альборова И.Э. (Долгопрудный, Россия), Тарасова А.А. (Москва, Россия)</i>	
Палеогенетическая экспертиза останков из двух наиболее крупных массовых захоронений 1238 г. в ярославском детинце	215
<i>Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия)</i>	
Наследие Золотой Орды: возникновение городов Крымского ханства	231
<i>Шайдуллин Р.В. (Казань, Россия)</i>	
«Татарская энциклопедия» в контексте систематизации, обобщения и научной популяризации знаний об археологии Татарстана	242
Список сокращений	249
Правила для авторов	250

CONTENT

<i>Seregin N.N. (Barnaul, Russian Federation), Vasyutin S.A. (Kemerovo, Russian Federation)</i>	
Eastern Altai in the Early Turkic Time: “New” Materials of Excavation of the Kudyrge Complex (from the archaeological heritage of A.S. Vasyutin).....	8
<i>Samashev Z.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Aitkali A.K. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Tolegenov Ye. (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)</i>	
To the Question of the Sacralization of the Image of the Kagan	21
<i>Kubaev S.Sh. (Tashkent, Republic of Uzbekistan)</i>	
Image of Medicinal Plants on Ceramic Products of Central Asia	35
<i>Ruslanova R.R., Ruslanov E.V. (Ufa, Russian Federation)</i>	
Birsk and Kushnarenkovo Burial Grounds of the Early Middle Ages in the Light of New Field Researches.....	42
<i>Kravchenko E.E. (Kazan, Russian Federation)</i>	
About Cremation Burials in the Middle Reaches of the Seversky Donets River	56
<i>Podosenova Yu.A., Krylasova N.B., Danich A.V. (Perm, Russian Federation)</i>	
Wooden Sheaths with Metallic Coating in the Middle Age Perm Cis-Urals	72
<i>Akylbek S.Sh. (Shaulder, Republic of Kazakhstan), Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)</i>	
“Cultural Premises” in Kultobe City.....	89
<i>Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation)</i>	
The Post-Petrogrom in the System of the Medieval Ugrian Cultures of the Ural-Volga Region.....	102
<i>Klenov M.V. (Syktyvkar, Russian Federation)</i>	
The Initial Stage of the Establishment of the Orthodox Church in the European North-East.....	114
<i>Koval V.Yu., Badeev D.Yu. (Moscow, Russian Federation)</i>	
External Lines of the Early Bolgar Fortification.....	124
<i>Valeev R.M., Bugarchev A.I. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Silver Coins of the 13 th – Beginning of the 15 th Centuries from the Excavation CLXXIX at the Bolgar Fortified Settlement	135
<i>Narozhny E.I. (Karachaevsk, Russian Federation), Tishchenko I.B. (Saratov, Russian Federation)</i>	
New Muslim Burials from the Golden Horde City of Madzhar (Stavropol Region)	145
<i>Sagidullaev D.Z. (Uralsk, Republic of Kazakhstan)</i>	
Golden Horde Settlements of the North-Eastern Caspian Region: geography, topography, housing construction	159

<i>Iudin N.I., Maslovsky A.N. (Azov, Russian Federation), Kazempur M. (Tabriz, Iran)</i>	
Glazed Bowl with Persian Pottery from Azak	175
<i>Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)</i>	
Changes in the Level of the Caspian Sea and its Influence on Historical Processes in the Lower Reaches of the Volga in the Middle Ages (analysis of materials of hydrology and archaeology).....	183
<i>Zelenev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Valeev R.M. (Kazan, Russian Federation)</i>	
The Internal and External Migrations in the Moksha Littoral During the 13 th –15 th Centuries.....	198
<i>Murgabaev S.S., Malybekova L.D., Bakhtybaev M.M., Zhetibaev K.M., Gursoy M., Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)</i>	
History of the Syganak Irrigation	206
<i>Mustafin Kh.Kh. (Dolgoprudny, Russian Federation), Engovatova A.V. (Moscow, Russian Federation), Alborova I.E. (Dolgoprudny, Russian Federation), Tarasova A.A. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Genetic Examination of Remains from the Two Largest Mass Burials of 1238 in Yaroslavl Detynets	215
<i>Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation)</i>	
Heritage of the Golden Horde: the origins of Crimean Khanat cities.....	231
<i>Shaidullin R.V. (Kazan, Russian Federation)</i>	
“Tatar Encyclopedia” in the Context of Systematization, Generalization and Scientific Popularization of Knowledge about the Archaeology of Tatarstan.....	242
List of Abbreviations.....	249
Submissions	250

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.8.20>

**ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ В РАННЕТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ:
«НОВЫЕ» МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК КОМПЛЕКСА КУДЫРГЭ
(ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.С. ВАСЮТИНА)¹**

© 2022 г. Н.Н. Серегин, С.А. Васютин

Статья посвящена введению в научный оборот материалов раскопок серии тюркских оградок известного комплекса Кудыргэ (Восточный Алтай), расположенного в Улаганском районе Республики Алтай. Данные объекты исследованы Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1982 г. На основании сведений, представленных в отчетной документации по результатам раскопок, осуществлено подробное описание изученных раннесредневековых оградок. Анализ зафиксированных особенностей конструкций, а также обнаруженных предметов стал основанием для заключения о датировке сооружений в рамках второй половины V–VI вв. н. э. и отнесения их к начальным этапам в развитии культуры тюрков. Установлено, что материалы раскопанных оградок урочища Кудыргэ отражают как местные традиции, связанные с кочевниками сянбийско-жужанского времени, так и новации, свидетельствующие о приходе на рассматриваемую территорию новой группы населения. Публикуемые объекты, а также другие комплексы демонстрируют перспективность дальнейших полевых исследований памятников Восточного Алтая предтюркского и раннетюркского периодов для реконструкции сложных процессов культурогенеза в центрально-азиатском регионе в середине I тыс. н. э.

Ключевые слова: археологический комплекс, тюрки, раннее средневековье, оградка, Восточный Алтай, хронология, культурогенез.

Введение

Значительную роль в развитии представлений о средневековой археологии Алтая и сопредельных территорий сыграли материалы раскопок погребально-поминального комплекса Кудыргэ. Уже после первых исследований на памятнике, осуществленных в 1924–1925 гг. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко и при участии А.Н. Глухова (1927), стала понятна важность данного могильника с учетом фрагментарности сведений об истории населения региона во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. на момент этих изысканий, а также на протяжении нескольких последующих десятилетий. Основной объем информации о культуре населения, оставившего погребальные и поминальные сооруже-

ния различных периодов в урочище Кудыргэ, был сформирован по результатам работ А.А. Гавриловой в 1948 г. и обобщен в монографии, не потерявшей актуальности по сей день (Гаврилова, 1965). В 1980-х гг. в ходе раскопок, осуществленных несколькими экспедициями, получены дополнительные материалы (Васютин, 1984; Нестеров, Милютин, 1995; Илюшин, 2000).

Различным аспектам интерпретации результатов исследований могильника Кудыргэ посвящена обширная историография. Данный комплекс выступил эпонимным при попытке выделения отдельной культуры (Суразаков, 1992, с. 96–97) в рамках обоснования этапа культуры тюрков (Гаврилова, 1965, с. 58–61; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161), а также типа «поминальных» сооружений ранне-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект №20-78-10037). Обработка материалов раскопок комплекса Кудыргэ проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

го Средневековья (Гаврилова, 1965, с. 99; Кубарев, 1984, с. 50–51; Васютин, 1983, с. 7). Отдельная дискуссия велась по проблеме интерпретации каменного валуна с выгравированной на нем сценой коленопреклонения (Гаврилова, 1965, с. 18–21; Длужневская, 1978, с. 231–237; Азбелев, 2010; и мн. др.). Затрагивались и другие вопросы более частного характера, связанные с анализом хронологии объектов памятника, изучением планиграфии комплекса и зафиксированных конструкций, характеристикой отдельных категорий предметов и др.

Существенными факторами, осложняющими целостную интерпретацию материалов раскопок в урочище Кудыргэ, является неполнота исследования комплекса, а также то, что часть полученных материалов не введена в научный оборот. Настоящая статья призвана в некоторой степени заполнить эту лауну путем публикации результатов изучения серии «поминальных» оградок, раскопанных Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1982 г. Сведения о рассматриваемых объектах представлены в литературе весьма фрагментарно, главным образом в виде кратких упоминаний об исследованных сооружениях и иллюстраций отдельных находок (Васютин, 1984, с. 193; 1985, с. 74–75, рис. 1.-11–12; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11–12, рис. 54.-1–2). Вместе с тем полное введение в научный оборот и анализ этих показательных материалов имеют большое значение для реконструкции сложных этнокультурных процессов, происходивших на Алтае в начале раннего Средневековья.

Данная статья является продолжением серии работ, направленных на публикацию и разноплановую интерпретацию материалов тюркских «по-

минальных» комплексов, раскопанных А.С. Васютиным в разных частях Алтая (Серегин, Васютин, 2019; 2020; и др.). В дальнейшем предполагается монографическое обобщение этих сведений в контексте современных представлений об особенностях истории раннесредневековых кочевников рассматриваемого региона.

Характеристика материалов раскопок

Погребально-поминальный комплекс Кудыргэ расположен на первой правой надпойменной террасе р. Чулышман, в 10 км к югу – юго-востоку от с. Балыкча Улаганского района Республики Алтай (рис. 1). Памятник включает по разным оценкам более 160 объектов, которые, судя по результатам раскопок, относятся к различным периодам эпохи Средневековья. Не исключено, что на площади могильника имеются и сооружения более раннего времени. Одну из представительных групп объектов составляют «поминальные» оградки раннего Средневековья. Серия таких комплексов, насчитывающая 12 конструкций, раскопана Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета в 1982 г. (Васютин, 1984). Данные объекты локализуются на нескольких небольших всхолмлениях, вытянутых вдоль береговой линии.

Смежные *оградки XVI–A–B* (рис. 2: 1) расположены в центральной части могильника, к югу – юго-востоку от исследованного А.А. Гавриловой комплекса объектов VII–XI. Стенки сооружений ориентированы по сторонам света.

Оградка XVI-A возведена из 11 поставленных на ребро каменных плит. Юго-западный угол оградки частично разрушен. Размеры объекта – 2×2,2 м. В ходе раскопок зафиксировано однослойное заполнение оградки, состоящее из речной гальки и обломочных

Рис. 1. Географическое положение комплекса Кудыргэ.

Fig. 1. Geographic location of the Kudyrgé complex.

пород. В северной части сооружения расчищен каменный ящик из пяти поставленных на ребро плит, размеры которого составляли $0,67 \times 0,47$ м. В заполнении ящика у северной стенки обнаружены кости животных, а в юго-западном углу – железные сбруйные кольца.

Ограда XVI-B, пристроенная к объекту А, сооружена из 12 поставленных на ребро каменных плит. Юго-восточный угол оградки частично разрушен. В ходе раскопок зафиксировано однослойное заполнение оградки, состоящее из речной гальки и обломочных пород. Размеры объекта – $2,64 \times 2,2$ м. Под слоем забутовки расчищен каменный ящик из четырех поставленных на ребро плит, размеры которого составляли $0,4 \times 0,37$ м. С внешней стороны западной стенки ящика зафиксированы железные подпружные пряжки и сбруйное коль-

цо. Еще одна пряжка находилась к югу от данной конструкции, в верхнем слое заполнения. В северо-восточном углу оградки расчищены железные однокольчатые удила со стержневыми двудырчатыми псалиями. Как удалось установить, изделия лежали таким образом, что псалии не были вставлены в удила, а были помещены рядом, перекрывая друг друга. Еще один ящик с разрушенной каменной стенкой находился в северо-западном углу оградки. В ходе разборки данной конструкции зафиксированы немногочисленные разрозненные кости животных.

Одиночная **ограда XVII²** расположена в центральной части комплекса Кудыргэ, к юго-востоку от объектов XVI-A–Б. Ограда сильно разрушена. Судя по сохранившимся северо-западной и северо-восточной стенкам, а также по выявленной площади забу-

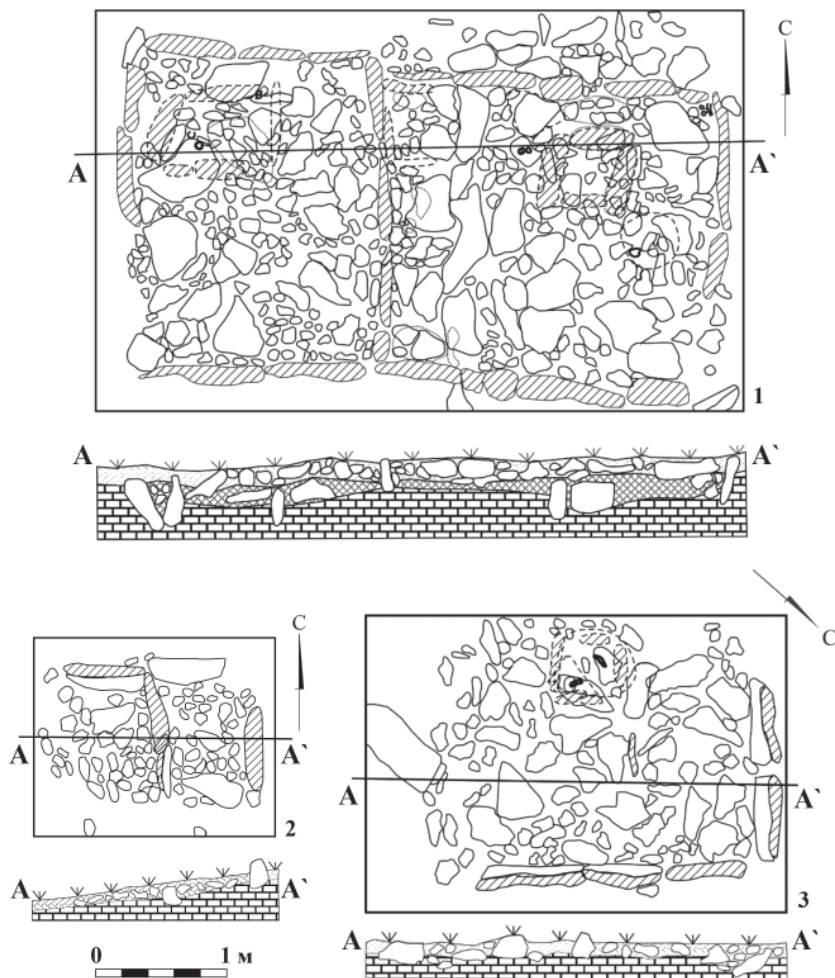

Рис. 2. Кудыргэ. Планы оградок (1 – XVI-A–Б; 2 – XVIII-B–Г; 3 – XIX-Д–Е).
 Fig. 2. Kudyrge. Plans of enclosures (1 – XVI-A–Б; 2 – XVIII-B–Г; 3 – XIX-Д–Е).

товки из обломочных пород, размеры сооружения составляли $2,5 \times 1,8$ м, а конструкция была углами ориентирована по сторонам света. В южной части оградки под слоем забутовки расчищен каменный ящик $0,4 \times 0,3$ м, где зафиксированы кости животных и железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой.

Смежные *оградки XVIII-B–Г* (рис. 2: 2) находятся на юго-юго-западной оконечности центрального холма урочища Кудыргэ. Стенки сооружений ориентированы по сторонам света. *Оградка XVIII-B* сильно разрушена. Размеры объекта, судя по выявленной

площади забутовки, не превышали 1×1 м. Дополнительные конструкции и находки не зафиксированы. *Оградка XVIII-Г* имеет размеры $0,6 \times 0,4$ м. Параметры конструкции определяются площадью выявленной однослойной забутовки. Дополнительные сооружения и находки не обнаружены.

Смежные *оградки XIX-Д–Е* (рис. 2: 3) выявлены в восточной части центрального холма, к югу – юго-востоку от оградок XVI-A–Б. Сооружения ориентированы углами по сторонам света. Объекты сильно разрушены. Размеры *оградки XIX-Д*, судя по сохранившейся плите от общей стенки,

а также выявленной площади однослойной забутовки, не превышали $2,3 \times 1,6$ м. В юго-юго-западной части раскопа зафиксирован каменный ящичек из четырех поставленных на ребро плит, в котором обнаружены железный однолезвийный черешковый нож с серповидной спинкой, а также кость животного. **Ограда XIX-E**, пристроенная к объекту Д, имела размеры $0,5 \times 1,5$ м. В ходе раскопок сооружения выявлено заполнение в виде вымостки и положенных плашмя плит. Другие конструкции или находки не обнаружены.

Смежные **ограды XX-Ж-3** (рис. 3: 1) расположены на юго-юго-восточной оконечности центрального холма урочища Кудыргэ, к югу от оградок XIX-Д-Е. Сооружения ориентированы стенками по сторонам света.

Ограда XX-Ж сооружена из восьми поставленных на ребро каменных плит. Размеры объекта – $1 \times 1,2$ м. В ходе раскопок зафиксировано однослойное заполнение в виде забутовки из речной гальки и обломочных пород. В центре ограды выявлен каменный ящичек из нескольких поваленных плит, изначально поставленных на ребро, размеры которого составляли $0,12 \times 0,34$. Данная конструкция была ориентирована стенками по линии юго-запад – северо-восток. В центре ящичка находились железные однокольчатые удила с остатками костяных псалиев и подпружная пряжка.

Ограда XX-3, пристроенная к объекту Ж, сооружена из трех поставленных на ребро каменных плит. Южная часть ограды разрушена. Размеры сооружения, фиксируемые по выявленной площади однослойной забутовки, составляют $0,4 \times 1,2$ м. В центре ограды расчищен каменный ящичек из четырех поставленных на ребро плит, размерами $0,2 \times 0,28$ м. В ходе разборки ящичка обнаружены железные однокольчатые удила и две подпружные пряжки.

Ограда XXI (рис. 3: 2) находится на самой южной оконечности центрального холма урочища Кудыргэ, к югу от объектов XX-Ж-3. Данное разрушенное сооружение представляет собой выложенную булыжником площадку с несколькими установленными на ребро плитами и развалом камней по периметру. Общие размеры объекта – $2,3 \times 2,5$ м. Другие конструкции и находки не зафиксированы.

Сооруженные рядом **ограды XXII–XXIII** (рис. 3: 3) расположены в южной части комплекса Кудыргэ. Частично разрушенные объекты ориентированы стенками по сторонам света. Внутренняя площадь оградок представляет собой однослойную забутовку. Размеры объектов: XXII – $1,2 \times 2$ м, XXIII – $1,7 \times 1,3$ м. У южной стенки и в центре ограды XXIII зафиксированы мелкие фрагменты керамики. Другие конструкции и находки не зафиксированы.

Культурно-хронологическая интерпретация объектов

Представленные сооружения комплекса Кудыргэ по многим показателям схожи с тюркскими «поминальными» оградками данного памятника, раскопанными в разные годы (Гаврилова, 1965; Нестеров, Милютин, 1995; Илюшин, 2000). Анализ выявленных конструкций, а также обнаруженных предметов позволяет уточнить хронологию изученных объектов.

Одной из конструктивных особенностей большинства раскопанных сооружений (XVI-A–Б, XVIII-B–Г, XIX-Д–Е, XX-Ж-3) является то, что ограды были смежными, т. е. пары объектов имели по одной общей стенке. Подобные комплексы А.А. Гаврилова (1965, с. 99–100) объединила в рамках памятников кудыргинского типа. Анализ материалов, полученных в последующие десятилетия, подтверждает тезис о том, что смежные ограды относятся к ранним этапам в развитии культуры тюр-

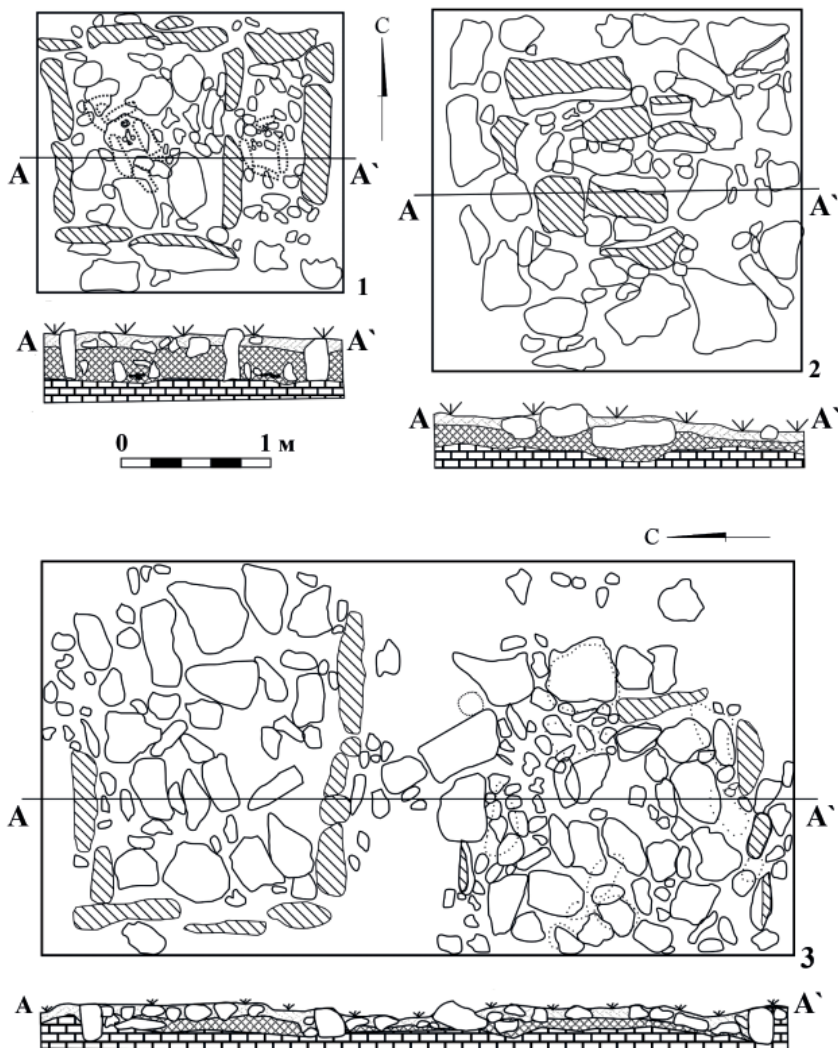

Рис. 3. Кудыргэ. Планы оградок (1 – XX-Ж-3; 2 – XXI; 3 – XXII–XXIII).

Fig. 3. Kudyrge. Plans of enclosures (1 – XX-J-3; 2 – XXI; 3 – XXII–XXIII).

ков. Судя по имеющимся сведениям, большая часть таких объектов датируется в рамках второй половины V–VI вв. н. э. (Матренин, Сарафанов, 2006, с. 209–210; Серегин, Шелепова, 2015, с. 70, 72). Смежные оградки, в том числе сооружения, содержащие датирующие материалы обозначенного периода, исследованы на ряде комплексов Алтая: Ак-Кообы, Кара-Коба-I, Кок-Паш, Кудыргэ, Мендур-Соккон-I, Яломан-II и др. (Гаврилова, 1965, табл. III–IV; Могильников, 1992,

рис. 1; Соенов, Эбель, 1997, рис. I–IV; Кубарев, 2011, рис. 2–3; и др.).

Важным признаком части рассматриваемых оградок (объекты XVI-A–Б, XVII, XIX-D, XX-J-3) являются небольшие каменные ящички, возведенные во внутреннем пространстве или пристроенные к одной из стенок. К настоящему времени в разных частях Алтая изучена серия подобных конструкций, часть которых содержит датирующие находки – главным образом предметы вооружения и конского

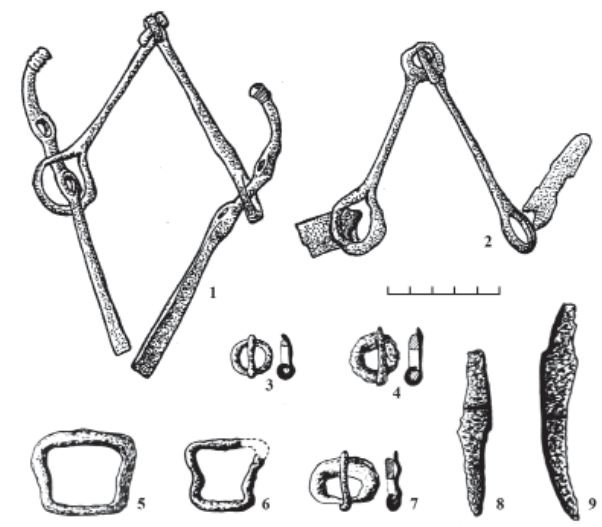

Рис. 4. Кудыргэ. Инвентарь из оградок.

Fig. 4. Kudyrga. Inventory from enclosures.

снаряжения, которые позволяют отнести сооружения к начальным этапам истории тюрков (Гаврилова, 1965, табл. IV; Соенов, Эбель, 1997, рис. II; Илюшин, 2000, рис. I–V; и др.). Распространение небольших каменных ящичков в «поминальной» обрядности раннесредневековых кочевников представляется возможным связать с существовавшей на Алтае в хунно-сяньбийско-жужанское время традицией захоронения в каменном ящике, а также специфичными объектами, условно обозначаемыми как «миниатюрные» кенотафы (Серегин, Матренин, 2016, с. 35–37, 62–63). Основным признаком последних является создание погребальной камеры в виде ящика, не предназначенного по своим пропорциям для размещения взрослого человека. Отметим, что характеристики предметов инвентаря, обнаруженных в тюркских оградках с каменными ящичками, позволяют говорить о возможном распространении традиции сооружения последних вплоть до VII – начала VIII вв. н. э. (Кубарев, 1984, с. 54, 167–168).

Относительным показателем, указывающим на раннюю датировку

большинства представленных оградок комплекса Кудыргэ, является их конструкция в виде многоплитового ящика. Отмечено, что подобные сооружения характерны в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого каганата (Войтов, 1996, с. 61, 70). Столь же относительной хронологической характеристикой можно считать отсутствие у публикуемых оградок могильника Кудыргэ изваяний – как лицевых, так и реалистичных.

Большое значение для уточнения времени сооружения оградок комплекса Кудыргэ имеют изделия, выявленные в ходе раскопок. Находки представлены главным образом различными элементами конского снаряжения, а также орудиями труда.

В ходе раскопок трех объектов (XVI-Б, XX-Ж-3) обнаружены удила с псалями или без таковых (рис. 4: 1–2; 5). С точки зрения хронологической интерпретации анализируемых комплексов наиболее показательными являются железные стержневые двудырчатые псалии с характерным изгибом одного из концов, найденные

в каменном ящичке оградки XVI-B (рис. 4: 1; 5: 1, 3). Подобные изделия представляют собой весьма редкий тип предметов из памятников центрально- и североазиатского региона. Полной аналогией являются недавно опубликованные псалии, обнаруженные в Абанском районе Красноярского края (Серегин, Филиппович, 2020, рис. 2). Схожие предметы, с некоторыми отличиями в оформлении нижней части изделия, обусловленными, очевидно, последующей эволюцией вещей, зафиксированы в погребении некрополя Кудыргэ, датирующемся второй половиной VI – первой половиной VII в. н. э. (Гаврилова, 1965, табл. X.-9). Подобные же характеристики имеет находка из развеянного погребения Баянгол-II (Знаменский район Бурятии), отнесенного Б.Б. Дашибаловым (2011, с. 30, рис. 58.-2) к VI–VII вв. н. э. В целом такие псалии, судя по имеющимся данным, бытовали в конце V – VII в. н. э., предшествуя более распространенным стержневым изделиям схожей формы, но со скобой (Овчинникова, 1990, рис. 42; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IV.-5; и др.).

Плохая сохранность костяных псалиев, обнаруженных вместе с удилами в каменном ящичке оградки XX-Ж, не позволяет осуществить точную атрибуцию этих изделий (рис. 4: 2; 5: 4). Судя по всему, это были стержневые двудырчатые псалии, представляющие собой наиболее архаичную для раннего Средневековья форму таких предметов. Подобные находки зафиксированы в ходе раскопок нескольких объектов раннего этапа культуры тюрков, которые могут быть отнесены к концу V–VI в. н. э. (Савинов, 1982, рис. 3.-2; Могильников, 1994, рис. 19, 25). Отметим, что костяные двудырчатые псалии продолжали использоваться и во второй половине VI – первой половине VII в. н. э., о чем свидетельствуют предметы из исследованных погребальных и «по-

минальных» комплексов Алтая и сопредельных территорий (Гаврилова, 1965, табл. VII.-1, XX.-36; Суразаков, 1982, рис. 2.-7; Худяков, 1999, рис. 2.-2; и др.). В памятниках катандинского этапа культуры раннесредневековых тюрков подобные изделия уже не встречаются, их сменяют костяные псалии с железными скобами (Гаврилова, 1965, рис. 8.-10; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-7; и др.).

Железные подпружные пряжки, найденные в ходе раскопок оградок XVI-B и XX-Ж-3 (рис. 4: 3–7), относятся к типу бесщитковых, с подвижным язычком, закрепленным на основании округлой или подпрямоугольной рамки. Такие предметы имеют широкую хронологию бытования – с последней четверти I тыс. до н. э. и вплоть до этнографической современности (Матренин, 2017, с. 42). В погребальных и «поминальных» комплексах тюрков подобные изделия фиксируются уже с ранних этапов развития их культуры (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3.-6–12).

Так же маловыразителен с точки зрения хронологии железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой из одиночной оградки XVII (рис. 4: 8). Подобные универсальные орудия труда фиксируются в памятниках тюрков начиная с ранних этапов (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 4.-11–15) и бытовали на территории Алтае-Саянского региона на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. (Овчинникова, 1990, с. 56). Более показательным является железный однолезвийный черешковый нож с серповидной спинкой, обнаруженный в каменном ящичке объекта XIX-Д (рис. 4: 9). Близкая по характеристикам находка происходит из «поминальной» оградки XIV комплекса Кудыргэ, раскопанной А.А. Гавриловой (1965, табл. V.-3). В целом подобные изделия не характерны для раннего Средневековья, но встречены

Рис. 5. Кудыргэ. Инвентарь из оградок.

Fig. 5. Kudyrga. Inventory from enclosures.

в ходе исследований комплексов жу-жанского времени (Грач, 1966, рис. 29.-2; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-19).

Таким образом, учитывая зафиксированные особенности конструкций, а также возможности определения времени бытования обнаруженных предметов, публикуемые «поминальные» оградки комплекса Кудыргэ представляется возможным датировать в рамках второй половины V–VI в. н. э. и отнести к начальным этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков.

Заключение

Публикуемые оградки урочища Кудыргэ не только существенным образом расширяют сведения об известном могильнике, но также увеличивают информацию о памятниках, демонстрирующих особенности этнокультурных процессов на Алтае в раннетюркское время. Как показывают имеющиеся материалы, весьма важными в этом плане являются «поминальные» объекты восточной части рассматриваемого региона. Особенности конструкций и характеристики предметного комплекса, зафиксированные в ходе раскопок оградок комплекса Кудыргэ, отражают как

местные традиции, связанные с кочевниками сяньбийско-жужанского времени, так и новации, свидетельствующие о приходе новой группы населения. Судя по сформированным источникам, именно эти два компонента определили специфику процессов культурогенеза, происходивших на Алтае в середине I тыс. н. э.

Материалы раскопок тюркских «поминальных» объектов комплекса Кудыргэ, полученные в ходе исследований А.С. Васютина, подтверждают зафиксированные ранее особенности традиций кочевников. Характерными являются такие конструкции, как смежные оградки и небольшие каменные ящички; при этом отсутствуют рельефные каменные изваяния. Эти признаки, наряду с обнаруженным инвентарем, позволяют определить время сооружения публикуемых комплексов в рамках второй половины V–VI в. н. э. и отнести их к начальным этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков.

Интересной особенностью, нашедшей подтверждение в ходе раскопок уже более 30 оградок могильника Кудыргэ, является отсутствие стремян. Вместе с тем подобные находки выявлены в материалах целого ряда

синхронных «поминальных» памятников (Васютин, 1985, рис. 1.-13, 16; Могильников, 1994, рис. 2.-1, 13.-2-3; Серегин, Васютин, 2019, рис. 4, 6.-2; и др.). Безусловно, отмеченная характеристика не является случайной. Не исключено, что население, оставившее оградки комплекса Кудыргэ, еще не имело стремян – теоретически это возможно, учитывая, что время возведения рассматриваемых объектов относится к началу процесса распространения этой новации предметного комплекса на Алтае и сопредельных территориях. При этом вероятно также, что отсутствие стремян может объясняться спецификой обрядовой практики, не предполагавшей помещение таких предметов в процессе

возведения «поминального» сооружения.

В заключение подчеркнем перспективность дальнейших полевых исследований на комплексе Кудыргэ, а также на других известных памятниках Восточного Алтая. Нет сомнений в том, что системные раскопки погребальных и «поминальных» объектов жужанского времени и раннего Средневековья в этой части региона позволят детализировать представления по различным аспектам истории кочевников. Кроме того, важным направлением работ остается введение в научный оборот результатов исследований прошлых лет, остающихся неопубликованными.

Примечания:

² Сохранилось только описание оградки, чертежи и фотографии конструкций утеряны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев П.П.* Кудыргинский сюжет. Saint Petersburg: Изд-во ЛЕМА, 2010. 60 с.
2. *Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
3. *Васютин А.С.* Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 16 с.
4. *Васютин А.С.* Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // Археологические открытия 1982 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 193.
5. *Васютин А.С.* О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1985. С. 73–79.
6. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
7. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.
8. *Грач А.Д.* Исследования в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л.П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 81–107.
9. *Дашибалов Б.Б.* Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. 174 с.
10. *Длужневская Г.В.* Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 г. / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 230–237.
11. *Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
12. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
13. *Кубарев Г.В.* Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.
14. *Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

15. *Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

16. *Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

17. *Мозильников В.А.* Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175–212.

18. *Мозильников В.А.* Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

19. *Нестеров С.П., Милютин К.И.* Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.

20. *Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

21. *Руденко С.И., Глухов А.Н.* Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

22. *Савинов Д.Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении куррайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

23. *Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 32–46.

24. *Серегин Н.Н., Васютин С.А.* «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 123–143.

25. *Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

26. *Серегин Н.Н., Филиппович Ю.А.* Новая находка раннего пластинчатого стремени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 149–155.

27. *Серегин Н.Н., Шелепова Е.В.* Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

28. *Соенов В.И., Эбель А.В.* Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

29. *Суразаков А.С.* Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

30. *Суразаков А.С.* Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии) / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1992. С. 92–97.

31. *Тишкин А.А., Горбунов В.В.* Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

32. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

33. *Худяков Ю.С.* Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21–26.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заместитель проректора по научному и инновационному развитию. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент. Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); vasutin2012@list.ru

**EASTERN ALTAI IN THE EARLY TURKIC TIME:
«NEW» MATERIALS OF EXCAVATION OF THE KUDYRGE COMPLEX
(FROM THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF A.S. VASYUTIN)**

N.N. Seregin, S.A. Vasyutin

The article presents the excavation materials of a series of Turkic enclosures of the Kudyрге complex located in the Eastern Altai. These objects were investigated by the expedition under the leadership of A.S. Vasyutin in 1982. A detailed description of the studied early medieval enclosures was made based on the information presented in the reporting documentation on the results of excavations. An analysis of the recorded features of the structures, as well as the discovered objects, became the basis for the conclusion on the dating of structures within the second half of the 5th–6th centuries AD and attributing them to the initial stages in the development of the Turkic archaeological culture. It was established that the materials reflect both local traditions related with the nomads of the Syanbi-Rouran time and innovations that indicate the arrival of a new population group in the territory under consideration. Published objects, as well as other complexes, demonstrate the necessity of further field studies of the sites in East Altai dated by the pre-Turkic and Early Turkic periods for the reconstruction of complicated processes of cultural genesis in the Central Asian region in the middle of the 1st millennium AD.

Keywords: archaeological complex, the Turks, the early Middle Ages, enclosures, East Altai, chronology, cultural genesis.

REFERENCES

1. Azbelev, P. P. 2010. *Kudyrginskii siuzhet (Kudyрге Narrative)*. Saint Petersburg: "LEMA" Publ. (in Russian).
2. Bobrov, V. V., Vasyutin, A. S., Vasyutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
3. Vasyutin, A. S. 1983. *Kul'tovye pamiatniki drevnikh tiurok Gornogo Altaia (VII–X vv.) (Cult Monuments of the Ancient Turks of Gorny Altai (7th–10th cc.))*. PhD Diss. Kemerovo (in Russian).
4. Vasyutin, A. S. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1982 goda (Archaeological Discoveries 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 193 (in Russian).
5. Vasyutin, A. S. 1985. In Martynov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 23. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 73–79 (in Russian).
6. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art Publ. (in Russian).
7. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyрге kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyрге Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Grach, A. D. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 81–107 (in Russian).
9. Dashibalov, B. B. 2011. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biyskoe nasledie Baykal'skoy Sibiri (Antiquities of Hori Mongols: Hun-Xianbei Heritage of Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).
10. Dluzhnevskaya, G. V. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tyurkologicheskii sbornik 1974 g. (Collected Papers on Turkic Studies 1974)*. Moscow: "Nauka" Publ., 230–237 (in Russian).
11. Iliushin, A. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamiatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 157–169 (in Russian).
12. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia (Ancient Turkic Statues of Altai)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kubarev, G. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 10 (7), 219–235 (in Russian).
14. Mamadakov, Yu. T., Gorbunov, V. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory)* 2. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ.,

This work supported by the Russian Science Foundation (project №20-78-10037 «Early Turks of Central Asia: An Interdisciplinary Historical and Archaeological Research»).

115–129 (in Russian).

15. Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

16. Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In Soenov, V. I. (ed.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri (Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia)* 3–4. Gorno-Altaysk: “AKIN” Publ., 203–218 (in Russian).

17. Mogil'nikov, V. A. 1992. In Surazakov, A. S. (ed.). *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya (Materials for the study of the past of Gornyi Altai)*. Gorno-Altaysk, 175–212 (in Russian).

18. Mogil'nikov, V. A. 1994. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaia (Archaeological and Folklore sources on the History of the Altai)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 94–116 (in Russian).

19. Nesterov, S. P., Milyutin, K. I. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo, 156–177 (in Russian).

20. Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

21. Rudenko, S. I., Glukhov, A. N. 1927. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 2 (III). Leningrad, 37–52 (in Russian).

22. Savinov, D. G. 1982. In Konopatskiy, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoi Azii (Archaeology of Northern Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 102–122 (in Russian).

23. Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 32–46 (in Russian).

24. Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2020. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 1, 123–143 (in Russian).

25. Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. (The burial rite of the Altai nomads in 2nd century BC – XI century AD)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

26. Seregin, N. N., Filippovich, Yu. A. 2018. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 149–155 (in Russian).

27. Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n.e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia (Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd Half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation)*. Barnaul: “Azbukа” Publ. (in Russian).

28. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory)* 2. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 103–115 (in Russian).

29. Surazakov, A. S. 1982. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and Ethnography of Altai)*. Barnaul: Altai State University Publ., 121–136 (in Russian).

30. Surazakov, A. S. 1992. In Tomilov, N. A. (ed.). *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii) (Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and related territories (according to archaeology data))*. Omsk: Omsk State University Publ., 92–97 (in Russian).

31. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2005. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Bi-yke (Gornyy Altay) (Complex of Archaeological Sites in the Valley of the River Biike (Mountain Altay))*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

32. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 6. Barnaul: Altai State University, 14–32 (in Russian).

33. Khudiakov, Yu. S. 1999. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 21–26 (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences. Deputy Vice-Rector, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Vasyutin Sergey A. Doctor of Historical Sciences. Associated Professor. Kemerovo State University. Krasnaya Street, 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; vasutin2012@list.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

К ВОПРОСУ О САКРАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА КАГАНА¹

© 2022 г. З.С. Самашев, А.К. Айткали, Е. Толегенов

В статье авторами приводятся результаты археологических исследований, произведенных на культово-мемориальном комплексе Елеке сазы. Памятник является единственным известным на сегодняшний день древнетюркским культово-мемориальным сооружением «каганско-княжеского» облика в Казахстане. Среди найденных в храме вещей выделяются образцы художественного творения древнетюркских мастеров-торевтов, в частности, элементы наборного пояса, которые определены как высшие знаки отличия и символы власти представителя элиты. Подробно описана жанровая композиция на лицевой поверхности двух золотых бляшек наборного пояса, а именно, коронованная персона на зооморфном троне в канонической позе в сопровождении коленапоклоненных слуг. Кроме того, по отдельности рассматриваются атрибуты и элементы костюма персонажа. Особое внимание уделено трону, кубку, сложносоставной короне и двум ниспадающим с нее лентам. В целом, изображения на двух накладных бляшках трактуются как образы «великого кагана» из рода ашина. Рассматриваемые бляшки с изображением кагана, не находят точных аналогии в материалах средневековых памятников Евразийских степей и могут быть датированы периодом ранних тюрков. Опубликованные материалы дополняют наши представления о материальной и художественной культуре населения древнетюркской эпохи.

Ключевые слова: археология, древнетюркская культура, Восточный Казахстан, Тарбагатайский район, Елеке сазы, культово-поминальный комплекс, художественные творения, парадный пояс, изображение кагана, трон, корона.

Введение

В настоящей работе публикуются материалы, полученные Тарбагатайской археологической экспедицией под руководством д.и.н. З. Самашева в 2021 г. при исследовании культово-мемориального комплекса древнетюркского времени Елеке сазы (рис. 1). Памятник расположен на территории Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области, в 95 км к юго-юго-западу от поселка Аксуат, на третьей надпойменной террасе правого берега реки Каргыба, на восточном участке могильного поля.

Исследуемый памятник по своим характеристикам полностью соответствует статусу так называемых «каганско-княжеских» (по терминологии В.Е. Войтова), обозначенных в древнетюркских письменных источниках как *baŋq* (Древнетюркский словарь, 1969, с. 84). Они маркировали сакрализованное пространство древ-

нетюркского эля (*qoŋuŋ* «коруг», т. е. оберегать, заповедное место) и связаны в первую очередь с обожествлением образа умершего кагана (Войтов, 1996, с. 76–79).

При анализе и интерпретации материала использованы прежде всего традиционные археологические способы изучения, в числе которых описание, картографирование, анализ планиграфии памятника, метод аналогий, элементы сравнительно-типологического анализа. Кроме того, в работе реализован междисциплинарный подход, выраженный в использовании результатов исследования археологического материала при помощи спектрального анализа.

В целом исследование основано на изобразительном материале, который происходит с территории распространения раннесредневековой тюркской культуры. Поэтому для сравнения привлекаются и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, в рамках проекта: AP09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана: истоки и трансформация»

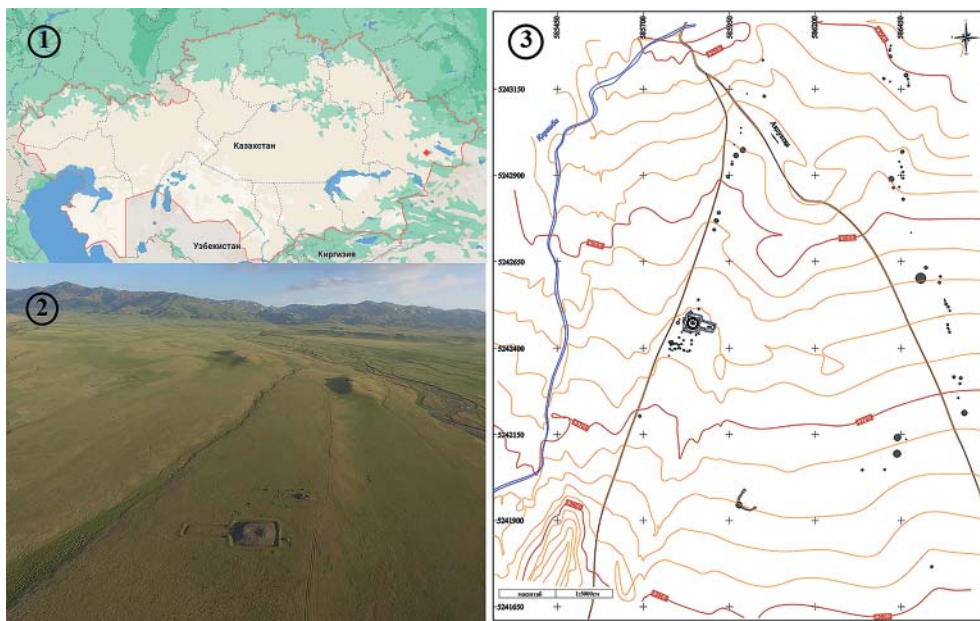

Рис. 1. Локализация памятника: 1 – расположение памятника на карте Казахстана; 2 – месторасположение памятника в долине Елеке сазы; 3 – расположение памятника на топографическом плане.

Fig. 1. Localization of the monument: 1 – map of the location of the monument; 2 – location of the monument in the Elek sazy valley; 3 – the location of the monument on the topographic plan.

материалы с сопредельных территорий.

Характеристика комплекса. Елексазинский комплекс состоит из двuedиногo каменно-земляного сооружения. Центральный элемент – храм подквадратной в плане формы, и примыкает к нему с восточной стороны сложносоставной «коридор», как выяснилось позже, с лабиринтом (рис. 2). Общая длина комплекса по направлению восток – запад составляет 90 м, максимальная ширина – 51 м.

Из этого комплекса происходит каменная статуя, квалифицируемая как каганская (рис. 3). Подобные древнетюркские скульптуры преимущественно обнаружены на территории Северной Монголии и в других регионах расселения средневековых древнетюркских народов (Самашев, 2012, с. 400–419).

Памятник представляет интерес для исследования как религиозно-иде-

ологических явлений, так и технико-технологических аспектов архитектурного искусства древнетюркского общества. Сравнительно-историческое изучение архитектуры Елексазинского комплекса позволит определить его место в системе памятников, возникновение которых тесно связано с этнокультурными и этнополитическими событиями в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. Возникновение культово-поминального комплекса на Тарбагатае отражает некоторые этносоциокультурные процессы в центре Азии, связанные с выходом на историческую арену древних тюрков (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 74, 87).

Комплекс планиграфически и по некоторым другим параметрам сопоставим с «каганско-княжескими» культово-мемориальными памятниками на Орхоне, наиболее известные из которых возникли в период суще-

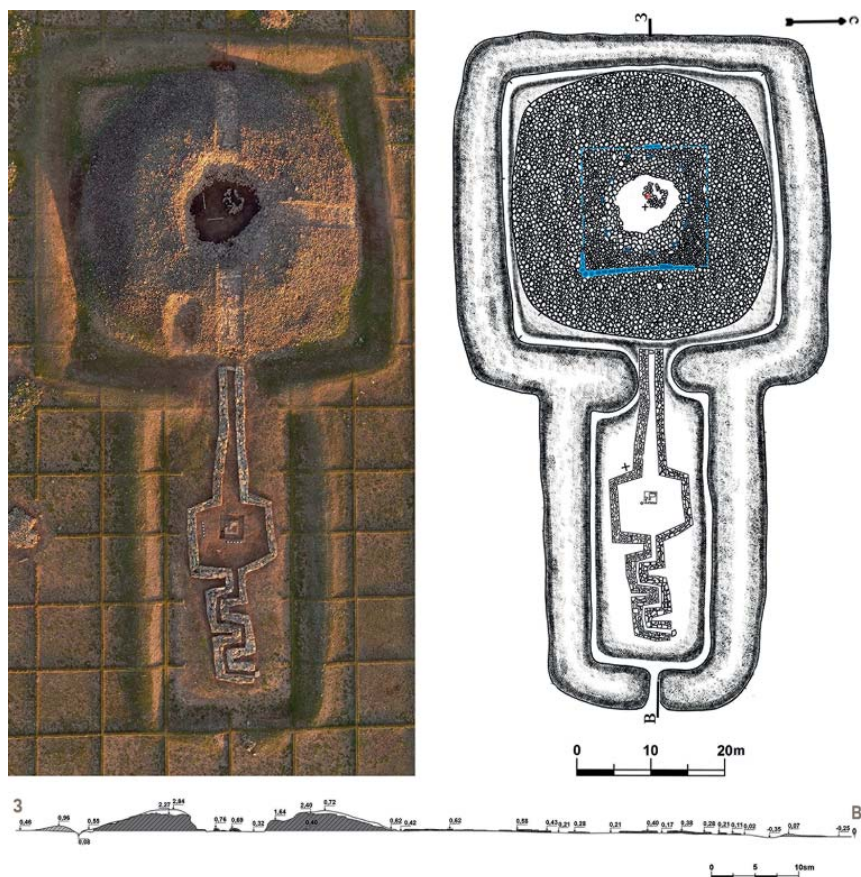

Рис. 2. План и профиль памятника.
Fig. 2. Plan and profile of the monument.

ствования Второго Тюркского каганата (в честь Кюльтегина – в 731 г., Бильге кагана – в 734 г., и других). В это время тюркская империя находилась в тесных военно-политических, этнокультурных отношениях с Танским Китаем, что являлось фактором культурного взаимопроникновения (Шефер, 1981; Хаславская, 2000, с. 189–195). Однако наибольшую близость он обнаруживает с памятником на горе Шивээт улаан в Центральной Монголии, возведенным в честь основателя Второй Тюркской империи Елтерис кагана предположительно в 693 г. (Самашев и др., 2016). Некоторые исследователи ему приписывают также Онгинский комплекс (Малов, 1959, с. 7; Максуди, 2002).

В то же время некоторые элементы конструкции Елекесазинского комплекса отличаются от «классических» барьков, где отсутствуют лабиринты-коридоры. В подобных памятниках устанавливается большое количество скульптурных изображений представителей различных социальных групп общества, зооморфные и полиморфные статуи с охранительными и иными символическими функциями. Считается, что такие комплексы символизируют структуру государственного устройства каганата.

Анализ и обсуждение. Основная масса вещей найдена внутри каменной ограды на дне храма, вперемешку с золой и мельчайшими кальцинированными костями и камнями

Рис. 3. Статуя кагана из Елеке сазы.

Fig. 3. Statue of a khagan from Eleke sazy.

(рис. 4). Это фрагментированные и целые предметы из золота, серебра, железа и кости. Среди них выделяются элитные и рядовые типы вещей, другие трудноопределимы. Вероятно, часть из них принадлежала умершему кагану, а другая оставлена участниками акта сожжения покойного как свидетельство сопричастности к таинству провода его бессмертной души в инобытие (в качестве воина, соратника?). С данными представлениями вероятно связаны найденные на разных участках дна храма преднамеренно закопанные наборы вещей – приклады.

Из числа находок в пределах ограды отметим две золотые (рис. 5: 1–2) и одну серебряную пряжки (рис. 5: 3), орнаментированные геометризированными узорами накладки (рис. 5: 4–23). Изображенная на накладках четырехлепестковая розетка с акцентированно большим кругом в центре является излюбленным мотивом украшений поверхностей различных предметов с древнейших времен до наших дней (Стюарт, 2020, с. 71–88). Украшения сердцевидной формы известны и по материалам сросткинской культуры (Горбунов и др., 2020, с. 246).

Золотые украшения, найденные внутри ограды на месте сожжения, относятся к комплектам наборных поясов. С учетом неординарных изображений на двух накладных бляшках, предположительно «великого кагана» (или каганов) из рода Ашина, следует определить наборные пояса как высшие знаки отличия и символы власти (Добжанский, 1990, с. 45–80).

Кроме того, интерес представляют маленькие сердцевидные поясные бляшки, оформление лицевых сторон которых вызывает ассоциации с головой барана. Похожие элементы зооморфизма присутствуют, например, на поясной гарнитуре из погребения Юстыд XXIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 50).

Далее рассмотрим подробнее изображения на накладных бляшках для подвески.

Первая бляшка для подвесного ремня. Состояние бляшки, найденной на месте сожжения под крупным окатанным камнем, в целом удовлетворительное (рис. 6). Она состоит из (лицевой) накладки-оправы для подвесного ремня с рельефными изображениями, зажимной пластины, с оборотной стороны точно повторяющей ее контуры, гвоздей, с помощью ко-

Таблица 1

Результаты спектрального анализа золотых бляшек с изображением кагана

Предмет	Элемент	%
Бляшка-1	Au	95.6960
	Ag	1.9258
	Zn	1.0791
	Mg	0.5926
	Pd	0.4002
	Cu	0.2996
Бляшка-2	Au	95.6417
	Ag	1.9662
	Zn	1.1555
	Mg	0.7312
	Pd	0.3278
	Cu	0.1778
	Ag	6.3342
	Fe	0.5511
	Pd	0.4784
Cu	0.2527	

Примечание: выполнил оператор А. Садибеков, Восточно-Казахстанский технический университет, Усть-Каменогорск, Казахстан.

торых прикрепляли изделие к полосе кожаного ремня.

Само изделие кроме золота включает в свой состав серебро, цинк, магний, свинец и немного меди (результаты спектрального анализа (табл. 1). Гвозди, что очень интересно, кроме золота содержат много серебра и цинка. Последний значительно облегчает плавку металла (Кубарев, 2005, с. 53).

Общие контуры изделия сохранились неплохо, однако на лицевой части между изображениями трона и фигурой слуги слева образовалось повреждение, видимо, за счет сильно направленного огня, в виде расплавленного углубления с небольшим отверстием. Бляшка имеет сегментовидное (портальное) очертание, края оформлены девятью лепестковидными выступами-фестонами с едва загнутыми в лицевую сторону тонкими бортиками. Длина – 3 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,3 см.

Верхние пять выступов-лепестков образуют некий «облачный» фон, напоминающий спинку трона с волнистыми контурами, украшенного

растительными узорами в виде свисающих листьев и круглых плодов.

Два нижних боковых выступа преднамеренно выполнены заметно шире, чтобы на нем поместить изображение фигур еще двух персон, сидящих на коленях, очевидно, придворных или слуг.

В нижней части изделия имеется овально вытянутое отверстие – прорез с закругленными углами для подвесного ремня, со слабым бортиком и треугольным выступом посередине. Прорез имеет, как и некоторые образцы, в середине верхней части так называемый «мысок» (Распопова, 1980, с. 89). Последний элемент как бы завершает снизу вертикальную ось симметрии, идущую от «облака-лепестка» над короной кагана и завершающуюся на точке снизу, где соприкасаются пятки ног сидящего на троне персонажа.

На оборотной стороне изделия сохранились частично расплавленная огнем пластина для зажима кожаного ремня и золотые гвоздики-шпеньки, предназначенные для крепления бляшки к ремню. Архитектоника из-

Рис. 4. Место, где совершалась кремация и обряд подношения.

Fig. 4. The place where the cremation and rite of offering took place.

делия проработана очень тщательно и строго подчинена основной задаче – изобразить на ограниченной поверхности прокламативный сюжет, наглядно раскрывающий сакральную природу власти в древнетюркском обществе через лаконичный, но строго реалистичный образ коронованного государя, величаво восседающего на троне в канонизированной позе и в окружении подданных или слуг.

Изделия можно рассматривать с искусствоведческих позиции как произведения тюревтики малых форм с оригинальным антропоморфным декором (Король, 2008, с. 73). Далее рассмотрим атрибуты и элементы костюма персонажа по отдельности и жанровую композицию, изображенную на лицевой поверхности изделия.

На голове кагана изображена сложносоставная корона – атрибут, являющийся сакральным символом легитимности и божественного происхождения неограниченной власти повелителя. В деле сакрализации власти у древних тюрков (равно как у многих других народов) короне как символу организованного по осям пространства принадлежит особая роль, поскольку она зримо выражает идею божественной воли, ниспослан-

ного сверху права ее обладателю повелевать живущими на «бурой» земле.

На лобовой части короны расположен основной вертикальный щит с аркообразно закругленным верхом. Именно этот элемент является носителем основной семантической нагрузки и, возможно, был украшен ступенчатыми или лепесткообразными внешними выступами. В силу того, что изделие подверглось сильному воздействию огня, многие детали оказались расплавленными. Однако, судя по традиционной для древнетюркской элиты символике, можно предположить, что передний щит мог быть украшен эмблемой в виде объемной фигуры птицы – феникса.

По бокам расположены два закругленных сверху зубца, заметно наклоненных в наружные стороны. Эти элементы обычно прикрепляются к широкой горизонтальной пластинчатой основе короны, которые во многих случаях богато инкрустируются и дополняются треугольными зубцами или бордюрными обрамлениями. Отличительной особенностью короны, изображенной на голове кагана, является то, что четвертый расположенный на задней части лепесткообразный щит значительно превосходит по размерам все остальные,

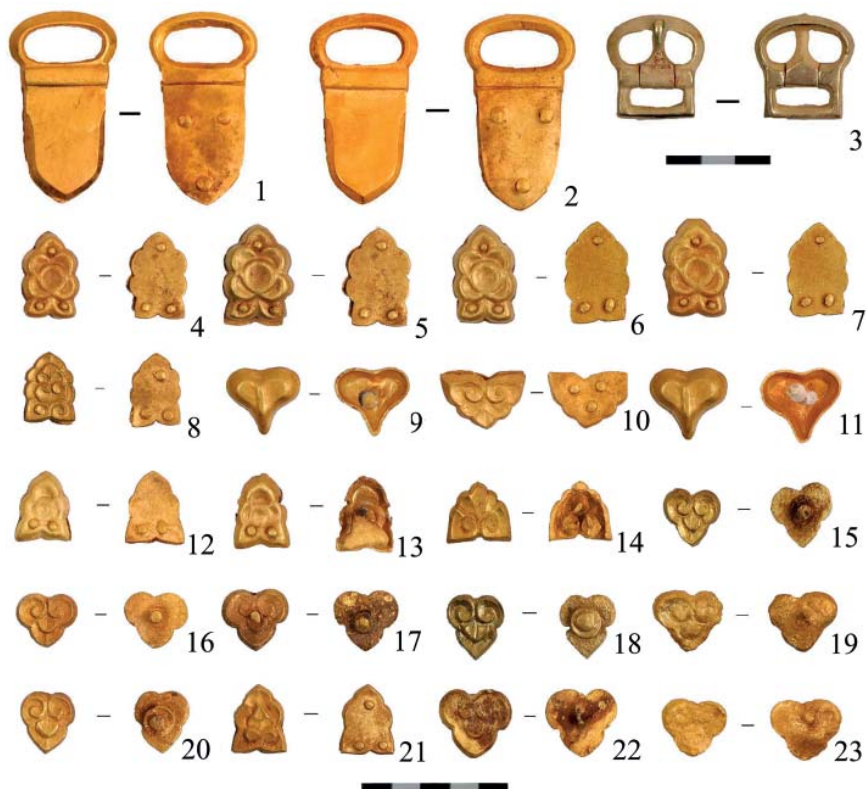

Рис. 5. Составные части наборного пояса: 1–3 – пряжки; 4–23 – бляшки.

Fig. 5. Components of the belt: 1–3 – buckles; 4–23 – plaques.

что придает данному сакральному атрибуту власти конструктивное своеобразие и особую семантическую значимость.

По сторонам короны показаны две ниспадающие ленты, которые создают вокруг головы кагана и до уровня груди симметричную окружную фигуру, а их раздвоенные и заостренные концы, проходя под плечевым изгибом, направлены вверх.

Включение ленточного элемента в качестве важного компонента церемониального облачения при создании иконического образа древнетюркского кагана придает анализируемой жанровой композиции особенный колорит. В то же время ясно, что это не заурядный декор, усиливающий орнаментальное поле, а важнейший носитель сакрального смысла, связан-

ного с правом на верховную власть, даруемую небом.

В этой связи интересным представляется зафиксированный в письменных источниках миф о сдавливании горла шелковой тканью во время интронизации претендента на престол (Бичурин, 1950, с. 229), т. е. включение в официальную эмблему государя такого элемента не носит сугубо декоративный характер, а имеет глубокий смысл, порожденный самой идеей о божественном происхождении самой власти и сложившимися в древнетюркском обществе способами ее сакрализации. Если обряд символического удушения (лентой!) будущего повелителя и последующее обожествление его образа действительно имело место в древнетюркском обществе, то он мог быть заимствован из типо-

Рис. 6. Золотая бляшка-1 с изображением коронованного кагана на троне (фото Н. Постникова)

Fig. 6. The first plaque from a type-setting belt with the image of a crowned khagan on the throne (photo by N. Postnikov)

логически близкого обряда избранничества в шаманстве. Изображение ленты вокруг головы в виде некоего ореола придает композиции на бляшке из Елеке сазы на Тарбагатае особую торжественность и в то же время подчеркивает небесное происхождение тюркского императора с эпитетом «небоподобный, неборожденный».

Не исключено, что фигурно оформленная лента, пропущенная под подмышками кагана, скорее всего, кодифицирует явления в религиозно-мифологической системе древних тюрков, испытавших на этом этапе своего развития сильное влияние манихейского религиозно-философского учения и поднявшегося в ряде регионов тюркского мира на уровень государственной религии (Нуржанов, Терновая, 2020, с. 103; Стеблева, 1972, с. 213–220; Кызласов, 1999, с. 10–41).

Манера пропускать специальную цветную ленту через плечевой изгиб рук была характерна, судя по сюжетам настенных росписей Восточного Туркестана, для изображений божеств манихейского пантеона. Изображение

древнетюркского кагана с такой символикой и в специфической иконографической манере церковной росписи уподобляет его манихейскому Верховному божеству.

Далее из предметных изображений отметим кубок для традиционного священного напитка в правой руке. Аналогичной формы сосуд известен в составе сокровища Бильге кагана.

Наиболее интересный элемент всей жанровой композиции – трон. Древнетюркский император показан сидящим на троне, который является одним из главных атрибутов и символов его неограниченной сакральной власти.

С особой тщательностью выполнена вся передняя часть коня: голова, шея, грудь, передние ноги. Головы животных с острыми ушами показаны посаженными на изящные шеи с гривами; они направлены не вперед, как у типичных подлокотников, а в противоположные стороны. Поэтому эти скульптурные изображения квалифицировать как подлокотники, видимо, не следует. Возможно, ос-

Рис. 7. Золотая бляшка-2 с изображением коронованного кагана на троне (фото Н. Постникова)

Fig. 7. The second plaque from a type-setting belt with the image of a crowned khagan on the throne (photo by N. Postnikov)

нову данного типа трона составляют соединенные по горизонтали скульптуры передних частей животных (лошадь, олень, баран и др.). В таком варианте само сидение покрывается шкурой зверя (возможно, барса, тигра).

На бляшке из Елеке сазы трон тюркского императора изображен без спинки. Такие троны могли быть использованы в походных условиях и при проведении важных государственных мероприятий в ставках. Укажем на изображение аналогичного типа трона (со скульптурами передней части оленя с передними ногами копытцами) с накинутым на поверхность ковром на стеле Мунгут-хяса в Западной Монголии, впервые изученное Г.Н. Потаниным в 1876–1877 гг., заново скопированное Д. Баяром в 1996 г. (Баяр, 2007, с. 63–76).

Изображение из Монголии, возможно, демонстрирует особый (походный?) вариант зооморфного типа трона без спинки. Можно было бы допустить, что ювелир на ограниченной поверхности изделия в целях оптими-

зации решил совместить изображение спинки трона с общей конфигурацией подвесной бляшки и что из-за трудности показать объемные подлокотники в перспективе мог развернуть скульптурные головы лошадей в профиль, в противоположные стороны. Однако более вероятным представляется то, что такие троны изначально не имели спинок, характерных для дворцовых приемов.

Следует заметить, что атрибутика власти, в которой важное место принадлежит трону и короне тюркского императора, слабо освещена в научной литературе, поскольку ученые оперировали лишь данными письменных источников из-за малочисленности или отсутствия их материализованных остатков или изображений. В древнетюркском тексте сказано, что «...по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины я стал ханом; когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть, (теперь) радуясь смотрели кверху (на трон) спокойными глазами. Когда я сам воссел на трон,

то я стал осуществлять столь крепкую власть (над народами), жившими по четырем углам (т. е. по странам света)» (Малов, 1959, с. 20).

Из предметных изображений на этой бляшке отметим блюда в руках коленопреклоненных слуг в нижней части композиции. Заметим, что такие блюда имеются в составеклада из кульгово-мемориального комплекса Бильге кагана.

Вернемся к образу самого кагана, изображенному на лицевой поверхности подвески-бляшки от парадного пояса. Под короной просматриваются плотно заплетенные в косички волосы, которые падают на плечи. Заметно, что лицо кагана изначально было проработано очень тщательно с подчеркиванием его индивидуальных черт, но в результате воздействия сильного огня на поверхность изделия облик серьезно потускнел. В верхней части изображения можно увидеть слабые следы традиционного треугольного лацкана халата, также на поясе слабо просматриваются следы ремня и складок одежды. Ближе к коленям будто бы просматриваются раздвоенные полы халата. Явных признаков изображений оружия нет.

На бляшке зафиксирована каноническая поза властителя, выработанная для зримого восприятия его образа во время официальных приемов и иных церемоний. Особую выразительность и некоторую суровость динамичной фигуре повелителя придают положение согнутой в локтевом суставе левой руки, которая покоится на бедре и резко раздвинутые в стороны колени. Складки выпущенных поверх голенища сапог брюк также усиливают восприятие благородного образа «небесного» кагана.

Образец роскошных парадных брюк с великолепными узорами и не заправленных в сапоги показан на скульптурном изображении персонажа из кульгово-мемориального ком-

плекса на горе Шивэт уул на Орхоне, но особенно наглядно, с глубокими складками – на статуе из Огомора в Монголии. Вероятно, прототипами таких брюк являлись легкие широкие шаровары из шелковой ткани.

Вторая бляшка с изображением аналогичной композиции сильно повреждена – одна треть ее левой стороны расплавлена огнем и в результате полностью исчезли скульптурная голова лошади от трона и фигура коленопреклоненного персонажа с блюдом в руках, а также раздвоенные концы лент (рис. 7).

Однако на этой бляшке лучше сохранилось изображение трехрогой короны на голове кагана, которая имеет несколько иные конструктивные решения, нежели у персонажа, запечатленного на первой бляшке. Здесь лучше видны очертания лица, брови и глаз, но основание носа и подборок немного расплывчаты. Четко видны свисающие с головы до плеч волосы и местами закрученные фрагменты косичек. Ступни ног кагана показаны направленными в противоположные стороны, на рисунке четко просматриваются высокие каблуки и слегка заостренные носки обуви. Едва приподнятые носки сапог будто бы упираются с обеих сторон на опущенные концы шкур зверей, которыми покрыта поверхность седловины зооморфного трона.

Фигуры двух слуг (символы «кара будуна»?), помещенные в нижней части композиции и по сторонам отверстия для ремня, наглядно демонстрируют эпизод придворной церемонии подношения повелителю, сидя на одном колене, важного содержимого на блюде. Изображение облика коронованного кагана на троне и коленопреклоненных людей, возможно, являлось общеимперским символом. Можно предположить, что такую эмблему обязаны были иметь при себе высшие титулованные лица государ-

ства в той или иной форме (медальон на шее, на груди, перстень, наборный пояс и т. д.).

Наборный пояс с изображениями «великих каганов», вероятно, являлся инвестируемым предметом, получаемым младшими каганами при вступлении в должность (кагана удела) из рук повелителя Он ок эли. Ставка последнего, вероятно, находилась в Суябе и на Мынбулаке (Цянь-цюань), в районе Тараза или Мерке, после переноса его каганом Тун Шеху (Тон-ябгу) (Бичурин, 1950, с. 283, 284).

Интересно, что при разделении империи на десять уделов Шаболио Хилаши каган дал каждому шаду-правителю в качестве символа власти по одной (возможно, золотой?) стреле, и отсюда китайское название «десять Ше» (Бичурин, 1950, с. 286), т. е. «страна десяти стрел» (Кычанов, 2010, с. 128). Следовательно, можно допустить, что в качестве символа власти удельные правители ябгу, шад (анализ титулатуры см.: Кюнер, 1961, с. 327, 328; Кубатин, 2016) могли получить из рук императора Он ок эли, кроме золотой стрелы, и золотой пояс с изображениями великих каганов из дома Ашина (или с собственным изображением?).

Добавим, что монетная чеканка некоторых правителей *Он ок эли* (преимущественно в областях Среднеазиатского Междуречья) от собственного имени и с изображениями позволяет предполагать возможность

изготовления подобного рода продукции в государстве, при наличии политической воли. На монете одного из самых ярких правителей *Он ок эли*, упомянутого выше Тун ябгу, имелось оригинальное изображение, которое интерпретируется Г. Бабаяровым как «Божественный Тун джабгу-каган», что очень важно и для анализа иконографии Елекесазинских каганских изображений на зооморфном троне (Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 62–69; Тишин, 2021, с. 140–144).

Заключение.

Вопрос, какие исторические личности изображены на золотых бляшках наборного пояса из Елеке сазы, пока остается открытым. Можно предположить, что изображены личности, божественный образ которых, безусловно, признавался и почитался во всем древнетюркском мире. Таковыми могли быть основатели Великого тюркского каганата Бумын или Ту-мэнь и-ли кэ-хань (Тишин, 2019, с. 133) и Мухань каган (552–572), при последнем тюрки достигли максимального могущества своего объединения (Ганиев, 2017, с. 189). Вместе с тем наравне с Бумын-каганом как один из основателей государства назван Истеми (Дизабул) ябгу-каган (умер в 575 году), который считался «каганом десяти племен» (Малов, 1951, с. 36; Кляшторный, 2005, с. 93), иконографический образ которого также мог быть запечатлен на нашем инвестируемом предмете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории нумизматики Западно-Тюркского каганата. Saarbrücken: Lap Lambert, 2014. 190 с.
2. Баяр Д. Уникальный памятник древнетюркского искусства в Западной Монголии // Тюркологический сборник-2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 63–76.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: АН СССР, 1950. 382 с.
4. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
5. Ганиев Р.Т. Политика первых каганов и возвышение тюрков в Центральной Азии (534–572 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 189–201.

6. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сrostкинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 234–247.

7. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Новосибирский университет, 1990. 164 с.

8. Древнетюркский словарь / Отв. ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 715 с.

9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

10. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

11. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

12. Кубатин А.В. Система титулов в тюркском каганате: генезис и преемственность. Ташкент: Yangi nashr, 2016. 192 с.

13. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии / Открытие государственной религии древних хакасов. Манихейский семинар. Вып. 1. М.-Абакан: Университетская библиотека, 1999. С. 10–41.

14. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

15. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 392 с.

16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1951. 92 с.

17. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: АН СССР, 1959. 112 с.

18. Нуржанов А.А., Терновая Г.А. К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII вв. (по материалам археологии) // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 99–112.

19. Распопова В.Д. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 136 с.

20. Максуди С.А. Тюркская история и право. Казань: Фан, 2002. 412 с.

21. Самашев З. Древнетюркские каменные статуи в контексте ритуала // Turkic World Almanac / Отв. ред. Ш. Ибраев. Astana: Фолиант, 2012. С. 400–419.

22. Самашев З., Цэвэндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культовомемориальный комплекс Шивээт Улаан. Астана: Филиал института археологии, 2016. 272 с.

23. Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1972. С. 213–226.

24. Стюарт Ч.Э. Четырехлепестковая миндалевидная розетка в Центральной Азии // Вестник международного института центральноазиатских исследований. 2020. Вып. 30. С. 71–88.

25. Тишин В.В. Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 130–150.

26. Тишин В.В. Некоторые вопросы изучения погребальной обрядности кочевников древнетюркского круга: новые решения в свете письменных источников // Altaistics, Turcology, Mongolistics. 2021. № 3. С. 22–63.

27. Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 189–195.

28. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.

Информация об авторах:

Самашев Зайнолла Самашевич, доктор исторических наук, профессор, Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); archaeology_kz@mail.ru

Айткали Азат Калыулы, доктор Ph.D, директор, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); Старший преподаватель, Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); azza_semsk@mail.ru

Толегенов Ерлик, магистр, научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел» (Усть-Каменогорск, Казахстан); yerlik_t@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE SACRALIZATION OF THE IMAGE OF THE KAGAN

Z.S. Samashev, A.K. Aitkali, Ye. Tolegenov

The article refers to the archaeological research carried out at the memorial complex Eleke sazy. The monument is the only known to date ancient Turkic memorial structure of the khagan appearance in Kazakhstan. Among the things found in the temple, samples of the artistic creation of the ancient Turkic masters stand out. The authors especially note the elements of the type-setting belt, which are defined as the highest insignia and symbols of power of the elite. The genre composition on the front surface of two gold plaques of a type-setting belt is described in detail. They depict a crowned character on a zoomorphic throne, accompanied by servants. The attributes and elements of the character's costume are considered separately. Particular attention is paid to the throne, goblet, composite crown and two ribbons. In general, the images on two overlaid plaques are interpreted as the image of the "Great Khagan" from the Ashina clan.

Keywords: archeology, ancient Turkic culture, East Kazakhstan, Tarbagatai region, Eleke sazy, memorial complex, works of art, parade belt, images of the khagan, throne, crown.

REFERENCES

1. Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. *Ocherki po istorii numizmatiki Zapadno-Tyurkskogo kaganata (Essays on the history of numismatics of the Western Turkic Khaganate)*. Saardbrucken: "Lap Lambert" Publ. (in Russian).
2. Bayar, D. 2007. In Kliashtorny, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2006 (Collected Papers on Turkic Studies 2006)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 63–76 (in Russian).
3. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
5. Ganiyev, R. T. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 1. 189–201 (in Russian).
6. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 234–247 (in Russian).
7. Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Typesetting belts of the nomads of Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ. (in Russian).
8. In Nadelyaev, V. M. et al (eds.). 1969. *Drevnetiurkskiy slovar' (Old Turkic Dictionary)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Kliashtorny, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii (The Empires of the Steppes of Ancient Eurasia)*. St.-Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).
10. Korol', G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki (The Art of the Medieval Eurasian Nomads. Essays)*. Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) V. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
11. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Monuments))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, within the framework of the project: AP09260487 "Ancient Turkic cultural complex of East Kazakhstan: origins and transformation"

12. Kubatin, A. V. 2016. *Sistema titulov v tyurkskom kaganate: genezis i preemstvennost'* (Title system in the Turkic Khaganate: genesis and succession). Tashkent: "Yangi nashr" Publ. (in Russian).
13. Kyzlasov, L. R. 1999. In *Otkrytie gosudarstvennoy religii drevnikh khakasov. Manikheyskiy seminar* (Discovery of the state religion of the ancient Khakas people. Manichean seminar) 1. Moscow-Abakan: "Universitetskaya biblioteka" Publ., 10–41 (in Russian).
14. Kychanov, E. I. 2010. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)*. The History of the Ancient and Medieval States Adjacent to China (from the Huns to the Manchu). St.-Petersburg: "Peterburgskoye lingvisticheskoye obshchestvo" Publ. (in Russian).
15. Kyuner, N. V. 1961. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* (Chinese reports about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East). M.: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
16. Malov, S. E. 1951. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* (Monuments of ancient turkic writing. Texts and studies). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
17. Malov, S. E. 1959. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* (Monuments of ancient turkic writing in Mongolia and Kyrgyzstan). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
18. Nurzhanov, A. A., Ternovaya, G. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya* (The Volga River Region Archaeology), 34 (4), 99–112 (in Russian).
19. Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda* (Metal Articles of Early Medieval Sogd). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Maksudi, S. A. 2002. *Tyurkskaya istoriya i pravo* (Turkic history and law). Kazan: "Fan" Publ. (in Russian).
21. Samashev, Z. 2012. In Ibraev, Sh. (ed.). *Turkic World Almanac*. Astana: "Foliant" Publ., 400–419 (in Russian).
22. Samashev Z., Tseveendorzh D., Ongaruly A., Chotbaev Ch. *Drevnetyurkskiy kul'tovopominal'nyy kompleks Shiveet ulaan* (Ancient Turkic Cult-Memorial Complex Shivet Ulaan). Astana: "Filiial instituta arkheologii" Publ. (in Russian).
23. Stebleva, I. V. 1972. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1971: (Collected Papers on Turkic Studies 1971)*. Moscow: "Nauka" Publ., 213–226 (in Russian).
24. Styuart, Ch. E. 2020. In *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy* (Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies) 30, 71–88 (in Russian).
25. Tishin, V. V. 2019. In *Vostok (Oriens)* (3), 130–150 (in Russian).
26. Tishin, V. V. 2021. In *Altaistics, Turcology, Mongolistics* (3), 22–63 (in Russian).
27. Khaslavskaya, L. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii* (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 189–195 (in Russian).
28. Shefer, E. 1981. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan* (The Golden Peaches of Samarkand). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Samashev Zainolla S. Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, archaeology_kz@mail.ru

Aitkali Azat K. Ph.D., Director, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, azza_semsk@mail.ru

Tolegenov Yerlik, Master, Researcher, Berel State Historical and Cultural Museum. Kaisenova St. 40, Ust-Kamenogorsk, 070000, Republic of Kazakhstan, yerlik_t@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ НА КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2022 г. С.Ш. Кубаев

В культуре древнего мира символика растений имела особое значение. Не зря в мифах у многих народов мира появлялись легенды, связанные с растениями. С эпохи палеолита в хозяйстве древних людей особое место отводилось собиранию плодов и корней растений. Также они знали, что растения были кормом для большинства диких животных, которые давали основную часть протеина для организма человека. В поисках съедобных растений они умело изучали окружающую их фауну. Таким образом, появились первые знания о своеобразных свойствах растений окружающего их мира. Эти лекарственные растения употреблялись в сыром виде, или из некоторых изготавливались «божественные напитки» или «напитки бессмертия», которые в начале своего появления имели также лекарственные свойства или использовались в качестве аперитива, а также “поднимали настроение” людей. Поэтому в изобразительном искусстве часто встречаются изображения этих растений. Если в древности скалы и камни были основными объектами, на которых люди создавали свои первые изображения, то позже эту роль стали играть керамические изделия. В ходе археологических раскопок на памятнике Хантепа, расположенного вблизи города Карши, Республики Узбекистан были найдены фрагменты сосуда с орнаментом растений. Исследование данной находки позволило нам обратить внимание на символику растений в искусстве различных культур народов мира. Новые исследования ещё раз доказывают, что храмы Средней Азии также были первыми медицинскими учреждениями, где изготавливались первые лекарства.

Ключевые слова: археология, керамика, растения, Хантепа, Средняя Азия, сома, хаома, ель, виноград, гранат, эфедра..

В ходе археологических раскопок на памятнике Хантепа, расположенном вблизи города Карши Республики Узбекистан, были найдены фрагменты керамических сосудов с удивительным растительным орнаментом. Первый из них – фрагмент кубка, у которого на туловище изображены листья и стебель растения (рис. 1). Листья растения супротивные, сидячие или стеблеобъемлющие, цельнокрайние. Второе изображение сделано на туловище кувшинчика (рис. 2). Кувшинчик сферической формы, венчик и днище не сохранились. Тесто изделия изготовлено из хорошо отмученного грунта, без каких-либо примесей, в изломе красного цвета. На этом изображении видны стебель, а также два плода в виде трех круглых колец, не расположенных на стебле, и листья. Сверху орнамент покрыт жидким красным ангобом. Первая находка была получена с пола помещения 15, расположенного на юге святили-

ща. А вторая находка была сделана в самом святилище. Сопровождающий керамический материал с пола, где были найдены кубок и кувшинчик, датируется V–VI вв. н. э. По изображению формы плода, листьев данную находку можно интерпретировать как виноградник или эфедра. Но в обоих случаях можно сделать заключение, что кувшинчик был предназначен для важной церемонии – для хранения какой-либо ценной жидкости или мази (культовой, лекарственной, косметической). Исходя из этого, мастер постарался украсить свой продукт с особо почитаемыми для них изображениями растений. Исследование данной находки позволило нам обратить внимание на символику растений в искусстве разных культур народов мира.

До сегодняшнего дня на многих археологических памятниках Средней Азии также были найдены керамические изделия с изображениями

Рис. 1. Фрагмент кубка из памятника Хантепа.

Fig. 1. Fragment of a cup from the Khantepa monument.

растений. Изображения растений на керамических изделиях можно разделить на несколько групп:

Первая группа – изображения, выполненные с помощью натуральных красок (ангоб). В Средней Азии такие изображения встречаются с эпохи бронзы и до X–XII вв. н. э. Если в древний период геометрические фигуры встречаются чаще, чем растительный орнамент, то в Средневековье второе стало использоваться чаще. В Средневековье расписная керамика («псевдотрипольской») широко распространена на памятниках южной и северной частей Таджикистана, в северном Кыргызстане, по всей территории Узбекистана, в южном Казахстане и северном Афганистане (Соколовская, 2015, с. 94).

Вторая группа – изображения, выполненные на готовой керамике с помощью острого инструмента – прочерченный орнамент. Керамика с орнаментом в виде растений найдена на памятнике бронзового периода Сапалли (Аскаров, 1983, с. 73). «Арочная ёлка» на керамике из Сапалли – пока самое древнее изображение ели на керамике на территории Узбекистана (Аскаров, 1973, с. 73). Изображение «арочной ёлки» также часто встречается на памятниках Маргианны (Сарианиди, 2002, с. 99). В период поздней Античности и раннего Средневековья сосуды с такими изображениями ши-

роко распространяются в Ферганской долине (Максудов, 1997, с. 53–59). По данным исследователей, в позднеантичный период в Ферганской долине станковые горшки с процарапанными орнаментами составляют до 22% (Анарбаев, 2013, с. 409). Среди таких орнаментов также можно увидеть и изображения растений (рис. 3).

Третья группа – штампованный орнамент. В этой группе также растительный орнамент встречается часто. В частности, керамика с растительным штампованным орнаментом была найдена в раннесредневековых слоях памятников Кафырала и Пенджикента. Вышеотмеченный фрагмент кувшинчика из Хантепа относится к этой группе.

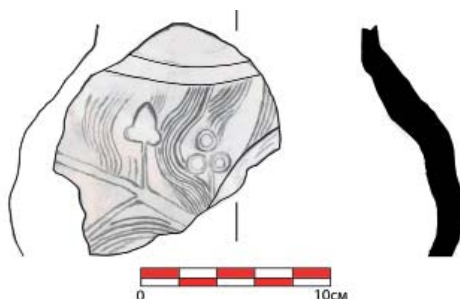
Четвертая группа – наклепной орнамент. Находки с растительным наклепом, например, «культовые» котлы, встречаются на памятнике Коштепа вблизи города Карши (рис. 4).

Таким образом, можно наблюдать, что растительные орнаменты были нанесены на поверхности разных видов керамических изделий.

Теперь приступим к интерпретации этих изображений. Если изображение на фрагменте кубка в виде листьев и стебля растения, то на изображении кувшинчика видны также два плода в виде трех круглых колец, не расположенных на стебле, и листья. На осно-

Рис. 2. Фрагмент кувшинчика из памятника Хантепа.

Fig. 2. Fragment of a jar from the Khantepa monument.

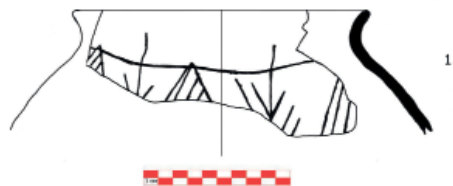

Рис. 3. Фрагмент горшка из памятника Кыркхуджра.

Fig. 3. Fragment of a pot from the Kyrkhudjra monument.

ве этих данных изображение на первом сосуде можно интерпретировать как кунжут или коноплю, а растение на кувшине близко к винограду или эфедре. С древнейших времен растения в жизни людей занимали особое место. Первобытные люди быстро осваивали лечебные и полезные свойства плодов, корней, листьев растений (Майер-Штейнег, Зудгоф, 1925, с. 4). В ходе этого процесса они узнали, что употребление некоторых растений даёт силу, поднимает настроение, увеличивает внутриутробный плод и открывает «путь к новой жизни», что на сегодняшний день доказано современными учеными-биологами. Также они открыли для себя, что некоторые из растений имеют опьяняющие, галлюциногенные и лечебные свойства. Все это играло важную роль в воплощении образа растений в сознании, искусстве и культуре древних людей. По поводу смысла и целей этих изображений большинство исследователей придерживались точки зрения о том, что они имели в основном «культурное» значение, а о других функциях и аналогиях особо не упоминается (Гаибов, Кошеленко, 1989, с. 173; Абдуллаев, 2009). Но если более широко анализировать растительные орнаменты керамических изделий, можно разделить их на изображения с философским и эмпирическим смыслами.

Если такие изображения, как ель, гранат, тополь, несли в себе философский смысл (Топоров, 2010, с. 448–453), то виноградник, эфедра,

конопля, мак, тысячелистник, золототысячник имели больше эмпирическое назначение. На сегодняшний день также эти растения широко используются в народной и современной медицине Средней Азии. Тысячелистник используется в медицине как кровоостанавливающее средство (при носовых, маточных, легочных, геморроидальных и других кровотечениях), при колите, различных заболеваниях желудочно-кишечного тракта, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, воспалительных заболеваниях мочевыводящих путей, как вяжущее при желудочно-кишечных расстройствах, также обладает противовоспалительными и бактерицидными свойствами. В народной медицине тысячелистник обыкновенный применяют при белых, малярии, бессоннице, мочекаменной болезни, некоторых заболеваниях печени, при недержании мочи, как ранозаживляющее и кровоостанавливающее при обильных менструациях (Eisenman, Zaurou, Struwe, 2013, pp. 4–5). Золототысячник употребляется и в народной медицине от золотухи, грудных болезней, чахотки, при перемежающейся лихорадке, при слабом пищеварении.

О лекарственных свойствах эфедры также есть много данных, ее принимают при бронхиальной астме, сенной лихорадке, крапивнице, сывороточной болезни, коклюше, вазомоторном насморке, миастении, морской болезни; как стимулятор центральной нервной системы, при коллапсах в связи с тяжелой травмой, значительными кровопотерями, при хирургических операциях, при сонливости и передозировке снотворным, при гипотонии различного генеза, отравлении морфием, скополамином и ганглиолитиками (Eisenman, Zaurou, Struwe, 2013, pp. 100, 102).

Мак с древнейших времен широко использовался в народной медицине

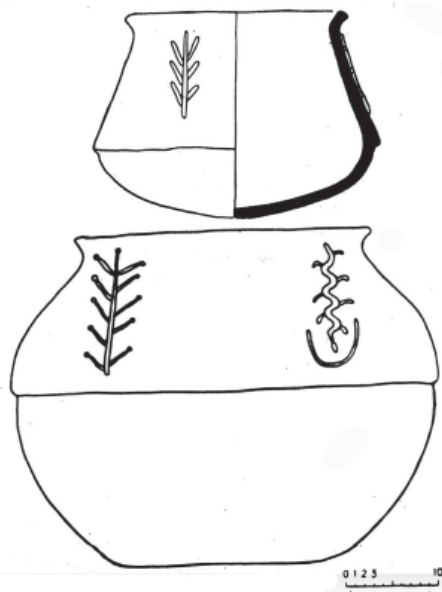

Рис. 4. Фрагменты котлов из памятника Коштепа (По А.Раимкулову)

Fig. 4. Fragments of boilers from the Koshtepa monument (According to A. Raimkulov)

Средней Азии. Традиционное использование: сок из лепестков используется в качестве напитка для лечения теплового удара (у детей) и как средство для полоскания при заболеваниях глаз, сухие лепестки родственных видов, *Papaver rhoeas*, *Papaver Oritatale* и *Papaver bracteatum*, используются для приготовления чая – для лечения кашля (Халматов, 1964). Маковое семя также используется в кондитерских изделиях, им посыпают выпечку, а также добавляют его в тесто. Во многих странах на протяжении тысячелетий культивируют мак снотворный, или опийный (*Papaver somniferum* L.). Мак снотворный возделывают главным образом в Китае, Индии, Малой Азии, Средней Азии, Афганистане.

Новые биоархеологические исследования также показывают, что «культовые» истоки интерпретации изображений растений, а также предназначения самих сосудов требуют более широкого анализа. На сегодняшний день есть данные о том, что

ещё с эпохи палеолита люди использовали эти растения в практических целях. Например, археологические исследования в пещере Шанидар-4 представили первые сведения об использовании первобытным человеком лекарственных растений (Pomeroy et al., 2019, pp. 11–26). Хотя последующие исследования привели к сомнениям о ритуальном назначении цветов (Fiасconi, 2015), остается фактом то, что некоторые растения были обнаружены рядом с захоронением. И первые растения, использованные человеком, были тысячелистник (*Achillea*), золототысячник (*Centaurium*), крестовник (*Senecio*), эфедра (*Ephedra*), алтей (*Althaea*), из семейства мальвовых (*Malvaceae*), растение рода *Muscary* из семейства лилейных (*Liliaceae*) и др.

Анализ зубов неандертальцев из памятника Эль-Сидрон, Испания, также показал наличие в них соединения из тысячелистника и ромашки, оба из которых имеют лечебные свойства, и горький вкус растений исключает вероятность их употребления как ежедневной пищи. Поэтому можно предположить, что, вероятно, эти растения использовались из-за их лечебных свойств. Это показывает, что еще в эпоху палеолита древние гоминиды (неандертальцы) «имели некоторые знания об окружающей их фауне, флоре и были в состоянии распознать питательную и лекарственную ценность некоторых растений» (Shiple, Kindscher, 2016, pp. 8–9). Как известно, и на сегодняшний день на обширных территориях Средней Азии растет несколько видов этих растений, которые используются в современной и народной медицине (Eisenman, Zaurov, Struwe, 2013).

В письменных источниках также есть данные об использовании этих растений. В частности, ещё Диоскорид впервые описал полезные свойства конопли в своём основном сочинении «*De materia medica*» («О

лекарственных средствах»). Геродот также упоминал похоронные обряды скифов, включающие окуривание дымом семян конопли.

Эти лекарственные растения употреблялись в сыром виде, или из некоторых, когда появилась нерациональная медицина, первые профессионально занимающиеся медициной люди врачи-колдуны (жрецы), начали изготавливать «божественные напитки» или «напитки бессмертия», которые в начале своего появления имели также лекарственные или аперитивные цели, а также «поднимали настроение» людей. Как например, напиток сому из соответствующего растения у древних индийцев (Ригведа, Мандалы IX–X, 1999) или хаома у зороастрийцев. Исходя из этого, выясняется, что медицина и приготовление лекарств в Древнем Востоке развивается в замках правителей и храмах. Например, если в древней Месопотамии медициной в основном занимались жрецы и служители храмов, то в древнем Египте только начиная с цветущего периода египетской истории жрецы профессионально начинают заниматься медициной, а до этого основными врачами были знахари (Майер-Штейнег, Зудгоф, 1925, с. 15–24).

О медицине Средней Азии доарабского периода пока нет письменных и материальных сведений. Но открытие в храмах специальных помещений и мест для приготовления «божественных напитков», а также множество керамических изделий с изображениями лекарственных растений позволя-

ет нам сделать заключение о том, что, как и в Древнем Востоке, в Средней Азии храмы также были основными учреждениями, где жрецы и служители храмов занимались медициной и приготовлением лекарств. На сегодняшний день также во многих храмах Средней Азии были открыты помещения, где изготавливали хаому или другие «божественные напитки» из растений. В частности, на памятнике Тоголок-1 Южного Туркменистана и Джаркутане Южного Узбекистана были открыты помещения, где готовили специальные «божественные напитки» (Сарианиди, 2002, с. 162–165; Аскарлов, Ширинов, 1993, с. 107–109). Исследования в храмах памятника Тоголок-21 и городище Гонур дали более точные данные о составе «божественных напитков». Если анализы некоторых находок из памятника Тоголок-21 в лабораторных условиях показали остатки эфедры и мака, то в специальных «ванночках» храма Гонура выявлено наличие большого количества остатков конопли (Сарианиди, 2002, с. 174, 190).

Таким образом, сосуды с изображениями растений из храмов и священных помещений-жилищ Средней Азии могут подтвердить теорию о развитии эмпирической народной медицины в регионе, как это было в Древнем Востоке, где основными учреждениями медицины были храмы, а целителями – жрецы и служители храмов. Керамические изделия с изображениями лекарственных растений, найденные в памятнике Хантепа, могут подтвердить данную теорию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев К.* Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный Институт центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.
2. *Анарбаев А.* Ахсикет – столица древней Ферганы. Ташкент: Tafakkur, 2013. 535 с.
3. *Аскарлов А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
4. *Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд: Изд-во института археологии АН Республики Узбекистан. 1993. 144 с.
5. *Белиницкий А.М.* Древний Пенджикент // СА. 1959. № 1. С. 195–218.

6. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. Послесл. Э.А. Грантовского. М.: Наука, 1987. 303 с.
7. *Гаиров В.А., Кошеленко Г.А.* Тоголок 21 и проблемы религиозной истории древней Маргианы // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 171–173.
8. *Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К.* История медицины / Пер. со втор. немецкого издания под редакцией В.А. Любарского и Б.Е. Гершуни. М.: Государственное издательство. 1925. 463 с.
9. Ригведа. Мандалы IX–X / Подг. изд. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 342 с.
10. *Сарианиди В.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Туркмендовлетхабарлари, 2002. 357 с.
11. *Соколовская Л.Ф.* Неглазуванная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII в.) // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. I / Отв. за вып. А.Д. Искандерова. Самарканд. Международный институт Центральноазиатских исследований. 2015. 288 с.
12. *Топоров В.Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2010. 496 с.
13. *Халматов Х.Х.* Дикорастущие лекарственные растения Узбекистана. Ташкент: Медицина. 1964. 279 с.
14. Eisenman Sasha W., Zaurov David E., Struwe Lena. Medicinal Plants of Central Asia: Uzbekistan and Kyrgyzstan. Springer New York Heidelberg Dordrecht London, 2013. 340 p.
15. Fiacconi, Marta, Hunt, Chris O. Pollen taphonomy at Shanidar Cave [Kurdish Iraq]: An initial evaluation. In Review of Palaeobotany and Palynology [2015], doi: 10.1016/j.revpalbo.2015.09.003
16. Pomeroy Emma, Bennett Paul, Chris O. Hunt, Tim Reynolds, Lucy Farr, Marine Frouin, James Holman, Ross Lane, Charles French & Graeme Barker. New Neanderthal remains associated with the 'flower burial' at Shanidar Cave. In Antiquity 2020 Vol. 94 [373]: 11–26 <https://doi.org/10.15184/aqy.2019.207>
17. Shipley Gerhard P. and Kindscher Kelly, Evidence for the Paleoethnobotany of the Neanderthal: A Review of the Literature. Hindawi Publishing Corporation Scientifica. Vol-ume 2016, Article ID 8927654, 12 pages. <http://dx.doi.org/10.1155/2016/8927654>

Информация об авторе:

Кубаев Сурят Шавкатович, PhD., заведующий отделом «Ландшафтной археологии». Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан); kubaev.surat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9761-8613>

IMAGE OF MEDICINAL PLANTS ON CERAMIC PRODUCTS OF CENTRAL ASIA

S.Sh. Kubaev

In the culture of the ancient world, the symbolism of plants was of particular importance. It is not for nothing that legends associated with plants have appeared in the myths of many peoples of the world. From the early Paleolithic era, in the economy of ancient people, a special place was given to collecting fruits and roots of plants. They also knew that plants were food for most wild animals, which provided the protein for the human body. In search of edible plants, they skillfully studied the surrounding fauna. Thus, the first knowledge appeared about the peculiar properties of plants in the world around them. These medicinal plants were eaten raw, or some of them were used to make "divine drinks" or "drinks of immortality", which at the beginning of their appearance also had medicinal or aperitif purposes, and also "lifted the spirits" of people. Therefore, in the visual arts, images of these plants are often found. If in antiquity rocks and stones were the main objects on which people created their first images, later ceramics began to play this role. During archaeological excavations at the Khantepa site located near the city of Karshi, the Republic of Uzbekistan, fragments of a vessel with plant ornament were found. The study of this find allowed us to draw attention to the symbolism of plants in the art of various cultures of the peoples of the world. New research proves once again that the temples of Central Asia were also the first medical institutions where the first medicines were manufactured.

Keywords: archaeology, ceramics, plants, Khantepa, Central Asia, catfish, haoma, spruce, grapes, pomegranate, ephedra.

REFERENCES

1. Abdullaev, K. 2009. *Kul't khaomy v drevney Tsentral'noy Azii (The Cult of Khaoma in Ancient Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies (in Russian).
2. Anarbaev, A. 2013. *Akhsiket – stolitsa drevney Fergany (Akhsiket – the capital of ancient Ferghana)*. Tashkent: “Tafakkur” Publ. (in Russian).
3. Askarov, A. 1973. *Sapallitepa*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
4. Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyaya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Sredney Azii (Early urban culture of the Bronze Age in the south of Central Asia)*. Samarkand: Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Uzbekistan Republic (in Russian).
5. Belinitkiy, A. M. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 195–218 (in Russian).
6. Boys, M. 1987. *Zoroastriytsy. Verovaniya i obychai (The Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Gaibov, V. A., Koshelenko, G. A. 1989. *Vestnik drevnei istorii (Ancient History Bulletin)* 1, 171–173 (in Russian).
8. Meyer-Shteyneg T., Zudgof K. 1925. *Istoriya meditsiny (History of Medicine)*. Moscow: “Gosudarstvennoe izdatel'stvo” (in Russian).
9. In Elizarenkova, T. Ya. (comp.) 1999. *Rigvedy. Mandaly IX–X*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Sarianidi, V. 2002. *Margush. Drevnevostochnoe tsarstvo v staroy del'te reki Murgab (Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab river)*. Ashkhabad: “Turkmenovletkhabarlari” Publ. (in Russian).
11. Sokolovskaya, L. F. 2015. In Iskanderova, A. D. (ed.). *Neglazurovannaya keramika srednevekovogo Samarkanda kak faktor ekonomiki gorodskogo remesla (po materialam gorodishcha Afrasiab kontsa VII – nachala XIII v.) (Un glazed ceramics of Medieval Samarkand as a factor in the economy of urban crafts (based on the materials of the Afrasiab fortified settlement of the late 7th – early 13th centuries))*. Series: Arkheologiya Tsentral'noy Azii: arkhivnye materialy (Archaeology of Central Asia: archival materials) I. Samarkand: “Mezhdunarodnyy institut Tsentral'noaziatskikh issledovaniy” Publ. (in Russian)
12. Toporov, V. N. 2010. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы (The World tree. Universal sign complexes)* 2. Moscow: “Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi” Publ. (in Russian).
13. Khalmatov, Kh. Kh. 1964. *Dikorastushchie lekarstvennye rasteniya Uzbekistana (Wild medicinal plants of Uzbekistan)*. Tashkent: “Meditsina” Publ. (in Russian)
14. Eisenman Sasha W., Zaurov David E., Struwe Lena, (2013). *Medicinal Plants of Central Asia: Uzbekistan and Kyrgyzstan* // Springer New York Heidelberg Dordrecht London. The Editor.
15. Fiacconi, Marta, Hunt, Chris O., (2015). Pollen taphonomy at Shanidar Cave [Kurdish Iraq]: An initial evaluation // *Review of Palaeobotany and Palynology* [2015], doi: 10.1016/j.revpalbo.2015.09.003.
16. Pomeroy Emma, Bennett Paul, Chris O. Hunt, Tim Reynolds, Lucy Farr, Marine Frouin, James Holman, Ross Lane, Charles French & Graeme Barker., (2020). New Neanderthal remains associated with the ‘flower burial’ at Shanidar Cave // *Antiquity* 2020 Vol. 94 [373]: 11–26 <https://doi.org/10.15184/aqy.2019.207>.
17. Shipley Gerhard P. and Kindscher Kelly, (2016). Evidence for the Paleoethnobotany of the Neanderthal: A Review of the Literature // *Hindawi Publishing Corporation Scientifica*. Volume 2016, Article ID 8927654, 12 pages. <http://dx.doi.org/10.1155/2016/8927654>.

About the Author:

Kubaev Surat Sh. PhD., National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan. M. Ulugbek st. 81, Tashkent, 100170, Republic of Uzbekistan; kubaev.surat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9761-8613>

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 903'1 903/33 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.42.55>

БИРСКИЙ И КУШНАРЕНКОВСКИЙ МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2022 г. Р.Р. Русланова, Е.В. Русланов

Лесостепное Приуралье является особым локальным регионом обширного евразийского пространства, куда со степных территорий проникало кочевое и полукочевое население во время серьезных военных, природных или политических катаклизмов в степи. В середине I тысячелетия эти процессы особенно активизировались в результате оживления постгунских и тюркских миграций, которые привели к трансформации этнической карты Южного Урала и формированию здесь нового поликультурного населения. В результате этого смещения вокруг археологического материала первой половины и середины I тыс. н.э. до сих пор разворачиваются научные дискуссии, как в отношении хронологии, так и периодизации и происхождения различных групп артефактов. Появление грунтовых могильников, Бирского и Кушнаренковского, также является следствием этих событий. В предлагаемой публикации вводятся в научной оборот новые и интересные данные, полученные в ходе раскопок последних лет.

Ключевые слова: археология, Приуралье, раннее средневековье, погребальный обряд.

В 2017 и 2018 гг. комплексными археологическими экспедициями под руководством Р.Р. Руслановой и Е.В. Русланова в рамках изучения эпохи раннего Средневековья на территории лесостепного Приуралья были исследованы Бирский и Кушнаренковский могильники. Эти памятники широко известны специалистам и являются эталонными для создания этнокультурной картины региона в III–VIII вв. н. э.

Объект археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» (Бирский могильник) расположен у южной окраины г. Бирска и занимает обширный участок коренной террасы правого берега р. Белой, в 0,6 км к северо-востоку от Бирского (Чертובה) городища. Общая площадь памятника достигает 350×450 м или около 157 000 м².

Бирский могильник известен с 1902 г., когда Н.И. Булычев описал находки, хранящиеся в Уфимском губернском музее (ныне Национальный музей Республики Башкортостан) (Булычев, 1902, с. 18). В ходе многолетних исследований могильника Н.А. Мажитовым было заложено 6

раскопов и изучено 692 погребальных комплекса, датированных III–VIII вв. (Мажитов, 1968). В дальнейшем площадка памятника неоднократно посещалась археологами во время проведения разведочных экспедиций (Русланова, 2018б).

К 2017 г. площадка памятника была полностью покрыта луговой растительностью с редкими кустарниками. Следы раскопов прошлых лет визуально не фиксировались и, к сожалению, четкая привязка старых раскопов к современному ландшафту тоже не увенчалась успехом. В связи с этим было принято решение заложить Раскоп I на более ровном участке памятника, а Раскоп II – северо-западнее, ближе к склону мыса (рис. 1). Вскрытые обоими раскопами 175 м² выявили 24 погребения, в том числе вскрытых ранее (рис. 2).

В 2017 г. впервые был снят тахеометрический план площадки могильника (Р.Р. Насретдинов, заведующий Историко-археологическим и ландшафтным музеем-заповедником «Ирендык»), произведен сбор отложений для спорово-пыльцевого анализа (Р.Г. Курманов, к.б.н., н.с. Института ге-

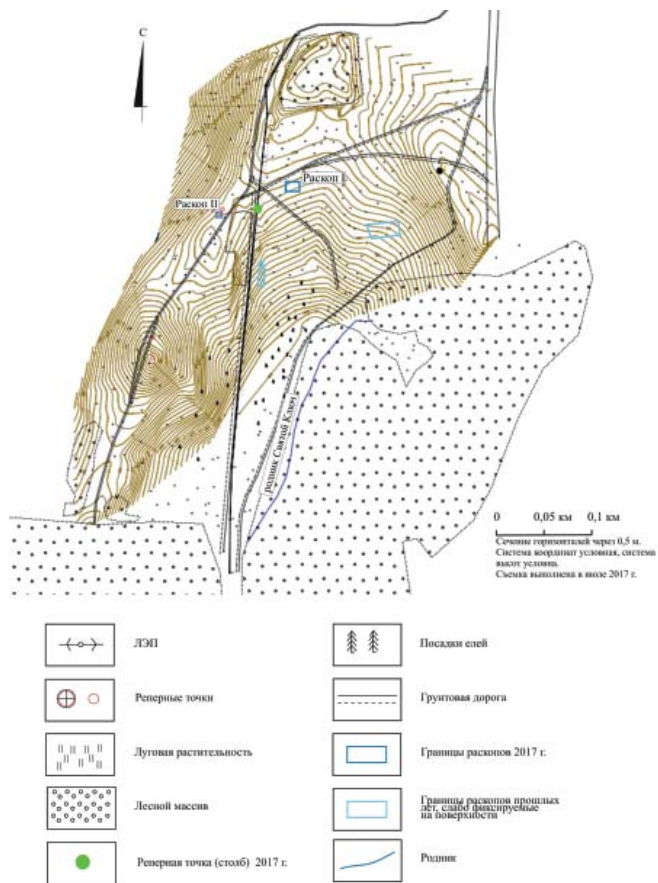

Рис. 1. Бирский могильник. Тахеометрическая съемка 2017 г.
Fig. 1. Birsk burial ground. Tacheometrical (total station) survey 2017.

ологии УФИЦ РАН, г. Уфа), проведен антропологический анализ (Е.П. Китов, к.и.н., н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва), неоценнимую помощь в анализе материала оказал А.А. Красноперов (к.и.н., н.с. Удмуртского института истории, языка и литературы УдФИЦ УрО РАН, г. Ижевск).

Стратиграфия Раскопа I представлена дерном (7–10 см), под ним темно-коричневым гумусом, плотным, с включениями находок, мелких камней, битого кирпича, ниже слой темно-коричневого (почти черного) гумуса с включениями темно-оранжевой глины, небольших камней. Материковый слой – плотная темно-оранжевая

глина. Стратиграфия Раскопа II: дерн (7–10 см), под ним коричневый гумусный слой, ниже предматериковый слой темно-коричневого гумуса, перемешанного с суглинком. Ниже – материковый слой, представленный рыжей глиной. По северной, восточной и южной стенкам фиксируется перемес, оставленный раскопом 1962 г.

При прокопке второго горизонта у юго-западной стенки Раскопа I на глубине 35 см дневной поверхности были обнаружены находки (рис. 5: 1), которые, по всей видимости, относятся к незафиксированной могильной яме, выкопанной в гумусном слое.

Погребение 693. Обнаружено на глубине -0,64 м от 0 (здесь и далее размеры указывают длину и ширину

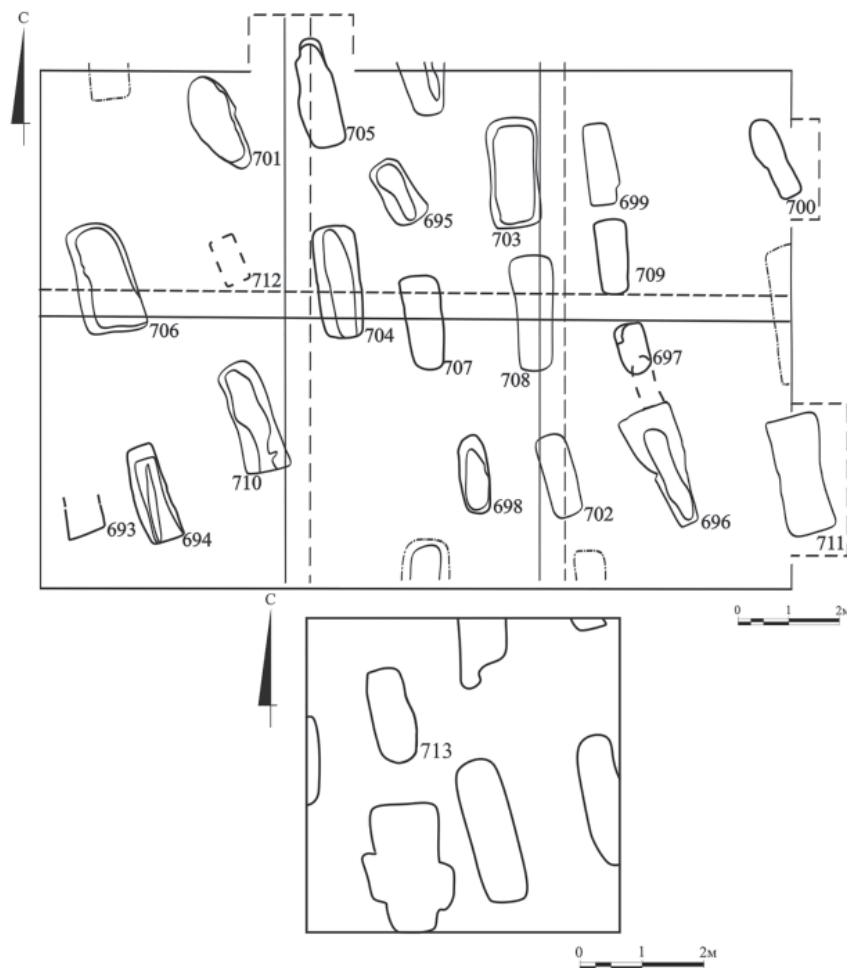

Рис. 2. Бирский могильник. Погребения Раскопа I и Раскопа II

Fig. 2. Birsk burial ground. Burials of Excavation I and Excavation II

могильной ямы по горизонту фиксации). Размеры сохранившейся части погребения $0,75 \times 0,57$ м. Очертания погребения не фиксировались, в результате чего могильная яма частично была прокопана при снятии контрольного пласта. Вероятно, погребение было перекрыто в древности, т. к. в южном конце фиксируется уступ. Остатков костяка нет.

В ходе раскопок поблизости от погребения на глубине 75 см разрозненно найдены нашивка лапчатой формы, височное проволочное кольцо (рис. 5: 2). Здесь же обнаружена нагрудная застежка и кость человека.

Погребение 694 (рис. 3: 1). Обнаружено на глубине $-0,62$ м. Размеры $1,9 \times 0,64$ м (ширина по дну $0,32$ м), глубина $0,35$ м. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована ССЗ–ЮЮВ, выявлена по полосе рыжей глины, оконтурившей границы темного гумуса. Внутри пятна зафиксирована прослойка мелкого угля и золы овальной формы (15×24 см). Засыпка могильной ямы – плотный черный грунт с глиной. Возможно, погребение было ярусным, верхний ярус которого располагался в гумусном слое и не был зафиксирован выше. На верхнем горизонте в южной части могильной ямы

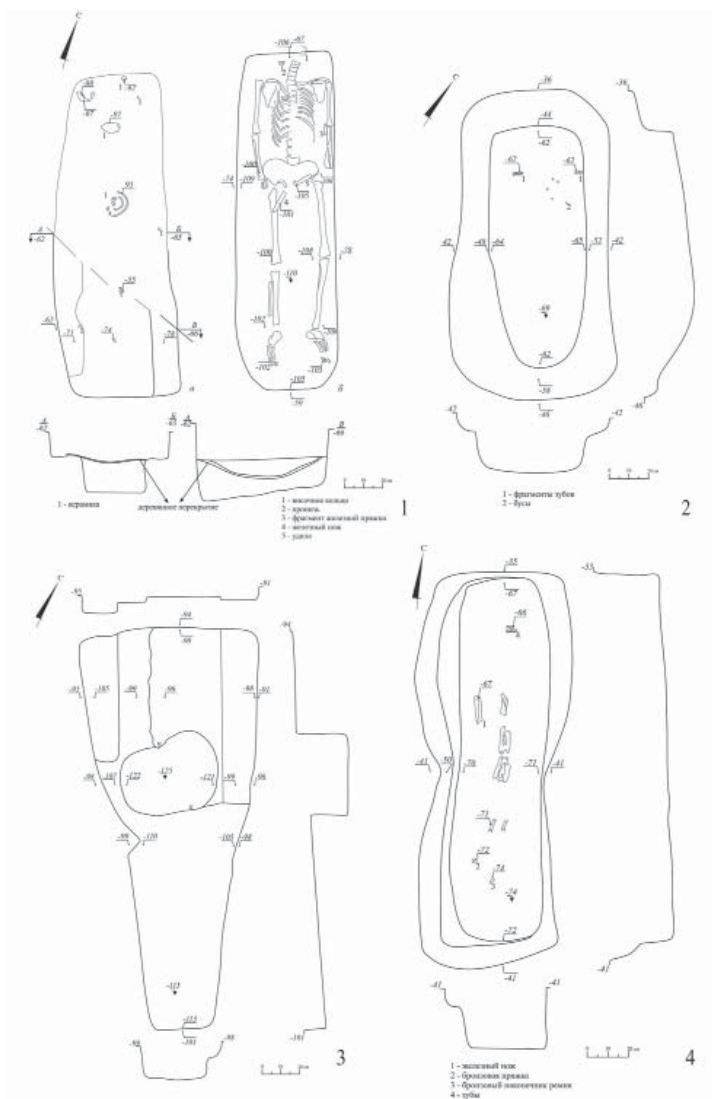

Рис. 3. Бирский могильник. Планы погребений:
1 – погр. 694; 2 – погр. 695; 3 – погр. 696; 4 – погр. 703
Fig. 3. Birk burial ground. Burial plans.

найлены разрозненные кальцинированные кости.

Ниже расчищены заплечики, на которых, по всей видимости, находилось деревянное перекрытие (доска?), фиксируемое на профиле могильной ямы, просевшее под тяжестью грунта. Несколько ниже выявились фрагменты челюсти (в юго-западном углу) и следы практически полностью истлевшего черепа (в центральной части).

После снятия находок первого яруса и последующей расчистки, выявлен следующий ярус, содержащий костяк взрослого человека 25–30 лет. Положение погребенного вытянуто на спине, руки вдоль тела. Возможно, череп, расчищенный выше, принадлежит ему. Шейные позвонки без следов травм. Под костяком (в верхней его части) зафиксированы остатки органической подложки.

На верхнем ярусе расчищен развал лепного толстостенного сосуда красно-коричневого цвета, с примесью дресвы в тесте, размещенного по оси погребения (рис. 5: 3). На уступе с восточной стороны зафиксирован фрагмент лепного красноглиняного сосуда с примесью крупного песка и фрагмент керамики черного цвета с примесью дресвы.

На уровне шейных позвонков лежала бронзовая подвеска в виде медведя с хорошо выраженными торчащими ушами. В районе шейных позвонков размещался фрагмент кольцевой проволоочной височной подвески с намотанной граненой лентой. Под локтевым суставом левой руки зафиксирована сильно корродированная железная пряжка с овальной рамкой и подвижным ранее язычком. На тазовых костях сохранился тлен от железного ножа. Несколько выше него зафиксированы части и тлен от железных удил.

Погребение 695 (рис. 3: 2). Обнаружено на глубине -0,36 м. Размеры 2,61×0,80 м, глубина 0,31 м. Могильная яма подовальной формы, ориентирована ССЗ–ЮЮВ, выявлена по полосе рыжей глины. Северная часть имеет уступ. Дно неровное, с углублением в южной части. Костяк не сохранился – зафиксированы только зубы (ребенок 4–5 лет). На дне могилы, ближе к северному краю, найдены бисер зеленого и бирюзового стекла и фрагменты синей и глазчатой бусин (рис. 5: 4).

Погребение 696 (рис. 3: 3). Обнаружено на глубине -0,91 м. Размеры 2,15×0,83 м, глубина 0,32 м. Могильная яма сложной формы – многоуровневая. По всей видимости, это одна из трех могил, расположенных по линии ССЗ–ЮЮВ, объединяющая погребения 696, 697 и пустую яму, расположенную между ними ярусом выше.

Могильная яма без инвентаря ориентирована ССЗ–ЮЮВ. Северная часть погребения вдоль длинных бор-

тов имеет канавки-углубления, площадка между ними также неровная. В погребении зафиксировано 2 фрагмента костей, вещей нет.

Погребение 697. Обнаружено на глубине -0,77 м. Размеры 0,93×0,53 м, глубина 0,20 м. Могильная яма ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. У западной стенки выявлен тлен и 6 фрагментов от железного браслета (рис. 5: 5). Костяк не сохранился.

Погребение 698. Обнаружено на глубине -0,70 м. Размеры 1,3×0,5 м, глубина 0,13 м. Овальной формы, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Обнаружены кальцинированные кости и сильно корродированная железная пряжка (рис. 5: 6).

Погребение 699. Обнаружено на глубине -0,59 м. Размеры 1,65×0,63 м, глубина 0,14 м. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В северной и южной частях погребения расчищены хаотично расположенные кости скелета, нижняя челюсть с остатками коронок от зубов, ребро. Пол не определим, возраст 35–45 лет. В СВ углу выявлен фрагмент обугленного дерева.

Погребение 700. Зафиксировано на глубине -0,66 м. Размеры 1,58×0,75 м, глубина 0,17 м. Погребение подпрямоугольной формы, ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ. В могильной яме обнаружены хаотично расположенные человеческие кости. Пол не установлен, возраст около 45 лет и старше.

Ближе к северному краю обнаружены кольцо от железных удил и остатки от бронзового наконечника (рис. 5: 7). Вторая часть удил находилась в некотором удалении, в комплексе с фрагментами бронзовой пряжки без язычка, остатками железного ножа, костяным черешковым наконечником стрелы, височной подвеской бахмутинского типа (височные подвески бахмутинского типа – это элемент костюмного головного

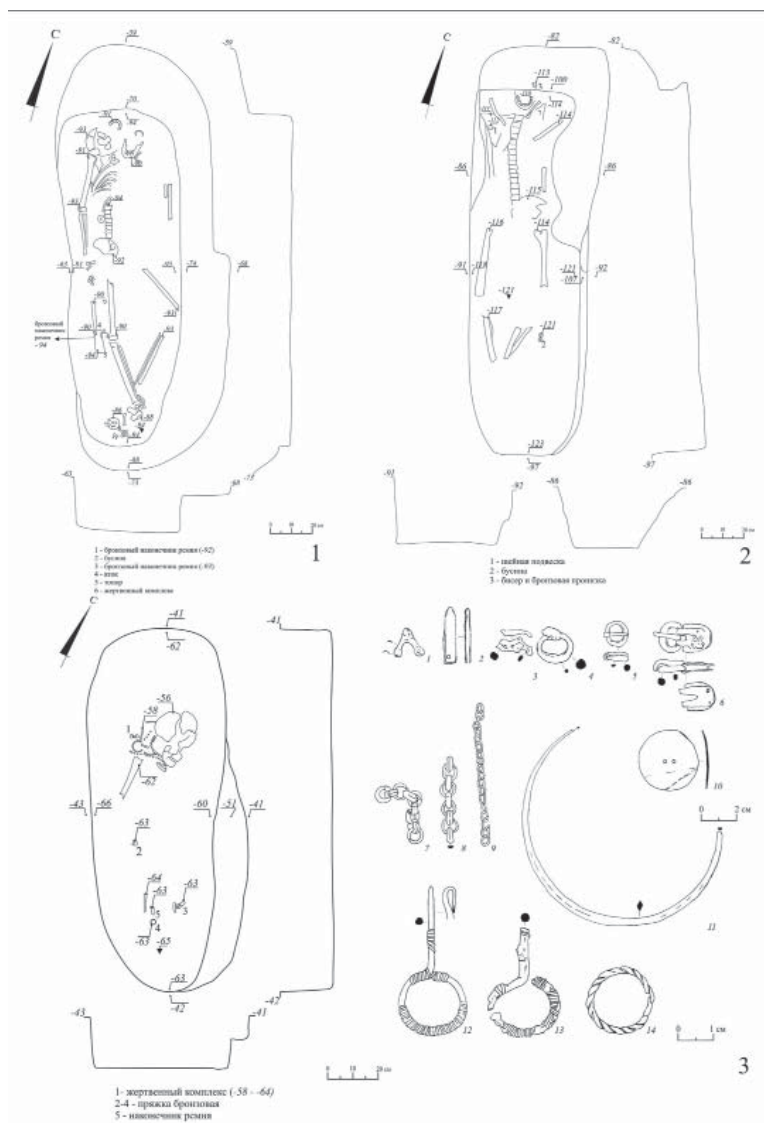

Рис. 4. Бирский могильник. Планы погребений:

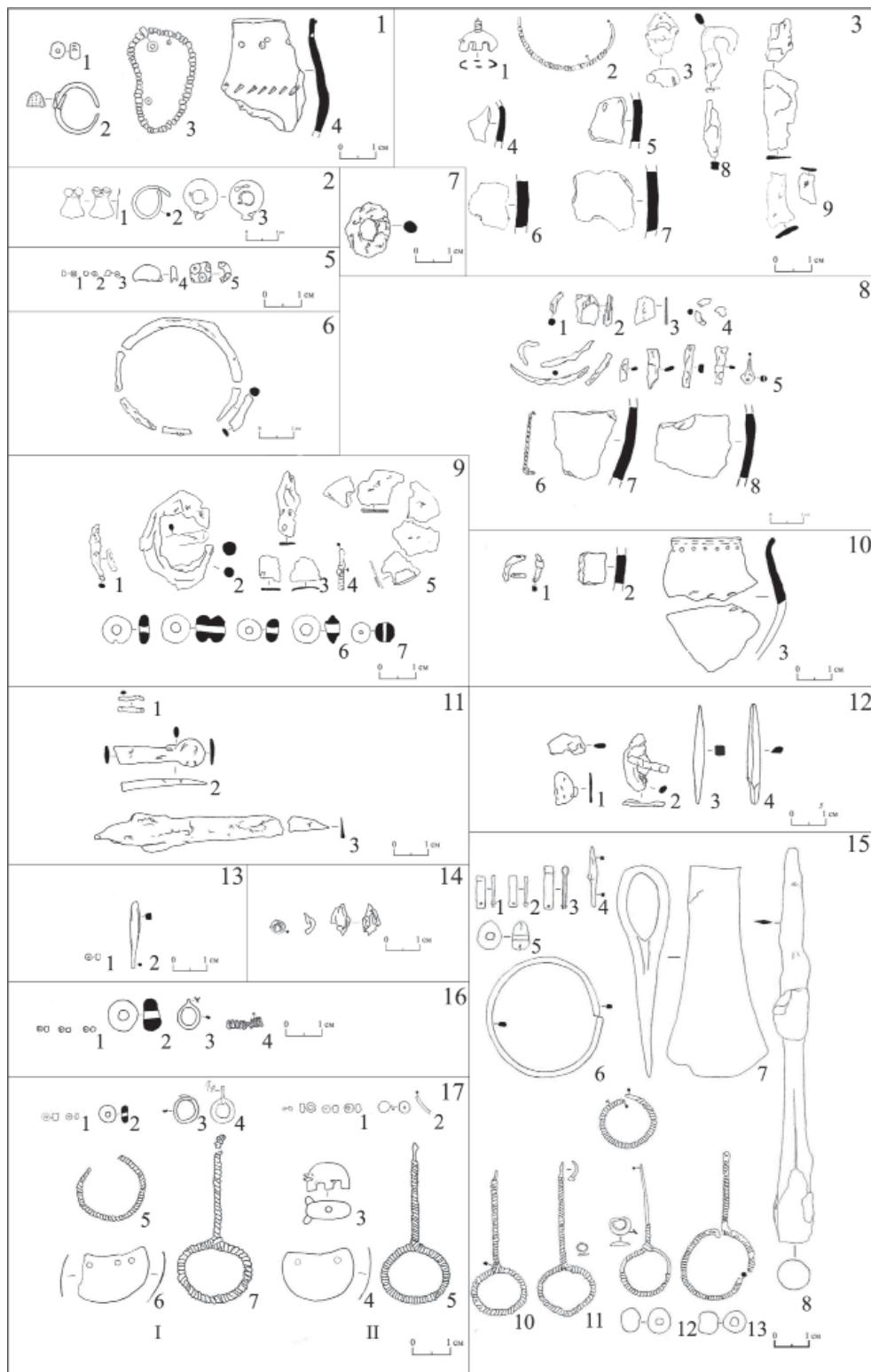
1 – погр. 710; 2 – погр. 711; 3 – погр. 713 и инвентарь: 1 – тройчатка-нашивка, 2 – наконечник ремня, 3 – язычок от пряжки, 4–6 – пряжки, 7–9 – цепочки, 10 – бронзовая бляшка, 10 – нашивка, 11 – гривна, 12, 13 – височные подвески, 14 – височное кольцо.

Fig. 4. Birk burial ground. Burial plans.

убранства в виде бронзового или железного прута, согнутого в проволочное кольцо со стержнем, на которые намотаны тонкие бронзовые ленты). По центру погребения выявлен сосуд. У бедренных костей зафиксирован тлен от пряжки (?).

Погребение 701. Обнаружено на глубине -0,35 м. Размеры

1,75×0,75 м, глубина 0,23 м. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. По центру захоронения проходит небольшое угольное пятно (15×5 см). Судя по сохранившимся в анатомическом порядке разрозненным бедренным костям, костяк размещался вытянуто на спине. Ближе к восточной стенке за-

фиксирован тлен от черепа (возраст погребенного 35–45 лет).

В могильной яме зафиксирована сильно коррозированная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 5: 8). Под ним найдены истлевшие остатки железного зеркала (?). Рядом обнаружены 2 зуба КРС (определение дано м.н.с. ИИЯЛ УФИЦ РАН А.А. Романовым).

В ЮЗ углу выявился жертвенный комплекс, состоящий из височной подвески, железного браслета, ножа, комплекса из 12 бус зеленого стекла и 1 золотостеклянной бусины.

Погребение 702. Обнаружено на глубине -0,80 м. Размеры 2,1×0,63 м, глубина 0,21 м. Могильная яма овальной формы, с углублением по восточному краю. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. В заполнении зафиксированы разрозненные кальцинированные кости и 2 зуба (клыки), по которым возможно определить примерный возраст погребенного – 35–45 лет.

На уровне 3 горизонта выявлен развал заглаженного лепного сосуда черно-оранжевого цвета с примесью песка в тесте. В центральной части погребения выявлен след, оставленной железной пряжкой с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 5: 9).

Погребение 703 (рис. 3: 4). Обнаружено на глубине -0,35 м. Размеры 1,9×0,48 м, глубина 0,30 м. Могильная яма прямоугольной формы, с сужением в центре и уступом по западному краю. Погребение ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ. По тлену на дне могильной ямы фиксируется наличие деревянного ящика. Фрагменты костей отсутствовали.

У западной стенки обнаружен железный нож, под ним плоский железный предмет неясного назначения (рис. 5: 10). В нижней части погребения зафиксированы бронзовые пряжка, от которой сохранился лишь язычок, имеющий плоскую спинку и наконечник ремня из согнутой пополам пластины (рассыпался при изъятии).

Погребение 704. Обнаружено на глубине -0,43 м. Могильная яма 1,96×0,78 м, глубиной 0,53 м, прямоугольной формы, с уступами по длинным сторонам. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. Профиль двухъярусный. На профиле ямы сохранился след от деревянного перекрытия, прогнувшегося под тяжестью грунта. На верхнем ярусе (размеры 1,66×0,62 м) выявлен слабо фиксируемый тлен костей. На заплечиках с восточной стороны, в северо-восточной

Рис. 5. Бирский могильник. Погребальный инвентарь: 1 – находки, обнаруженные в западной бровке кв. 4: 1 – бусина, 2 – височное кольцо, 3 – бусины и бисер, 4 – керамика; 2 – погр. 693: 1, 2 – нашивки, 2 – бронзовое кольцо; 3 – погр. 694: 1 – подвеска на спиральной пронизи, 2 – кольцевая височная подвеска, 3 – пряжка, 4–7 – керамика, 8 – удила, 9 – нож; 4 – погр. 695; 1–4 – бисер, 5, 6 – бусы; 5 – погр. 697: браслет; 6 – погр. 698: пряжка; 7 – погр. 700: 1 – обод от пряжки, 2,3 – фрагменты ножа, 4 – кольцо от удил, 5 – браслет, 6 – стержень от височной подвески, 7,8 – керамика; 8 – погр. 701: 1 – браслет, 2 – пряжка, 3 – нож, 4 – фрагмент височной подвески, 5 – зеркало, 6, 7 – бусы; 9 – погр. 702: 1 – пряжка, 2, 3 – керамика; 10 – погр. 703: 1 – язычок от пряжки, 2 – изделие неясного назначения, 3 – нож; 11 – погр. 704: 1 – изделие неясного назначения, 2 – пряжка, 3,4 – наконечники стрел; 12 – погр. 707: 1 – бисер, 2 – шило; 13 – погр. 709: кольца кольчужного изделия; 14 – погр. 710: 1–3 – наконечники ремней, 4 – шило, 5 – бусина, 6 – браслет, 7 – топор, 8 – копье, 9 – височная серьга, 10–13 – височные подвески (12, 13 с бусинами); 15 – погр. 711: 1 – бисер, 2 – бусина, 3 – подвеска, 4 – пронизь; 16 – погр. 712. Скопление I: 1 – бисер; 2 – бусина, 3 – кольцо, 4 – подвеска, 5 – пронизь, 6 – подвеска, 7 – подвеска бахмутинского типа. Скопление II: 1 – бисер, 2 – проволочное изделие с нанизанной бусиной, 3 – подвеска в виде медведя, 4 – полусферическая подвеска, 5 – подвеска бахмутинского типа

Fig. 5. Birk burial ground. Burial equipment.

части погребения, у юго-западного края погребения, в заполнении (среди костей) и на дне фиксируются следы крупного угля. На дне могильной ямы обнаружены разбросанные кости, принадлежащие мужчине 30–40 лет (ближе к 30 годам). По мнению Е.П. Китова, патологий на костях нет.

У северо-восточного края погребения зафиксирован тлен от неопределимого железного изделия. В центральной части выявлена железная пряжка, от изделия сохранилась лишь коррозированная часть с подвижным язычком (рис. 5: 11). У юго-восточной стенки погребения найден наконечник стрелы. Под берцовой костью обнаружен еще один четырехгранный костяной наконечник стрелы без выделенного черешка. У юго-западного края расчищены фрагменты железного ножа (не удалось извлечь).

Погребение 705. Обнаружено на глубине -0,28 м. Размеры 1,85×0,67 м, глубина 0,15 м. Могильная яма овальная в северной части и прямоугольная в южной, имеет уступ в северной стенке. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. Целых костей не обнаружено, в заполнении встречен тлен от них.

У западного края погребения зафиксированы фрагменты железного ножа.

Погребение 706. Обнаружено на глубине -0,39 м. Размеры 1,61×0,51 м, глубина 0,21 м. Дно углублено по СЗ и западному краю. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. В заполнении встречены кальцинированные кости, уголь. На дне погребения расчищен 1 фрагмент керамики, ближе к северному краю выявлена 1 золотостеклянная бусина.

Погребение 707. Обнаружено на глубине -0,46 м. Размеры 1,90×0,70 м, глубина 0,22 м. Могильная яма прямоугольной формы, с некоторым углублением в южной части, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Следы костяка не обнаружены.

В 13–15 см от южного края погребения на дне ямы найдены синий бисер (2 экз.) и железное шило (рис. 5: 12).

Погребение 708. Обнаружено на глубине -0,42 м. Размеры 2×0,52 м, глубина 0,17 м. Могильная яма прямоугольной формы, с некоторым углублением по восточному краю. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. В яме костей и инвентаря не обнаружено.

Погребение 709. Выявлено по пятну темного гумуса на глубине -0,61 м. Размеры 1,50×0,6 м, глубина 0,07 м. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ.

В СВ углу зафиксирован фрагмент дерева (по всей видимости, от яблоневых посадок), несколько южнее размещены осколок зуба и железные кольца кольчужного изделия (рис. 5: 13).

Погребение 710 (рис. 4: 1). Обнаружено по полосе рыжей глины, оконтурившей края темного гумуса на глубине -0,59 м. Размеры 2,44×0,90 м, глубина 0,32 м. Могильная яма овальной формы с некоторым углублением по восточному краю и уступом в северной, восточной и южной стенках, ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ. По всей видимости, на края уступов были положены доски.

На дне могильной ямы обнаружен скелет мужчины 30–35 лет, вытянуто на спине, судя по сохранившейся в анатомическом порядке правой части костяка, руки расположены вдоль тела. В районе ребер расчищен бронзовый наконечник ремня, представляющий собой согнутую пластину с расширением в согнутой части, скрепленную шпеньком и остатками кожаного ремня, здесь же найдена одна бусина зеленого стекла (рис. 5: 14).

У коленного сочленения расчищен тлен от скопления железных изделий – проушного топора, на нем и чуть выше размещен железный наконечник копья. Под топором найден наконечник ремня со шпеньком.

В южной части погребения, у костей правой стопы, обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из дровяного браслета, внутрь которого вложены 4 подвески бахмутинского типа (2 из них были с вдетыми бусинами белого и синего стекла). Здесь же расчищены бронзовое височное проволочное кольцо, обмотанное бронзовой лентой и железное четырехгранное шило.

Погребение 711 (рис. 4: 2). Обнаружено на глубине -0,82 м. Размеры 1,97×0,77 м, глубина 0,33 м. Могильная яма трапециевидной формы, с некоторым углублением в южном конце и уступом по северной и восточной стенкам. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ.

Костяк сохранился не полностью – зафиксированы кости ключиц, позвонки, берцовые, тазовые и лопаточная кости, нижняя челюсть.

На уступе в северном краю погребения зафиксирован синий бисер и спиралевидная пронизь из узкой граненой пластины с остатками шнура внутри (рис. 5: 15). На правой лопаточной кости лежала бронзовая плоская овальная подвеска с обломанной петелькой. У малоберцовых костей выявлены 2 зеленые стеклянные бусины.

Погребение 712. Обнаружено на глубине -0,47 м. Погребение слабо фиксировалось на материке, примерные размеры 0,95×0,50 м, глубина 1–2 см. Могильная яма прямоугольной (?) формы, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Костяк фиксировался по остаткам трухи.

В северной половине могильной ямы выявлено 2 скопления находок, покрытых берестой, которые, по всей видимости, представляют собой жертвенные комплексы (рис. 5: 16).

Скопление с правой стороны содержит подвеску бахмутинского типа, бронзовое височное кольцо со спиральной навивкой, усеченную сегментовидную полусферическую

подвеску, бронзовую овальную подвеску с обломанной петелькой, бронзовое кольцо, 23 экз. синего бисера и 4 крупных бус. Здесь же лежала подвеска бахмутинского типа с бронзовым прутком и спиральной граненой навивкой. Чуть обломанная полусферическая подвеска с отверстиями.

Левое скопление состоит из подвески бахмутинского типа, полусферической плоской подвески с двумя отверстиями, 34 экз. синего бисера и 1 золотостеклянного бисера, 1 синей бусины, фрагмента бронзовой цепочки с нанизанной синей бусиной, пронизки в виде медведя. Полусферическая подвеска с отверстиями изготовлена из чуть выгнутого листа, обрезанные края которого обработали абразивом.

При вскрытии Раскопа II были выявлены 3 погребения раскопа 1962 года. Сейчас сложно определить, какие точно погребения были вновь вскрыты. Однако раскопом затронут и непо потревоженный участок, где выявлено погребение 713.

Погребение 713 (рис. 4: 3). Обнаружено на глубине -0,41 м. Размеры 1,4×0,62 м, глубина 0,22 м. Могильная яма овальной формы, с ровным дном, уступом в ЮВ стенке. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ. Тело было уложено в некую деревянную конструкцию, фиксируемую по тлену. От костяка сохранился раздавленный череп, повернутый влево, и плечевая кость. По части найденных костей (зубы) определен возраст – здесь был погребен ребенок около 4 лет.

По всей видимости, на черепе фиксировалось некое покрытие, украшенное бисерной обшивкой, а рядом был размещен жертвенный комплекс, на который и упал головной убор при археологизации погребения. В состав жертвенника включены кольцо бахмутинского типа, витое височное кольцо, ромбическая гривна, бусы, цепочки (малая и большая), круглая

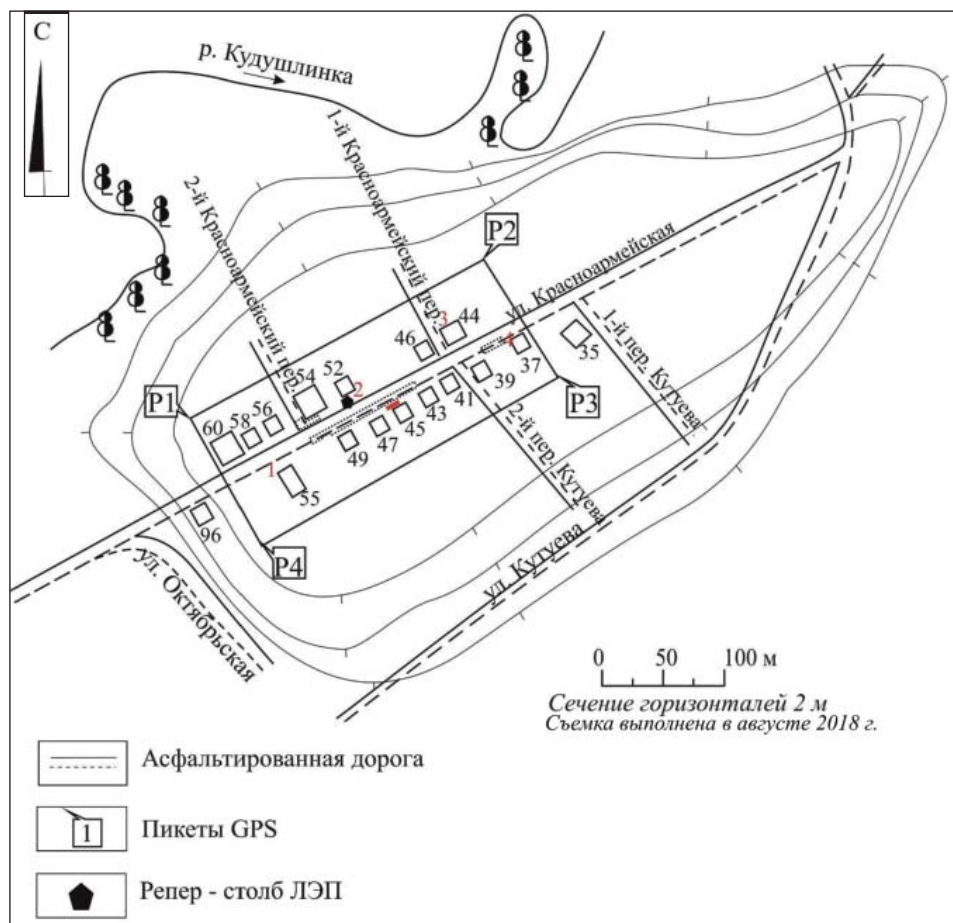

Рис. 6. Кушнареноквский могильник. Инструментальный план с обозначением находок по опросам местных жителей: 1 – ребра и колокольчик; 2 – полный скелет человека; 3 – костяк ребенка; 4 – костяк со стрелами, медальон.

Fig. 6. Kushnarenkovo burial ground. An instrumental plan with the designation of findings from surveys of local residents.

височная подвеска, накладка-тройчатка. В центральной части погребения выявлена пряжка, еще 2 пряжки зафиксированы в южной части погребения.

Работами 2017 г. исследовано 21 погребение. Здесь также зафиксированы могильные пятна, большей частью уходящие в стенки раскопа. Погребальные конструкции, инвентарь позволяют датировать выявленные захоронения III–IV вв. (Раскоп I) и III–V вв. (Раскоп II). Последующие исследования, продолженные к северу и северо-западу от размеченных

участков обоих раскопов, являются перспективными для обнаружения погребений, относящихся к раннему этапу функционирования Бирского могильника.

Кушнареноквский (Кушнареноквский I курганный (?)) могильник находится на северо-западной окраине села Кушнаренокво Кушнареноквского района Республики Башкортостан, на мысу левого берега р. Белой. Памятник расположен на территории, занятой усадьбами сельских жителей, насыпной дорогой и многочисленными подземными коммуникациями

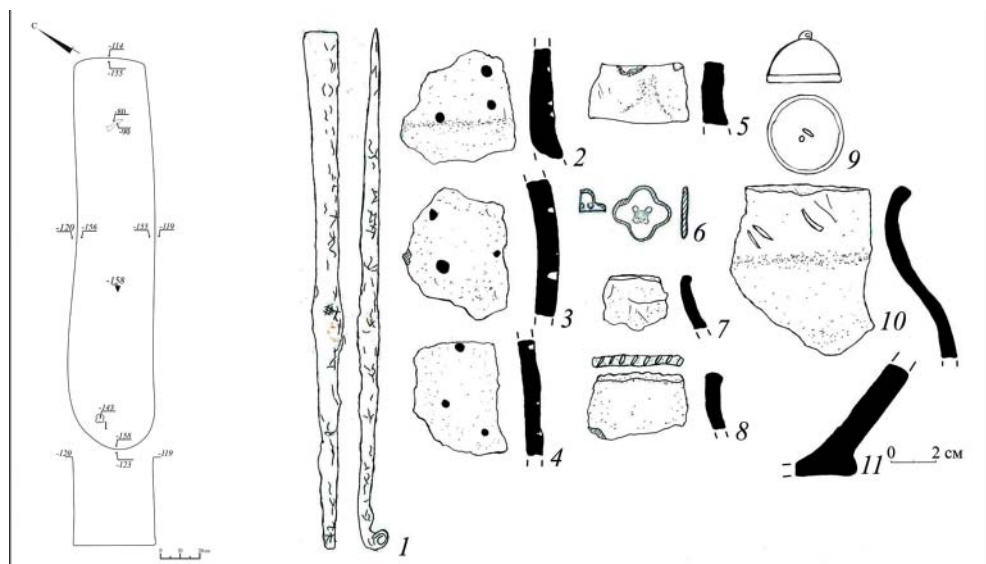

Рис. 7. План погребения 31 и инвентарь: 1–5, 7, 8, 10, 11 – железное изделие и керамика, полученные в ходе исследования верхних горизонтов; 6 – накладка; 9 – подвеска-колокольчик.

Fig. 7. Plan of the burial 31 and inventory.

водопровода, газа и секретных линий связи от военкомата.

Могильник обнаружен в 1957 г. А.П. Шокуровым, в 1959 г. масштабные раскопки на объекте проводила комплексная экспедиция МГУ, КГУ и УдГУ под руководством В.Ф. Генинга и М.Д. Акимовой (Генинг, 1977). Ими было вскрыто более 600 квадратов вдоль дороги, обнаружено 30 погребений. Погребальный обряд и антропологический материал позволили отметить многокомпонентность могильника и отнести его к местному (романовка?) и пришлому (турбаслинская культура) населению. В 2010 г. площадка могильника осмотрена Ф.А. Сунгатовым в рамках мониторинга объектов археологического наследия, стоящих на государственной охране.

В 2018 г. работы проведены совместно с волонтерами археологического волонтерского центра «ТАМ-ГА», созданном при Национальном музее Республики Башкортостан. Пе-

ред экспедицией стояла цель уточнения границ могильника и выявление новых погребений.

Сложность изучения объекта археологии заключалась в том, что с 1959 г. полотно дороги было увеличено, а по ее обочинам проводились многочисленные земляные работы – прокладывались траншеи для водопровода, газа, линий связи. Изменилась нумерация домов, конфигурация выступающих палисадников. В настоящее время площадка памятника практически разрушена антропогенным воздействием (рис. 6).

Заложенной разведочной траншеей размером 1×10 м, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, исследован участок памятника с наибольшей, со слов местных жителей, концентрацией случайных находок костей человека.

Стратиграфия раскопа следующая: дерн (10–15 см), далее следует перемес темно-серого рыхлого гумуса и песка в квадратах 1–6, на других квадратах фиксируется слой

чистого гумуса (35–40 см). Ниже на части раскопа (квадраты 1–7) фиксируется предматериковый слой с включениями темного гумуса, в квадратах 8–10 плотный темный гумус. Материковый слой представлен светло-рыжей рыхлой глиной. Глубина раскопа составила 121–123 см.

В ходе прокопки на 3 горизонте выявлены позвонок и ряд человеческих костей, здесь же и несколько выше зафиксированы фрагменты серой лепной керамики. Четко выделяемое пятно перемеса в квадратах 7–8 получило наименование погребения 31 ввиду обнаружения в засыпи костей человека (продолжена нумерация В.Ф. Генинга).

Погребение 31 (рис. 7). Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,90×0,40–0,45 м с отвесными стенками. Ориентировка могильной ямы СВ–ЮЗ. В юго-восточной стенке траншеи, на глубине -134 от дневной поверхности зафиксированы кости человека. В ходе расчистки на глубине 163–166 см выявилось пятно темного грунта. В юго-восточной стенке траншеи на глубине -1,43 м зафиксированы кости человека и фрагмент бронзовой накладки в виде четырехлистника, согласно которому захоронение можно датировать VII в. н. э. (Русланова, 2018, с. 358). По всей ви-

димости, погребение было ограблено еще в древности.

Важным направлением работы стал сбор и проверка сведений, получаемых от местных жителей, о наличии на территории их усадеб исторических находок, которые фиксировались ими во время проведения земляных работ на глубине более 1 м. Один информант передал фрагменты ребер, ключицу и бронзовую подвеску-колокольчик.

Таким образом, раскопки 2017 г. на Бирском могильнике предоставили богатый материал для понимания принципов заполнения площадки, выяснения погребальной обрядности, в том числе зафиксированных «нетрадиционных» форм погребений (наличие ярусности, отчлененный череп, наложение погребений) (Русланова, 2018в). Дальнейшее археологическое изучение памятника является перспективным направлением в изучении древностей позднеримского времени. Напротив, переотложенность и утрамбованность грунта одной из старейших улиц с. Кушнареново не позволяет в дальнейшем планировать изучение могильника. Новые погребения могут быть обнаружены лишь на приусадебных участках жителей села, доступ и работа на которых в настоящее время крайне затруднены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. 1. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова. 1902. 33 с. с илл.
2. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 90–136.
3. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М: Наука, 1968. 161 с.
4. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья / Сост. и науч. ред. Ф.А. Сунгатов. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.
5. Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.
6. Русланова Р.Р. История полевых исследований Бирского могильника // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018б. С. 91–98.
7. Русланова Р.Р. Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года // XXI Уральское археологическое совещание / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018в. С. 318–320.

8. Русланова Р.Р. Новейшие исследования объекта археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» // Археологические открытия 2017 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 364–366.

Информация об авторах:

Русланова Рида Раисовна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии. Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); ridushka@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

**BIRSK AND KUSHNARENKOVO BURIAL GROUNDS
OF THE EARLY MIDDLE AGES IN THE LIGHT OF NEW FIELD RESEARCHES**

R.R. Ruslanova, E.V. Ruslanov

The forest-steppe Urals is a special local region of the vast Eurasian space, where nomadic and semi-nomadic population penetrated from the steppe territories due to serious military, natural or political cataclysms in the steppe. In the middle of the 1st millennium, these processes especially intensified as a result of the revitalization of the steppe during the post-Gun and Turkic migrations, which led to the transformation of the ethnic map of the Southern Urals and the formation of a new poly-cultural population in the forest-steppe Urals. As a result of this mixing around the archaeological material of the first half and the middle of the 1st millennium AD. scientific discussions are still unfolding, both in relation to chronology and periodization and the origin of various groups of artifacts. The appearance of burial grounds, Birsk and Kushnarenkovo, is also a consequence of these events. The proposed publication introduces into scientific circulation new and interesting data obtained during the excavations of recent years.

Key words: archaeology, the Urals, early Middle Ages, burial rite.

REFERENCES

1. Bulychov, N. I. 1902. *Drevnosti iz Vostochnoy Rossii (Antiquities from Eastern Russia)* 1. Moscow: A. I. Mamontov typography (in Russian).
2. Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).
3. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Ufa: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. In Sungatov, F. A. (ed.). 2018. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya (To the Problem of the Cities of the Southern Urals in the Middle Ages)*. Ufa: "Samrau" Publ. (in Russian).
5. Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov (Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises)*. Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia (in Russian).
6. Ruslanova, R. R. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *ArkhLab. Arkheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi (ArchLab. Archaeology of the Urals: time, monuments, people)* 3. Ufa: Bashkir State University Publ., 91–98 (in Russian).
7. Ruslanova, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 318–320 (in Russian).
8. Ruslanova, R. R. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 364–366 (in Russian).

About the Authors:

Ruslanova Rida R. Candidate of Historical Sciences. the National Museum of the Republic of Bashkortostan. Sovetskaya str., 14, Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ridushka@mail.ru

Ruslanov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences. the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 903.5. 393.908

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.56.71>

О ЗАХОРОНЕНИЯХ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

© 2022 г. Э.Е. Кравченко

В статье рассматривается вопрос о наличии в среднем течении реки Северский Донец захоронений хазарского времени, произведенных по обряду кремации, которые известны выше по течению этой реки, в пределах лесостепи. Ранее единственным таким могильником на этой степной территории считался «могильник 2» археологического комплекса Маяки. В последние годы было объявлено об обнаружении в степной зоне еще трех некрополей с захоронениями по обряду кремации. Нанесение на план памятника комплексов «могильника № 2» Маяков показывает, что они представляют собой ряд ям, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, в том числе и в пределах жилой части поселения. В ямах отсутствуют кальцинированные кости, обгорелые предметы и прочие вещи, имеющие отношение к кремационным захоронениям. Относить эти комплексы к единому могильнику, равно, как и определять их как «кремации», нет оснований. Прочие пункты (Бондариха, Государев Яр, Татьянавка) представляют собой полностью разрушенные грабителями археологические объекты. Таким образом, утверждать, на основании этих материалов, о наличии кремационных некрополей в среднем течении р. Северский Донец, невозможно.

Ключевые слова: археологические комплексы, Северский Донец, Маяки, Государев Яр, кремации, хазарское время, погребения, могильники, клады железных вещей, степная зона, лесостепная зона, кальцинированные кости.

Среди памятников хазарского времени, выявленных в бассейне Северского Донца, выделяется группа могильников, содержащих захоронения по обряду кремации. Сейчас их известно не менее десятка (Кухаренко, 1951; 1952; Дегтярь, 1984; Аксенов, 2003; 2004; Аксенов, Михеев, 2006; Лаптев, Аксьонов, 2012; Свистун, 2012; Свистун, Квитковский, 2013; Аксенов, 2017а, б) (рис. 1). На карте, приведенной в работах В.С. Аксенова, все они располагаются в верхнем течении реки, не выходя за границу лесостепи (Аксенов, 2017 а, рис. 2; 2017 б, рис. 1). К вещевым комплексам, обнаруженным южнее, в среднем течении реки, данный автор относился настороженно, на что имелись основания (Аксенов, 2017 а, с. 26, подстрочник). Тем не менее в литературе присутствуют сообщения о наличии кремационных могильников и к югу от границы лесостепной зоны – в степи, в среднем течении Северского Донца.

Вопрос о них впервые был поднят В.К. Михеевым в связи с выявлени-

ем на археологическом комплексе у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл.¹ трех ям, которые он первоначально отнес к хозяйственным объектам (Михеев, 1965, с. 15–16). Все эти ямы (№ 34, 39, 53) располагались в пределах т. н. «Большого раскопа»². В дальнейшем автор пересмотрел точку зрения о хозяйственном характере этих комплексов, определив указанные ямы как «захоронения по обряду кремации». Он выделил их в отдельный «могильник № 2», для которого «характерны обряд трупосожжения и наличие комплексов отдельно сложенных вещей в тайниках» (Михеев, 1985, с. 16–17).

В 1989 г. М.Л. Швецов, производя исследования на участке, смежном с раскопами В.К. Михеева, заявил о находке еще трех «кремаций» могильника № 2. Версия о наличии в степной зоне могильника хазарского времени с захоронениями по обряду кремации вызвала интерес у специалистов и вошла в научную литературу (Плетнева, 2000, с. 71–72; Богуславский, 2001; и др.). Вплоть до недавнего времени,

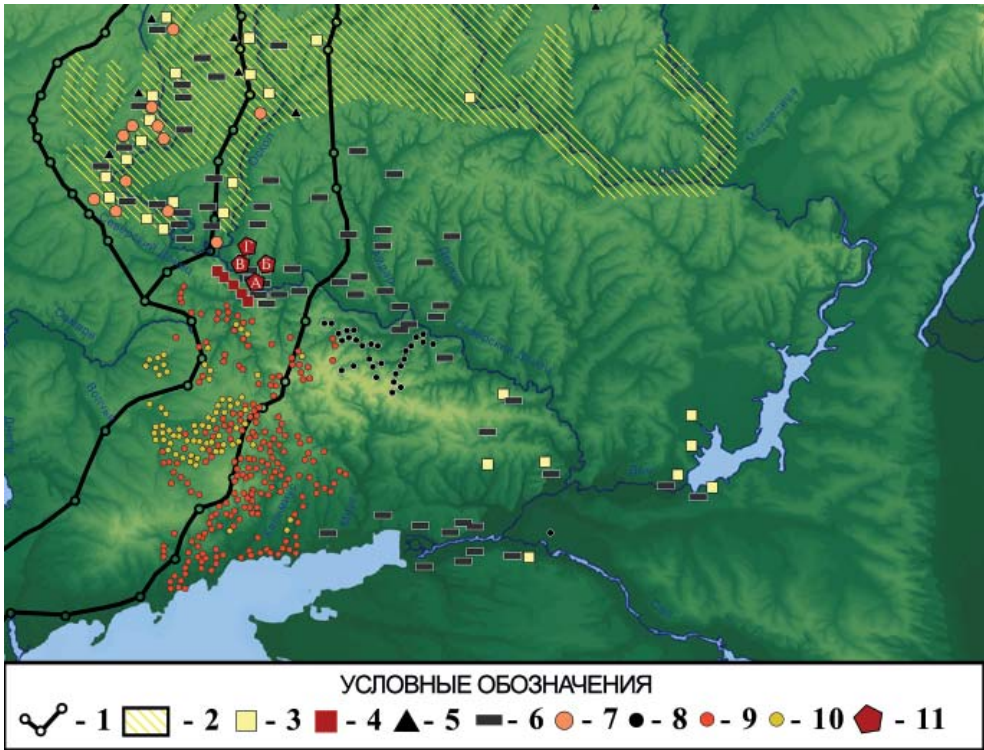

Рис. 1. Памятники хазарского времени на Северском Донце и смежных с ним степных территориях. 1 – степные дороги, упомянутые в Книге Большому чертежу; 2 – зона распространения лесостепных памятников Салтово-Маяцкой культуры; 3 – городища хазарского времени; 4 – городища в среднем течении р. Северский Донец; 5 – могильники Салтово-Маяцкой культуры с катакомбным обрядом погребения; 6 – могильники Салтово-Маяцкой культуры с ямным обрядом погребения; 7 – могильники Салтово-Маяцкой культуры с кремацией; 8 – памятники Салтово-Маяцкой культуры, нанесенные по карте К.И. Красильникова; 9 – степные поселения Салтово-Маяцкой культуры; 10 – единичные находки фрагментов керамики Салтово-Маяцкой культуры; 11 – предполагаемые места кремационных некрополей Салтово-Маяцкой культуры в среднем течении Северского Донца: А – Маяки; Б – Татьянавка; В – Государев Яр; Г – Бондариха.

Fig. 1. Monuments of Khazar times on the Seversky Donets and adjacent steppe territories. 1 – the steppe roads mentioned in the Book of the Great Drawing; 2 – the zone of distribution of forest-steppe monuments of the Saltovo-Mayaki culture; 3 – the ancient settlements of the Khazar time; 4 – the ancient settlements in the middle course of the Seversky Donets; 5 – the Saltovo-Mayaki burial mounds with catacomb burial rites; 6 – the Saltovo-Mayaki cemeteries with pit burial rites; 7 – the graves of the Saltovo-Mayaki culture with cremation; 8 – the sites of the Saltovo-Mayaki culture, marked on the map by K.I. Krasilnikov; 9 – the steppe settlements of the Saltovo-Mayaki culture; 10 – the sporadic finds of the Saltovo-Mayaki culture pottery fragments; 11 – the alleged sites of the Saltovo-Mayaki cremation necropolises in the middle course of the Seversky Donets: A – Mayaki; B – Tatianovka; C – Gosudarev Yar; D – Bondariha.

говоря о кремациях в среднем течении Северского Донца, авторы имели в виду именно «могильник № 2» археологического комплекса у с. Маяки.

В последние годы появился ряд работ, в которых приводятся сведения о нахождении на Северском Донце но-

вых кремационных некрополей, расположенных за пределами лесостепного региона. На карте, приведенной в одной из них, кроме описанного выше «могильника № 2» Маяков (рис. 1: А), обозначены «могильники»: Бондариха, Государев Яр, Татьянавка

Рис. 2. Вещи из «трупосожжений», раскопанных М.Л. Швецовым, на археологическом комплексе у с. Маяки. 1 – сосуд (трупосожжение 1); 2 – кетмень (трупосожжение 1), пряжки и конские путы (трупосожжение 3); 3 – «клевец» (трупосожжение 3); 4 – тесла-мотыжки (трупосожжение 3).

Fig. 2. Items from the "corpse burnings" excavated by M.L. Shvetsov at the archaeological complex near the village Mayaki. 1 – the vessel (burial 1); 2 – the ketmen (burial 1), the buckles and horse harness (burial 3); 3 – the "klevets" (burial 3); 4 – the mattocks (burial 3).

(рис. 1: Г, В, Б) (Голубев, 2018, рис. 1). В тексте автор статьи, вероятно, относя к числу кремационных захоронений и вещевые клады³, указывает, что кремационных могильников на этой территории было гораздо больше. Не касаясь выводов этих работ, рассмотрим, на чем основаны приведенные в них данные.

В первую очередь необходимо остановиться на вопросе об отношении к кремационным захоронениям т. н. «кладов железных вещей», которые являются достаточно частой находкой в среднем течении Северского Донца. На вещах всех известных автору «кладов», найденных в этом регионе, отсутствуют следы воздействия высокой температуры. Клад, найденный у г. Николаевка Славянского р-на Донецкой обл., наряду с целыми предметами, содержал сломанные изделия (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2010, с. 4, рис. 30: 5; 32: 3, 5) и заготовки (там же, рис. 30: 3; Кравченко, 2020,

с. 64, рис. 164)⁴. То же наблюдается в кладе, найденном в урочище Выдылыха (близ с. Богородичное Славянского р-на) (Кравченко, 2020, с. 65, рис. 166)⁵. В составе клада, обнаруженного автором на селище Маяков в 1981 г.⁶, находился грузик из камня (Кравченко, 2020, с. 64, рис. 163), что может свидетельствовать о том, что первоначально вещи были сложены в мешок, застежкой которого являлся данный предмет. Клад, найденный при раскопках городища у с. Сидорово (раскоп 18, 2012 г.) представляет комплекс вещей, спрятанных в момент опасности (Кравченко, 2020, с. 65–66, рис. 167–168). Как видим, «клады» железных вещей к кремационным могильникам не имеют отношения. Часть их могла являться реальными кладами, захороненными ремесленниками. Часть же могла представлять собой тайники или ритуальные комплексы. Дифференцировать эту категорию материала достаточно сложно,

Рис. 3. Археологический комплекс Маяки. Фото и вещи из комплекса, раскопанного в 2012 году. 1 – фото комплекса после расчистки; 2 – медный котел; 3 – железная бляха; 4 – стремена.

Fig. 3. The archaeological complex Mayaki. Photos and items from the complex excavated in 2012. 1 – the photo of the complex after clearing; 2 – the copper cauldron; 3 – the iron plaque; 4 – the stirrups.

т. к. большинство скоплений железных предметов в лучшем случае были выявлены случайно. В худшем же – они были найдены поисковиками или грабителями.

Рассмотрев вопрос о «кладах», следует остановиться на информации о собственно «могильниках с захоронениями по обряду кремации», выявленных в среднем течении Северского Донца.

«Могильник № 2» археологического комплекса у с. Маяки (рис. 1: А). В свое время В.С. Аксенов, сравнивая описанные выше ямы «Большого раскопа» с трупосожжениями известных лесостепных некрополей, выразил сомнение в интерпретации указанных комплексов как «кремаций». В качестве аргументов приводились: иной характер инвентаря, другие размеры ям, отсутствие в ямах

кальцинированных костей, отсутствие следов воздействия погребального костра на инвентаре и др. (Аксенов, 2003). К этому следует добавить, что в приведенном в книге В.К. Михеева в описании одного из этих комплексов (яма № 34) пишется о наличии в нем кальцинированных костей (Михеев, 1985, с. 16), о чем ни слова не было сказано в отчете⁷.

У М.Л. Швецова «трупосожжение» 1 являлось развалом крупного обожженного трехручного кувшина (рис. 2: 1), под обломками которого находился железный кетмень (рис. 2: 2). Сосуд имел следы вторичного использования в виде небольших отверстий, просверленных на его корпусе, которые служили для связывания частей. На корпусе кувшина присутствуют обожженные участки. Вероятно, воздействию огня подвергся и кетмень.

Яма была повреждена золотоордынским погребением № 46, в заполнении которого были найдены фрагмент удил с псалиями и железный стержень. Их М.Л. Швецов также отнес к «инвентарю трупосожжения». При этом материалы, объявленные остатками кремации, залежали на уровне 0,1 м от современной поверхности, что на данном участке соответствует дневной поверхности хазарского времени.

«Трупосожжение-2» представляло собой яму, почти полностью разрушенную захоронением № 48 золотоордынского времени. В яме непо потревоженными были зафиксированы отдельные фрагменты амфоры. К инвентарю этого комплекса были отнесены вещи, рассеянные в верхнем слое раскопа, на расстоянии 7–8 м от ямы⁸ (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 134, рис. 13: 9, 11–12, 14).

Из трех комплексов лишь один, «трупосожжение»-3, сохранился непо потревоженным. Он содержал группу фрагментов керамики (реконструируются серолощенная корчага и пифос, серолощенный горшок с боковыми ручками и нижняя часть амфоры). На дне ямы лежала кружка (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 135, рис. 14). Кроме керамики в яме находилась группа железных предметов: стремена, подпружная пряжка, путы, две пряжки (рис. 2: 2), «клевец», два тесла-мотыжки (рис. 2: 3) и три железных ножа. Следы локального воздействия огня присутствуют на обломках амфоры и пифоса, возможно, на некоторых железных предметах⁹. На других железных предметах следы обожженности отсутствуют (рис. 2: 3).

Следует сказать, что наличие на Маяках скоплений фрагментов и развалов обожженных сосудов не удивляет, т. к. этот памятник неоднократно подвергался разгрому. Гибель

городища хазарского времени также была связана с разгромом и сильным пожаром, следы которого хорошо фиксировались на комплексах, выявленных во время раскопок 2008 года. Были зафиксированы скопления в слое битых сосудов, деформированных вследствие воздействия высокой температуры, остатки пережженных предметов в сгоревшей постройке, вещи, разбросанные в горелом слое, и хозяйственные ямы с обгоревшими досками на дне (рис. 6: 1–6) (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 6, 8–12, фото 6–9, 19–32). Подобная ситуация вполне согласуется с данными исследований В.К. Михеева. В связи с этим степень обожженности предметов могла зависеть от глубины залегания их в том или ином комплексе, равно как и от других причин.

Таким образом, во всех комплексах (кроме «трупосожжения»-1, которое вряд ли могло являться кремацией уже по своему расположению на уровне дневной поверхности) наблюдается та же ситуация, что и в ямах, которые В.К. Михеев относил к «могильнику № 2». Находящиеся в них предметы либо не несут на себе следов воздействия огня, либо эти следы отличаются от тех, которые наблюдаются на вещах, происходящих из реальных кремаций. Характер ям и набор инвентаря также отличаются от кремаций известных лесостепных некрополей, на что указывал В.С. Аксенов. Кроме этого, все эти ямы не содержали кальцинированных костных останков¹⁰.

В 2012 г. на расположенном неподалеку участке был выявлен еще один сходный комплекс (Кравченко, Шамрай, 2014). Яма, в которой лежали вещи, несла следы воздействия огня (рис. 3: 1) и была заполнена горелым грунтом. На дне ее находились: предметы конской сбруи (стремена, удила, подпружные пряжки) (рис. 3: 4; 4: 2, 3, 5, 6), нож с прямой спин-

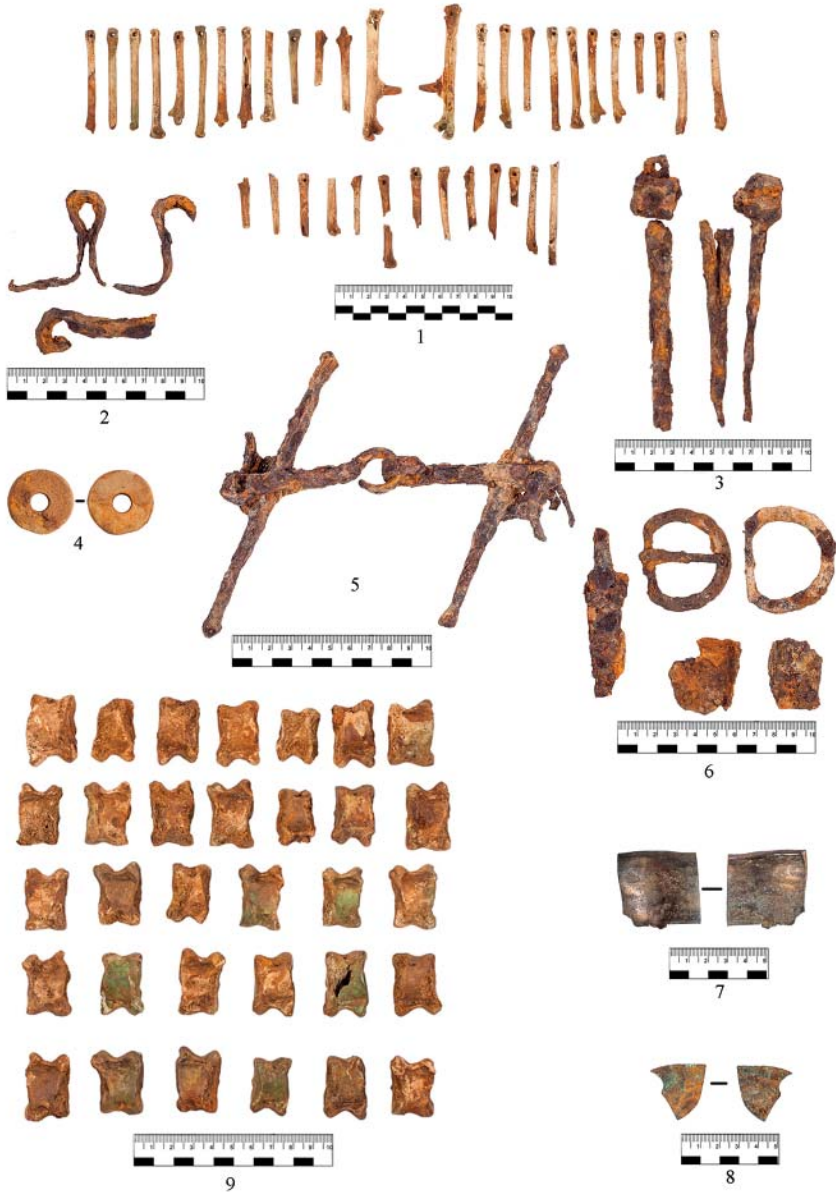

Рис.4. Археологический комплекс Маяки. Вещи из комплекса, раскопанного в 2012 году. 1 – костяные амулеты; 2–3 – фрагменты железных неопределенных предметов; 4 – пряслице; 5 – удила; 6 – подпружные пряжки, нож и фрагменты железной оковки; 7–8 – фрагменты металлических сосудов; 9 – астрагалы.

Fig. 4. The archaeological complex Mayaki. Items from the complex excavated in 2012. 1 – the bone amulets; 2–3 – the fragments of unidentified iron objects; 4 – the spindle; 5 – the bridles; 6 – the girth buckles, knife and fragments of iron shackles; 7–8 – the fragments of metal vessels; 9 – the astragals.

кой и перехватом у рукоятки и котел с вещами (рис. 3: 1, 2). В заполнении котла присутствовали: амулеты из костей петуха и зайца (рис. 4: 1), 32 астрагала (рис. 4: 9), заполированные

фрагменты металлических сосудов (рис. 4: 7, 8), выпуклая железная бляха, вероятно, являвшаяся деталью конского нагрудника (рис. 3: 3), пряслице (рис. 4: 4), фрагменты сильно

Рис. 5. Археологический комплекс Маяки. Схема расположения раскопов В.К.Михеева (1963–1965, 1968 гг.), С.И.Татарина (1976, 1978 гг.), М.Л. Швецова и Э.Е.Кравченко (1988–1989 гг.) и комплекса, расчищенного в 2012 году. Желтым цветом отмечены предполагаемые границы раскопов хазарского времени, синими кружками – кремации, расчищенные В.К. Михеевым, а красными – «кремации», расчищенные М.Л. Швецовым. За основу взята карта GOOGLE «Планета Земля».

Fig. 5. The archaeological complex Mayaki. The scheme of location of V.K. Mikheev's excavations (1963–1965 and 1968), S.I. Tatarinov (1976, 1978), M.L. Shvetsov and E.E. Kravchenko (1988–1989) and the complex cleared in 2012. The yellow colour indicates the proposed boundaries of Khazar excavations and the blue circles indicate cremations, cleared by V.K. Mikheev, and red circles indicate "cremations" cleared by M.L. Shvetsov. The GOOGLE map "Planet Earth" was taken as the basis.

окисленных железных предметов, трудно поддающихся определению (рис. 4: 2, 3). Важным представляется то, что все эти предметы (находившиеся в яме, сам котел и вещи, лежавшие в котле) не имели следов воздействия высокой температуры. Кальцинированных костей также обнаружено не было.

Нанесение комплексов, которые связывают с «могильником № 2» на карту местности позволяет поставить вопрос о том, существовал ли «могильник № 2» вообще. На приведенной схеме (рис. 5) мы видим, что ямы № № 34, 39 и 53, выявленные В.К. Михеевым, располагаются на расстоянии 95 м друг от друга. К комплексам, обнаруженным в раскопах М.Л. Швецова, наиболее близко находится яма № 53, которая расположена

на расстоянии 45 м от «трупосожжения-1», 60 м от «трупосожжения-2» и 55 м от «трупосожжения-3». Типологически близкий им комплекс, выявленный в 2012 г. (Кравченко, Шамрай, 2014), находится на расстоянии 210 м от ямы № 53 и 155 м от «трупосожжения-3». Таким образом, указанные ямы представляют собой ряд комплексов, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, между территорией некрополей хазарского времени и жилой частью памятника. Часть их (ямы № № 34, 39 и 53) локализируются в пределах жилой части салтовского селища. Относить эти ямы к единому могильнику и определять их как «кремации», по нашему мнению, нет оснований.

«Кремационный могильник» у с. Татьяновка (рис. 1: Б) представ-

Рис. 6. Археологический комплекс Маяки. Вид скопления керамики (раскоп 31) и хозяйственных ям раскопа 32 (2008 год). 1 – скопление фрагментов керамики в раскопе 31; 2 – горелые пятна в слое раскопа 32 (кв. А-6); 3 – нижняя часть горелого заполнения котлована постройки в раскопе 32; 4 – хозяйственная яма 1 раскопа 32; 5–6 – хозяйственная яма 3 раскопа 32

Fig. 6. The archaeological complex Mayaki. The view of the pottery assemblage (excavation 31) and utility pits of excavation 32 (2008). 1 – the cluster of ceramic fragments in excavation 31; 2 – the burnt stains in the layer of excavation 32 (QA-6); 3 – the lower part of burnt filling of the excavation of a structure in excavation 32; 4 – the utility pit 1 of excavation 32; 5–6 – the utility pit 3 of excavation 32.

ляет собой два «комплекса» железных вещей, обнаруженных поисковиками. Обстоятельства находки вызвали путаницу в их датировке уже при

первой публикации этих объектов. И.В. Голубева пыталась отнести их к золотоордынскому времени (Голубева, 2017, с. 20–23), при том

Рис. 7. Фотографии железных предметов, происходящих из опубликованных В.В. Давыденко «комплексов» поселения Государев Яр.

Fig. 7. The photos of iron objects, originating from published by V.V. Davydenko's "complexes" of the Gosudarev Yar settlement.

что среди этих вещей присутствуют лемехи плугов, вне сомнений, относящиеся к более раннему периоду. У В.С. Аксенова приведена иная, более реальная дата (X–XII вв.) (Аксенов, 2017 а, с. 26, подстрочник). Собственно, при любом варианте датировки этих вещей она не вписывается в период бытования салтовских кремационных некрополей.

«Могильник у с. Бондариха» (рис. 1: Г). О его характере и выявлен-

ных там предметах у А.М. Голубева не дается информации, однако учитывая то, что он удостоен лишь беглого упоминания, можно предположить, что находок на указанном памятнике им было встречено немного.

«Могильник» в Государевом Яру (рис. 1: В). Расположен неподалеку от с. Богородичное Славянского р-на Донецкой области. Был обнаружен и введен в научный оборот В.В. Давыденко. В 2011 г. он опубликовал его

материалы дважды. В статьях были разные соавторы, и наблюдались отличия. В одной из них указывалось, что объект был найден летом 2007 г. при раскорчевке леса работниками Национального природного парка «Святые горы» (Давыденко, Гриб, 2011, с. 250). В другой статье указано, что работы на памятнике (натурный осмотр и шурфовка), велись в 2010 г. в составе экспедиции Донецкого национального университета (под руководством А.В. Колесника) (Давыденко, Гаврилова, 2011, с. 20, 22). Авторы обеих статей пришли к выводу, что памятник состоит из двух самостоятельных объектов: «неукрепленного поселения на левом берегу балки и, видимо, погребально-поминального комплекса на ее противоположном правом берегу». Во второй статье присутствует очень неуверенное сравнение этого «погребально-поминального комплекса» с могильником у Сухой Гомольши «при условии широкой хронологической атрибуции последнего» (Давыденко, Гаврилова, 2011, с. 22).

Несколько позже материалы с этого же памятника публикует В.В. Колода (Колода, 2013, с. 73–81), который сообщает, что переданные ему (кем не указано) железные предметы «лежали двумя скоплениями на поверхности, рядом с неглубокими перекопами, в сопровождении фрагментов гончарной и лепной керамики» (Колода, 2013, с. 73). Они определяются как «комплексы» № 1 (14 предметов) и № 2 (17 предметов). Упоминание о работах В.В. Давыденко и ранее опубликованных им шести комплексах с данного памятника в статье отсутствует. Первоначально В.В. Колода определил местонахождение как могильник с захоронениями «по обряду кремации» (исходя из «обожженности части инвентаря»). Позже он изменил свою точку зрения и отнес публикуемые им комплексы к числу временных тайни-

ков, связанных с сезонной обработкой земли (Колода, 2014, с. 54–55).

В 2015 г. информация о памятнике вновь вводится в научный оборот. Разведками, проводимыми экспедицией ДП ОАСУ (Слобідська археологічна служба) (А.М. Голубев и И.В. Голубева), совместно со Славянским краеведческим музеем (А.В. Шамрай) и Святогорским историко-архитектурным заповедником (В.В. Дедов) (Дьячков, 2016, с. 223) было установлено, что «могильник сильно разрушен боевыми действиями времен Второй мировой войны и кладоискателями. В шурфах 1 и 2 могильника были выявлены кремационное погребение и тайник соответственно» (Голубев, 2017, с. 63). Такая удачливость, попадание двумя небольшими (1×1 м) шурфами в два комплекса сразу, объясняется тем, что эти комплексы были выявлены по металлическим предметам, лежащим на брустверах окопов. Естественно предположить, что они были сильно повреждены (если не совсем разрушены) оборонительными сооружениями времен Великой Отечественной войны и современными грабительскими ямами (см. Голубев, 2017, с. 57–59, 61). Тем не менее на приведенных в статье чертежах (Голубев, 2017, рис. 3: 1–2) комплексы выглядят целыми. Интерес представляют фрагменты керамического лепного сосуда и биконическое пряслице пеньковского облика (Голубев, 2017, рис. 3: 4–5), которые находились в «кремации» вперемешку с фрагментами характерных салтовских сосудов (там же, рис. 3: 3, 6).

Вышеперечисленное показывает, что материалы данного памятника представляют собой большое количество железных изделий хазарского времени, подавляющая часть которых не несет на себе следов воздействия высокой температуры (рис. 7). Все

эти вещи были добыты без проведения планомерных раскопок, а соответственно, и без должной фиксации. Использовать такого рода материал для каких-либо серьезных выводов представляется проблематичным.

Подводя итог, можно заключить, что говорить о наличии в среднем течении Северского Донца кремационных могильников хазарского времени на основании имеющихся в настоящее время материалов не представляется возможным. Все комплексы, которые относились авторами к этому типу памятников, представляют собой нечетко определяемые или полностью разрушенные грабителями археологические объекты, которые можно отнести к кремационным некрополям лишь имея изрядную долю фантазии.

Примечания:

¹ Памятник входит в четверку крупнейших средневековых поселений в среднем течении Северского Донца (рис. 1: 4). Он был обнаружен в начале XX в. краеведом А.И. Абрамовым, который в 1928 г. показал его Н.В. Сибилеву (Сибилев, 1930, с. 11; Сибільов, 1950, с. 101). Первые исследования, о которых имеется информация, были проведены здесь в 1936 г. экспедицией Сталинского (Донецкого) краеведческого музея под рук. Г.Г. Афендика (Гриб, Кравченко, Кучугура, 2014, с. 67–68). Широкую известность памятник получил после работ экспедиции Харьковского университета (1963–1966 и 1968 гг.). В процессе их было вскрыто более 4000 кв. м площади (Михеев, 1985, с. 12–18). Краткая информация об этих исследованиях вплоть до недавнего времени была основным источником сведений о памятнике. В 70-х гг. XX в. на могильниках, прилегающих к южной части городища, вела раскопки экспедиция Артёмовского краеведческого музея (Копыл, Татаринов, 1979, с. 267–269; 1990, с. 52–71). Изучение памятника было продолжено в 1988–1991 гг. экспедицией под рук. М.Л. Швецова и автора данной работы (Швецов, 2012; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012; Кравченко, 2000; 2009). Большая часть этих материалов М.Л. Швецовым была опубликована. В статьях допущен ряд неточностей. Неправильно (с ошибкой в 300 м) указано расположение некоторых раскопов (Швецов, 2012, рис. 1). Отчеты в том виде, в котором они представлены (см. Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 191), не существуют (даны неверные номера, названия, количество авторов и их имена). Так, об отчете 1989 г. М.Л. Швецов вообще не упоминает, хотя значительная часть материалов его статьи (в том числе и «трупосожжения») является публикацией сведений именно этого отчета. Вместо него неверно указан другой отчет: «Швецов М.Л., Приходнюк О.М. Отчет об археологических работах Донецкой средневековой экспедиции в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 53/1990» (см. Швецов, 2012, с. 116). Реальное название отчетов М.Л. Швецова о полевом сезоне 1989 г.: Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/3; Швецов М.Л., Кравченко Э.Е., Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/249. В 2005 и 2008 гг. на археологическом комплексе вела работы экспедиция Донецкого краеведческого музея под рук. автора данной статьи. Результаты этих работ до сих пор полностью не введены в научный оборот.

² Так в отчетах В.К. Михеева назывался самый крупный раскоп на памятнике (общая площадь 2952 кв. м). Он включал расположенные рядом три раскопа: I, IV, VI (Михеев, 1968, с. 5). «Большой раскоп» был вытянут длиной своей осью по линии запад – восток (рис. 5). В центральной его части вскрыты жилые и хозяйственные сооружения селища,

прилегающего к южной окраине городища. На восточной окраине раскопа была расчищена группа захоронений. В западной части раскопа пошли захоронения некрополя хазарского времени. В дальнейшем (1976, 1978 и 1988–1989 гг.) площадями, прирезанными к западной части «Большого раскопа», были исследованы захоронения некрополей хазарского и золотоордынского времени.

³ «Находки так называемых «вещевых «кладов», в состав которых помимо бытового инвентаря входит и конское снаряжение, зафиксированы во рву городища у с. Сидорово, что может свидетельствовать о наличии кремационного могильника и возле этого памятника» (Голубев, 2018, с. 392).

⁴ Хранится в фондах Славянского краеведческого музея Донецкой области.

⁵ Хранится в фондах ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».

⁶ Хранится в фондах ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».

⁷ «Яма 34. Большая круглая в плане яма диаметром 200 см была вскрыта в юго-западном углу раскопа. Глубина ее от поверхности земли составляет 150 см. Яма углублена в материк на 80 см. Форма ее цилиндрическая. Лишь у самого дна по всей окружности ямы имеется небольшой подбой. Дно ямы покрыто слоем древесного угля. На самом дне ямы лежал обломок железной косы-горбуши и железный клепаный котел. На глубине 30 см у южного края ямы был обнаружен сложенный в кучку следующий инвентарь: коса-горбуша, серп, удила, три железных пряжки и кольцо-замок для косы. У северного края ямы найдена пара стремянок. В 50 см от северного края ямы на глубине 30 см массивный топор с двумя бородками. На расстоянии 200 см от юго-восточного края ямы на глубине 20–30 см лежали сложенные в кучку следующие предметы: нож, перовидное сверло, ложкорез, железная булавка-спица для ручной прялки, рыболовный крючок, удила, пряжка, обломки стремя и сосуд. Отдельно от описанных комплексов в квадрате 61 М на глубине 20 см найдено перекрестие сабли» (Михеев, 1965, с. 12–13).

⁸ Амфора, фрагменты которой были в кв. 11–13 БЭ и 10–11 Я, нож (кв. Э-13), наконечник копья (кв. Э-11), фрагмент «фибуль» (фрагмент петли от ларца) и ледоступ. Последний напоминает предметы золотоордынского времени (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, рис. 13: 9).

⁹ Согласно тексту отчета: «Из сосудов подверглась обжигу тонкостенная рифленая амфора, т. к. именно ее куски находились в основном слое пепла... Сильному обжигу подверглись железные предметы, за исключением стремянок, деталей узды и, возможно, клева. Особенно обожжены пряжки, кольца, тесла» (Швецов, Кравченко, 1989).

¹⁰ В статье М.Л. Швецова говорится о наличии кальцинированных костей в ТС 3, однако автор данной работы, лично производивший расчистку этих ям, с полной определенностью может утверждать, что в рассматриваемых комплексах кальцинированных костей обнаружено не было. За их остатки были приняты кусочки мела, разложившегося в результате воздействия огня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблеми історії та археології України. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. С. 64–68.
2. Аксенов В.С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника) / Хазарский альманах. Т. 3 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2004. С. 5–24.
3. Аксенов В.С. Носители кремационного обряда и этнокультурная обстановка в салтовском лесостепном Подонцовье (2-я пол. VIII – нач. X вв.) // В.К. Михеев. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження / Ред. В.С. Аксенов, В.В. Колода. Харків: ІРІС, 2017б. С. 6–17.
4. Аксенов В.С. К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа // Хазарский альманах. Т. 15 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2017а. С. 17–36.
5. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» / Хазарский альманах. Т. 5 / Гл. ред. В.К. Михеев. Киев-Харьков: Изд-во Международного Соломонова университета, 2006. 308 с.
6. Богуславський Г.С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації // Археологія. 2001. № 2. С. 52–57.

7. Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Будапешт, 2018. С. 367–402.

8. Голубев А.М. Салтово-маяцкий кремаційний могильник «Государів Яр» у Середньому Подонців'ї // Археологія. 2017. № 2. С. 57–64.

9. Голубева І.В. Інтерпретація депозитів речей розвиненого середньовіччя дніпровського лівобережжя: скарби або поховання? // Святогірський альманах 2017. Харків, 2017. С. 20–29.

10. Гриб В.К., Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И. История и материалы одной экспедиции на Донце // Святогірський альманах 2014. Донецьк: Донбас, ТОВ РА Ваш імідж, 2014. С. 64–96.

11. Давыденко В.В., Гаврилова А.Н. Новый комплекс раннего средневековья – Государев Яр в Святогорье // Святогірський альманах 2011. Донецьк: Донбас, ТОВ РА Ваш імідж, 2011. С. 20–31.

12. Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев Яр» – новый памятник X–XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецьк: Бытсервис, 2011. С. 25–269.

13. Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2. С. 239–243.

14. Дьячков С.В. X научная конференция-презентация «Проблемы исследования и охраны историко-культурного наследия Украины» Итоги полевых исследований в 2015 году // Древности. 2016. Вып. 14. С. 222–225.

15. Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3 / Отв. ред. О.О. Савчук. Харків: ОКЗ «ХНМЦОКС», 2013. С. 73–81.

16. Колода В.В. О хозяйственных ямах со стандартизированными наборами предметов на салтовских поселениях // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы IX международной научной конференции / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков, 2014. С. 54–55.

17. Копыл А.Г., Татаринов С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. № 1. С. 267–269.

18. Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: АН СССР, Казанский научный центр, 1990. С. 52–71.

19. Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецьк: Изд. ДонНУ, 2000. С. 75–100.

20. Кравченко Э.Е. Исследование поселения с древнерусской керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 242–263.

21. Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 142–153.

22. Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. 344 с.

23. Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году / Архив ИА НАНУ № 2008/82.

24. Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе у с. Сидорово в 2010 году / Архив ИА НАНУ № 2010/392.

25. Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г. / Архив ИА НАНУ № 2005/25.

26. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. О группе комплексов с Царина городища (среднее течение Северского Донца) // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції, присвяченої 10-й річниці надання Святогірському Успенському монастиреві статусу Лаври (2004), 170-річчю відновлення Святогірського Успенського монастиря (1844), 80-річчю створення краєзнавчого музею М.В.Сібільовим у Святогірську (1934).25-

26 вересня 2014 року м. Святогірськ. Донецьк: ТОВ «Східний видавничий дім», Ваш імідж, 2014. С. 183–192.

27. *Кухаренко Ю.В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. 41 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 99–108.

28. *Кухаренко Ю.В.* Новопокровський могильник і поселення // Археологія. 1952. Вип. VI. С. 33–50.

29. *Липтєв О.О., Аксьонов В.С.* Салтово-маяцький кремаційний могильник у с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4. С. 95–109.

30. *Михеев В.К.* Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки в 1965 году / Архив ИА НАНУ № 1965/18.

31. *Михеев В.К.* Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 году / Архив ИА НАНУ № 1968/48.

32. *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

33. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 1999. 280 с.

34. *Приходнюк О.М., Швецов М.Л.* Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/3.

35. *Свистун Е.Г.* Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2012. С. 79–84.

36. *Свистун Г.Е., Квитковський В.И.* Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2013. С. 118–121.

37. *Сибилев Н.В.* Древности Изюмщины. Вып. 4. Изюм, 1930.

38. *Сибилев М.В.* Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського // Археологія. 1950. Вип. IV. С. 99–114.

39. *Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю.* Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 125–192.

40. *Швецов М.Л.* О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 97–116.

41. *Швецов М.Л., Кравченко Э.Е.* Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/249.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sidae@mail.ru

ABOUT CREMATION BURIALS IN THE MIDDLE REACHES OF THE SEVERSKY DONETS RIVER

E.E. Kravchenko

The article discusses the presence in the middle reaches of the Seversky Donets River the Khazar burials carried out by the rite of cremation, which are known upstream of the river, within the forest-steppe. Previously, the only such burial ground in this, steppe, territory was considered "burial ground 2" of the archaeological complex Mayaki. In recent years, the discovery of three more necropolises in the steppe zone has been announced. The mapping of the complexes of "burial ground no. 2" on the monument's plan Mayaki shows that they are a series of pits scattered far apart from each other, including within the residential part of the settlement. The pits contain no calcified bones, burnt objects or other items relevant to cremation burials. There is no reason to attribute these complexes to a single burial ground, nor is there any reason to classify them as "cremations". Other sites (Bondarika, Gosudarev Yar, Tatyankovka) are archaeological sites completely destroyed by looters. Thus, on the basis

of these materials, there is no reason to claim the presence of cremation necropolises in the middle course of the Seversky Donets River.

Keywords: archaeological complexes, Severski Donets, Mayaki, Gosudarev Yar, cremations, Khazar time, burials, burial grounds, hoards of iron objects, steppe zone, forest-steppe zone, calcified bones.

REFERENCES

1. Aksenov, V. S. 2003. In *Problemi istorii ta arkeologii Ukraini. (Issues of History and Archeology of Ukraine)*. Kharkiv: "Skhidno-regional'niy tsentr humanitarno-osvitnikh initsiativ" Publ., 64–68 (in Russian).
2. Aksenov, V. S. 2004. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev-Kharkiv: "International Solomon University" Publ., 5–24 (in Russian).
3. Aksenov, V. S. 2017. In Aksenov, V. S., Koloda, V. V. (eds.). *V.K. Mikheev. Uchni ta poslidovniki do 80-richchya z dnya narodzhennya (V.K. Mikheev. Pupils and Followers to the 80th Anniversary of his Birth)*. Kharkiv: "IPIC" Publ., 6–17 (in Russian).
4. Aksenov, V. S. 2017. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 15. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 17–36 (in Russian).
5. Aksenov, V. S., Mikheev, V. K. 2006. In Mikheev, V. K. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 5. Kiev-Kharkiv: "International Solomon University" Publ., (in Russian).
6. Boguslavs'kiy, G. S. 2001. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 52–57 (in Ukrainian).
7. Golubev, A. M. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.) (3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016))*. Budapesht, 367–402 (in Russian).
8. Golubev, A. M. 2017. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 57–64 (in Ukrainian).
9. Golubeva, I. V. 2017. In *Svyatogirs'kiy al'manakh (Svyatogorsk Almanac)* 17. Kharkiv, 20–29 (in Ukrainian).
10. Grib, V. K., Kravchenko, E. E., Kuchugura, L. I. 2014. In *Svyatogirs'kiy al'manakh (Svyatogorsk almanac)* 2014. Donetsk: "Donbas", "RA Vash imidzh", 64–96 (in Russian).
11. Davydenko, V. V., Gavrilova, A. N. 2011. In *Svyatogirs'kiy al'manakh (Svyatogorsk almanac)* 2011. Donetsk: "Donbas", "RA Vash imidzh", 20–31 (in Russian).
12. Davydenko, V. V., Grib, V. K. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 25. Donetsk: "Bytservis" Publ., 25–269 (in Russian).
13. Degtyar', A. K. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 239–243 (in Russian).
14. D'yachkov, S. V. 2016. In *Drevnosti (Antiquities)* 14, 222–225 (in Russian).
15. Koloda, V. V. 2013. In *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 3. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 73–81 (in Russian).
16. Koloda, V. V. 2014. In Dyachkov, S. V. (ed.). *Problemy istorii i arkeologii Ukrainy (Issues of History and Archeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 54–55 (in Russian).
17. Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 267–269 (in Russian).
18. Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1990. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope (Early Bulgarians and Finno-Ugrians in Eastern Europe)*. Kazan: Russian Academy of Sciences of USSR, Kazan Scientific Center, 52–71 (in Russian).
19. Kravchenko, E. E. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 75–100 (in Russian).
20. Kravchenko, E. E. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 242–263 (in Russian).
21. Kravchenko, E. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkeologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: "Shkola" Publ., 142–153 (in Russian).
22. Kravchenko, E. E. 2020. Sidorovskii arkeologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4 (in Russian).
23. Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniakh na arkeologicheskome komplekse Mayaki v 2008 godu (Report on Studies at the Mayaki Archaeological Complex in 2008)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).

24. Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2010. *Otchet ob issledovaniyakh na arkheologicheskoy komplekse u s. Sidorovo v 2010 godu (The report about investigations at the Sidorovo archaeological complex in 2010)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 2010/392 (in Russian).
25. Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Shamray, A. V., Miroschnichenko, V. V., Petrenko, A. N. 2005. *Otchet o rabotakh srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii DOKM v 2005g. (Work report on the medieval archaeological excursion of the Donetsk Regional Museum of Local Lore in 2005)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 2005/25 (in Russian).
26. Kravchenko, E. E., Shamrai, A. V. 2014. In *Problemy zberezhennia i vikoristannia kul'turnoi spadshchini v Ukraini (Issues of the Preservation and Use of Cultural Heritage in Ukraine)*. Donetsk: "Vash imidzh" Publ., 183–192 (in Russian).
27. Kukhareno, Yu. V. 1951. In Udalt'sov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 41. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 99–108 (in Russian).
28. Kukhareno, Yu. V. 1952. In *Arkheologiya (Archaeology)* 6, 33–50 (in Ukrainian).
29. Laptev, O. O., Aks'onov, V. S. 2012. In *Arkheologiya (Archaeology)* 4, 95–109 (in Ukrainian).
30. Mikheev, V. K. 1965. *Otchet o raskopkakh poseleniya i mogil'nika saltovskoy kul'tury u s. Mayaki v 1965 godu (Report of the excavation of a settlement and burial ground of the Saltovskiy culture near the village of Mayaki in 1965)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1965/18 (in Russian).
31. Mikheev, V. K. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh poseleniya saltovskoy kul'tury u s. Mayaki v 1968 godu (Report of the excavation of a settlement and burial ground of the Saltovskiy culture near the village of Mayaki in 1968)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1968/48 (in Russian).
32. Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazar'skogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).
33. Pletneva, S. A. 1999. *Ocherki khazar'skoi arkheologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moskva; Jerusalem: "Gesharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).
34. Prikhodnyuk, O. M., Shvetsov, M. L. 1989. *Otchet o rabote Slavyanskoy ekspeditsii v 1989 g. (The report of the Slavic Expedition's work in 1989)* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1989/3 (in Russian).
35. Svistun, G. E. 2012. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 2. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 79–84 (in Russian).
36. Svistun, G. E., Kvitkovskiy, V. I. 2013. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements)* 3. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 118–121 (in Russian).
37. Sibilev, N. V. 1930. *Drevnosti Iziunshchiny (Antiquities of the Iziun Region)* 4. Iziun (in Russian).
38. Sibil'ov, M. V. 1950. In *Arkheologiya (Archaeology)* 4, 99–114 (in Ukrainian).
39. Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).
40. Shvetsov, M. L. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 97–116 (in Russian).
41. Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1989. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniyakh na pamyatnike u s. Mayaki i pos. Donetskogo Slavyanskogo r-na Donetskoy obl. v 1989 g. (The report on rescue archaeological investigations at the monument near the village Mayaki and Donetsk in the Slavyansk district of the Donetsk region in 1989)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1989/249 (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sidae@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 902.01, 903.01/09

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.72.88>

ДЕРЕВЯННЫЕ НОЖНЫ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ОБКЛАДКАМИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ¹

© 2022 г. Ю.А. Подосёнова, Н.Б. Крыласова, А.В. Данич

В эпоху средневековья на территории Пермского края бытовали деревянные ножны, обложенные металлическими пластинами, в основном, из сплава с высоким содержанием серебра. Отдельные изделия были декорированы зернью, филигранью, вставками из стекла или камней, тисненными антропоморфными и орнитоморфными изображениями, позолотой. Целью статьи является введение в научный оборот источников и результатов их исследования для определения основных технологических характеристик и особенностей функционирования ножен. На основе сбора и систематизации источников сложилось представление о массовости и разнообразии ножен. Анализ монетного материала позволил конкретизировать основной период их распространения: IX – первая половина X вв., хотя отдельные экземпляры встречаются и в XI в. Анализ особенностей залегания ножен в погребениях с учетом палеоантропологических данных позволил сделать вывод, что ножны с металлическими обкладками были частью поясного набора и использовались в женском костюме как символический и декоративный элемент. Из Пермского Предуралья отдельные изделия проникли в Удмуртское Предуралье (поломская археологическая культура), в Ветлужско-Вятское междуречье и Волжскую Булгарию. Возможно, в Удмуртском Предуралье был свой центр изготовления подобных изделий со своими отличительными особенностями.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, ломоватовская культура, женский костюм, ножны, серебро, медь, зернь, филигрань, тиснение, позолота.

Введение

В материалах ломоватовской культуры Пермского Предуралья (VII–XI вв.) известны *деревянные ножны с металлическими обкладками*. Представлены они широко, но к массовым находкам не принадлежат, т. к. носили статусный характер. Опыт их описания и систематизации был (Голдина, 1985, с. 59; Крыласова, 2007, с. 229–233), но детально ножны не анализировались из-за недостаточной выборки и плохой сохранности предметов. Раскопки Баяновского могильника существенно пополнили коллекцию ножен, что позволило исследовать их на новом уровне. Проанализировано 88 ножен с 11 памятников, из них 60 – с Баяновского могильника.

Контекст нахождения ножен

Ножны с металлическими обкладками характерны для «богатых» женских захоронений, где были принадлежностью пояса (Крыласова, 2007, с. 229). Данные Баяновского могильника полностью подтвердили это: ножны сопровождают погребения женщин², умерших в возрасте 16–50 лет, редко захоронения девочек до 15 лет³. На других территориях такие ножны тоже характерны для женских комплексов (Мыдлань-Шай (п. 21, 64, 74, 79; Генинг, 1962, табл. VII: 1–3), Поломский II Красная горка (п. 70; Останина, 2011, с. 145, рис. 30: 6), Танкевский (п. 953; Казаков, 1992, рис. 31: 10), Больше-Тиганский (п. 30; Халиков, Халикова, 2018, табл. XX

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-590001 «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности», при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. а также в рамках темы Государственного задания, номер регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

Рис. 1. Детали: 1 – основа рукояти из двух деревянных элементов, 2 – торец рукояти, обернутый берестой, 3 – основа ножен из двух деревянных элементов, 4 – металлические пластины, соединенные пайкой, 5, 8 – проволочные кольца для дополнительной фиксации пластин, 6 – бронзовый подвес, 7 – торец рукояти, покрытый серебряной пластиной, 9 – остатки кожи между металлическими пластинами, 10 – шаровидный затыльник рукояти, 11 – декоративный затыльник рукояти, 12 – грушевидный наконечник ножен, 13 – фрагмент деревянной основы ножен со следами от проволоки или нити, 14 – шпенец с ромбической головкой, 15–16 – низки бус и пронизок для подвешивания ножен. 1–6 – п.392, 7–9 – п.374, 10 – п.358 Баяновского м-ка, 11 – Огурдинский м-к, 12 – п.270, 13 – п.367 Баяновского м-ка, 14 – п.51 Редикарского м-ка, 15 – п.65, 16 – п.513 Баяновского м-ка

Fig. 1. Details: 1 – the base of the handle is made of two wooden elements; 2 – the butt of the handle, wrapped with birch bark, 3 – the base of the scabbard consists of two wooden elements, 4 – metal plates connected by soldering, 5, 8 – wire rings for additional fixation of plates, 6 – bronze suspension, 7 – the end of the handle, covered with a silver plate, 9 – leftover leather between metal plates, 10 – spherical butt of the handle, 11 – decorative buttstock of the handle, 12 – pear-shaped scabbard tip, 13 – a fragment of the wooden base of the scabbard with traces of wire or thread, 14 – a peg with a rhombic head, 15–16 – beads for hanging scabbards.

IVB: 17), Веселовский (п. 3), Нижняя стрелка м-ки (п. 17; Никитина, 2012, рис. 12: 7; 162: 7).

На Баяновском могильнике ножны часто уложены вдоль левого предплечья погребенной, реже – на месте ношения у левого бедра, тогда обычно сохраняется низка стеклянных и бронзовых бус, вытянутая от ножен к поясу (рис. 1: 15–16; 2: 5A; 3: 9, 19; 4: 1, 4; 5: 6, 8; 7: 7–8, 10, 15). Укладка ножен у левого предплечья, возможно, была локальной погребальной традицией. Но Е.П. Казаковым отмечается, что и в Танкеевском могильнике ножи у женщин нередко положены у правой или левой руки, а в п. 953 ножны тоже располагались у левого плеча (Казаков, 1992, с. 102).

Интересен вопрос о назначении таких ножен. В.Ф. Генинг предполагал их символическое, а не практическое значение (Генинг 1962, с. 68). В.А. Оборин и Р.Д. Голдина считали их футлярами декоративных кинжалов. В.А. Оборин так описал ножны из п. 5 Плёсинского могильника: «Декоративный кинжал с серебряной обкладкой, наглухо скрепленный медным стержнем, с кольцом для привязывания к поясу» (Оборин, 1962, с. 99). Соединенные подвесом рукоять и футляр выявлены и в п. 328, 367, 406 Баяновского могильника. В этих случаях практическое использование ножей невозможно, ножны были предметом *символического и декоративного характера*. Рукояти ножей обычно короткие (2,5–5 см), их было неудобно помещать в ладонь, драгоценный декор на многих рукоятях не предполагал повседневного использования таких ножей. Иногда достоверно зафиксировано отсутствие собственно ножа.

Аналогично оцениваются ножны с других территорий. Так, описывая ножны из п. 3 Веселовского м-ка, Т.Б. Никитина отметила их декоративное или вотивное назначение: внутри были

железные модели ножей с очень коротким лезвием (Никитина, 2012, с. 11).

Конструкция ножен и их химико-технологические характеристики

Комплекс включал: нож, рукоять, футляр для ножа и подвес.

Ножи, судя по доступным для анализа, универсальные, длиной 10–15 см, с лезвием шириной 1–1,5 см.

Ножны имеют длину 23–43 см (с рукоятью), ширину 2–3, толщину 1–1,5 см, включают две части: рукоять ножа и собственно ножны, образующие единую композицию.

В Лаборатории термических анализов кафедры неорганической химии, химической технологии и техноносферной безопасности ПГНИУ под руководством к.х.-т.н. И.Г. Мокрушина выполнено исследование *основы ножен* (23 образца) по разработанной для археологических образцов методике. Материал основы определен как *береза*, наряду с которой в трех образцах отмечена кость. Для сравнения, в Ветлужско-Вятском междуречье основа ножен была *из липы* (Никитина, 2012, с. 11, 13).

Рукояти имеют длину 2,5–5 см (чаще 3,5–4 см), лишь в двух случаях они были длиной 7–8 см. Основа выполнялась двумя способами: 1 – склеивалась из двух деревянных планок полусферического сечения с пазами для черешка ножа (рис. 1: 1); 2 – в цельной деревянной основе вырезалось отверстие для черешка ножа.

Основа футляра ножен складывалась из пары деревянных планок полуовального сечения (рис. 1: 3) с выемкой для ножа. Они были длинными, и при склеивании их стягивали нитями – на фрагментах двух ножен есть характерные следы в виде насечек (рис. 1: 13).

Металлические элементы обкладки ножен изготовлены из *медных или серебряных пластин* толщиной 0,13–0,6 мм. *Медные обкладки* имеют глубокий слой окиси, их исследование с

позиций химического состава металла не проводилось.

У большинства ножен (64 экз.) обкладки были *серебряными*. Они исследованы путем рентгено-флюоресцентного анализа (РФА, портативный РФА-анализатор Bruker S1) и методом сканирующей электронной микроскопии с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа (СЭМ РФЛА; сканирующий электронный микроскоп Hitachi S3400 с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа Bruker). Первым методом получены предварительные данные и определен химический состав обкладок ножен из фондов музеев. Второй способ дал более точные данные о составе металла.

Путем РФА в обкладках зафиксировано *высокое содержание серебра* (90–94%), небольшое количество меди (3–6%), золота (0,6–1,3%), свинца (0,6–1,2%), цинка (0,6–1%), следы мышьяка и железа (до 1%).

При СЭМ РФЛА в обкладках выявлено *высокое содержание серебра* (92–95%), небольшое количество меди (5–7%). Расхождение в данных, полученных разными методами, наблюдается по доле свинца, золота и цинка, что связано с особенностями проведения исследований. Общий результат показал, что материалом обкладок был *сплав с высоким содержанием серебра*. Сырьем, очевидно, служил монетный металл.

Иногда фон зерно-филигранного декора или тисненые изображения *позолочены*. Методом СЭМ РФЛА проанализирован фрагмент с глубоким слоем позолоты, выявлено высокое содержание золота (88–95%) и ртути (5–12%), что свидетельствует о нанесении позолоты путем *амальгамирования*.

Рукояти покрывали цельной пластиной, ее края сводили внахлест на тыльной стороне и спаивали. Снизу и сверху надевали колечки-обоймы из

гладкой или штампованной проволоки, дополнительно скреплявшие пластину.

Пока в четырех случаях выявлены *затыльники рукоятей*, разные по форме и креплению. Простейший – тонкий берестяной лист, обернутый вокруг деревянной основы (рис. 1: 2, п. 392 Баяновского м-ка). Второй затыльник вырезан из тонкого листа металла по форме сечения рукояти ножа с небольшим припуском, наложен на торец, припуск отогнут и зажат обкладкой рукояти (рис. 1: 7; 4: 7 На одних ножнах эта орнаментальная зона образована двумя пластинами, п. 374 Баяновского м-ка). У затыльника рукояти из Огурдинского могильника (рис. 1: 11) из пластины вырезана заготовка по форме сечения рукояти ножа с небольшим припуском; её концы отогнуты, вставлены в готовую металлическую часть рукояти, припаяны, потом нанесен декор. Затыльник в виде полого шарика (рис. 1: 10, п. 358 Баяновского м-ка) собран из двух спаянных полусфер и надет на рукоять ножа. Подобный затыльник рукояти есть в п. 30 Больше-Тиганского м-ка IX – н. X вв. (Халикова, Халиков, 2018, с. 40, табл. XXIVB: 17).

Вероятно, затыльники были у большинства рукоятей, но так как их обычно не припаявали, они могли теряться ещё при использовании ножен.

Обкладки футляра делались так же – пластина сгибалась, края заводились внахлест, спаивались, готовая пластина надевалась на деревянную основу, края дополнительно зажимались кольцами (рис. 1: 4–5). Иногда обкладка из цельной металлической пластины покрывала большую часть футляра, но чаще на деревянной основе на некотором расстоянии помещали 2–3 пластины.

Пока есть единственный *наконечник ножен* – полый грушевидный, слегка изогнутый, спаянный из двух половинок, тисненых из тонкого ли-

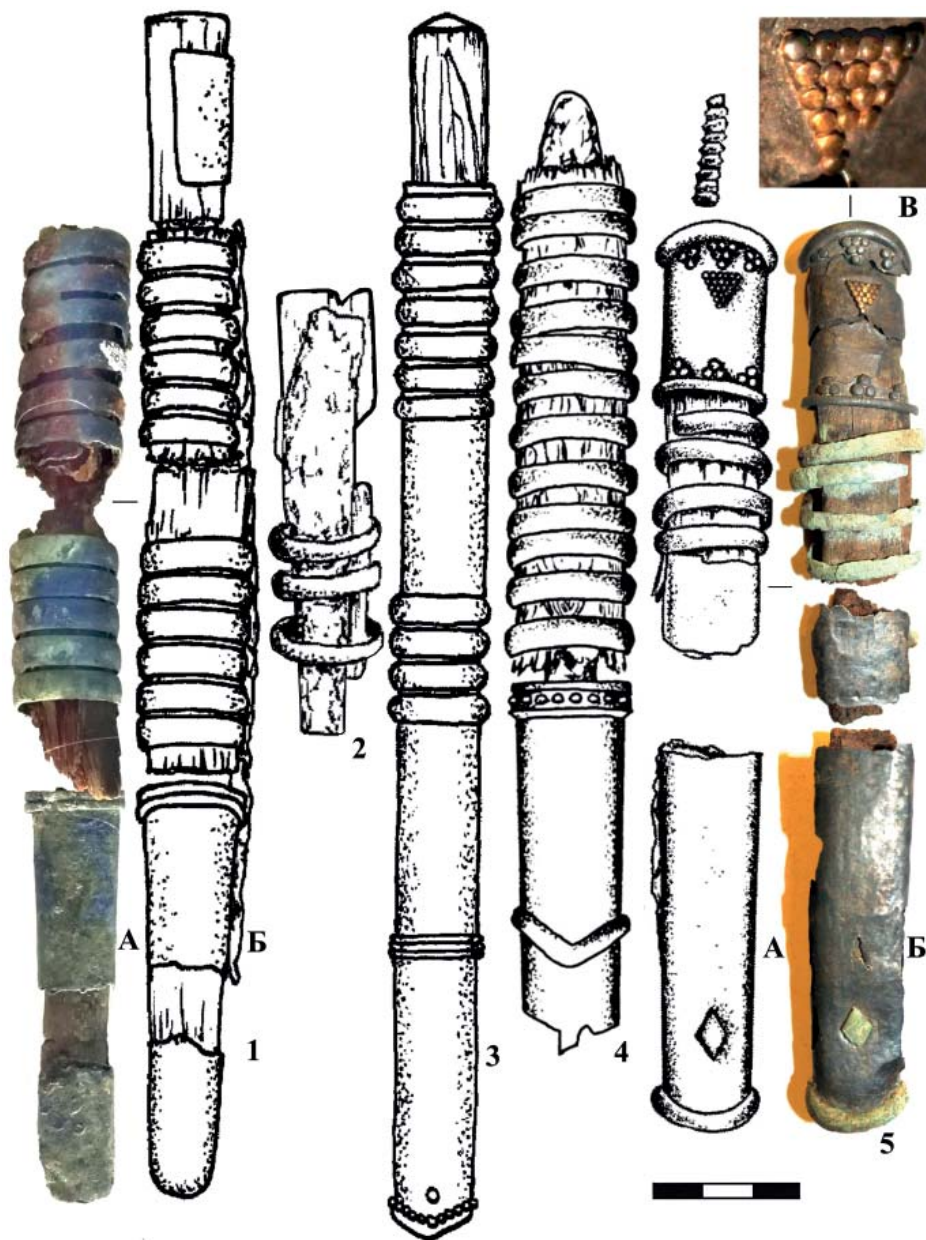

Рис. 2. Ножны группы 1: 1 – п.4 Каневского, 2 – п.2 Важгортского, 3 – п.10 Урынско-го, 4 – п.6 Важгорского, 5 – п.51 Редикарского м-ка

Fig. 2. Sheath of group 1.

ста металла (рис. 1: 12, п. 270 Баяновского м-ка). Такие наконечники известны на ножнах сабель аланского и венгерского типа (Кирпичников, 1966, с. 68).

Подвес ножен представлял собой литой бронзовый стержень с полукру-

глым изгибом сверху, образующим петлю, следом за которым конец был раскован (рис. 1: 6). Вдоль стержня имелись отверстия (5–6) для шпеньков. Аналогичные подвесы имели ножны из полоумской культуры (Семенов, 1980, табл. XXV: 10, 12; XXVI: 3,

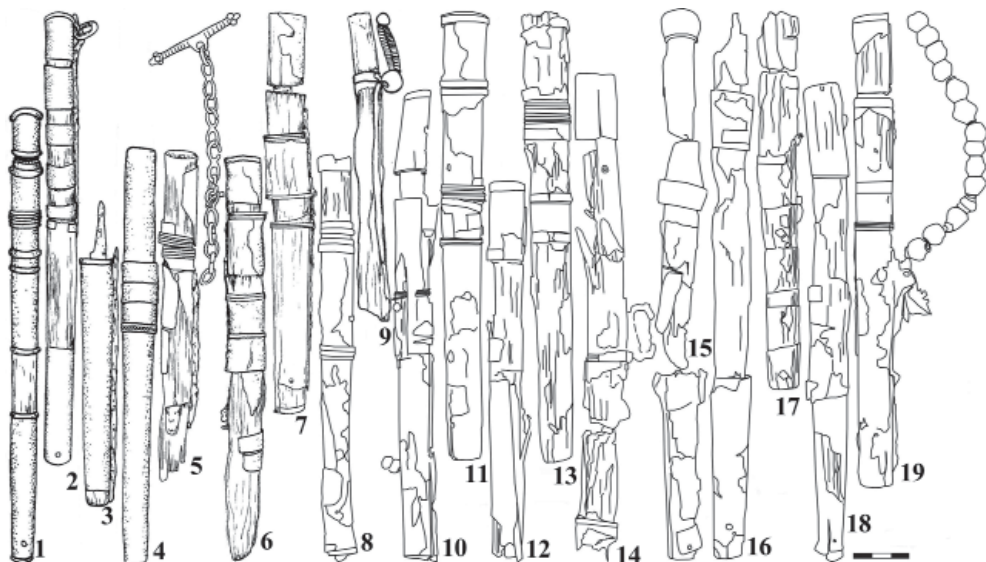

Рис. 3. Ножны группы 2, тип 1: 1 – п.19 Урьинского, 2 – п.5 Плесинского, 3 – п.287 Агафоновогo, 4 – п.45 Аверинского, 5 – п.26 Рождественского, 6 – п.20, 7 – п.51, 8 – п.55, 9 – п.65, 10 – п.97, 11 – п.252, 12 – п.266, 13 – п.283, 14 – п.345, 15 – п.358, 16 – п.359, 17 – п.435, 18 – п.476, 19 – п.281 367 Баяновского м-ка

Fig. 3. Sheath of group 2, type 1.

4, 5б, 6б, 7а; Генинг, 1962, табл. VII: 1), Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012, рис. 12: 7), Танкевского могильника (Казаков, 1992, рис. 30: 10).

За изготовлением основных деталей ножен следовал процесс сборки изделия. Основу обтягивали кожей – ее остатки видны под металлическими пластинами на многих ножнах (рис. 1: 9). Кожа служила для лучшей подгонки деталей и выполняла эстетическую функцию, когда обкладки покрывали футляр с промежутками. На полученную конструкцию надевали металлические части, затем на тыльную сторону шпеньками крепили подвес, скреплявший конструкцию и закрывавший места пайки на обкладках.

Нижняя часть ножен укреплялась сквозным шпеньком. На ножнах из п. 51 Редикарского могильника его головка имела ромбическую форму (рис. 1: 14), судя по следам на отдельных предметах (рис. 5: 1,

5, 9; 7: 4, 9, 13, 15), шпеньки с такими головками применялись нередко. В.Ф. Генинг по материалам п. 21 могильника Мыдлань-Шай, где детально прослежены особенности крепления ножен, сделал реконструкцию, по которой к этому шпеньку крепился ремешок, соединявший нижнюю часть ножен с поясом, а к верхнему концу ножен присоединялся ремешок с набором медных бус (Генинг, 1962, с. 68, рис. 29).

Ножны, конструктивно и технологически схожие с ломоватовскими, известны в поломской культуре (Семенов, 1980, с. 50) и у жителей Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012, с. 11, рис. 12: 5–7).

Классификация ножен

Почти каждые ножны индивидуальны, тем не менее выборка позволяет провести классификацию этой категории ювелирных изделий. Отличие ножен заключается в способах наложения металлических обкладок и в особенностях их декорирования,

что стало основанием для выделения основных таксономических единиц.

Группа 1 (рис. 2, 5 экз.) – нижняя часть футляра обложена *медной или серебряной пластиной*, верхняя – *бронзовыми кольцами*, согнутыми из литых заготовок полукруглого сечения.

Тип 1 (рис. 2: 1–3, 3 экз. – п. 40 Каневского, п. 2 Важгортского, п. 10 Урьинского м-ка) – *без декора*.

Тип 2 (рис. 2: 4, 1 экз. – п. 6 Важгортского м-ка) – верхний край обкладки ножен декорирован *пластинчатой лентой с чеканным орнаментом* в виде полугорошин.

Тип 3 (рис. 2: 5, 1 экз. – п. 51 Редикарского м-ка (Белавин, 2007, рис. 12: 13, 19)) – *рукоять с зерно-филигранным декором*: треугольники крупной серебряной зерни обрамляют колечки-обоймы (снизу – из штампованной проволоки); в центре – треугольник мелкой золотой зерни, осмотр которой при увеличении показал, что она напаяна на треугольную пластинку, которая затем припаяна к обкладке рукояты (рис. 2: 5В). Возможно, треугольник с зернью вырезан из какого-то ювелирного изделия.

Ножны, обтянутые металлическими пластинами в сочетании с литыми бронзовыми кольцами-обоймами (тип 6 по В.А. Семенову), известны в Варнинском могильнике (Семенов, 1980, с. 50).

Группа 2 (83 экз.) – ножны покрыты *металлическими пластинами*. Они либо полностью закрывали рукоять и футляр, либо покрывали рукоять и окончание ножен, а между ними ярусами располагались горизонтальные пластины, в промежутках между которыми было видно основание, обтянутое кожей.

Тип 1 (рис. 3; 46 экз. – п. 19 Урьинского, п. 81, 118 Деменковского, п. 287 Агафонового, п. 45 Аверинского, п. 5 Плесинского, п. 26 Рождественского, остальные – Баяновский м-к) –

без декора. Материал – *медь, серебро*. Декоративность придавали обжимные кольца из гладкой или штампованной проволоки, помещенные группами по низу рукояты и устью футляра, а иногда и по краям пластин в центральной части ножен, а также контраст металлических пластин и промежутков между ними, затянутых кожей.

Аналогичные ножны есть на Танкеевском (п. 30, 953) (Казаков, 1992, с. 102, рис. 31: 10, с. 137, рис. 50: 10–11), Кочергинском (п. 5 (Талицкий, 1941, с. 167, рис. 8: 72)), Кузинских хуторах (п. 25 (Никитина, Акилбаев, 2019, с. 92, рис. 5: 13)), на могильнике Уелги на Южном Урале (раскопки 2019 г.), где есть серия материалов прикамского происхождения (Боталов, 2019, с. 85–86).

Тип 2 (14 экз.) – *с зерно-филигранным декором*. Материал – *серебро*.

Подтип 2а (рис. 4: 1–2; 5: 1–13, 13 экз.) – *с зерно-филигранным декором и вставками*.

Вариант 1 (рис. 4: 1–2; 5: 1–11; 11 экз.: Пермский край, д. Зобачева (Спицын, 1902, т. III: 7), п. 86, 136, 328, 365, 392, 400, 433, 502 Баяновского м-ка), в основе декоративной композиции – *элемент в виде «якоря»* высотой 3–5,5 см: каст с каплевидной вставкой обрамлен штампованной проволочкой с концами, спускающимися вниз и расходящимися в стороны завитками (рис. 6: 1–9). «Якорьки» дополнены треугольниками зерни на концах завитков, по бокам и вокруг каста. Иногда вставку заменяла *розетка из зерни* (п. 86, 433 – рис. 5: 4, 10; 6: 6, 9).

«Якорьковый» элемент повторялся на рукояты (за одним исключением, где есть только каст со вставкой – п. 392, рис. 4: 1; 5: 8; 6: 4) и в верхней части футляра ножен, где выделялась декоративная зона в виде широкой (10–12 см) пластины, обрамленной сверху и снизу рядами гладкой или штампованной проволоки, вдоль которой обычно помещены треугольники

Рис. 4. Примеры ножен группы 2 с декоративной отделкой: 1 – п.392, 2 – п.328, 3 – п.517, 4 – п.492, 5 – п.124, 6 – п.480, 7 – п.374 Баяновского м-ка.

Fig. 4. Examples of Group 2 sheath with decorative trim.

зерни. На одних ножнах эта орнаментальная зона образована двумя пластинами, каждая обрамлена гладкой проволокой с треугольниками зерни вдоль нее (п. 86, рис. 5: 4). В отдельных изделиях орнаментальная зона ограничивалась по бокам «рамкой» из припаянных вертикально проволочек (п. 400, 433, 502, рис. 5: 9–10; 6: 5, 9).

Зернь на ножнах калиброванная, *филигрань* в виде штампованной зерненой проволочки без видимых де-

фектов (отсутствие пропуска насечек, равномерное расстояние между насечками) (рис. 6).

Касты для вставок открытые, из тонкой металлической полоски, напаянной под прямым углом к поверхности ножен. После крепления вставки края каста обжимались. Вставка дополнительно подклеивалась – на одном изделии между стеклянной вставкой и металлом заметно вещество темного цвета (смола?). Матери-

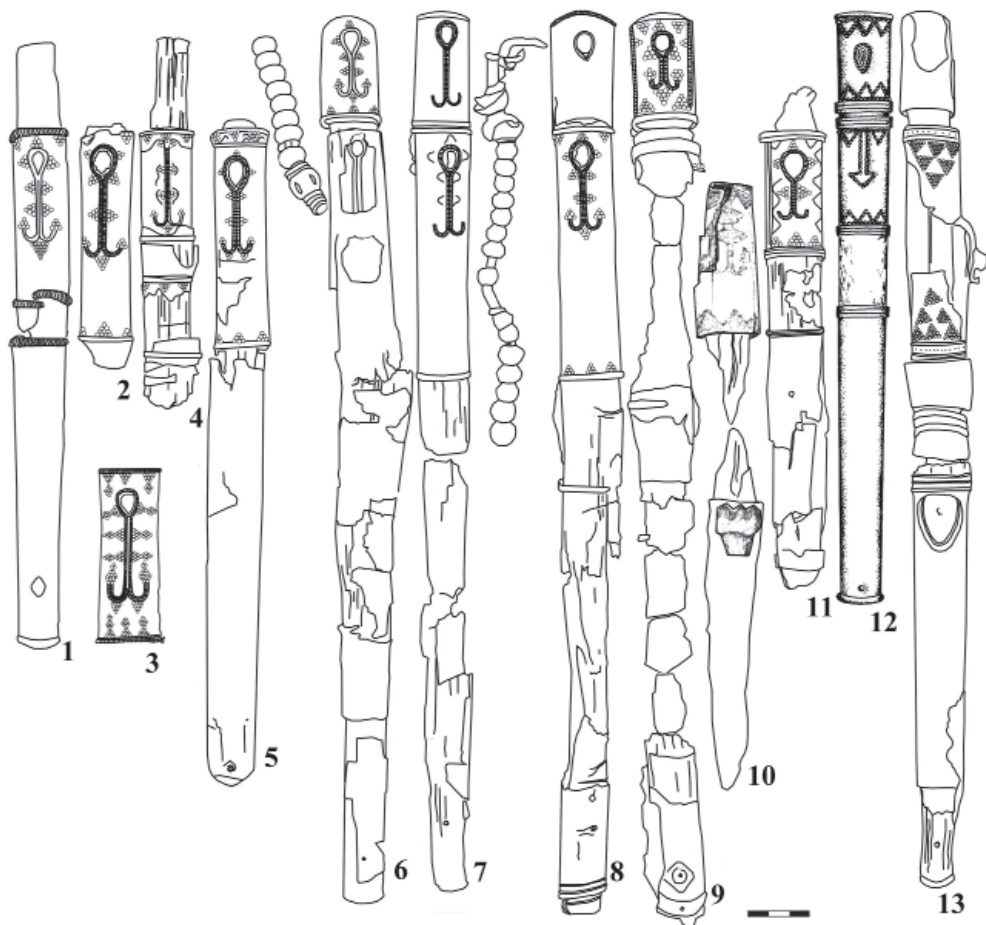

Рис. 5. Ножны группы 2, тип 2: 1–2 – Пермский край, 3 – д. Зобачева, 4 – п.86, 5 – п.328, 6 – п.365, 7 – п.136, 8 – п.392, 9 – п.400, 10 – п.433, 11 – п.502, 13 – п.517 Баяновского, 12 – п.6 Каневского м-ка.

Fig. 5. Sheath of group 2, type 2.

ал вставок – *янтарь* (п. 136, 328, 365, 502), *стекло или камень* зеленого цвета (п. 392, 400), *черная смола* с матовой поверхностью (п. 392) (рис. 6: 11).

Ближайшие аналоги ножнам с зерно-филигранным декором, в том числе с «якорьками», есть в поломской культуре: в погребениях VIII–IX вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, с. 50, 132, табл. XXVI: 3–6; Иванова, Куликов, 2000, с. 31, 190, № 56), погребениях вт. пол. VIII – перв. пол. IX вв. могильника Мыдлань-Шай (п. 21, 74, 64, 79; Генинг, 1962, табл. VII: 1–3), погребениях VIII–IX вв. Поломского могильника (Руденко, 2015,

рис. 44). Аналогичные изделия, место находок которых локализуется в Прикамье, принадлежат Фонду Марджани (ИМ/М-80-81) (Путешествие..., с. 375–378).

Вариант 2 (рис. 5: 12, 1 экз., п. 6 Каневского м-ка) – на рукояти каст с каплевидной вставкой, в верхней части футляра – выложенная из проволоки «стрелочка»; орнаментальные зоны на рукояти и в верхней части футляра ограничены проволочными поясками, вдоль которых, судя по рисунку, зигзагами выложена зернь. Прорисовка ножен дана в монографии Р.Д. Голдиной (Голдина, 1985,

Рис. 6. 1–10 – декоративные элементы на ножнах с зерно-филигранным декором и вставками: 1 – п.136, 2 – п.365, 3 – п.502, 4 – п.392, 5 – п.400, 6 – п.86, 7 – п.328, 9 – п.433, 10 – п.517 Баяновского м-ка, 8 – Пермский край. 11 – вставки: А – янтарь, Б – стекло; В – смола: А – п.328, Б–В – п.392 Баяновского м-ка.
 Fig. 6. 1–10 – Decorative elements on the scabbard with grain-filigree decor and inserts. 11 – Inserts: А – amber, Б – glass; В – resin..

т. XXIX: 22), в публикации по результатам раскопок Урьинского, Каневского и Важгортского могильников (Генинг, Голдина, 1970) ее нет. Ножны не сохранились, и сейчас сложно судить, насколько адекватно художник воспроизвел декор (отметим, что прорисовки ножен из одних и тех же погребений в публикациях 1970 и

1985 гг. заметно различаются), в частности, выкладывание зерни зигзагами неизвестно ни на одном ювелирном изделии.

Вариант 3 (рис. 4: 3; 5: 13; 6: 10, 1 экз., п. 517 Баяновского м-ка) – на пластине в верхней части ножен, обрамленной узкими серебряными полосами с чеканным орнаментом в

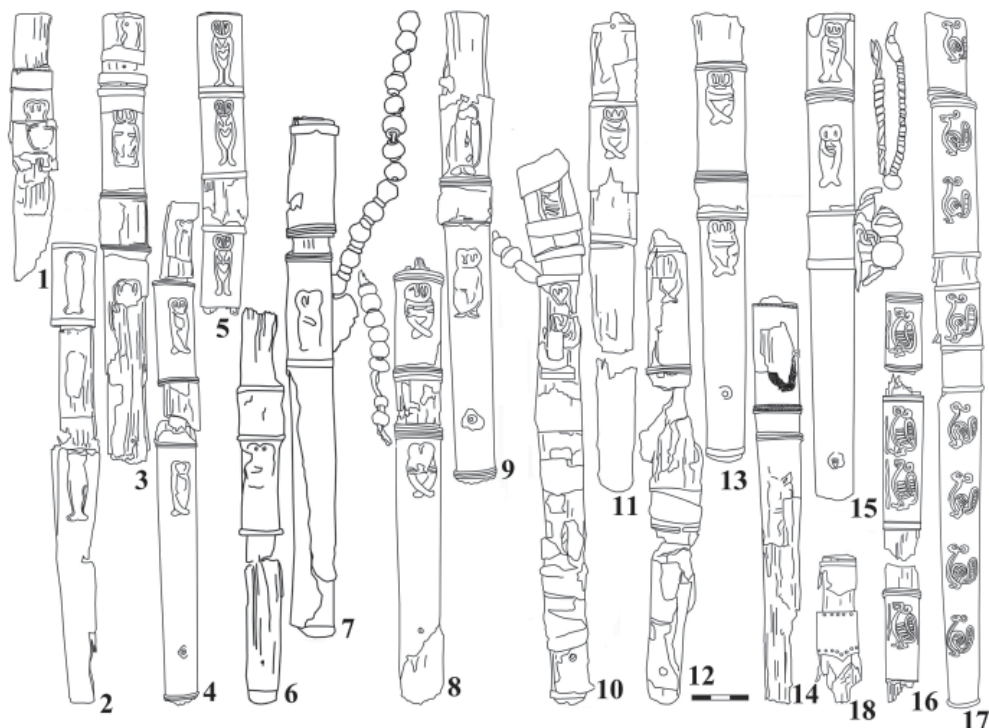

Рис. 7. Ножны группы 2, типы 3–4: 1 – п.80, 2 – п.106, 3 – п.92, 4 – п.124, 5 – п.127, 6 – п.240, 7 – п.276, 8 – п.401, 9 – п.404, 10 – п.425, 11 – п.440, 12 – п.473, 13 – п.480, 14 – п.481, 15 – п.492, 17 – п.474, 18 – п.99 Баяновского м-ка, 16 – Пермский край.

Fig. 7. Sheath of group 2, type 3–4.

виде точек, сверху и внизу – два треугольника вершинами друг к другу, выложенные из треугольников зерни, помещенных в шахматном порядке, фон позолочен. На пластине в нижней части ножен сверху – овальная площадка с бронзовой «рамкой», где остались следы припоя, очевидно, здесь был какой-то декоративный элемент, предположительно, вставка с филигранным обрамлением (рис. 6: 10).

По сопутствующему инвентарю погребений Баяновского и Каневского могильников ножны с зерно-филигранным декором и вставками датированы IX–X вв. Приемы, использованные в их декоре, позволяют сузить дату до IX – первой половины X вв., когда в ювелирных изделиях Пермского Предуралья сочетались укладка зерни, штампованной проволочки и позолота (Подосёнова 2021,

с. 155–156; Krylasova, Podosenova, Sarapuylov, 2015, p. 203–219). Это подтверждают даты монет и брактеатов, найденных в погребениях с ножнами и соседних захоронениях⁴.

Подмун 26 (рис. 1: 11, 1 экз., Огурдинский м-к) – обкладка рукояти ножа с обильным зерно-филигранным декором: вертикальные ряды треугольников зерни перемежаются рядами гладкой и торсированной проволочки. Ряды торсированной проволочки расположены разнонаправленными витками, создавая эффект «косички». Затыльник рукояти декорирован крупной зернью на колечках торсированной проволочки. Применение в декорировании ювелирных изделий Пермского Предуралья крупной зерни на филигранных подложках, а также торсированной проволочки и глади в комплексе началось с XI в. (Подосё-

нова, 2021, с. 156–157). Огурдинский могильник датирован к. X – перв. половиной XI вв. (Белавин, Крыласова, 2012, с. 233). Данное изделие – самое позднее из категории ножен с металлическими обкладками, свидетельствующее о верхней границе периода их распространения.

Тип 3 (17 экз.) с тисненым орнаментом. Материал – серебро.

Подтип 3а (рис. 4: 4–6; 7: 1–15, 16 экз., п. 62, 80, 92, 106, 124, 127, 240, 276, 401, 404, 425, 440, 473, 480, 481, 492 Баяновского м-ка) – с изображением антропоморфов в позе коитуса. Тисненные фигурки высотой 3–3,8 см помещены на рукояти, на пластине, обтягивающей верхнюю часть футляра, и в верхней части пластины на конце ножен. На ножнах из п. 124 и 425 тисненные фигурки позолочены (рис. 4: 5; 7: 4, 10; 8: 3).

При первых находках ножен с этим декором тисненные фигурки интерпретировались как «рыбки» или «филины». Последующие находки с более четкими оттисками показали, что они имеют общий сюжет, по изображениям выделено три штампа. 1 – Антропоморфные фигурки повернуты в профиль друг к другу; головы смыкаются – показан один нос, два глаза; ноги перекрещены; руки протянуты друг к другу; у левой фигуры выделен признак мужского пола (рис. 8: 1–3). 2 – Головы как в предыдущем варианте, фигуры слиты в одно туловище, ноги не перекрещены, в центре туловища – овал, где сверху обозначены две руки по диагонали вниз, в центре – сердцевидная фигура (рис. 8: 4). 3 – Фигуры вполборота, головы смыкаются, обозначено два носа и два глаза; руки вытянуты горизонтально в позе объятия, на более отчетливых оттисках видны пальцы; ноги перекрещены (рис. 8: 8–11) – этот штамп наиболее распространен (9 ножен из 16). Сюжет изображения известен в восточном декоративном искусстве и

мог проникнуть в Прикамье на предметах торевтики.

Подтип 3б (рис. 4: 7; 7: 16–17, 2 экз., Пермский край, п. 374 Баяновского м-ка) – с изображением птичек. На ножнах из п. 374 (рис. 4: 7; 7: 17) нижняя часть обтянута цельной пластиной шириной 16,5 см, верхняя – пластиной шириной 8 см, между ними – пластина шириной 3,3 см. По всем этим элементам размещались тисненные птички: одна – на рукояти, две – на верхней пластине футляра, одна – на средней пластине, 4 – на конце ножен. Фигурки на рукояти и двух верхних пластинах ножен позолочены. Птички высотой 2,3 см повернуты в профиль влево; имеют овальную голову с овальным глазом и хохолком, загнутым в крутую петлю, S-образно выгнутую шею, которая внизу переходит в пару лапок, овальное туловище, в центре которого помещен ромб с косою решеткой, обрамленный валиками, имитирующими крыло, овальный поднятый вверх хвост обрамлен гладким валиком, внутри покрыт горизонтальными линиями (рис. 8: 12–13).

На ножнах из грабительских раскопок в Пермском крае птичка слегка отличается: шея выгнута дугой, туловище и внутренняя часть хвоста покрыты горизонтально вытянутыми овалами (рис. 8: 14).

Птички напоминают павлина или фазана, скорее всего, они также заимствованы с предметов восточной торевтики или с привозных тканей.

Пока ножны с тисненым орнаментом найдены лишь на Баяновском могильнике. Очевидно, они были продукцией одного ремесленного центра, о чем свидетельствует конструктивное сходство изделий и использование стандартных штампов. Судя по датам монет, найденных в комплексах с ножнами и соседних погребениях, они бытовали в период второй половины IX – первой половины X вв.⁵

Рис. 8. 1–11 – тисненные изображения антропоморфов в позе коитуса: 1–2 – п.492, 3 – п.124, 4 – п.127, 5 – п.106, 6 – п.404, 7 – п.62, 8 – п.92, 9 – п.480, 10 – п.440, 11 – п.401. 12–14 – тисненные изображения птичек: 12–13 – п.374 Баяновского м-ка, 14 – Пермский край; 15 – оформление чеканным орнаментом, п.99 Баяновского м-ка.
 Fig. 8. 1–11 – Embossed images of anthropomorphs in the coitus pose. 12–14 – Embossed images of birds, 15 – decoration with hammered ornament.

Тисненный орнамент известен в оформлении ножен из п. 163, 191, 218 Варнинского (Семенов, 1980, табл. XXVI: 5–7), п. 70 Поломского II (Останина, 2011, с. 72, 94, 145, рис. 30: 6), п. 3 и 5 Веселовского (Никитина, 2012, с. 11, рис. 12: 5–6; с. 13, рис. 20: 8) могильников. Но его элементами были *петельки с завитками* на концах, обрамляющие точку или розетку, отдаленно схожие с «якорьками» на прикамских ножнах, возможно, объ-

единенные с ними символическим значением. На ножнах Варнинского могильника «поверхность наружной стороны украшена тисненым орнаментом, устьевая и концевая накладки – пирамидками зерни» (тип 8 по В.А. Семенову) (Семенов, 1980, с. 50, табл. XXVI: 4–7). В ножнах Пермского Предуралья никогда не сочетались тисненный и зерно-филигранный орнамент, ни разу не встречен декор в концевой части ножен.

Тип 4 (рис. 7: 18, 1 экз., п. 99 Баяновского м-ка) с чеканным орнаментом в виде полугорошин по краям пластины в верхней части футляра. На лицевой стороне нижний край пластины имел треугольный выступ (рис. 8: 15). Чеканный орнамент в виде полугорошин распространился в Пермском Предуралье в IX – первой половине XI вв. Его применяли при декорировании погребальных масок, пластинчатых медальонов (Подосёнова, 2017, с. 100–105), лицевых пластин сумочек, сабельных ножен и пр.

Ножны с пластинами, имеющими подобный треугольный выступ, найдены в п. 953 Танкеевского (Казаков, 1992, рис. 31: 10), п. 5 Веселовского, п. 2 и 6 Юмского (Никитина, 2012, рис. 20: 8; 117: 11; 124: 7) могильников.

Заключение

Ножны с металлическими обкладками бытовали в Пермском Предуралье в IX – первой половине X вв., хотя, судя по находке из Огурдинского могильника, они сохранялись до конца ломоватовской культуры (XI в.). Их химико-технологическое единство с иными категориями ювелирных изделий местного производства, присутствие серий ножен на памятниках Пермского Предуралья свидетельствуют о местном зарождении и раз-

витии традиции изготовления ножен, истоки которой установить трудно. К.А. Руденко, также предполагая прикамское происхождение этих изделий, видит их прототипы в ножнах усеченно-конической формы VI в. (Руденко 2015, с. 158, илл. 244). Но конструктивное отличие этих ножен, хронологический разрыв почти в 2 века не позволяет выстраивать эти изделия в один типологический ряд. Не исключено, что прототипом прикамских ножен стали хазарские образцы, так же как для многих ломоватовских украшений (Белавин, Крыласова, 2020). В Верхне-Салтовском могильнике собрана серия ножен с деревянной основой и металлическими оковками, но по структуре и способу крепления они отличаются от ломоватовских (Покровский, 1905, с. 465–492; Михеев, 1985, рис. 34).

Подобные ножны в металлических обкладках известны в культурах, тесно взаимосвязанных с ломоватовской. Часть ножен с памятников ранней Волжской Булгарии, бассейна р. Чепуцы и Ветлужско-Вятского междуречья могла быть продукцией ювелирных мастерских Пермского Предуралья. Но отличающиеся декором ножны производились за его пределами, вероятнее всего, на территории поморской культуры.

Примечания:

² Пол установлен на основе палеоантропологических определений, сделанных н.с. ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюховой, и по сопровождающему инвентарю.

³ Из 57 погребений по полу определено 55, по полу и возрасту – 37, из которых 33 взрослых, 4 – до 15 лет.

⁴ Определение монет к.и.н. В.С. Кулешова. П. 434 – дирхам 'Аббасиды, ал-Му'тасим биллах, аш-Шаш, 219 г. х. (834 г. ч.) и дирхам среднеаббасидского периода (ок. 850–865 гг.). П. 356 – 2 бронзовые монетовидные подвески с приклеенными серебряными брактеатами под Сасанидов, распространенными во 2-й половине VIII – 1-й половине IX вв.

⁵ Монеты определены к.и.н. В.С. Кулешовым. Погр. 64 – дирхам 'Аббасиды, ал-Ма'мун, Мадинат ас-Салам, 217 г. х. (823/833 гг. ч.) – тип, обращавшийся только во второй трети IX века. Погр. 69 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд (?), год потёрт, с именем халифа ал-Муктадира би-ллаха (908–932 гг.), год чеканки в интервале 914–932 гг.; Саманиды, Наср б. Ахмад (914–943 гг.), место чеканки и год стёрты; Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 308 г. х. (920/921 гг. ч.). Погр. 70 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд (?), 32х г. х. (932–941 гг.), Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 301 г. х. (914 гг.). Погр. 92 – 9 медных монетовидных подвесок с серебряными брактеатами, подражающими сасанидским драхмам Хосрова II, период распространения – вторая половина VIII – первая половина IX вв. Погр.

266 – дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, Андабара, 300 г. х. (единицы года пропущены резчиком штемпеля) (914–922 гг.); дирхам Волжской Булгарии, подражание Саманидам, Насру ибн Ахмаду, датированный второй четвертью X в.; дирхам Саманидов, Наср ибн Ахмад, Балх, 302 г. х. (914/915).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белафин А.М.* Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) // Труды КАЭЭ, Вып. 4 / Отв. ред. А.М. Белафин. Пермь: ПГГПУ, 2007. С. 23–50.
2. *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
3. *Белафин А.М., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // “Hadak útján” A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period. Főszerk.: Türk A. Ed/Szerk.: Jancsik B. – Sudár B. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 21. Magyar Östörténeti Társaság Kiadványok 10. Budapest, 2020. P. 73–84.
4. *Боталов С.Г.* У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала: в 8 т. Т. 5. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 424 с.
5. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Вып. 3: Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай / Отв. ред. Е.Г. Суров. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 7–111.
6. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. Вып. 9 / Памятники ломоватовской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 30–56.
7. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
8. *Иванова М.Г., Куликов К.И.* Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск. УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.
9. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
10. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. Вып. I / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 143 с.
11. *Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2007. 352 с.
12. *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
13. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
14. *Никитина Т.Б., Акилбаев А.В.* Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82–98.
15. *Оборин В.А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 95–99.
16. *Останина Т.И.* Поломский II могильник Красная Горка (материалы раскопок 1959–1960 гг.) // // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 40–155.
17. *Подосенова Ю.А.* Серебряные пластинчатые подвески с территории Пермского Предуралья эпохи средневековья // Вестник Пермского научного центра. 2017. № 4. С. 100–105.
18. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Пермь: ПГГПУ, 2021. 210 с.
19. *Покровский А.М.* Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 465–492.
20. Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.
21. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
22. *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник ломоватовской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.
23. *Талицкий М.В.* Кочергинский могильник // МИА. № 1 / Под ред. П.Н. Третьякова. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 159–168 с.
24. *Халикова Е.А., Халиков А.Х.* Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.
25. *Krylasova N.B., Podosenova Y.A., Sarapulov A.N.* Jewellery techniques in the territory of Perm Cis-Ural region in the middle ages // Terra Sebsvs. 2015. Т. 7. С. 203–219.

Информация об авторах:

Подосенова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь, Россия), старший научный сотрудник, доцент. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); podosenka@yandex.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Данич Андрей Васильевич, научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

WOODEN SHEATHS WITH METALLIC COATING

IN THE MIDDLE AGE PERM CIS-URALS

Y.A. Podosenova, N.B. Krylasova, A.V. Danich

On the territory of the Perm cis-Urals during the Middle Ages wooden knife sheaths coated with metallic plates became popular. Most sheaths' decorations were made of metal alloys with a high percentage of silver. Some specimens were decorated with grains, filigree, glass or stone encrustations, gild, and printed anthropomorphic and ornitomorphic images. The object of the article is to introduce into scientific discourse the sources and research results that will facilitate determining basic technological characteristics and individual features in the sheaths' functions. Based on source collection and categorization, the authors reveal how diverse the items were, as well as the scale of their production. Coin material facilitated determining the period of the sheaths' highest popularity, which is the 9th and the first half of the 10th centuries. Nevertheless, there are specimens dating back to the 11th century as well. The analysis of the features of the occurrence in burials, taking into account paleoanthropological data, allowed us to conclude that the sheaths with metal plates was part of a belt set and was used in women's costume as a symbolic and decorative element. Some items made their way from the Perm cis-Urals to the Udmurt cis-Urals (the Polom archaeological culture) and to the territory of Volga Bulgaria. It is possible that there were local production centres for these items in the Udmurt cis-Urals and on the territory of the ancient Mari people.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, the Perm cis-Urals, Lomovatovo culture, women's costume, sheath, silver, copper, grain, filigree, printing, gilding.

REFERENCES

1. Belavin, A. M. 2007. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 4. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 23–50 (in Russian).
2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurdino Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2020. In "Hadak útján" A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája 29th Conference of Young Scholars on the Migration Period. Főszerk.: Türk A. Ed/Szerk.: Jancsik B. – Sudár B. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 21. Magyar Őstörténeti Támaszport Kiadványok 10. Budapest, 73–84 University (in Russian).
4. Botalov, S. G. 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX – nachalo XV veka) (At the Origins of the South Ural Peoples. Southern Urals in the Era of the Golden Horde (9th – Early 15th Century))* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t (History of the Southern Urals: in 8 volumes) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
5. Gening, V. F. 1962. In Surov, E. G. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 3. Sverdlovsk: Ural State University, 7–111 (in Russian).

This work was carried out with the financial support of the RFBR grant, project No. 20-49-590001 "Medieval jewelry heritage of Perm Krai: stylistic and chemical-technological features", with the support of the Ministry of Education and Science of Perm Krai, agreement No. C-26/1192 dated 19.12.2019, and also within the framework of the topic of the State assignment, the registration number of the topic AAAA19-119032590066-2

6. Gening, V. F., Goldina, R. D. 1970. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 9. *Pamiatniki lomovatovskoi kul'tury (Sites of the Lomovatovo Culture)*. Sverdlovsk, 30–56 (in Russian).
7. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
8. Ivanova, M. G., Kulikov, K. I. 2000. *Drevnee iskusstvo Udmurtii. Al'bom (The ancient art of Udmurtia. Album)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ. (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX-XIII vv. (Swords and Sabers of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Krylasova, N. B. 2007. *Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya (Archaeology of Everyday Life: The Material Culture of the Medieval Urals)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
12. Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).
13. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
14. Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 82–98 (in Russian).
15. Oborin, V. A. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 2. Sverdlovsk, 95–99 (in Russian).
16. Ostanina, T. I. 2011. In *Finno-Ugrica* (12–13), 40–155 (in Russian).
17. Podosenova, Yu. A. 2017. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra (Bulletin of Perm Scientific Center)* 4, 100–105 (in Russian).
18. Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).
19. Pokrovskiy, A. M. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 1. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 465–492 (in Russian).
20. 2016. *Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara (The Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bolgar)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).
21. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biliar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
22. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).
23. Talitskiy, M. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 1. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 159–168 (in Russian).
24. Khalikova, E. A. Khalikov, A. Kh. 2018. In *Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)* Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).
25. Krylasova, N. B., Podosenova, Y. A., Sarapulov, A. N. 2015. In *Terra Sevs*. Vol. 7, 203–219.

About the Authors:

Podosenova Yulia A. Perm Federal Research Centre of the Uralski branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; podosenka@yandex.ru

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Danich Andrey V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

«КУЛЬТОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ» НА ГОРОДИЩЕ КУЛЬТОБЕ

© 2022 г. С.Ш. Акылбек, М. Гурсой

В статье рассматриваются помещения, вскрытые в результате археологических раскопок на городище Культобе, расположенном в городе Туркестане в 2019 году. В центре этих помещений расположены очаги с лункой (в некоторых очагах в лунки вставлены сосуды). Такие очаги в предыдущих исследованиях характеризуются как «очаги-алтари». Если говорить в целом, помещения подобные культобинским, были раскопаны на городищах Отрарского оазиса К.М. Байпаковым, которые он и обозначил как «культовые помещения». Подобные помещения есть в раскопках Е.А. Смагулова на городище Каратобе. Основная цель статьи – классифицировать очаги-алтари в культовых помещениях городища Культобе и сделать сравнительный анализ. Подобные помещения в археологии Средней Азии связывают с зороастризмом Ирана. Одной из задач данной статьи является дать новую интерпретацию «культовым помещениям» с учетом уже имеющихся различных мнений и пустить в научный оборот новые данные. В процессе подготовки статьи были использованы следующие научные методы: сравнительный анализ, систематизация и классификация источников. Во-первых, проведены археологические исследования на городище Культобе. Раскопанные помещения были тщательно задокументированы. Для проведения сравнительного анализа были использованы архивный материал и профильная литература. В процессе работы с источниками был сделан вывод, что прежние мнения о принадлежности помещений с «очагами-алтарями» зороастрийскому культу подлежат пересмотру. В основе авторской интерпретации – ведущая роль очага и огня в казахском обществе.

Ключевые слова: археология, средние века, зороастризм, очаги-алтари, Ахура Мазда, Туркестан.

Введение

Туркестанский оазис ограничен на юге рекой Сырдарьей, на западе граничит с солончаковой кызылординской степью, на севере – хребтом Каратау. Эти границы включают в себя реку Сырдарью и ее притоки, бассейны горных речек, стекающих с хребта Каратау. Значительная часть Туранской низменности лежит в среднем течении Сырдарьи. Поэтому в древности эта территория играла приграничную роль между двумя культурами: земледельческой и кочевой. При взаимовлиянии этих двух культур на данной территории возник особый тип земледельцев и скотоводов (Туякбаев, Егеубаев, 2018, с. 12), а в раннем и позднем Средневековье появились многочисленные города: Шавгар (Шойтобе), Карнак, Карачик – и расположенное в центре современного Туркестана городище Культобе.

Городище Культобе расположено в центральной части города Туркестана, в 480 м к югу от

мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (рис. 1). Географические координаты: N 43°17'36,5652"; E 68°16'14,3406". Высота над уровнем моря 235 м. Бугор является развалинами центральной части средневекового города Ясы (Туякбаев, Мусабаев, Осеров, 2016, с. 63). Ранние культурные слои города зафиксированы на этом бугре. В настоящее время площадь бугра Культобе немного превышает 2 га, высота – от 6 до 9 м, размеры сторон примерно 180×120 м. Бугор сильно пострадал от хозяйственной деятельности. В 50-х годах XX века здесь располагался военный гарнизон: на бугре были вкопаны цистерны для горюче-смазочных материалов, здесь же добывали сырье для кирпичного завода. Первоначальная площадь городища, предположительно, могла быть 3–4 гектара (Смагулов, 2017, с. 70).

Многие археологи считают городище Культобе предтечей города Туркестана. Первые археологические материалы из раскопок были полу-

Рис. 1. Ортофотоплан городища Культобе.

Fig. 1. Orthophotoplan of the Kultobe settlement.

чены Т.Н. Сениговой в 1972 году. Раскопки проводились на западной стороне бугра (на рабаде?), которые выявили слои XVIII–XIX вв., в связи с чем работы были перенесены на сам бугор. Разведочный раскоп на бугре выявил слои VII–VIII вв., датированные монетами, чеканенными в Отраре, и керамическими изделиями. В результате работ Т.Н. Сенигова сообщила в публикации «Новые данные о городище Туркестан» (Сенигова, Бурнашева, 1977, с. 54). На городище Культобе в 1981–1984 гг. раскопки были продолжены Е.А. Смагуловым. На южном склоне бугра был заложен стратиграфический раскоп площадью 70 м², в котором было зафиксировано 7 строительных горизонтов. В самом нижнем горизонте были обнаружены зернотерки и фрагменты керамических изделий, строительные конструкции не зафиксированы. На основе сопоставления находок из слоя с матери-

алами, отнесенными к оттарско-каратаяуской культуре, исследователь первый горизонт датировал IV–V вв. (Оңтүстік..., 2005, с. 281; Түркістан..., 2018, с. 12). Второй горизонт датирован V–VI вв. Третий горизонт датирован VII в. на основе захоронения коня и находок стремени, серебряной наременной накладки и однокольчатых удила. Четвертый и пятый строительные горизонты отнесены к IX–XII вв. Шестой строительный горизонт датирован первой четвертью XIV в. Седьмой, последний, горизонт датируется XIX в. (Смагулов, Григорьев, 1999, с. 106). Археологические раскопки на Культобе были продолжены Л.Б. Ермаковичем в конце 80-х годов XX в.: он заложил раскоп на бугорке в 100 м к юго-востоку от восточной бани. Результаты раскопок не были опубликованы. В 2000 г. М.Е. Елеуов расширил стратиграфический раскоп 1981 года, раскопки

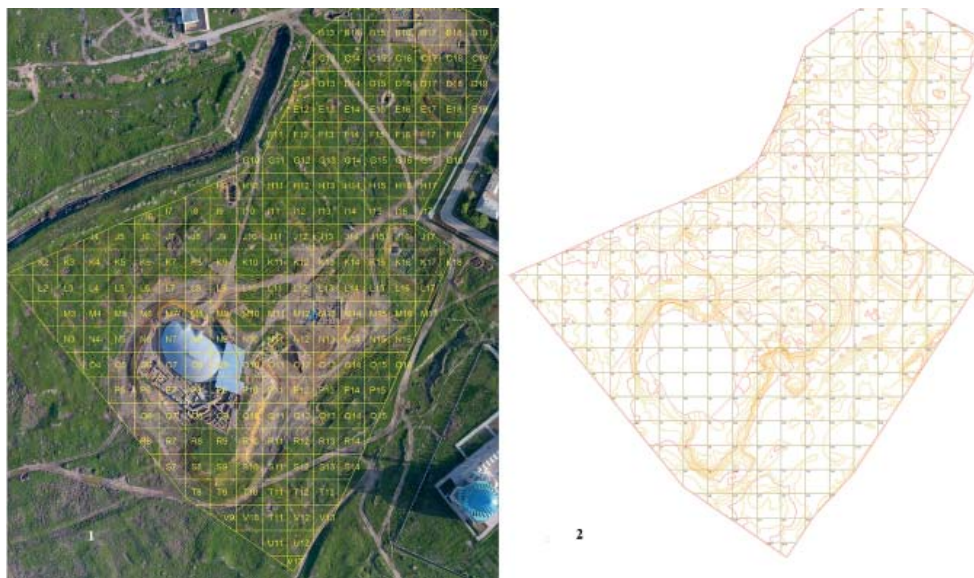

Рис. 2. 1 – расположение квадратов; 2 – топоплан сектора.
 Fig. 2. 1 – square locations; 2 – topographic plan of the sector.

подтвердили результаты предыдущих исследований.

Е.А. Смагулов в 2011–2012 годах на юго-западной и западной частях цитадели раскопал крестообразный в плане объект (Смагулов, 2017, с. 86). Это важный объект, дающий представление о духовной жизни и культуре кангюцев, населявших Казахстан.

После придания городу Туркестан статуса областного центра было решено на месте городища Культобе устроить археологический парк. В 2019 году были начаты широкомасштабные археологические раскопки на городище. Работы проводил «Казахский научно-исследовательский институт культуры» при финансовой поддержке компании ERG (Eurasian Resources Group), археологическим отрядом руководил С.Ш. Акылбек.

Центральный бугор Культобе со всех сторон окружен территорией с пересеченной поверхностью: многочисленными всхолмлениями и впадинами. Рельеф данной территории также сильно деформирован отвалами бытового мусора и перекопами.

Вполне вероятно, по аналогиям с другими памятниками данной эпохи, что к центральному бугру примыкал «рабад». Однако позднейшие наслоения не позволяют достоверно определить параметры рабада Культобе. Шурфы, заложенные с целью определения границ памятника, также не дали приемлемых результатов. Только раскопки широкими площадями могут дать ответ на этот вопрос.

На старых аэрофотоснимках города Туркестана на большой территории вокруг Культобе отчетливо видны улицы, заброшенные дома. Часть этой территории на сегодняшний день уже застроена домами, в недавнем прошлом вблизи центрального бугра (130 м к востоку от подножия бугра) построена мечеть.

Для археологического изучения с последующей музеефикацией раскопанных объектов был выбран центральный бугор городища Культобе и прилегающая к нему со всех сторон территория общей площадью 27 га. Территория с севера ограничена валом крепостной стены городища Ески

Туркестан и металлическим забором музея-заповедника. С запада – валом крепостной стены кокандского периода до ворот Дарваза, далее по грунтовой дороге, проходящей по краю культурных напластований в виде всхолмлений. Южная граница территории проходит по краю пустыря, примыкающего к культурным слоям городища. Восточную границу маркирует грунтовая дорога, которая пролегает на месте улицы кокандского периода, и забор музея-заповедника.

Проект был рассчитан на 3 года. В связи с этим территория поделена на три равные по площади сектора, по 9 га каждый. Работы 2019 года были сосредоточены в северо-восточном секторе, включающем в себя и центральный бугор городища Культобе. Сектор поделен на квадраты размером 20×20 м (400 м²), ориентированные сторонами по сторонам света (рис. 2: 1). Квадраты обозначены литерами и номерами. Литерация осуществлена с севера на юг, нумерация идет с запада на восток.

По топографическим характеристикам рельефа квадраты в дальнейшем будут условно объединяться в раскопы, охватывающие всю площадь локального бугра, под которым могут быть остатки строительных конструкций, являющиеся единым комплексом или одним сооружением. Перед раскопками был снят инструментальный топографический план электронным тахеометром (рис. 2: 2), составлена подробная карта бытового мусора на поверхности и высчитаны их объемы.

Культовые помещения были вскрыты в квадратах М 9, М 10, N 9 и N 10. Результаты раскопок этих помещений и легли в основу данной статьи. Рассматриваемая тема основана на неопубликованных новых данных, что определяет актуальность темы. В статье в первую очередь охарактеризованы культовые помещения и очаги, которые классифицированы

по типам и датированы в результате сравнительного анализа. Культовые помещения, аналогичные нашим, в научной литературе связываются с иранским зороастризмом (Смагулов, 2011, с. 334). В связи с этим после описания культовых помещений городища Культобе нами рассмотрены особенности практики зороастрийской религии. Затем приводятся мнения некоторых исследователей о принадлежности помещений с очагами-алтарями той или иной религии. Эти данные являются теоретической базой статьи. В заключении изложена наша интерпретация на основе анализа этих данных.

Культовые помещения на городище Культобе

В ходе археологических раскопок на городище Культобе в 2019 г. выявлены несколько помещений с напольными очагами с лункой, расположенными в центре помещений. Такие очаги в предыдущих исследованиях названы «очагами-алтарями», а сами помещения «культовыми». Мы солидарны с таким определением. Помещения, вскрытые на Культобе, в плане круглые и прямоугольные. Вдоль стен расположены Г-образные или П-образные суфы. В некоторых помещениях в углу находились сосуды малой и средней величины. Вероятно, в них были вещества, используемые в религиозных обрядах. В центре помещения располагался глиняный очаг-алтарь. Алтари обычно в плане подковообразной формы. В одном помещении зафиксирован алтарь со сложной структурой.

Культовые помещения круглой планировки

Как выше было отмечено, культовые помещения обнаружены в квадратах М 9, М 10, N 9, N 10. Одно из круглых помещений выявлено в квадрате М 10 на глубине 2,30 м от современной дневной поверхности. Этот объект условно обозначен поме-

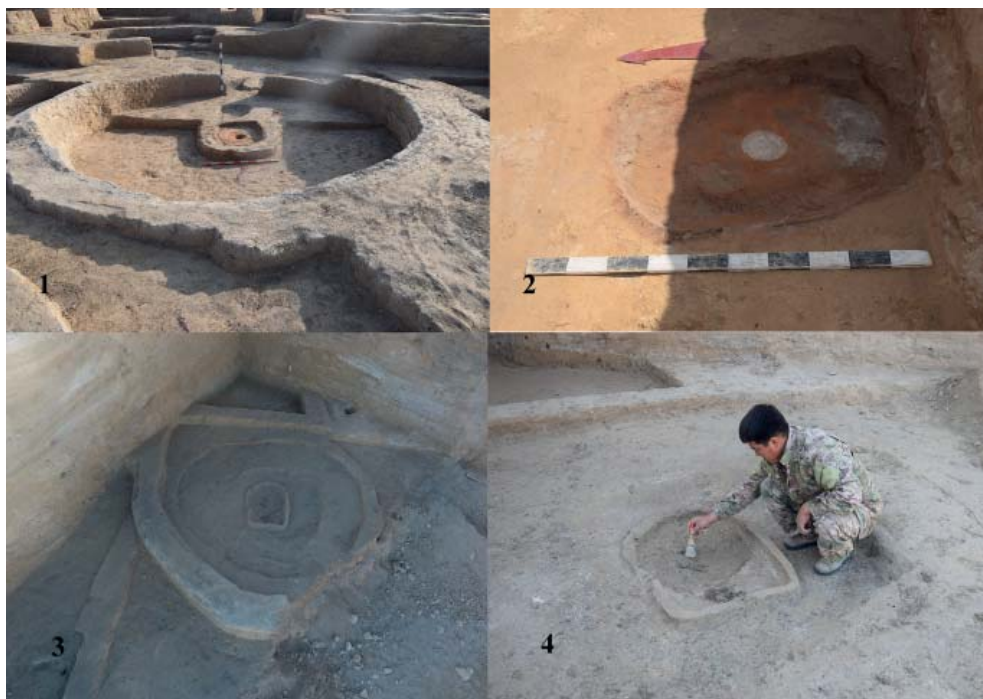

Рис. 3. 1 – круглое культовое помещение № 1; 2 – очаг-алтарь после расчистки ; 3 – круглое культовое помещение № 2; 4 – очаг-алтарь в помещении № 2.

Fig. 3. 1 – round cult room № 1; 2 – hearth-altar after clearing; 3 – round cult room № 2; 4 – hearth-altar in the room № 2.

помещением № 1. Следует отметить, что южная часть помещения осталась под бровкой раскопа. Стены помещения построены толщиной в один кирпич – 0,40 м. Стены возведены из сырцового кирпича размером 0,40×0,20×0,10 м. Диаметр помещения 4,67 м, сохранившаяся высота стен – 0,70 м. В центре помещения находился овальной формы очаг-алтарь (рис. 3: 1). Размеры очага 1,28×2,25 м, толщина стенок 0,30 м. Стенки сложены из сырцовых кирпичей. В центре имеется лунка диаметром 0,17 м, заполнение очага состояло из золы (рис. 3: 2). В 1,70 м к северу от очага на полу обнаружена зола. Наличие склада золы в помещении свидетельствует о продолжительном использовании помещения (Акылбек и др., 2019, с. 11). Второе круглое помещение обнаружено в квадрате О 11. На этот квадрат приходится стратиграфический раскоп

1981 года. Помещение диаметром 3,45 м обнаружено на глубине 3,85 м при расчистке стенок старого стратиграфического раскопа. В центре располагался подковообразный очаг-алтарь размером 1×0,77 м. Стенки очага толщиной 6–10 см, высотой 6 см, в заполнении очага и на полу помещения расчищен слой золы (рис. 3: 3, 4). В рассматриваемых помещениях суфы не обнаружены (Акылбек и др., 2019, с. 335).

Хронологический анализ

В слое, где обнаружено культовое помещение № 1 в квадрате М 10, найдена монета тюргешского времени, двуручные горшки, украшенные шишечками (один из них покрыт красным ангобом), фрагменты керамических изделий со штампованным и резным орнаментом и др. изделия. Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич считают украшение сосудов шишечками

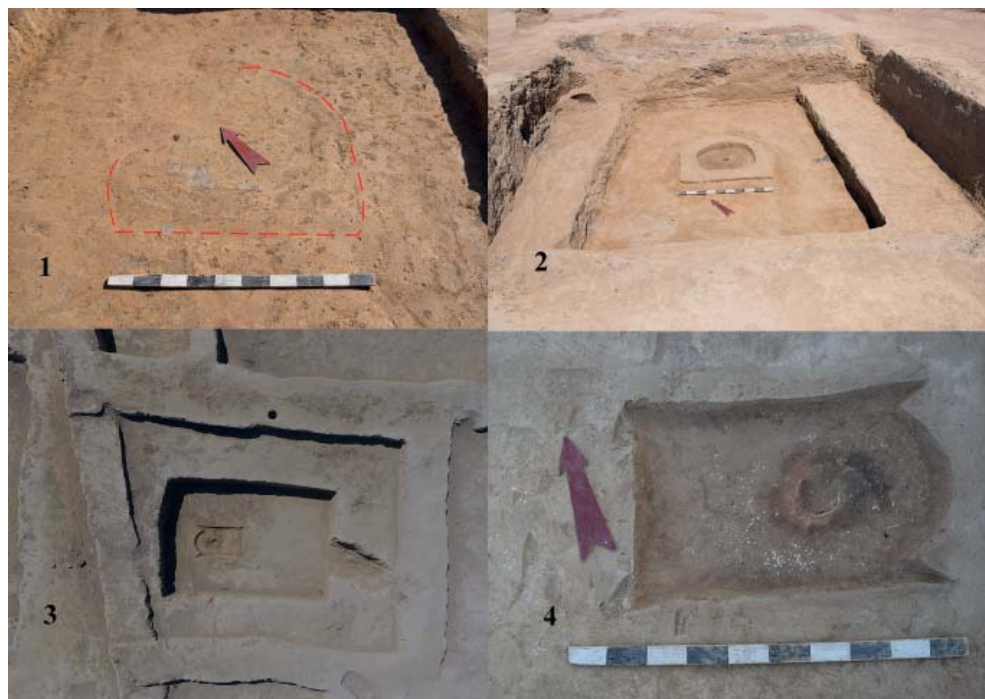

Рис. 4. 1 – контуры очага-алтаря; 2 – прямоугольное культовое помещение № 9; 3 – прямоугольное культовое помещение № 10; 4 – очаг-алтарь в помещении № 10.

Fig. 4. 1 – contours of the hearth-altar; 2 – rectangular cult room № 9; 3 – rectangular cult room № 10; 4 – hearth-altar in the room № 10.

характерным для VIII–X вв., вместе с тем отмечают, что этот прием использовался вплоть до XV в. (Агеева, Пацевич, 1958, с. 182–184). На основе данного утверждения и находки тюргешской монеты круглое помещение № 1 можно датировать VIII–X вв., а фрагменты керамических изделий, найденные в помещении № 2 в квадрате О 11, находят аналогии с изделиями, датированными IV–V вв. (Агеева, Пацевич, 1958, с. 169).

Прямоугольные культовые помещения

Первое прямоугольное помещение обнаружено в квадрате М 10 на одном уровне (на глубине 2,30 м) с круглым помещением № 1. Помещение условно обозначено № 9. Размер помещения 5,58×4,33 м, сохранившаяся высота стен – 0,77 м, вдоль них расположены суфы. Ширина суфы 0,90 м, сохранившаяся высота – 0,28 м, сде-

ланы из плотной глины желтого цвета. Северо-западная стена, начиная с середины к северо-востоку, полностью оплыла. Возле стены обнаружен широкогорлый сосуд. В середине стены располагался вход в помещение. Проход шириной 0,95 м выходит на северо-запад к коридору (тупиковый переулочек?). При расчистке коридора (переулочек?) найдены красноангобированный сосуд, неполивное блюдо и костяная поделка с язычком. В 1,36 м к юго-западу от северного угла помещения обнаружен сосуд, приставленный к стене. Верхняя часть сосуда отбита. Тулово сосуда продолговатое, диаметром 0,24 м. Сосуд был заполнен золой. Наличие сосуда в культовых помещениях, вероятно, было обычным делом, поскольку подобное зафиксировано не только на Культобе, но и на Каратобе (древний Сауран). При расчистке на некоторых участках

Рис. 5. 1 – очаг-алтарь в помещении № 15;
2 – прямоугольное культовое помещение № 15.

Fig. 5. 1 – hearth-altar in the room № 15; 2 – rectangular cult room № 1.

выявлена кирпичная вымостка пола, в центре располагался подковообразный очаг-алтарь (рис. 4: 1, 2). Размер очага 1×1 м. Стенки очага сложены из сырцовых кирпичей шириной 0,20 м, высота 0,07–0,09 м. В центре имеется лунка диаметром 0,7 м (Акылбек и др., 2019, с. 13).

Второе помещение в квадрате N 10 условно обозначено № 10, обнаружено на глубине 1,20 м. Размер помещения 5×4,60 м. Восточная стена помещения осталась под бровкой (рис. 4: 3). Вдоль северной, южной и западной стен расположены суфы. Сохранившаяся высота суф – 0,40 м, длина 3,80–4,20 м, ширина 0,54–0,94 м. На суфах хорошо сохранилась штукатурка. Середину западной суфы прорезала могильная яма. В центре помещения расчищен напольный очаг-алтарь сложной конфигурации (рис. 4: 4). Размер очага 0,85×0,52 м. Верхняя часть оформлена в виде «кошачьих ушей». Нижняя часть в виде «рыбьего хвоста». В верхней части очага посередине расположена лунка диаметром 0,10 м со вставленным керамическим сосудом (Акылбек и др., 2019, с. 16–17). Очаги подобной конфигурации К.М. Байпаков характеризует как «зооморфной формы» (Байпаков, Терновая, 2005, с. 141). В 2 м к юго-западу от вышеописанного помещения расчищено еще одно

прямоугольное помещение, обозначенное как помещение № 15. Его размер 6,43×5,60 м. Ширина стен 0,40–0,90 м, сохранившаяся высота – 0,70 м. При расчистке заполнения помещения вдоль западной и северной стен обнаружены суфы. Северная суфа длиной 3,60 м, шириной 0,65 м, сохранившаяся высота 0,45 м. Суфа сооружена из сырцовых кирпичей и плотной глины желтого цвета. Западная суфа длиной 3,59 м, шириной 1 м, сохранившаяся высота 0,45 м. На поверхности суфы хорошо заметна кирпичная выкладка. Ближе к середине северной стены установлен сосуд. Сосуд был пустой. Большая часть пола выложена кирпичами. В центральной части помещения расчищен очаг-алтарь подковообразной формы размером 0,79×0,73 м. Со стороны очага расположено углубление прямоугольной формы (рис. 5: 1, 2). Его размер 0,82×0,54 м. Ширина стенок примерно 0,10–0,15 м. Посередине подковообразного очага имеется лунка диаметром 0,7 м. Поверхность очага сильно прокалена. В заполнении очага найдены чешуя и кости рыбы. Эти находки дают пищу для размышления о ритуалах, проводимых в помещении (Акылбек и др., 2019, с. 22). Еще одно культовое помещение выявлено в квадрате O 10. Это помещение обозначено № 4. Его размеры 4,65×4 м.

Посередине помещения находился очаг-алтарь подковообразной формы с лункой. Размеры очага 0,93×0,83 м, толщина стенок 0,1 м, высота 0,08 м. Заполнение очага состояло из древесных угольков и золы (Акылбек и др., 2019, с. 335).

Хронологический анализ

Как было отмечено выше, в квадрате М 10 найдены монета тюркешского времени, двуручные горшки, украшенные шишечками (один из них покрыт красным ангобом), фрагменты керамических изделий со штампованным и резным орнаментом и др. изделия. Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич считают украшение сосудов шишечками характерным для VIII–X вв., вместе с тем отмечают, что этот прием использовался вплоть до XV в. (Агеева, Пацевич, 1958, с. 184). В связи с этим прямоугольные культовые помещения в квадрате М 10 также можно датировать VIII–X вв. В культовых помещениях в квадратах N 10 и O 10 найдены фрагменты керамических изделий с эпиграфическим орнаментом, нанесенным черной краской. Аналогичные изделия М.К. Туякбаевым отнесены к караханидскому периоду и датированы XI–XII вв. (Туякбаев, Егеубаев, 2018, с. 132–133).

Сравнительный анализ

Средневековые культовые помещения обнаружены на городищах Куйрыктобе, Отрар и Каратобе (древний Сауран). В этих помещениях устроены Г-образные и П-образные суфы. Такие же суфы имеются на культобинских помещениях. В то же время в первых двух памятниках очаги-алтари имеют некоторые отличия от культобинских. Очаги-алтари в них керамические, снаружи покрыты ангобом красного, белого или зеленого цвета. Во внутренней поверхности имеются орнаменты растительного (розетки, пальметты) или геометрического (ромбы, треугольники) ха-

рактера, орнаменты штампованные и резные. К.М. Байпаков относит эти очаги к X–XII вв. (Байпаков, 2007, с. 207–214).

Ряд культовых помещений выявлен на городище Каратобе в 45 км к северо-востоку от Туркестана. В этих помещениях также зафиксированы суфы. На полах располагались керамические и глиняные очаги-алтари, подобные культобинским. По форме они круглые, подковообразные и прямоугольные. У глиняных очагов внутренние поверхности прокалены. По стилю культобинским очагам наиболее близки очаги городища Каратобе. Е.А. Смагулов датирует помещения на Каратобе XII–XIII вв. (Смагулов, 2011, с. 328–343).

Помещения с напольными очагами-алтарями выявлены также на городищах Нижней Сырдарьи, таких как Сортобе, Джанкент (Зиливинская, 2019, с. 93) и Кескен Куик кала. Эти помещения также имели Г-образные и П-образные суфы, очаги-алтари из сырцового кирпича располагались посередине. Отличительной чертой этих очагов является наличие платформ с протомами в виде стилизованных бараньих голов на одной из коротких сторон очага. Лицевая сторона протом украшена геометрическим и растительным прочерченным орнаментом. В очагах перед протомой имеются лунки с установленным в ней керамическим сосудом. Также в одном из углов помещения (городище Кескен Куик кала) установлен сосуд. Исследователи считают, что слои с культовыми помещениями относятся к огузскому периоду. Если сопоставить вышеназванные помещения с культобинскими, то можно заметить как сходство, так и некоторые отличия (табл. 1).

Религиозная атрибуция помещений

Эта проблема затрагивалась предыдущими исследователями. Например, исследователь К.Н. Бурханов

Сходство и отличия помещений, рассматриваемых в статье

	Культобе	Куйрыктобе	Отрар	Каратобе (Древний Сауран)	Джанкент	Сортобе	Кескен Куик кала
Строительный материал	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич	Сырцовый кирпич
План помещений	Круг, Прямоугольный	Прямоугольный	Прямоугольный	Прямоугольный	Прямоугольный	Прямоугольный	Прямоугольный
Наличие сосудов в помещениях	✓	✓	✓	✓	-	-	
Наличие суф в помещениях	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Технология изготовления очагов-алтарей	Сырцовый кирпич, глина	Керамический	Керамический	Керамический, Сырцовый кирпич, глина	Сырцовый кирпич, глина	Сырцовый кирпич, глина	Сырцовый кирпич, глина
Тип очагов	Напольный	Напольный	Напольный	Напольный	Напольный	Напольный	Напольный
Форма очагов	Круглый, прямоугольный	Круглый, прямоугольный	Круглый, прямоугольный	Круглый, прямоугольный	прямоугольный	прямоугольный	прямоугольный
Наличие протом	-	-	-	-	✓	✓	✓
датировка	XI-XII вв.	XI-XII вв.	XI-XII вв.	XI-XII вв.	VIII в.	VIII в.	VIII в.

рассматривает очаги в отрарских помещениях как проявления зороастризма. Е.А. Смагулов в своей книге «Древний Сауран», соглашаясь с Бурхановым, пишет: «керамические очажки-алтарики передают образ или являются моделью некогда существовавших местных культовых сооружений – храмов» (Смагулов, 2011, с. 334). К.М. Байпаков в своем труде, ссылаясь на мнение Г.В. Григорьева, где тот рассматривает очаги как своеобразные зороастрийские иконы, перед которыми возжигался жертвенный огонь, видит в орнаментации очагов символы – четыре стихии зороастризма. Также приводит пример керамических очагов с Афрасиаба, которые Л.И. Ремпель связывает с «домом огня». К.М. Байпаков, соглашаясь с мнением Ремпеля, также связывает эти очаги с огнепоклонничеством. В качестве доказательства приводятся листья, кресты и свастика, использованные в орнаментике очагов. Автор также связывает помещения с очагами, раскопанными на каратауском Актобе с культом поклонения огню. Проанализировав помещения с напольными очагами из памятников

Южного Казахстана и Средней Азии, К.М. Байпаков приходит к выводу, что огнепоклонничество практиковалось в них наряду с исламом. По его словам, обнаружение помещения с напольным очагом рядом с мечетью на городище Культобе и свидетельство Абу Райхана Бируни о том, что «в Мавераннахре существуют секты, продолжающие традиции зороастрийцев Муканны», подтверждают это (Байпаков, 2007, с. 215–219). Как видно из вышесказанного, многие исследователи культовые помещения с очагами-алтарями связывают с зороастризмом. На наш взгляд, стоит учесть тот факт, что древние тюрки и казахский народ в том числе в древности придавали особое значение домашнему очагу и огню. И рассматриваемые помещения могут быть связаны именно с культом очага, а не с зороастризмом. Чтобы подтвердить данное мнение мы должны рассмотреть основы религиозной практики зороастризма.

Зороастризм

Главной особенностью зороастризма, несомненно, является культ поклонения огню. Священной книгой

данной религии является Авеста. Авеста – это дуализм светлого и темного начал в мире. То и другое олицетворяется в образах духов света и добра – агуров и духов тьмы и зла – дэвов. Во главе светлых духов стоит Ахурамазда (в ахеменидских надписях – Аурамазда, в греческой передаче – Ормузд). Ему противостоит глава духов тьмы – Анхра-Майнью (у греков – Ариман).

В зороастризме священными объявлены огонь, земля и вода. По зороастрийским верованиям тело покойника – самая грязная субстанция на земле. **Трупы нельзя предавать земле, воде и огню, так как они оксверняют их. Поэтому покойных оставляли на «дахмах» на съеденье хищным птицам. Очищенные от плоти кости скелета помещали в керамические сосуды – «оссуарии»** (Сар, 1968, с. 273–288; Байтанаев, 2020, с. 119).

Зороастрийцы поклонялись Солнцу пять раз в день (по некоторым данным, два раза), а в пасмурные дни – поклонялись огню. Первоначально поклонение Солнцу или огню (Ахурамазде) совершалось на открытом воздухе уединенно или коллективно. Затем начали строить специальные храмы. Коллективные храмы возглавляли выбранные из народа жрецы (жрецы делились на три категории: Хербит, Мубит и Дестур Мубит) (Сар, 1968, с. 277–278).

Месту и времени рождения Зороастра посвящено множество статей и книг (Оумак, 2002, с. 375; Sular, 2017, с. 182; Eski..., с. 610). В одном источнике говорится о рождении Зороастра шесть тысяч лет назад до н. э., однако несостоятельность этой гипотезы уже установлена (Оумак, 2002, с. 375). М.Е. Sular (Sular, 2017, с. 182) в своей статье, ссылаясь на Mary Boyse, приводит следующее: «Зороастр жил на территории Средней Азии в XIV–X веках до н. э., а не-

которые исследователи считают, что он жил в XX веке до н. э.». Во всех исследованиях отмечается отсутствие конкретных данных о жизни Зороастра. Высказываются гипотезы о рождении Зороастра в VII в. до н. э. в Азербайджане, на востоке Ирана, в Афганистане, Хорезме, Герате, в Приаралье и о смерти в VI веке до н. э.

Надо особо отметить, что последователи Зороастра поклонялись огню, не предавали покойников земле, а хоронили останки в оссуариях. Это отмечено и в Авесте. В связи с глубокой изученностью зороастризма благодаря письменному источнику «Авеста» в среднеазиатской археологии преобладает мнение о принадлежности культовых помещений зороастрийской религии. Но при этом упускается из виду такой немаловажный факт, как наличие местных культов очага задолго до зороастризма. Например, в Хорезме на стоянке Жанбас 4, относящейся к кельтеминарской культуре (V–III тысячелетие до н. э.), обнаружены помещения с очагами по центру. Y.Çoğuhlu сделал попытку рассмотреть этот объект как первый признак культа очага (Çoğuhlu, 2010, с. 62). Эта культура, расположенная на юго-западной границе Казахстана, распространялась и на север (Қазақстан..., 1996, с. 95). Можно предположить, что культ поклонения домашнему очагу имеет глубокие корни и на территории Казахстана.

Заключение

Соседствующие и контактирующие между собой народы и регионы имели много общего в культуре и ценностных взглядах. Многие народы в древности почитали огонь и очаг. Так, прибывший с посольством из Византии к тюркам Земарх пишет об обряде очищения огнем (Қазақстан..., 1996, с. 299). Это свидетельствует о том, что и жители Турана, и жители Ирана имели свое мировоззрение, связанное с огнем. Следует отметить,

что иранцы поклонялись огню как лику Ахурамазды, тюрки использовали огонь для очищения и изгнания темных сил. Если тюрки дули на угли для разжигания огня, иранские жрецы носили маски, чтобы своим дыханием не осквернить огонь (Оумак, 2002, с. 383). Эти различия в религиозной практике тюрков и иранцев показывают существенную разницу в мировоззрении.

Кочевые тюркские народы почитали сам огонь и сам очаг как объект. Огонь в очаге поддерживался всегда. Угасание огня в очаге олицетворяло конец целой семьи. Эти поверья оформились в философские понятия. Если пресекался какой-либо род, говорили: «разрушен очаг, погас огонь» (Сайлауов), когда кого-то бла-

гославляли – тюрки говорили: «пусть горит твой очаг», а когда проклинали – «пусть погаснет твой очаг» (Çotuksöken, 2004, с. 292). Все это показатели наличия культа очага у тюрков. На Культобе и в Туркестанском оазисе не обнаружены захоронения, совершенные по зороастрийским канонам. Наоборот, все захоронения соответствующей эпохи с труположением, ингумационные. Население Туркестана и округи в период бытования «культовых помещений» не придерживалось зороастрийской религии. Поэтому мы считаем, что «культовые помещения» с очагами не связаны с зороастризмом, а олицетворяют собой культ «очага с вечным огнем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 3–215.
2. Байтанаев Б.А., Железняков, Б.А. Погребальные зороастрийские сосуды из Южного Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 119–129.
3. Зиливинская Э.Д. Очаги – Алтари из Раскопок Городища Джанкент в Южном Казахстане // РА. 2019. № 1. С. 87–100.
4. Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Новые данные о городище Туркестан // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1977. № 2. С. 49–55.
5. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АБДИ, 2011. 434 с.
6. Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2017. 342 с., илл.
7. Смагулов Е.А., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Ғылым, 1999. 232 с.
8. Ақылбек С.Ш., Хазбулатова А., Гурсой М., Пәрменқұл С., Алмазұлы Ш., Шоқаев Қ., Сиздиқов Б., Сералиев А., Серали Н. Күлтөбе қалажұртында жүргізілген қазба жұмыстарының есебі // Күлтөбе есеп. 2019. Т 1 / Түркістан, 365 с.
9. Байпаков К. Ежелгі және орта ғасырдағы Отырар. Алматы: «Қазығұрт» баспасы, 2007. 248 с.
10. Қазақстан тарихы. Көне заманнан бүгінге дейін. 1-том / Отв. ред. М.Қ. Қозыбаев. Алматы: Атамұра, 1996. 544 с.
11. Оңтүстік Қазақстан Энциклопедия. Қазақстан энциклопедиясының бас редакциясы / Ред. Б. Жылқышиев. Алматы, 2005. 560 с.
12. Сайлауов А. Айқара ашқан есігін – ауылым алтын бесігім / Ұстаз мәртебесі. Республикалық қоғамдық – әлеуметтік, ғылыми – көпшілік газет. <http://ustaz-martebesі.kz/index.php/k2-tags/k2-information/auilainasy/item/11-ajkara-ashkan-esigin-auylym-altyn-besigim> (дата обращения: 12.09.2020)
13. Тұяқбаев М.К., Егеубаева А.М. Түркістан жазирасының қыш ыдыстары. Альбом-кітап. Алматы: Издательство Золотая Книга ЖШС, 2018. 176 с.
14. Тұяқбаев М.Қ., Мұсабаев Қ., Өсеров Т. Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескеркіштер: деректі тарихи-танымдық жинақ. Алматы: Информ-Арна баспасы, 2016. 160 с.
15. Түркістан облысының көне қалалары / Состав. Ж.Курбан., А.Ержигитова., ред. Б.А.Байтанаев. Алматы: «Қазығұрт» баспасы, 2018. 260 с.

16. Can C. Zerdüşçülük, Zerdüşť ve Hukuk (Avesta). In Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1968. 25. Cilt. S 1. S. 273–288.

17. Çotuksöken Y. Türkçe Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. İstanbul: Toroslu Kitaplığı, 2004. 376 s.

18. Çoruhlu Y. Erken Devir Türk Sanatı. İstanbul: Kabcacı Yayınevi, 2010. 512 s.

19. Oymak İ. Türkistan'da Zerdüşťlüğün Yayılması ve Etkileri. In Türkler 3. Cilt. Eds. Hasan Celal Güzel vd. 2002. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, S.375-384.

20. Sular M. E. Geçmişten Günümüze İran Zerdüşťtlerinde Defin Şekilleri. In Bitlis Eren Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2017. 6. Cilt. S 1. S. 181–204.

21. Eski İran Dini Zerdüşťtlük. In Dinler Tarihi Ansiklopedisi 2. Cilt. ed. T. Tunçdoğan. İstanbul: Gelişim Yayınları, S.609-620. (год публикации не указан)

Информация об авторах:

Акылбек Серик Шаймерденович, заместитель директора по научной работе. Отрарский государственный археологический музей-заповедник (с. Шаульдер, Казахстан); s.akylbek@hotmail.com

Гурсой Музаффер, Ph.D., и.о. доцент. ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжа Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

“CULTURAL PREMISES” IN KULTOBE CITY

S.Sh. Akylbek, M. Gursoy

The article examines the premises uncovered as a result of archaeological excavations at the Kultobe settlement located in the city of Turkestan in 2019. In the center of these rooms there are foci with a hole (in some foci, vessels are inserted into the holes). Such foci in previous studies have been characterized as “foci-altars”. Generally speaking, premises similar to those of Kultobe were excavated at the sites of the Otrar oasis by K.M. Baipakov, which he designated as "cult premises". There are similar premises in the excavations of E.A. Smagulov at the settlement of Karatobe. The main goal of the article is to classify the hearth-altars in the places of worship of the Kultobe settlement and to make a comparative analysis. Similar premises in the archaeology of Central Asia are associated with the Zoroastrianism of Iran. One of the objectives of this article is to give a new interpretation of "cult premises" taking into account the already existing different opinions and to put new data into scientific circulation. In the process of preparing the article, the following scientific methods were used: comparative analysis, systematization and classification of sources. First, archaeological research was carried out at the site of Kultobe. The excavated premises have been carefully documented. For the comparative analysis, archival materials specialized literatures were used. In the process of working with the sources, it was concluded that the previous opinions about the belonging of the premises with "hearth-altars" to the Zoroastrian cult are subject to revision. The authors' interpretation is based on the leading role of hearth and fire in Kazakh society.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Zoroastrianism, hearth-altars, Ahura Mazda, Turkestan.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In *Trudy Instituta Istorii, arkheologii i etnografii Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic, 3–215 (in Russian).

2. Baytanaev, B. A., Zhelezniyakov, B. A. 2020. In *Povolzhskaya Arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (32), 119–129 (in Russian).

3. Zilivinskaya, E. D. 2019. In *Rossiiskaya Arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 87–100 (in Russian).

4. Senigova, T. N., Burnasheva, R. Z. 1977. In *Izvestia Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Academy of Sciences of Kazakh SSR. Social Sciences)* 2. 49–55 (in Russian).

5. Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: “ABDI” Publ. (in Russian).

6. Smagulov, E. A. 2017. *Drevnii Turkestan: shtrikhi k istoricheskomu portretu (Ancient Turkestan: Strokes to the Historical Portrait)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. (in Russian).
7. Smagulov, E. A., Grigor'ev, F., Itenov, A. 1999. *Ocherki po istorii i arheologii srednevekovogo Turkestana (Essays on the history and archeology of medieval Turkestan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
8. Akylbek, S. Sh., Khazbulatov, A., Gursoy, M., Pärmenkyl, S., Almazyly, Sh., Shoqaeв, K., Sizdikov, B., Seraliev, A., Serali, N. 2019. In *Kültobe esep (Kultobe report)* 1. Türkistan (in Kazakh).
9. Baipakov, K. 2007. *Ezhelgi zhane orta gasyrdagy Otyrar (Otrar of antiquity and the Middle Ages)*. Almaty: "Qazygurt" Publ (in Kazakh).
10. In Kozybaev, M. K. (ed.). 1996. *Kazaqstan tarihy. Kone zamannan buginge deiin 1-tom (History of Kazakhstan. From Ancient Times to the Present)* 1. Almaty: "Atamura" Publ. (in Kazakh).
11. In Zhylykshiev, B. (ed.). 2005. *Ontustik Kazaqstan Entsiklopediya (South Kazakhstan Encyclopedia)*. Almaty (in Kazakh).
12. Saylauov, A. 2020. In *Ustaz mäртеbesi (Teacher status)*. <http://ustaz-martebesi.kz/index.php/k2-tags/k2-information/aulamasy/item/11-ajkara-ashkan-esigin-auylym-altyn-besigim> (date of request: 12.09.2020) (in Kazakh).
13. Tuyakbaev, M. K., Egeubaeva, A. M. 2018. *Turkistan zhazirasynyn qysh ydystary. Albom-kitap (Pottery of the Turkestan steppe. Album-Book)*. Almaty: "Zolotaia Kniga JSS" Publ. (in Kazakh).
14. Tuyakbaev, M. K., Musabaev, K., Öserov, T. 2016. *Turkistan onirindegi tarihi-madeni eskerkishter: derekti tarikki-tanymdyq zhinaq (Historical and cultural monuments of the Turkestan region: a documentary historical and educational collection)*. Almaty: "Inform-Arna" Publ. (in Kazakh).
15. Kurban, Zh., Erzhibitova, A. (comp.). 2018. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Turkistan oblysynyn kone qalalary (Ancient cities of Turkestan region)*. Almaty: "Qazygurt" Publ. (in Kazakh).
16. Can, C. 1968. In *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi (Ankara University Faculty Of Law Journal)* (25) 1. 273–288 (in Turkish).
17. Çotuksöken, Y. 2004. *Türkçe Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü (Dictionary of Turkish Proverbs and Idioms)*. İstanbul: Toroslu Kitaplığı (in Turkish).
18. Çoruhlu, Y. 2010. *Erken Devir Türk Sanatı (Early Turkish Art)*. İstanbul: Kabalcı Yayınevi (in Turkish).
19. Oymak, I. 2002. In Güzel, C., Çiçek, K., Koca, S. (eds.). *Türkler 3. Cilt (Turks Vol 3)*. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 375–384 (in Turkish).
20. Sular, M. E. 2017. In *Bitlis Eren Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi 6. Cilt. (Bitlis Eren University Journal Of The Institute Of Social Sciences Vol 6)* 1. 181–204 (in Turkish).
21. Tunçdoğan, T. (ed.). *Dinler Tarihi Ansiklopedisi 2. Cilt (Encyclopedia Of The History Of Religions Vol 2)*. İstanbul: Gelişim Yayınları, 609-620. (the year of publication is not specified) (in Turkish).

About the Authors:

Akylbek Serik Sh. State archaeological museum-reserve «Otyrar». Jibek joli prosp, 1, Shaulder village, 160700, Otrar district, South-Kazakhstan region, Republic of Kazakhstan; s.akylbek@hotmail.com

Gursoy M. Ph.D. associate professor. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University, Chief researcher of the Research Institute of Archaeology. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.102.113>

ПОСТПЕТРОГРОМ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УГОРСКИХ КУЛЬТУР УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

© 2022 г. Е.П. Казаков

В результате многолетних работ казанскими и другими археологами выявлены и исследованы археологические памятники, связанные с письменными памятниками эпохи средневековья. Среди них несомненными открытиями являются комплексы угорских культур: неволинской, ломоватовской, ванвиздинской, полумской, постпетрогромской, чияликской. Богатые и, во многом, неожиданные данные позволили по-другому определить исторические процессы на северо-востоке Европы и их датировку. В предлагаемой статье представлена краткая характеристика постпетрогромской культуры, существовавшей с конца XI в. и до золотоордынского периода. Данная культура внесла существенный вклад в этногенез финно-угорских народов северо-востока Европы.

Ключевые слова: археология, средневековье, Урало-Поволжье, культуры: неволинская, ломоватовская, полумская, ванвиздинская, постпетрогромская, чияликская, болгарская.

В культуре угров большое значение имели орнаментальные мотивы. В семантике их отражались представления о мире и вся многогранная жизнь общества. В этом отношении для исследователей средневековых древностей угорских групп Большого Урала важное информативное значение имеет орнамент керамики. Вся она лепная круглодонная с примесью талька в тесте на Урале или толченой раковины – в Волго-Камье.

Находясь на уровне военной демократии, вследствие внутреннего развития или под влиянием бурных событий в евразийских степях угорское население, имея непрочную оседлость, неоднократно массово мигрировало в западном направлении. Здесь они оставили много селищ, могильников, святилищ, изученных раскопками археологов Башкортостана, Татарстана, Удмуртии лучше, чем угорские памятники на Урале.

Угорский мир представлял множество родоплеменных подразделений. Но этнографы выделяют в нем наиболее массовую принадлежность к фратрии мось-мощ или пор. Широкое распространение подразделения фратрии мось на северо-востоке Европы относится ко второй половине VI в. н. э. Они характеризуются леп-

ными круглодонными сосудами невысоких пропорций с блоковидной горловиной.

Вышеназванные культуры, появившиеся во второй половине VI в., оставлены мигрантами, которые были вынуждены бежать. Все они проживали в зауральских областях. Хотя войско Первого Тюркского каганата включало в себя большое число угров, серьезные конфликты, видимо, происходили.

В первую очередь это относится к угорским племенам, которые фактически перешли к кочевому скотоводству и находились во взаимосвязи с сарматами и другими южными соседями. Удар был настолько сильным, что это население, пройдя через горные проходы Урала, ушло далеко на север, в таежную зону Республики Коми, где и сформировалась ванвиздинская культура. В комплексах ее сохранились элементы прежнего образа жизни: курганный обряд погребений, культ коня, вещи южного происхождения (серебряный ритон и другие), серебряные монеты и пр.

Другие угорские мигранты осели в Прикамье, дав начало неволинской, полумской, ломоватовской культурам. Мигрировавшие в это время вместе с ними племена поздних сармат заняли

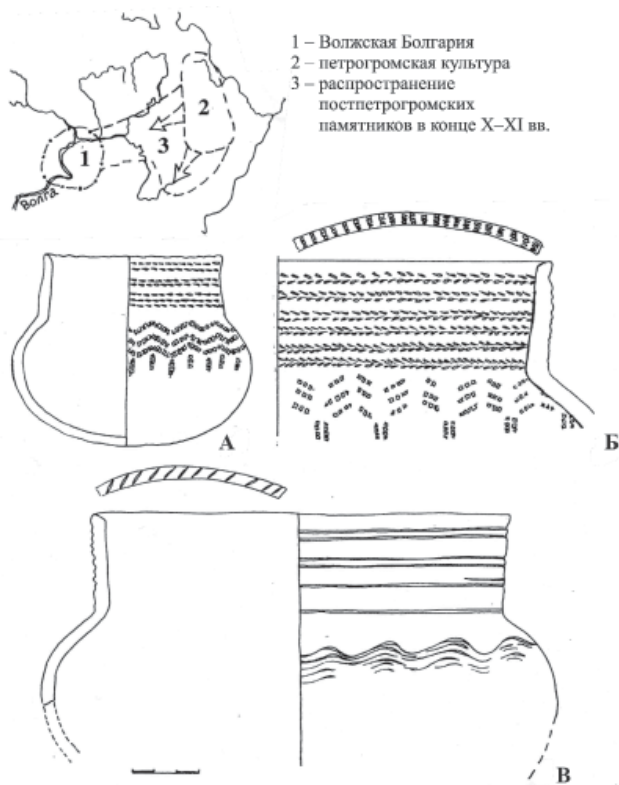

Рис. 1. Распространение керамики постпетрогромской культуры в Урало-Поволжье в конце X в.

Fig. 1. The spread of the post-Petrogrom culture ceramics in the Ural-Volga region at the end of the 10th century.

широкую территорию Урало-Поволжья (Казаков, 2020).

Памятники фратрии пор распространились к западу от Урала в конце X–XI вв. н. э. Они объединены в постпетрогромскую культуру.

Орнамент керамики угорских культур состоит из веревочных оттисков по шейке и гребенчатых по плечикам. Первые из них, скорее всего, символизировали небо в облаках, а вторые – землю. Гребенчатые оттиски, часто парные, располагались зигзагом, как бы подчеркивая неровности земли. Часто их с помощью изображался целый лес елок (рис. 3Б: 4). На посуде поломской культуры по плечикам имелись заштрихованные кружки, ромбы, квадраты, треугольники в виде чумов, символизирующих постройки.

Люди не могут жить без пищи. С тех пор как появилась керамика, еду стали готовить в керамических емкостях, обломки которых являются одним из самых массовых комплексов на древних поселениях. В силу разных причин (географических, климатических, идеологических и т. д.) лепная керамика древних родоплеменных коллективов приобрела свои особенности. По ним в основном специалисты выделяют археологические культуры, локализация которых и их миграции часто совпадают с распространением того или иного типа посуды.

То же случилось с постпетрогромской культурой. В своем абсолютном большинстве она представлена лепными круглодонными сосудами с при-

месью талька или раковины в тесте, которые имеют высокую (3 и более см) шейку со скошенным вовнутрь и украшенным гребенчатыми оттисками венчиком. Шейка украшалась парным многорядным (обычно от трех до шести) оттиском веревочки (рис. 1: А, Б). Судя по материалу Измерского селища, каждый ряд осуществлялся определенной длины веревочкой, которая закручивалась вокруг стерженька и второй оттиск её ложился рядом с первым, но в обратную сторону (рис. 1: Б). Верхняя часть тулова сосуда украшалась оттисками гребенчатого штампа. Такой четко выдержанный «паспорт» данной посуды позволяет достоверно выделять её из других групп керамики.

Вышеуказанные изделия были выявлены на селищах и городищах домонгольской Волжской Болгарии (Казаков, 1971, табл. I, с. 123, 7, 8; с. 125, табл. III, рис. 2–7). На этих же памятниках встречены и образцы, позднее определенные как «гибридные», в которых под влиянием гончарного производства болгар оттиски веревочки и гребенки заменяются разными линиями (Казаков, 1971, с. 123, 9; с. 125, табл. III, 9, 10). Меняются и примеси в тесте, хотя форма изделия и композиция его орнамента, даже при изготовлении на круге, часто сохраняется (рис. 1: В).

При отсутствии сравнительного материала первоначально трудно было определить происхождение данной керамики. Но знакомство с отчетами уральских археологов, хранящимися в архиве ИА РАН, и коллекциями в г. Екатеринбурге позволили выявить ее близость к посуде петрогромской культуры Урала (Берс, 1957).

Позднее благодаря чрезвычайно активной полевой деятельности специалистов археологических центров Предуралья и Поволжья были выявлены и раскопаны десятки памятников с

такой посудой. Рассмотрим некоторые из них.

По данным В.А. Могильникова, который дал общую характеристику петрогромской культуры, она остается слабо изученной. Не опубликованы материалы раскопок О.Н. Бадера, Н.П. Кипарисовой, А.И. Рассадович на жертвенных местах горного Урала (Синяя гора, Голый камень), хотя археологи (В.Д. Викторова, В.М. Морозов и др.) достаточно четко связывают её с древнеугорским этносом. В то же время посуда из святилищ Урала достаточно сильно отличается от постпетрогромских комплексов. Лишь керамика из могильников Среднего Урала (Аяцкий, Калмацкий брод), датированных второй половиной VI–VII вв. н. э., содержат почти полные аналоги постпетрогромским образцам (Берс, 1957, рис. 21, 24). Это был период массовой миграции угров в Урало-Прикамье в эпоху Первого Тюркского каганата.

Во второй половине IX в. печенеги почти полностью «очистили» Предуралье, исчезли целые культуры: кушнаренокская, неволинская. В конце X в. на опустевшую территорию мигрируют родоплеменные группы, составившие основу постпетрогромской культуры. На территории Башкортостана они оставили характерные образцы этой культуры в Мрясимовском, Каранаевском и других могильниках с монетами конца X в. В курганном Бакалинском могильнике вместе с такой посудой встречена иттерна – типично мансийская кукла-онгон (Казаков, 2018, с. 126, рис. 7).

Наиболее выразительные комплексы постпетрогрома выявлены в Пермском крае – в некрополях Селянино озеро, Кишертском. В последнем из них изучено 33 безкурганых захоронения (Пастушенко, 2005–2006, с. 40–70). В комплексах встречено большое число изделий конца X–XI вв. (рис. 2, 3). Среди них много поде-

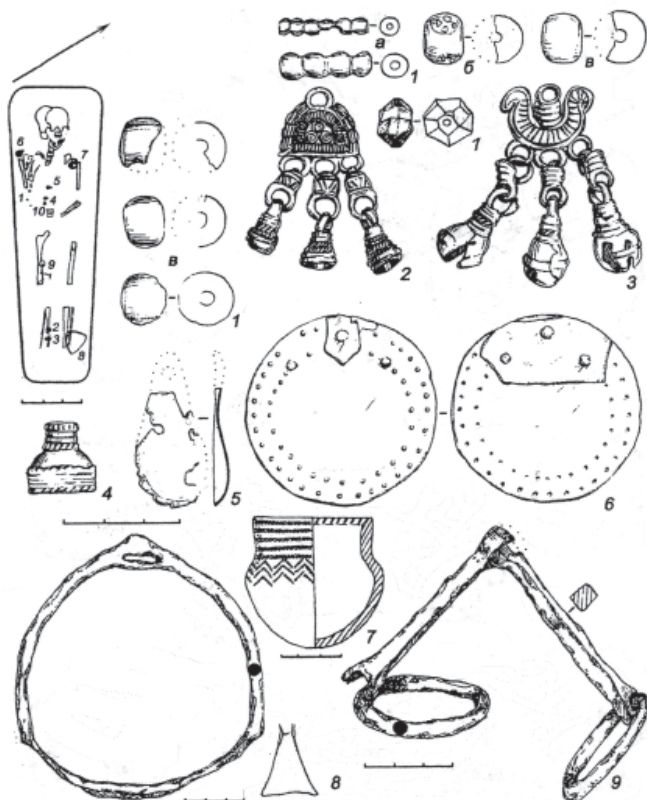

Рис. 2. Кишертский могильник. Погребение 22 (по Пастушенко И.Ю., 2005–2006).
Fig.2. Kisher't' burial ground. Burial 22 (according to Pastushenko, I. Yu. 2005–2006).

лок мбългарских ювелиров. Керамика некрополя (рис. 2: 7; 3Б: 4) является классической для постпетрограда. В ряде захоронений умершие положены по мусульманскому обряду, т. е. сюда проникает в конце X в. ислам.

Как уже отмечалось, массы представителей этой культуры проживали в Волжской Болгарии (рис. 1). Много идентичных образцов указанной лепной керамики отмечается как в этой стране, так и в памятниках Приуралья (Казаков, 2018, с. 123, рис. 4; с. 124, рис. 5).

Тесная связь культуры страны болгар с уграми объясняется не только торговлей, но и тем, что здесь проживали их родственники – создатели кушнаренокской, неволинской, полумской и ломатовской культур, ярко представленных в языческих

некрополях: Танкеевском, Больше-тарханском, Большетиганском и других. Они приезжали сюда так часто, как в свою страну. Товарообмен осуществлялся в основном по Камскому речному пути. Но существовали и сухопутные торговые пути, по которым имеются материалы.

Один из таких маршрутов проходил через Елабужское городище, которое из числа наиболее крупных пунктов Волжской Болгарии, где отмечается рассматриваемая керамика (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 28). Она сохраняет весь «паспорт постпетрограда» (рис. 4). Памятники с аналогичной посудой широко распространены на территории удмуртского Прикамья (рис. 5).

Целый куст таких памятников отмечается в древностях полумской культуры бассейна р. Чепцы (рис. 6,

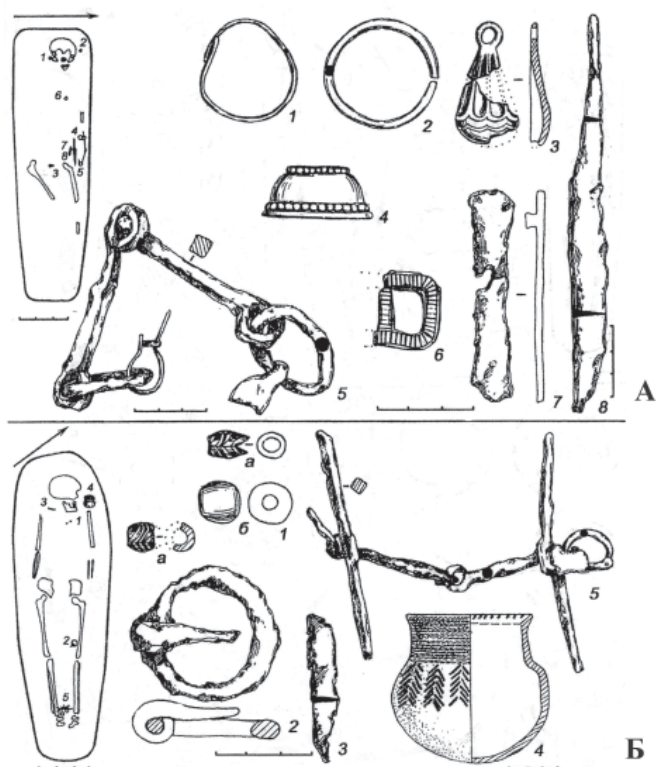

Рис. 3. Кишертский могильник. А – погребение 23, Б – погребение 24
(по Пастушенко И.Ю., 2005–2006).

Fig.3. Kishert' burial ground. А – burial 23, Б – burial 24
(according to Pastushenko, I. Yu. 2005–2006)..

рисунку не сходится). В них отмечается масса ювелирных изделий волжских болгар измерского времени (последняя четверть X – начало XI вв.), что свидетельствует об интенсивной торговой деятельности (Казаков, 2000, с. 74, рис. 6; с. 75, рис. 7).

Путь из Елабуги на р. Чепцу шел, вероятно, через водораздел по центральной части Удмуртии (рис. 6). Проходил он через современный относительно крупный город южной Удмуртии Можга, который, судя по названию (помось – мош), возник на месте мансийского поселения по крайней мере в X в. Расположен город в 70 км к северу от современного города Елабуга. В окрестностях его Р.Д. Голдиной изучено характерное мансийское охотничье святилище Чу-

мойтло (Голдина, 1987, с. 84–106), датированное измерским временем, где выявлены круговые болгарские одноручные кувшины, явно принесенные сюда угорскими охотниками, и типичные лепные постпетрогромские сосуды (Казаков, 2004, рис. 5, 11–13).

То, что в бассейне р. Чепцы в это время проживали угры не только фратрии мош, но и фратрии пор, отразилось в географических названиях: поркар, поргурт, поршур – городище, деревня, река поров. О существовании на р. Чепце важной торговой фактории свидетельствует концентрация в этом регионе находок круговой керамики болгар (рис. 7).

Оценивая в целом проблему постпетрогрома, мы должны отметить, что её территория, определенная по име-

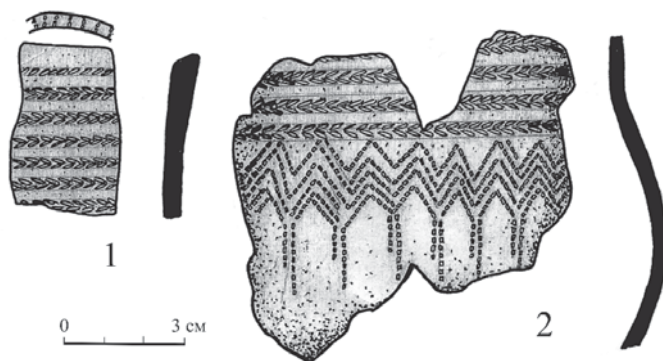

Рис. 4. Постпетрогромский сосуд (по Кавееву М.М. 1984).
Fig.4. The post-Petrogrom vessel (according to Kaveev, M. M., 1984)

ющимся в то время данным (рис. 1), на самом деле значительно шире, особенно в северо-западном направлении. Для этого рассмотрим проблемы истории Волго-Камья с более раннего времени.

В гуннский период под давлением пришедших с юга новых кочевников, в целом вполне сформировавшаяся культура предков удмуртов – азелинская, занимавшая южные районы Волго-Вятского междуречья, вынуждена была отступить далеко к северу, где на правобережье р. Вятки оставила памятники концовского типа. В эпоху Тюркского каганата на р. Чепце рядом с ними возникла полумская культура, образованная угорскими мигрантами фратрии мощ. В конце X в. в их среду проникают новые угорские группы фратрии пор, которые вступили в конфронтацию с потомками азелинцев. Поэтому слово «пор» прямо относилось к новым пришельцам. Позднее они стали употреблять его по отношению к марийцам (Тепляшина, 1967, с. 261–264).

Угорское население даже в XII–XIV вв. в Вятском крае (так называемые «вятские вогуличи») отмечают письменные источники. В настоящее время имеются и археологические данные. В Ногинском районе Кировской области в хозяйственной

постройке, ошибочно отнесенной к эпохе бронзы, на поселении Буй 1 встречен типичный сосуд постпетрогромской культуры (Казаков, 2010, с. 122–125). Этот сосуд по всем показателям аналогичен образцам указанной культуры из других памятников, сопровождаемых бронзовыми изделиями измерского типа (рис. 8: Г, Д).

В XI в. под давлением Руси (Атаманов, 1997, с. 56) удмурты в рамках чепецкой культуры продвигаются на восток. На р. Чепце эта культура сменила полумскую культуру угров. За незначительное время земледельческая, оседлая культура победила. Угорское население было ассимилировано. Лишь в преданиях сообщалось о том, что у удмуртов были слуги-поры (Атаманов, 1997, с. 177).

Представленные материалы свидетельствуют, что поры – это угры – предки манси и постпетрогром – их археологическая культура, которая существовала, особенно на севере, до золотоордынского времени. По сообщению Плано Карпини татаро-монгольское войско после завоевания страны болгар, а потом баскарт, т. е. Великой Венгрии, пошло дальше на север и прибыло к парроситам (Казаков, 2018, с. 117). В Вятском крае землячество угров добилось освобож-

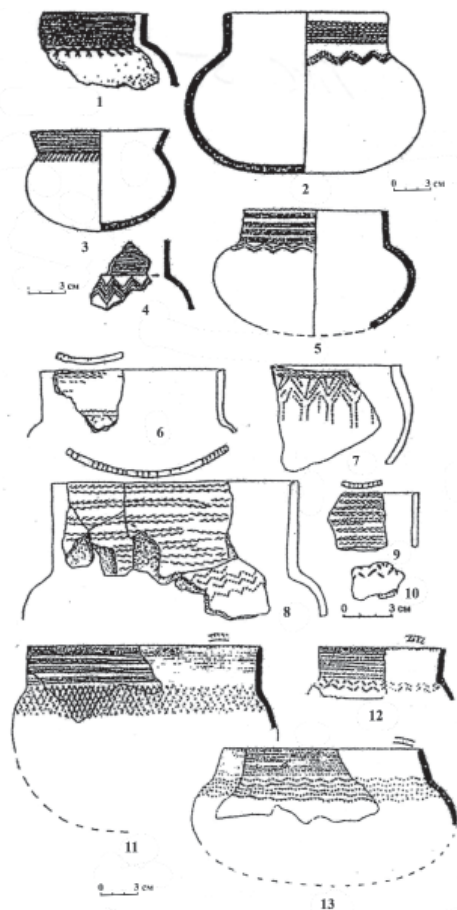

Рис. 5. Постпетрогромская керамика с памятников Урало-Поволжья. 1–5 – могильники позднеполомской культуры бассейна р. Чепцы; 6–10 – городище Каменный Лог; 11–13 – святилище Чумойтло.

Fig. 5. The Post-Petrogrom ceramics from the Ural-Volga region monuments. 1–5 – The Late Polom culture necropolises from the river Cheptsya basin; 6–10 Kamenniy Log hillfort; 11–13 – Chumoytlo sanctuary.

дения вождя угров Асыка из русского плена.

Хотелось бы коротко ответить на вопросы оппонентов постпетрогромской культуры. Наиболее подробно они освещены в статье Ф.Ш. Хузина. В ней автор достаточно эмоционально, что в целом часто бывает в научной дискуссии, когда исследователь глубоко уверен в своей правоте (а данная работа была не только напечатана, но и перепечатана), пишет: «Должен признаться, что отношусь резко отрицательно к искусственно созданной Е.П. Казаковым «постпетрогромской

культуре»... Е.П. Казаков находит «постпетрогромскую» керамику и на памятниках Верхнего Прикамья, и в курганах Южного Урала, и на средневековых поселениях Татарстана, вплоть до Самарской Луки и даже в Оренбургской области. Но ведь выше-названные территории принадлежали племенам ломоватовской, сылвенской и родановской культур, здесь уже обитали волжские болгары и их соседи – предки древних удмуртов, коми-пермяков, башкир и др. Факт налицо: своей самостоятельной территории обитания у «постпетрогромцев» не

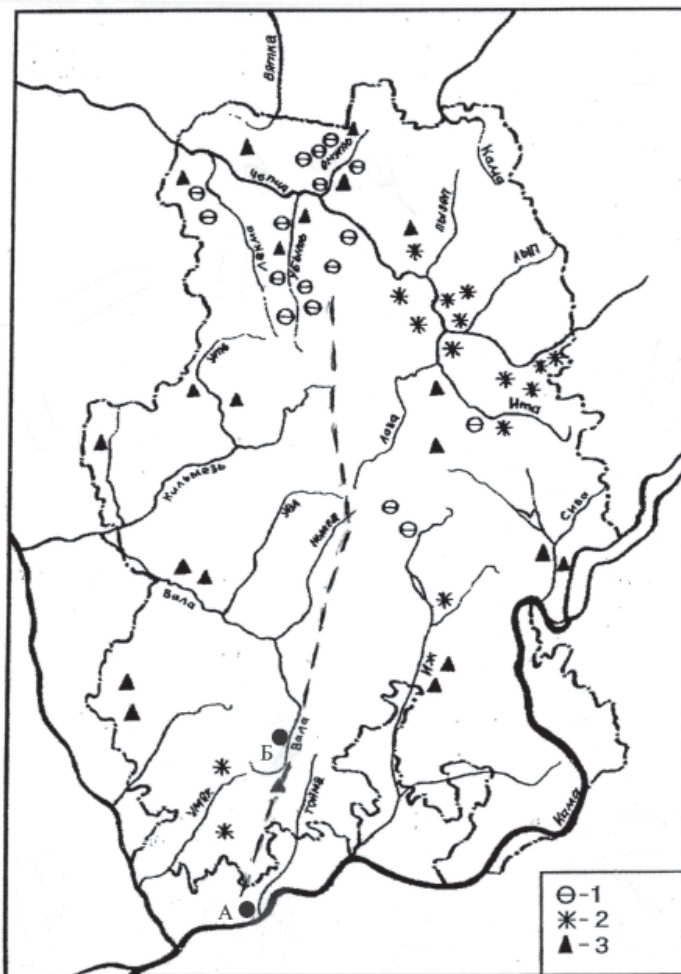

Рис. 6. Топонимы угорского происхождения на территории Удмуртии (по М.Г. Атаманову): 1 – топонимы с апеллятивом *por*; 2 – топонимы на *-им, -ым, -ум, -ом*; 3 – другие топонимы угорского происхождения. А – Елабуга, Б – Можга.

Fig.6. The ugric origin toponyms in the territory of Udmurtia (according to M.G. Atamanov): 1–toponyms with appellative *por*; 2 – toponyms with *-im, -ym, -um, -om*; 3 – other ugric origin toponyms. А – Yelabuga, Б – Mozhga.

было, жили они на «чужих землях»... На этой территории до сих пор неизвестно ни одного чистого, «своего» памятника «постпетрогромцев» – ни поселения, ни могильника, даже святилища или места жертвоприношений» (Хузин, 2011, с. 74).

В вышеприведенных замечаниях Ф.Ш. Хузин отрицает возможность выделения постпетрогромской культуры. Можно было бы подробно ответить на каждое из них, но это по-

требует отдельной работы. Коротко: пермские финны в X в. даже не жили на своей современной территории, а находились севернее и северо-западнее от нее. Поселения волжских болгар доходили только до р. Шешмы (на ней находится самое восточное их городище в Альметьевском районе). «Сылвинской» культуры нет – есть неволинская.

В определенной мере Предуралье считалось как бы наследственной тер-

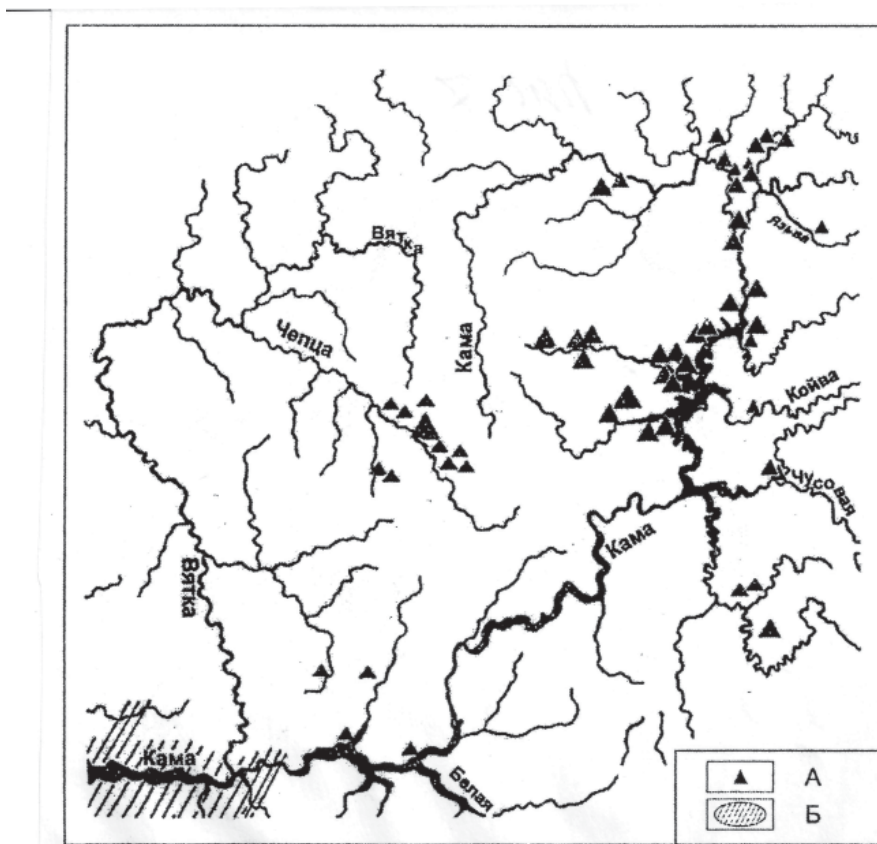

Рис. 7. Находки круговой болгарской посуды (по Белавину А.М., 2000).

А – памятники, Б – территория Волжской Болгарии.

Fig.7. The finds of circular Bulgarian ware (according to Belavin A. M., 2000).

А – monuments, Б – the territory of Volga Bulgaria.

риторией угров. Даже руководство Золотой Орды не возражало, когда в XIII в. сюда переселились мигранты – угры макушинской культуры из Зауралья, создав чияликскую культуру. Через короткое время они приняли ислам и вскоре вошли в состав современного тюркоязычного населения.

Я благодарен Ф.Ш. Хузину за то, что он «собрал вместе» в том числе специалистов Урала, критиков рассматриваемой культуры. Во всяком случае важно услышать мнение коллег по близкой тебе теме.

Представленные материалы подтверждают, что Предуралье и Восточное Закамье всегда было под контролем поздних сармат или угров (за исключением второй половины IX в.,

когда нападали печенеги). Башкиры кочевали далеко на юге, а на соседних территориях жили их родственники угры, представленные комплексами ранних болгар, ломовской и ломоватовской культур. Можно перечислить много «чистых» постпетрогромских памятников: селищ, могильников, святилищ. Насчет точек зрения наших уральских друзей и коллег: они, видимо, забыли (или не знали), что в Урало-Поволжье миграции в древности всегда шли с востока на запад. И всегда отличный отошитель глины, чем дальше к западу, заменял тальк в керамике ракушкой (Казаков, 2018, с. 117). Так было и в постпетрогrome. Возьмем памятники эпохи черкаскульской культуры эпохи бронзы.

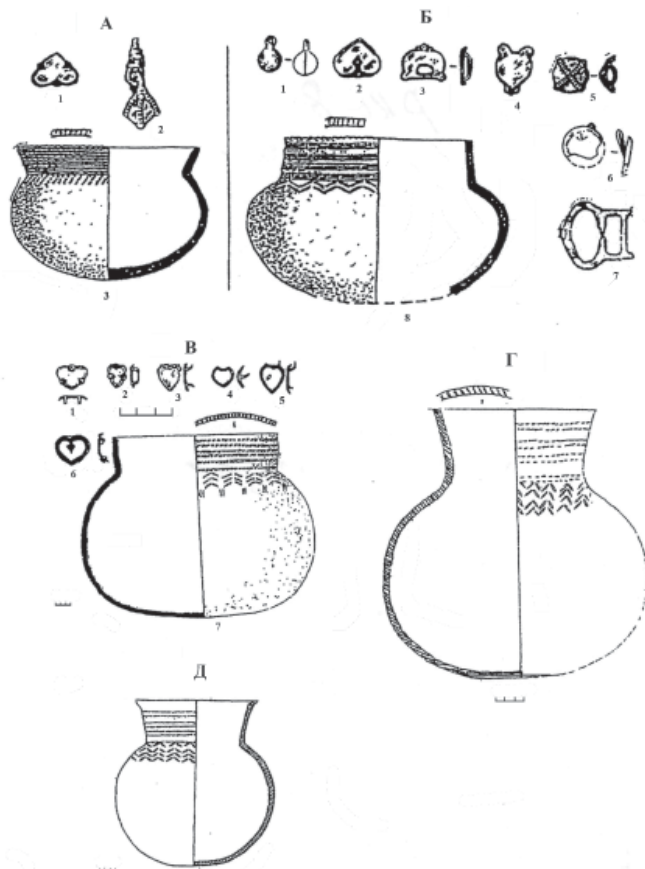

Рис. 8. Какашурский могильник. А – погр. 57: 1, 2 – бронза, 3 – керамика; Б – погр. 63: 1–7 – бронза, 8 – керамика; В – Измерское селище (Волжская Болгария): 1–6 – бронза, 7 – керамика; Г, Д – реконструкции сосуда из поселения Буй 1.

Fig. 8. Kakashura burial ground. А – burial 57: 1, 2 – bronze, 3 – ceramics; Б – burial 63: 1–7 – bronze, 8 – ceramics; В – Izmer settlement (Volga Bulgaria): 1–6 bronze, 7 – ceramics; Г, Д – the reconstruction of a vessel from settlement Bui 1.

Здесь керамика в коптяковских памятниках Урала содержит тальк, а в Такталачукском некрополе на р. Белой – раковину. И таких примеров можно привести много.

В заключение можно утверждать, что во многом толерантная постпетрогромская культура образована мигрирующими уграми Урала. Она

имеет свою огромную территорию, на которой сохраняется специфическая керамика, хронологию, идеологию и т. д. Особенно важно, что для характеристики её имеются как археологические, так и письменные источники. Будущие исследователи смогут лучше оценить роль этой общности в истории народов Урало-Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 247 с.
2. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
3. Берс Е.М. Отчет по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1957 год / Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1, № 1529.

4. *Голдина Р.Д.* Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 84–106.

5. *Кавеев М.М.* Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 18–27.

6. *Казаков Е.П.* О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (на материале керамики) // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Материалы научной сессии по этногенезу башкир. (Уфа, май 1969 г.). Уфа, 1971. С. 122–128.

7. *Казаков Е.П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1987. С. 67–75.

8. *Казаков Е.П.* О ранней дате Елабужского (Чертова) городища болгарской эпохи // Древняя Алабуга / Отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Елабуга: Мастер Лайн, 2000. С. 56–77.

9. *Казаков Е.П.* Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2004. С. 120–128.

10. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры, финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.:илл.

11. *Казаков Е.П.* О присутствии средневековых угров в Вятском крае // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 122–125.

12. *Казаков Е.П.* К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 116–126.

13. *Казаков Е.П.* Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Кн. 1. Коминтерновский II могильник // Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

14. *Нигамаев, А.З., Хузин, Ф.Ш.* Древняя Алабуга и проблема её возникновения // Древняя Алабуга / Отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Елабуга: Мастер Лайн, 2000. С. 7–55.

15. *Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 40–70.

16. *Тепляшина Т.И.* К вопросу об этнониме пор // Происхождение Марийского народа. Материалы научной конф. / Ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1967. С. 216–264.

17. *Трефц М.И.* Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. 1985. № 4. С. 124–143.

18. *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой постпетрогромской культуре // Исследования по болгаро-татарской археологии / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Фолиант, 2011. С. 69–83.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

THE POST-PETROGROM IN THE SYSTEM OF THE MEDIEVAL UGRIAN CULTURES OF THE URAL-VOLGA REGION

E.P. Kazakov

As a result of many years of investigations Kazan and other archaeologists have identified and studied archaeological sites bounded up with written monuments of the Middle Ages. Among them there are the undoubted discoveries – the complexes of the Ugric cultures: Nevolino, Lomovatovo, Vanvizdino, Polom, post-Petrogrom, Chiyalik. Rich and, in many ways, unexpected data allowed us to take a different look at defining historical processes in the north-east Europe and their dating. This article presents a brief description of the post-Petrogrom culture that existed since the end of the 11th century and till the Golden Horde period. This culture made a significant contribution to the ethnic genesis of the Finno-Ugric peoples of northeastern Europe.

Keywords: archaeology, Middle Ages, the Urals – Volga River region, cultures: Nevolino, Lomovatovo, Polom, Vanvizdino, post-Petrogrom, Chiyalik, the Volga Bolgars.

REFERENCES

1. Atamanov, M. G. 1997. *Istoriya Udmurtii v geograficheskikh nazvaniyakh (History of Udmurtia in Geographical Names)*. Izhevsk: "Udmurtia" Publ. (in Russian).
2. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
3. Bers, E. M. 1957. *Otchet po raskopkam Sredneural'skoy arkhеologicheskoy ekspeditsii za 1957 god (Report on the Excavations of the Middle Ural Archaeological Expedition in 1957)*. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 1529 (in Russian).
4. Goldina, R. D. 1987. In: Nagovitsin, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnei istorii Udmurtii (Issues of Studying the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 84–106 (in Russian).
5. Kaveev M.M. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 1971. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa, 122–128 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1987. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Problemy srednevekovoy arkhеologii Urala i Povolzh'ya (Problems of Medieval Archaeology of the Urals and the Volga region)*. Ufa, 67–75 (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2000. In Khairutdinov, R. R., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Drevnyaya Alabuga (Ancient Alabuga)*. Elabuga: "Master-Line" Publ., 56–77 (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2004. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Chetvertye Bersovskie chteniya (The Fourth Bers' readings)*. Ekaterinburg: "Akva-Press" Publ., 120–128 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bulgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problem vzaimodeistviia (The Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9th–14th Centuries: Interaction Issues)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 2010. In Zeleneev, Yu. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkhеologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 5. Yoshkar-Ola: Mari State University, Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 122–125 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 116–126 (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 2021. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov (Kominternovskiy II mogil'nik) The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book 1. Komintern II burial ground*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes, 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).
14. Nigamaev, A. Z., Khuzin, F. Sh. 2000. In Khairutdinov, R. R., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Drevnyaya Alabuga (Ancient Alabuga)*. Elabuga: "Master-Line" Publ., 7–55 (in Russian).
15. Pastushenko, I. Yu. 2005–2006. In *Finno-Ugrica* 9, 40–70 (in Russian).
16. Teplyashina, T. I. 1967. In Arkhipov, G. A., Kazantsev, D. E. (eds.). *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 216–264 (in Russian).
17. Trefts, M. I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 124–143 (in Russian).
18. Khuzin, F. Sh. 2011. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkhеologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: "Foliant" Publ., 69–83 (in Russian).

About the Author:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 902.93+ 2.23/28

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.114.123>

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ¹

© 2022 г. М.В. Клёнов

Православная церковь сыграла большую роль в истории многих народов Российского государства. Историки, опираясь на письменные источники, полагают, что начало христианизации Европейского северо-востока датируется второй половиной XIV века. Археологические открытия за последние 35 лет предоставили новые данные для исследователей. В статье рассматривается коллекция из 11 предметов в виде христианских символов, полученных при раскопках средневековых поселений. Все артефакты датируются XII–XIII вв. н.э. В публикации определяется типологический и хронологический состав, приводятся аналогии из раскопок других археологических памятников России. Эти находки указывают на знакомство древнего населения края с христианской культурой ранее XIV в. Автор предполагает, что христианизация региона начинается вместе с древнерусской колонизацией в начале XII в. Распространение предметов с христианской символикой и идеей христианства было связано с обитателями поселений в долинах Выми, Вычегды и Сысолы. Эти поселения были основаны выходцами с Руси и стали центрами концентрации населения.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, древнерусская колонизация, Европейский Северо-Восток, христианизация, христианская символика.

Введение

Ранние этапы становления Православной церкви на севере Восточной Европы и Европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ) не нашли достаточного отражения в сохранившихся памятниках средневековой письменности. Существующая концепция распространения православия на ЕСВ, в работах большинства российских историков, представляет собой церковно-историографическую схему, сформированную ещё в конце XIX в. Начальным периодом проникновения и распространения православия в среде древних обитателей региона считается вторая половина XIV в. (История Республики Коми..., 1996, с. 34–37). Основным источником информации является известный образец русской агиографической литературы «Житие св. Стефана Пермского». Не касаясь специфики жанра агиографической литературы и анализа текста самого жития, необходимо отметить, что авторский оригинал жития неизвестен –

до нас дошло более 50 списков, самые ранние из которых датируются концом XV в. (Святитель Стефан Пермский, 1995, с. 266).

Таким образом, для научного воссоздания картины христианизации северных окраин Руси потребовалось привлечение нового корпуса источников. Многолетние археологические работы, проводившиеся на территории Республики Коми, дали большое количество находок, в том числе и предметов христианского культа, датированных началом II тыс. н.э. Эти находки позволили обратиться к проблеме начального этапа христианизации края. В статье использована классификация предметов христианского культа, предложенная А.Е. Мусиным. К категории «предметы личного благочестия» (ПЛБ) отнесены предметы, обладающие чертами официальности (признанные церковью) и индивидуальности (принадлежащие лично человеку). Они сопровождали человека везде и подчеркивали его принадлеж-

¹ Исследование выполнено в рамках плановой темы «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (2021–2025 гг.) № ГР 121051400045-9.

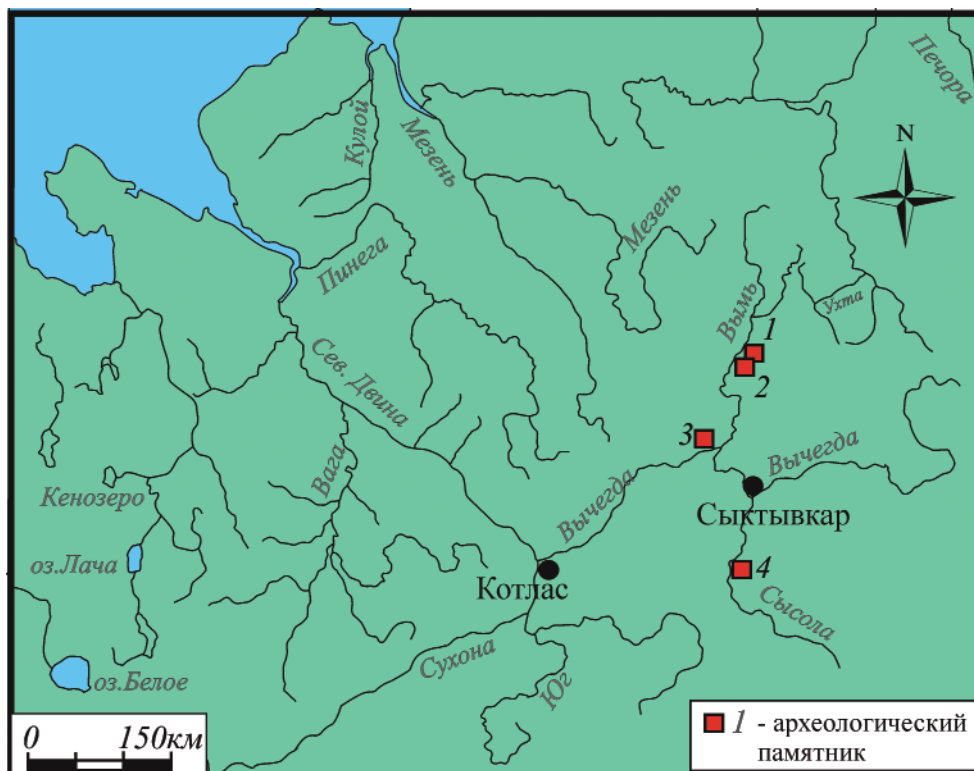

Рис. 1. Находки предметов личного и церковного благочестия на археологических памятниках Европейского Северо-Востока: 1 – Пожегское городище; 2 – Жигановское поселение; 3 – Карыбйвское городище; 4 – поселение Гуль-Чунь.

Fig. 1. Finds of items of personal and church piety at the archaeological sites of the European North-East: 1 – Pozheg hillfort; 2 – Zhiganovskoe settlement; 3 – Karybyv hillfort; 4 – settlement Gul-Chun.

ность к христианству. К категории «предметов церковного благочестия» (ПЩБ) – используемые при совершении церковных обрядов. (Мусин, 1997; 2000).

Следует отметить, что обращаясь к изучению вопросов о роли христианства в формировании этнических общностей, необходимо помнить, что христианизация представляет собой исторический процесс, проходящий в своем развитии несколько стадий, характеризующихся соответствующими признаками. В нашем случае следует помнить о трех основных этапах: 1. Проникновение идей христианства на рассматриваемую территорию, знакомство с ними и их распространение в среде населения. 2. Акт крещения населения как событие его «перерож-

дения». 3. Формирование церковной организации со всеми сопутствующими признаками (в первую очередь унификация обрядности) (Мусин, 1997).

Объектом исследования являются материалы раскопок поселенческих памятников XII–XIV вв., исследованных в 1961–2009 гг. на территории Республики Коми, хранящиеся в фондах музея археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: Карыбйвского и Пожегского городищ; поселений Жигановского и Гуль-Чунь (Савельева, Клёнов, 1997; Клёнов, Игушев, 2005; Клёнов, 2007; 2015). Все они относятся к кругу памятников древнерусской колонизации европейского Севера (Савельева, Клёнов, 1992, с. 29, 30; Савельева, Клёнов, 1997, с. 670, 671;

Клёнов, Игушев, 2005, с. 84; Клёнов, 2015, с. 110, 114).

Необходимо отметить, что обращение к материалам поселенческих комплексов не является случайным. Рассматривая начальный этап распространения христианства на ЕСВ, мы имеем дело со временем, когда новые идеи только проникали на эту территорию. Видимых изменений в традициях погребальной обрядности под их влиянием на материалах ЕСВ этого времени пока не выявлено. Находки изделий с христианской символикой в погребениях XII – начала XIII вв. крайне редки. Лишь комплексы поселений этого времени содержат подобные артефакты, прежде всего нательные кресты и образки. Эти предметы, бесспорно, свидетельствуют о знакомстве населения исследуемого региона (в той или иной степени) с христианской культурой.

Пожегское городище. Расположено на левом берегу р. Выми, в 2 км выше д. Жигановки (Княжпогостский р-н РК) напротив устья р. Пожег (рис. 1). Площадь памятника составляет около 1800 м².

Городище открыто А.С. Сидоровым в 20-е гг. XX в. С 1986 по 1990 гг. памятник исследовался экспедициями КНЦ УрО РАН (Э.А. Савельева), в 2000 г. проводились охранные раскопки (М.В. Клёнов). Общая площадь раскопа составила около 900 м². Обширная коллекция вещевого инвентаря, остатки оборонительных сооружений и различных построек указывают на уникальность памятника, являющегося первым древнерусским городищем, исследованным на ЕСВ. Основная часть коллекции датируется XII–XIII вв. (Савельева, Клёнов, 1992; 1997).

Коллекция вещевого инвентаря включает семь предметов, относящихся к категории ПЛБ: 1. Кресты-тельники – 3 экз.; 2. Икон-

ка-медальон – 1 экз.; 3. Подвески крестовключенные – 3 экз.

1. Кресты-тельники (3 экз.).

1.1. Каменные кресты-тельники (2 экз.) (рис. 2: 1–3).

1.1.1. Крест прямоконечный из камня черного цвета с четырьмя серебряными накладками-обоймицами, сечение оконечностей круглое (рис. 2: 1). Размеры изделия 26×22 мм. В верхней оконечности креста просверлено круглое отверстие для шнура. Серебряные накладки украшены сканью и зернью. Кресты подобного типа найдены на средневековых памятниках Южной Руси, в Старой Рязани, на Смоленщине. Чаще всего встречаются в составе богатых кладов. Датируются 70-ми гг. XII в. – 1240 г. (Корзухина, 1954, табл. X, V; с. 27–32; Монгайт, 1974, с. 12, рис. 5). Наиболее близкой аналогией является крест, найденный в Старой Рязани (Даркевич, Монгайт, 1978, табл. XVI: 4).

1.1.2. Крест тельный прямоконечный «корсунского типа» (рис. 2: 2). Изготовлен из опала (определение к.г.-м.н. Л.А. Януловой, Институт геологии Коми НЦ УрО РАН). Размеры 21×16 мм. Лицевая и оборотная стороны гладкие. Сечение оконечностей – квадратное. В верхней оконечности креста просверлено круглое отверстие. Каменные кресты были широко распространены по всей территории Древней Руси, датируются XII – нач. XIII вв., но чаще всего встречаются среди древностей XII в. (Никольская, 1981, с. 239; Седова, 1978, с. 117).

1.2. Бронзовые кресты, имитирующие каменные образцы (рис. 2: 3). Четырехконечный объемного литья крест с прямыми профилированными цилиндрическими концами. Размеры 22×18 мм. Средокрестие представляет уплощенную квадратную выемку с простым рельефным крестом в центре. Завершение концов выполнено в виде имитации накладки-обоймицы. Аналогичные кресты найдены в рай-

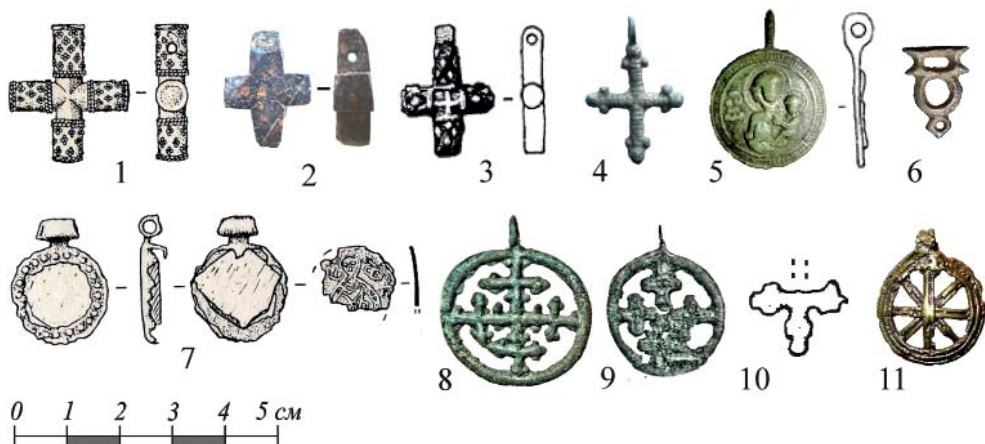

Рис. 2. Предметы личного и церковного благочестия XII–XIII вв. на памятниках Европейского Северо-Востока: 1–4 – нательные кресты; 5, 7 – медальоны-иконки; 6 – книжная застёжка; 8–11 – подвески. 1–3, 7–11 – Пожегское городище; 4 – Карыбйивское городище; 5 – Жигановское поселение; 6 – поселение Гуль-Чунь.
 Fig. 2. Items of personal and ecclesiastical piety from the 12th–13th centuries on the monuments of European Northeast: 1–4 – body crosses; 5, 7 – medallion icons; 6 – book clasp; 8–11 – pendants. 1–3, 7–11 – Pozheg hillfort; 4 – Karybjiv hillfort; 5 – Zhiganovskoe settlement; 6 – settlement Gul-Chun.

оне Кубенского озера, при раскопках селищ Минино I и Минино VI, где датируются второй половиной XII – началом XIII вв. (Археология северорусской деревни..., 2008, с. 60, рис. 41: 1–3). Два креста, изготовленных в одной форме, найдены в Белозере (Захаров, 2004, с. 106, рис. 43: 11). Близкий по стилю, но более примитивно выполненный крест известен в материалах из раскопок городища Слободка, датированного XII–XIII вв. (Никольская, 1987, рис. 51: 8).

2. Иконка-медальон (рис. 2: 7).
 Круглая подвеска-медальон с цельнолитым трубчатым ушком. Изготовлена из бронзы и украшена имитацией зерни. Диаметр изделия 18 мм. Отливка грубая. На обратной стороне подвески находится гнездо для стеклянной вставки и обломка серебряной пластины с изображением антропоморфного существа. Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не встречено. Близкие по типу подвески встречаются среди новгородских древностей конца XI – начала XIII вв. Изображе-

ние на пластине по стилю близко к изображениям фигур новгородской Софии или изображениям архангелов на новгородских иконках-привесках XIII в. (Седова, 1981, рис. 20: 12).

3. Крестовключенные прорезные подвески (4 экз.).

3.1. Крестовключенная подвеска (3 экз.) (рис. 2: 8–11).

3.1.1. Подвеска, литая из медного сплава, представляет собой двенадцатиконечный крест, вписанный в круг, что в христианской традиции означает символ мироздания (1 экз., рис. 2: 8). Размеры: 2,8×3,2 см. Оконечности и перекладины креста украшены шариками ложной зерни. Внешний край подвески образован гладким бордюром. Оглавие выполнено в виде простого плоского ушка. Подвески данного типа широко распространены в XII–XIII вв. на территории Северной Руси (Седова, 1981, рис. 14: 1; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 20).

3.1.2. Подвеска, литая из медного сплава, двенадцатиконечный крест с широкими перекладинами, вписанный в круг (2 экз., рис. 2: 9, 10). Раз-

меры: 2,2×2,8 см. Внешний край подвески образован гладким бордюром. Оглавие выполнено в виде простого плоского ушка. Одна подвеска деформирована – кольцо сломано, средокрестие и нижняя перекладина креста повреждены. Вторая представлена фрагментом креста. Стилистически близки подвеске, найденной в Новгородской области (Кутасов, Селезнев, 2010, с. 20, 21).

3.1.3. Восьмилучевая подвеска (1 экз.; рис. 2: 11). Литая из медного сплава, представляет собой два креста, вписанных в круг. Один крест – 4-конечный греческий с концами равной длины, второй – косой. Внешний край образован жгутовым бордюром. Оглавие – в виде двучастного проволочного ушка.

Аналогичные подвески были распространены в XII–XIV вв. на территории Северной Руси (Рябинин, 1986, с. 73), найдены на могильнике Минино II (Археология северорусской деревни..., 2008, рис. 120: 9) в междуречье Луги и Невы (Смольково, кург. 23) (Седов, 1982, табл. LIII: 15).

Жигановское поселение. Расположено на левом берегу р. Выми (д. Жигановка, Княжпогостский р-н РК) (рис. 1). Площадь памятника предварительно определялась в 5500–10000 м².

Открыто в 1961 г. Э.А. Савельевой, исследовалось отрядами КФАН СССР, Сыктывкарского университета, Коми НЦ УрО РАН в 1961, 1964, 1984, 1985 гг. (Э.А. Савельева), 1987 г (В.С. Зеленский), 1989, 1990, 2001, 2009 гг. (М.В. Клёнов). Общая площадь раскопов составила около 1600 м². Комплекс вещевого инвентаря и остатки сооружений находят широкие аналогии на русских средневековых памятниках XII–XIII вв., что подтверждает предположение о несомненной связи поселения с процессом русской колонизации Европейского Севера (Клёнов, 2015, с. 114).

Среди изделий из металла большой интерес представляет **бронзовая иконка-медальон** (рис. 2: 5). Диаметр изделия 22 мм. На лицевой стороне рельефное поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем Христом на левой руке. Головы окружены нимбами. Слева от Богоматери в поле иконки нечитаемые монограммы. Композиция заключена в рамку из двух круглых ободков, пространство между которыми орнаментировано поперечными рубчиками. Обратная сторона гладкая. Оглавие выполнено в виде простого плоского ушка. Происхождение образков с Богородицей, как правило, связывается с Владимиро-Суздальским княжеством, где в середине – второй половине XII в. возводится Владимирский собор Успения Богородицы (Седова, 1978, с. 121). В литературе известно несколько аналогичных изделий (Археология. Древняя Русь, 1997, табл. 103: 45; Алексеев, Лобода, 2005, кат. № 160; Коршун, 2008, с. 61, табл. 20: 2; Нечитайло, 2000, № 595). Также жигановская иконка имеет большое сходство по стилю и некоторым деталям с иконкой итальянской работы, найденной в Новгороде в слое середины XIII в. (Хорошев, 1978, с. 188, рис. 8).

Карыбйвское городище. Расположено на правом берегу р. Вычегды (д. Карыбйв, Усть-Вымский р-н РК) (рис. 1). Общая площадь памятника составляет около 1200 м².

Первые раскопки на памятнике проводились экспедициями под руководством А.Н. Грена (1924 г) и А.П. Смирнова (1925 г). В 1998, 2004, 2007 гг. раскопки были продолжены М.В. Клёновым. Общая площадь раскопов составила свыше 300 м². Памятник датируется XII – началом XIII (?) вв., основной комплекс находок имеет древнерусское происхождение (Клёнов, 2007, с. 147).

Категория ПЛБ представлена од-

ним изделием, обнаруженным при исследовании остатков постройки.

1.3. Бронзовый крест с шаровидным завершением ветвей (рис. 2: 4). Литой двусторонний четырехконечный крест с прямыми ветвями, концами, оформленными в виде пирамидки из трех шариков, рифленой поверхностью перекладин и цельнолитым плоским ушком. Размеры 22×19 мм.

По мнению М.В. Седовой, кресты данного типа в XII–XIII вв. имели широкое распространение на территории Древней Руси. Наиболее близкие аналогии известны из раскопок в Новгороде в слоях XII – середины XIII вв. (Седова, 1981, с. 52, рис. 17: 4; Лесман, 1988, с. 66) и Нефедьевского могильника (погр. 36) (Макаров, 1997, таб. 137: 1).

Поселение Гуль-Чунь. Расположено на правом берегу р. Сысолы (с. Вотча, Сысольский р-н РК) (рис. 1). Площадь памятника – около 900 м².

Открыто в 1939 г. экспедицией КРКМ под руководством П.Д. Степанова, исследовалось отрядами Коми НЦ УрО РАН в 1999 г. (А.Р. Игушев), в 2002, 2003 гг. (М.В. Клёнов). Общая площадь раскопок – около 540 м². Памятник предварительно датируется концом XII – началом XIII вв. и представляет собой остатки небольшого мысового поселения. Коллекция вещевого инвентаря включает большое количество изделий древнерусского ремесла: керамика, украшения, замки и др. Наиболее ярким доказательством древнерусского происхождения памятника является керамическая коллекция, в которой абсолютно преобладают фрагменты круговой посуды, изготовленной в традициях русского гончарного ремесла (около 77% от общего количества) (Клёнов, Игушев, 2004, с. 84).

Среди изделий из металла представлено бронзовое рамчатое изделие, напоминающее деталь поясного

набора (рис. 2: 6). Размеры 12×17 мм. Аналогичные предметы известны в коллекциях из раскопок в «22-м квартале» г. Владимира (усадебный священнослужителя) и в Белоозере. Определяется как элемент застежки книжного переплета, вероятнее всего, богослужебной (Жарнов, 2003, с. 54, 55; Захаров, 2004, рис. 112: 6).

Заключение

Археологические материалы, рассмотренные в статье, находят широкие аналогии на русских средневековых памятниках, что подтверждает предположение об их несомненной связи с процессом русской колонизации – одним из важнейших исторических процессов, сыгравшем огромную роль в формировании и развитии средневекового населения всей лесной зоны Восточной Европы. Они, несмотря на их немногочисленность, достаточно четко отражают особенности формирования культуры поселений ЕСВ в XII–XIII вв., несущие в себе явные следы присутствия групп древнерусского населения. Совершенно очевидно, что вместе с элементами материальной культуры в новую среду переносились и элементы культуры духовной. К этому времени относится появление в культурувмещающих слоях поселений разнообразных ПЛБ (нательных крестов и подвесок с христианской символикой). Примечательно, что в археологических коллекциях представлены изделия, ориентированные на разные сегменты общества: «статусные» – для знати (каменные кресты с обоймицами) – и изделия для «рядового» потребителя (бронзовые кресты, крестовключенные подвески и иконки). Большой интерес представляет книжная застежка с поселения Гуль-Чунь – свидетельство использования церковных книг (ПЩБ). Находки данных изделий прямо указывают на присутствие населения, знакомого с традициями христианства. Таким образом, мож-

но говорить о фиксации археологами первого этапа процесса христианизации периферийных северо-восточных земель. Характерными его признаками являлись отсутствие изменений в традициях погребальной обрядности и находки предметов с христианской символикой. Данный факт подтверждает положение о необходимости рассматривать распространение христианства как церковно-исторический процесс, ведущий от проникновения идей к овладению «правильной верой» и «правильной обрядностью», т. е. оформлению Церкви (Макаров, 1991, с. 19; Мусин, 1997).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
2. Археология северорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров / Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
3. Алексеев В.П., Лобода П.Г. Каталог собрания Одесского музея нумизматики. Т. 4. Мелкая пластика Киевской Руси X–XIII вв. Одесса. Полис, 2005. 104 с.
4. Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М.: Наука, 1978. 38 с.
5. Жарнов Ю.Э. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 48–58.
6. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
7. История Республики Коми. Науч.-попул. очерки / Сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 286 с.
8. Кленов М.В. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока. Новые материалы раскопок // Материалы Всероссийской конференции «Пермские финны: археологические культуры и этносы» / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2007. С. 145–152.
9. Кленов М.В. Жигановское поселение (материалы раскопок 2001, 2009 гг.) // Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар. КНЦ УрО РАН, 2015. С. 110–122.
10. Кленов М.В., Игушев А.Р. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 78–90.
11. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
12. Коришун В. Родная старина. Обретая утраченное. М.: Группа «ИскательИ», 2008. 112 с.
13. Кутасов С.Н., Селезнев А.Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.: Группа «ИскательИ», 2010. 320 с.
14. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.
15. Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. // Славяно-русские древности / КСИА. Вып. 205 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука. 1991. С. 11–21.
16. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.
17. Монгайт А.Л. Работы Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука. 1974. С. 5–18.
18. Мусин А.Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI вв.) // Рябининские чтения. Петрозаводск. 1997/ <http://www.k2000.ru/chist/> (дата обращения: 19.08.2020).
19. Мусин А.Е. О распространении Христианства в Древней Руси IX–XIV вв. на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник. 2000. № 6 <http://www.sedmitza.ru/text/443949.html> (дата обращения: 16.08.2014)
20. Нечитайло В.В. Каталог христианских нагрудных виروبів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). Киев, 2000. 94 с.

21. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроения в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.

22. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

23. Савельева Э.А., Клёнов М.В. Пожегское городище / Серия препринтов «Научные доклады Коми НЦ УрО РАН». Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992. Вып. 278. 34 с.

24. Савельева Э.А., Клёнов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6. Гл. 4 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК. 1997. С. 651–691.

25. Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Глаголь, 1995. 278 с.

26. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

27. Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

28. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

29. Хорошев А.С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 174–196.

Информация об авторе:

Клёнов Михаил Викторович, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); Klenov_mv@mail.ru

THE INITIAL STAGE OF THE ESTABLISHMENT OF THE ORTHODOX CHURCH IN THE EUROPEAN NORTH-EAST²

M.V. Klenov

The Orthodox Church has played a major role in the history of many nations of the Russian state. Historians believe that the beginning of Christianization of the European North-East is dated to the second half of 14th century. Archaeological discoveries over the past 35 years have provided new data for researchers. The article deals with a collection consists of 11 Christian symbols obtained during the study of medieval settlements in the European north-east. All the artifacts have been dated to the 12–13th centuries. The publication defines the typological and chronological composition, provides analogies from the excavations of other archaeological sites in Russia. These findings indicate that the ancient population of the region was acquainted with Christian culture before the 14th century. The author suggests that Christianization of the region began together with Old Russian colonization in the early 12th century. The spread of items with Christian symbols and ideas of Christianity was associated with the inhabitants of settlements in the valleys of the Vym, Vychedga and Sysola Rivers. These settlements were founded by immigrants from the territory of Russia and became centres of population concentration.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Old Russian colonization, European North-East, Christianization, Christian symbolism.

REFERENCES

1. Kolchin, B. A., Makarova, T. I. (eds.). 1997. *Drevniia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

2. Zakharov, S. D. (ed.). 2008. *Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake) 2. Material'naia kul'tura i khronologiia (Material Culture and Chronology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

3. Alekseev, V. P., Loboda, P. G. 2005. *Katalog sobraniya Odesskogo muzeya numizmatiki. T. 4. Melkaya plastika Kievskoy Rusi X–XIII vv. (Catalogue of the Collection of Odessa Museum of Numismatics. Vol. 4. Small plastic art of Kievan Rus X–XIII centuries)*. Odessa: "Polis" Publ. (in Russian).

The research was conducted according to the research work "Archaeological sources: description, systematisation and critical analysis (based on materials from the European North-East of Russia)" (2021-2025) No. GR 121051400045-9.

4. Darkevich, V. P., Mongayt, A. L. 1978. *Klad iz Staroy Ryazani (Treasure from Old Ryazan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Zharnov, Yu. E. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 48–58 (in Russian).
6. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
7. Zherebtsov, I. L. 1996. *Istoriya Respubliki Komi (History of the Komi Republic)*. Syktyvkar: Komi Printing House (in Russian).
8. Klenov, M. V. 2007. In Savelieva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (The Permian Finns: archaeological cultures and nations)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 145–152 (in Russian).
9. Klenov, M. V. 2015. In Volokitin, A. V. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (19). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 110–122 (in Russian).
10. Klenov, M. V., Iigushev, A. R. 2005. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (17). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 78–90 (in Russian).
11. Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
12. Korshun, V. 2008. *Rodnaya starina. Obretaya utrachennoye (Dear Old Fellow. Finding what was lost)*. Moscow: Gruppya "Iskatel'" Publ. (in Russian).
13. Kutasov, S. N., Seleznev, A. B. 2010. *Natelnyye kresty, krestovklyuchennyye i krestovidnyye podveski (Pendant Crosses, Cross and Cruciform Pendants)*. Moscow: Gruppya Iskatel'" Publ. (in Russian).
14. Lesman, Yu. M. 1990. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29–98 (in Russian).
15. Makarov, N. A. 1991. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Slavyano-russkiye drevnosti (Slavic-Russian Antiquities)*. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 205, Moscow. "Nauka" Publ., 11–21 (in Russian).
16. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Beloz'er'ia i Poonezh'ia (Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in 11th–13th Centuries: on the Materials of Archaeological Monuments on the Tracks of Belozerye and the Onega Region)*. Moscow: "Skriptorii" Publ. (in Russian).
17. Mongait, A. L. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoj zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–18 (in Russian).
18. Musin, A. Ye. 1997. "Stanovleniye pravoslaviya v Karelii (XII–XVI c.)" (*Formation of Orthodoxy in Karelia (XII–XVI centuries)*), available at: Ryabininskiye chteniya, Russia, Petrozavodsk. <http://www.k2000.ru/chist/> (accessed 9.08.2020).
19. Musin, A. Ye. 2000. In *Istoricheskiy vestnik (Historical bulletin)* 2 (6), available at: <http://www.sedmitza.ru/text/443949.html> (accessed 16.08.2014).
20. Nechytyaylo V. V. 2000. *Kataloh khrystyans'kykh nahrudnykh vyrobiv mystetstva periodu Kyiv's'koyi Rusi (X - persha polovyna XIII st.) (Catalogue of Christian Biblical Artworks of the Kiev Rus' Period (10th–first half of the 13th century)*. Kyev (in Ukrainian).
21. Nikol'skaya, T. N. 1987. *Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroyeniya v Zemle vyatichyey (Slobodka settlement of the 12th–13th centuries. To the History of the Old Russian Urbanism in the Vyatichi Land)*. Moscow. "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Ryabinin, Ye. A. 1986. *Kostromskoye povolzh'ye v epokhu srednevekov'ya (Kostroma Volga Region in the Middle Ages)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Savelyeva, E. A., Klenov, M. V. 1992. *Pozhegskoye gorodishche (The Pozhegskoe hill fort)* (276) (Seriya preprintov "Nauchnyye doklady Komi Research Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
24. Savelyeva, E. A., Klenov, M. V. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)* 6. Moscow: "DiK" Publ., 651–691 (in Russian).

25. Prokhorov, G. M. (ed.). 1995. *Svyatitel' Stefan Permskiy (St Stephen of Perm)*. Saint Petersburg: "Glagol" Publ. (in Russian).

26. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (Eastern Slavs in 6th–13th Centuries)*. Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Sedova, M. V. 1978. *Yaropolch Zalessky (Yaropolch Zalessky)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Sedova, M. V. 1981. *Yuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

29. Khoroshev, A. S. 1978. In *Arkheologicheskoye izucheniye Novgoroda (Archaeological study of Novgorod)*. Moscow: "Nauka" Publ., 174–196 (in Russian).

About the Author:

Klenov Mikhail V. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; Klenov_mv@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.124.134>**ВНЕШНЯЯ ЛИНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ РАННЕГО БОЛГАРА¹**

© 2022 г. В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев

Во второй части статьи рассматриваются вопросы трассировки и датировки внешней линии укреплений города Болгара, существовавшей в домонгольское время. Задачей этой линии была оборона территории, примыкавшей к цитадели и заселенной ремесленниками и торговцами. До сих пор предполагалось, что такая линия была только одна. Однако материалы раскопок свидетельствуют о нескольких таких линиях (как минимум двух). Проблему усугубляют очень приблизительные датировки открытых при раскопках рвов и отсутствие (либо крайне низкая степень сохранности) насыпей валов, которые сейчас уже не видны в рельефе. Отсутствие надежных сведений о фортификации Болгара в начале XIII в. заставляет усомниться в катастрофическом уничтожении города монголами в 1236 г.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, домонгольская эпоха, ров, вал, оборонительная линия.

В первой части статьи (Поволжская археология, № 4 2021 г.) рассматривалась ранняя фортификация цитадели Болгара. Исследователям Болгара давно было известно о том, что существовала и другая оборонительная линия, охватывавшая гораздо более обширную территорию (Хованская, 1958; Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969; Хлебникова, 1974, 1975; Краснов, 1987; Губайдуллин, 2011, 2019; Баранов, Губайдуллин, 2016). Эта оборонительная линия (рис. 1), связывается исследователями с «замошным валом», или «малым окопом», известным по письменным документам XVIII в. и соотносимым ими с самым поздним этапом домонгольской фортификации Болгара, существовавшей в момент взятия города Батыем в 1236 г. (Хлебникова, 1975, рис. 1; Краснов, 1987, с. 105, 106). Съемка «замошного вала» была проведена в 1732 г. подполковником Н. Савенковым и геодезистом И. Крапивиным, а сам он был зафиксирован на фотографии конца XIX в. (Баранов, Губайдуллин, 2016, рис. 5) в виде сооружения высотой не менее 3 м при ширине² до 14 м (рис. 2: В). К сожалению, до нашего

времени ни один из участков этого вала не сохранился. Перед валом неизбежно должен был проходить ров, но он заплыл (или был засыпан) задолго до того, как перестал существовать вал. Во всяком случае, на упомянутом фото конца XIX в. следы этого рва не прослеживаются.

Впервые ров, который можно было бы связывать с этой оборонительной линией, был обнаружен в 1976 г. на раскопе LI в южной части древнейшего ядра городища, к востоку от Черной палаты (рис. 1). Позже этот же (или какой-то иной?) ров фиксировался в западной части городища на раскопах LV (1976 г.), LVII (1977 г.), LXXIII (1980 г.), CLXXII (2012 г.) и ССXXXV (2018 г.). Частичный разрез рва в раскопе LI и контур поперечного разреза рва в раскопе LXXIII был опубликован Ю.А. Красновым (1987, рис. 11), еще один разрез рва (на раскопе CLXXII) недавно опубликован в виде фото (Баранов, Губайдуллин, 2016, рис. 2; Губайдуллин, 2019, рис. 79). Последний по времени выявления участок рва в раскопе ССXXXV также опубликован пока лишь в виде фотографии зачистки рва после выборки его заполнения и краткого

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

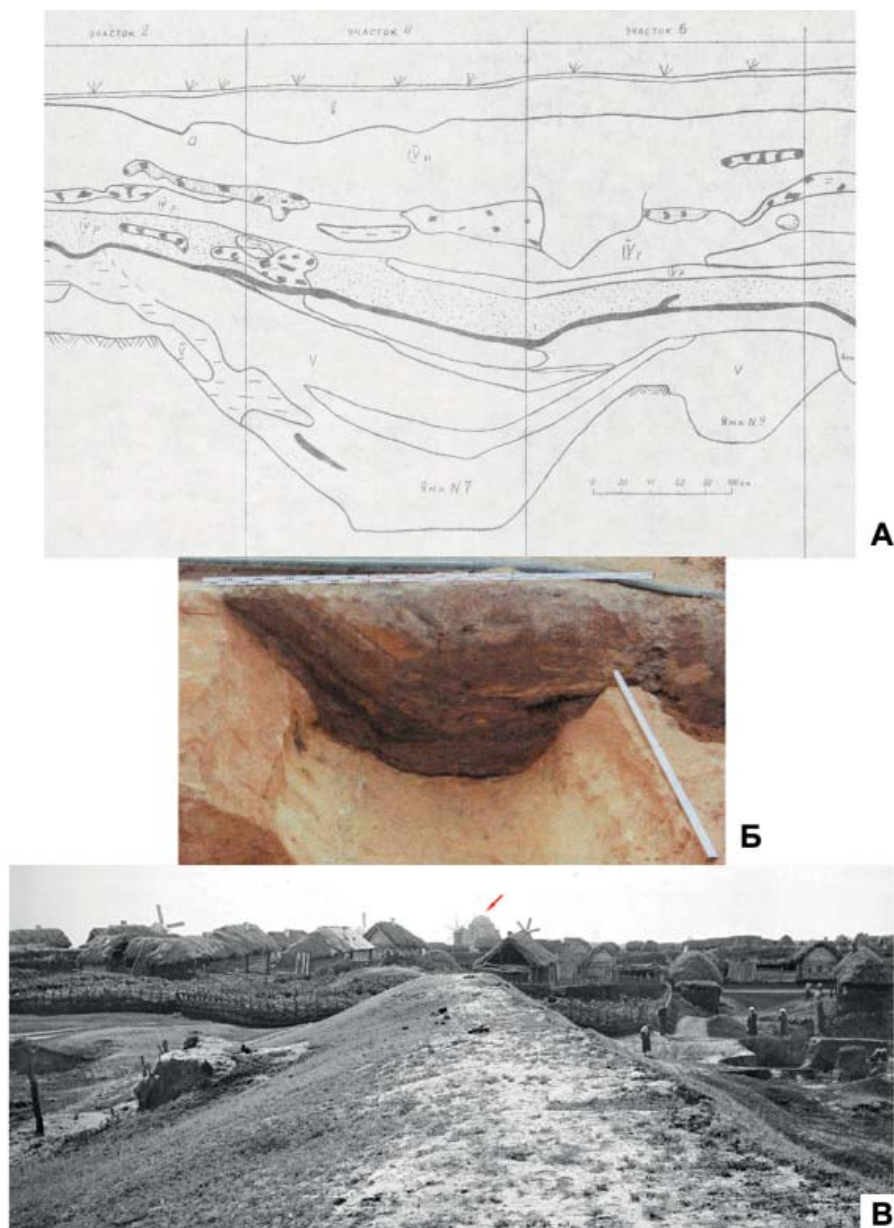

Рис. 2. Ров-5. А – разрез в раскопе LVII (Хлебникова, 1977, л. 119); Б – разрез в раскопе CLXXII (Баранов, Губайдуллин, 2016, рис. 2); В – фотография «замошного вала» в селе Болгары, вид на ЮЮВ (Баранов, Губайдуллин, 2016, рис. 5).

Fig. 2. Moat-5. A – a section in the excavation LVII (Khlebnikova, 1977, l. 119); Б – a section in the excavation CLXXII (Baranov, Gubaidullin, 2016, Fig. 2); В – photo of the “zamoshny wall” in the village Bolgary, view to the south, south-east (Baranov, Gubaidullin, 2016, Fig. 5).

внутреннюю. Ширину этого рва достоверно установить невозможно, но если уклоны стенок не менялись до горизонта материка, то она составила бы там 3,5 м. Глубина рва была не ме-

нее 2 м (материк по обе его стороны залегал с некоторым уклоном к югу). После того как нижняя часть этого рва заплывла песчаными наносами, ров был несколько расширен – до 3 м

было уплощенно-округлым в поперечном сечении и залегало на глубине 1–1,5 м от уровня материка, углубляясь к северо-западу. Ров-5б оказался заполнен пестроцветной супесью, а в верхней части – слоистыми песчаными наносами (Хлебникова, 1976, л. 17), что можно рассматривать как свидетельство его постепенного заполнения под действием естественных причин (замывания дождями). Важно указать на то, что трасса рва при его обновлении не изменилась.

По мнению Т.А. Хлебниковой, этот ров прорезал домонгольские слои V–VI, залегавшие на материке, причем заполнение нижней его части (т. е. рва-5а) отнесено ею к слою V, а верхней части (рва-5б) – к раннезолотоордынскому периоду (это видно по маркировке слоев на отчетных чертежах). Это заполнение было перекрыто прослойкой, содержащей древесный тлен, а местами – золу и уголь, которая связывалась с разгромом города в 1236 г.: на профилях раскопа эта прослойка разделяет V–VI (домонгольские) и IV (раннезолотоордынский) слои. Это вносило серьезную путаницу, поскольку ров-5б был показан с заполнением, отнесенным к слою раннезолотоордынского времени, т. е. «прослойка пожара 1236 г.» оказывалась залегающей **над** слоем золотоордынского времени, что является нонсенсом. Очевидно, в датировках слоев имеется ошибка, но уточнить предложенные датировки сейчас уже не представляется возможным.

На раскопе LVII (рис. 1)⁵ ров-5 имел вид траншеи шириной 3 м и глубиной не более 1,8 м с уплощенным дном и наклонными стенками (т. е. имел трапециевидное сечение), причем внешний скат этого рва был несколько более крутым, нежели внутренний (рис. 2: А). Заполнен он был «привозным» грунтом, состоявшим из голубой и коричневой глины, коричневого и серо-рыжего суглинков (Хлебникова, 1977,

с. 102, 103). На раскопе LXXIII этот же ров имел ширину 3,2 м при глубине 1,85 м, уплощенное дно, более крутую внешнюю и пологую внутреннюю стенки (рис. 1; 3: 5), заполнение также было «привозным» (пестроцветный грунт и темные оторфованные прослойки без археологического материала) (Полубояринова, 1980, с. 16, 17). Важно отметить, что в обоих случаях ров попал в борта раскопов под углом и снять его разрез перпендикулярно оси (т. е. получить поперечное сечение) не удалось. М.Д. Полубояринова сумела реконструировать линию такого разреза (рис. 3: 5), но без фиксации прослоек в заполнении, что, конечно, существенно сокращает объем объективных данных об этом сооружении. На обоих раскопах никаких следов перестройки рва выявлено не было, а поверх насыпи рва исследователи констатировали залегание прослойки угля, которую связывали с пожаром 1236 г., но при этом парадоксальным образом предполагали, что ров был засыпан после взятия города монголами, объясняя появление угольной прослойки тем, что сначала ров был засыпан, а затем уже пожарище было разровнено по его площади (Полубояринова, 1980, с. 16). Странно, что никаких угольных прослоек на дне рва в обоих случаях прослежено не было. Все это заставляет усомниться в правильности предложенной датировки и интерпретации хода насыпки рва.

Таким образом, вырисовывается 2 альтернативных варианта объяснения стратиграфии рва домонгольского времени, наблюдавшейся в раскопах западной части городища:

– существовавший тут ров был засыпан задолго до того, как город попал под власть Джучидов, а угольная прослойка 1236 г. сформировалась там, где ров уже был давно засыпан;

– ров был засыпан после событий 1236 г., которые, однако, не оставили в нем никаких следов, а зольно-уголь-

Рис. 4. Северный профиль участка 1 раскопа 2 (1947 г.) (Смирнов, 1947, л. 43).

Fig. 4. The northern profile of the area 1 in the excavation 2 (1947) (Smirnov, 1947, l. 43).

ная прослойка не имеет отношения к 1236 г., появившись тут на протяжении золотоордынского периода.

Отдельного рассмотрения требует также ров-5, изученный в раскопе CLXXII, где он имел ширину около 3 м, глубину 2,5 м, а в сечении был трапезиевидным, с более крутым внешним скатом, т. е. почти не отличался от параметров, зафиксированных при прежних раскопках (разве что глубина его тут была немного больше). Его заполнение состояло из желтого суглинка с включениями прослоек культурного слоя (рис. 2: Б). Руководителями раскопок было выдвинуто предположение, что данный объект «можно идентифицировать как часть т. н. «замошного вала» XII–XIII вв. (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 196). Отдельные участки вала сохранялись и в конце XIX в., о чем свидетельствует фотография северного его края с видом на Черную палату (рис. 2: В). Однако к 1930–1940-м гг. каких-либо заметных следов вала на местности уже не было заметно (Смирнов, 1947, с. 42). Отсюда следует вывод, что нивелировка насыпи была осуществлена в ходе активной хозяйственной деятельности на территории села Болгары второй половины XVIII – начала XX вв., т. е. грунт, составлявший насыпь вала, в основной своей массе должен был отложиться в напластованиях слоя II стратиграфической шкалы Болгара. Ничего подобного на раскопе CLXXII зафиксировано не было.

Напротив, отмечается, что скопления суглинка и глины, расположенные к востоку от выявленного рва, позволили авторам раскопок «рассматривать их как остатки связанного со рвом домонгольского земляного вала, спланированного в раннезолотоордынское время» (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 196, рис. 2). Очевидно, что спланированный в раннезолотоордынское время вал не мог сохраниться до XVIII–XIX вв. Таким образом, велика вероятность того, что ров в раскопе CLXXII не идентичен укреплениям, которые были зафиксированы в 1732 г. и видны на фото конца XIX в. Возможно, они располагались восточнее раскопа CLXXII. На реконструкции трассы «замошного вала», предложенной Т.А. Хлебниковой, его северный конец помещен значительно восточнее раскопа CLXXII (1987, рис. 1).

Можно думать, что повод для смещения северного конца вала к востоку дали Т.А. Хлебниковой результаты археологических работ 1947 г., которые проводились примерно в 150 м к западу от Соборной мечети, к востоку от «небольшой ложбинки» на склоне площадки села Болгары (Смирнов, 1947, с. 42–55), т. е. в районе выстроенного недавно здания «Памятный знак в честь принятия ислама». В раскопе 1947 г. была обнаружена «песчаная гряда», поверхность которой располагалась на глубине 75–80 см от современной поверхности, причем «верхние ее горизонты содержа-

Рис. 5. Виды на Черную палату: А – современный, со стилобата «памятного знака», Б – конца XIX в. с вершины «замошного вала» (см. стрелку на рис. 2: В).

Fig. 5. Views of the Black Chamber :
 А – modern, from the “memorial sign” stylobate,
 Б – the end of the XIX century, from the top of
 the “zamoshny wall” (see the arrow in Fig. 2: B).

ли значительное количество остатков древесной трухи, угля, выделяются темные пятна от перегнивших свай» (Смирнов, 1947, с. 44, 45), а мощность «песчаной гряды» в раскопе достигала 1,3 м (Смирнов, 1947, с. 53). Другие характеристики данной насыпи не приведены, но на всю ширину раскопа 2 (1947 г.), т. е. на 18 м, массивы песка прослеживались в профиле, проведенном с запада на восток (рис. 4). И хотя А.П. Смирнов не увидел в этой «песчаной гряде» какой-либо фортификации, а ее появление объяснил выбросами «слабо гумированного песка при сооружении жилых домов» конца XIII – начала XIV вв. (Смирнов, 1947, с. 53), велика вероятность того, что она могла быть остатками вала, запечатленного на фотографии конца XIX в. Сравнение снимка, сделанного со стилобата «Памятного знака» (т. е. с точки, максимально близкой к раскопу

1947 г.), и фото конца XIX в., выполненного с вершины «замошного вала» в направлении Черной палаты, показывает, что они очень похожи (рис. 5) и, следовательно, фотосъемка проведена практически с одного и того же места. В качестве остатков рва в таком случае можно рассматривать небольшую ложбинку, «по которой идет дорожка, спускающаяся по горе к мосту через болото» (Смирнов, 1947, с. 42)⁶. Ясно тут лишь одно: если открытые в раскопе CLXXII остатки вала действительно были спланированы еще в золотоордынское время, то это никак не мог быть тот вал, что сохранился где-то в этом же месте до конца XIX в. Нельзя исключать, что до появления «замошного вала» рядом с ним могла проходить иная (более ранняя или поздняя?) линия укреплений, которая и была открыта в раскопе CLXXII. Разрешить этот вопрос смогут только новые специальные исследования, нацеленные на поиск остатков всех фортификаций Болгары.

В 20 м к северо-западу от участка рва в раскопах LVII и LXXIII, в раскопе CCXXXV был зафиксирован еще один участок «рва-5», который в поперечном разрезе «имел трапециевидную форму шириной ок. 2,5 м и глубиной ок. 1,5 м от уровня выявления» и «был засыпан не позже нач. XI в.» (Губайдуллин, 2019, с. 62). Основанием для такой датировки стали стратиграфические наблюдения и найденный на дне рва «частичный развал раннего гончарного сосуда» (Губайдуллин, 2019, с. 62, рис. 80а). Хотя признаки, по которым эта находка отнесена к числу «ранних» не приведены, не доверять ей нет причин. Однако при общей архаичности этот сосуд все-таки не был целым и мог попасть в ров случайно при его засыпке, к тому же точные хронологические границы бытования «ранней» болгарской керамики в сущности неизвестны. Соотнесение данного участка рва

с начальным этапом Болгара вызывает некоторые сомнения еще и потому, что его плоскодонная конструкция отличается от других ранних рвов с V-образным сечением (см. их описания в части 1 настоящей статьи). Ориентирован ров-5 в раскопе ССХХХV по линии северо-запад – юго-восток. При таком направлении он неизбежно должен был попасть в створ раскопов LXXIII и LVII (рис. 1), где исследовались участки того же рва, но относительно которых датировки ранее XII в. не предлагались.

Таким образом, участки укреплений, зафиксированные в этой части Болгарского городища, относятся по большей части к одной линии обороны (за исключением предполагаемого вала в раскопе 1947 г.). Различия в размерах рва-5 в разных раскопах несущественны, а сходство в профилировке очевидно. Датировку рвов западной части Болгара пока представляется возможным рассматривать в рамках XI – начала XIII вв.

К юго-восточной части зоны распространения культурного слоя домонгольской эпохи Т.А. Хлебникова, а вслед за ней и А.М. Губайдуллин (Хлебникова, 1981, с. 11; Губайдуллин, 2019, с. 66), относит заглубленный в материк объект на раскопе LXXVIII (1981 г.) вблизи Большого Иерусалимского оврага (рис. 1). Он располагался в северо-западном углу раскопа как углубление, вытянутое по направлению северо-восток – юго-запад. Крутизна внешнего склона этого рва (?), составляла 30–40 градусов, максимальная глубина 3 м (полный поперечный разрез отсутствует). Т.А. Хлебникова полагала, что стратиграфия позволяла определить 2 этапа его существования: начальный относился к завершению домонгольского V слоя, а поздний был связан с основанием IV-позднего золотоордынского слоя (Хлебникова, 1981, с. 10, 11). Однако при «обновлении» рва выброс

грунта шел на его внешнюю сторону, что отчетливо зафиксировано на чертежах северного и восточного профилей раскопа, а такой особенности не было замечено ни на одном из других участков исследования рва-5. Это, а также датировка второго этапа существования «рва» позднезолотоордынским временем, не позволяет пока уверенно соотносить его с укреплениями «замошного вала» и рассмотренным выше рвом-5.

В результате возникает несколько новых вопросов, требующих объяснения:

1. Судя по небольшим размерам рва-5, земли из него не хватило бы на создание вала высотой 3 м и шириной 14–15 м, который сохранился до конца XIX в. (а первоначальные размеры этого вала должны были быть еще более внушительными). Следовательно, для возведения этой насыпи была использована не только земля из рва, но и грунт, срезанный с площадки городища на довольно большой площади либо привезенный со стороны.

2. Если на раскопе LII ров-5 имел следы перестройки, то в других пунктах на северо-западном фланге обороны следов такой перестройки не замечено⁷, а это может означать только то, что в точке раскопа LII друг на друга наложились 2 разных рва. Один из них явно соответствовал рву, открытому на четырех остальных раскопах в западной части городища. Но в таком случае второй ров на раскопе LII принадлежал какому-то совершенно иному сооружению. Не тому ли, который должен был сопровождать «замошный вал», остатки которого могли быть исследованы в 1947 г.?

Подведем итоги. При остром дефиците датирующих признаков для заполнения всех исследованных рвов их более или менее точная хронология пока не может быть установлена, что открывает широкий простор для разнообразных гипотез о последователь-

ности возведения оборонительных линий или об одновременном существовании некоторых из них, причем ни одна из этих гипотез пока не может быть надежно обоснована. Допустимо как последовательное движение оборонительной линии на запад по мере роста города, так и существование в какие-то периоды двухрядной (или даже трехрядной?) системы обороны. Пока можно считать наиболее вероятным лишь то, что три рва (№ 1, 2, 3) на площадке цитадели Болгара прекратили свое существование до 1236 г.

На позднем этапе домонгольской эпохи (в XI–XIII вв.) в 200–250 м к западу от цитадели существовала одна или несколько дополнительных линий обороны, охватывавших территорию, заселенную ремесленниками и торговцами, которую традиционно называют «посадом» Болгара. Следы вала этой линии обороны, называвшегося в XVIII в. «замошным», пока лишь предполагаются по материалам раскопа 1947 г. При этом гораздо более четко вырисовывается трасса оборонительной линии, маркируемая рвами, зафиксированными в целом ряде раскопов. Имеющиеся на данный момент сведения не позволяют уверенно ответить на вопрос, насколько выявленные рвы соответствовали «замош-

ному валу» или они были связаны с более ранней внешней оборонительной линией, которая к 1236 г. уже не существовала. Анализ стратиграфии раскопов с «рвом-5» показывает, что часть этих рвов была засыпана еще до Батыева нашествия.

Таким образом, на сегодняшний день нет ясности с вопросом о том, каким образом строилась оборона города в 1236 г. и вообще – проводилась ли она. Отсутствие же явных следов погрома Болгара монгольскими войсками (для данного периода массовые захоронения убитых жителей тут до сих пор нигде не встречены) позволяет думать, что город мог быть сдан без боя и без массового истребления его населения. Во всяком случае, отличие от Биляра, где найдены многочисленные останки незахороненных жителей, убитых в ходе штурма города, кажется очевидным. В последнее время получены также данные о том, что «слой песка» над предполагаемым пожарищем 1236 г. в Болгаре не является результатом планировочных мероприятий после монгольского погрома, как предполагалось ранее, а имеет совершенно иной генезис – биогенный (Гольева, Коваль, 2021) – или же связан с городской металлургией (Бадеев, 2020), а это принципиально меняет взгляд на историю Болгара в XIII веке.

Примечания

² Расчет высоты и ширины этого вала выполнен исходя из размеров расположенных рядом с ним домов и человеческих фигур у подножия вала, отчетливо видных на фото.

³ «Ров-5» – условное название внешней линии обороны домонгольского Болгара. Помимо выявленных в ходе археологических исследований рвов, эта линия включала в себя и вал (см. ниже).

⁴ Здесь и далее мы предпочитаем публиковать копии отчетных чертежей. Несмотря на различные дефекты и невысокое качество изображений, помещенных в отчеты, они являются подлинными документами. Опасность перерисовок таких чертежей демонстрируется иллюстрациями Ю.А. Краснова, исказившими отчетные чертежи, что привело к разнообразным интерпретационным ошибкам.

⁵ Он являлся продолжением раскопа LV, где ранее был зафиксирован лишь восточный край рва.

⁶ В наши дни на месте этой «дорожки» располагается спуск к набережной.

⁷ Сообщалось, правда, о древней расчистке рва, изученного на раскопе CLXXII (хотя признаки, по которым это было установлено, не названы), но расчистка не равнозначна перестройке (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 196).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадеев Д.Ю. Ранние металлургические комплексы с территории домонгольского Болгара // Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества / Труды КАЭЭ. Вып. XVI / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 53–63.
2. Баранов В.С., Губайдуллин А.М. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 193–218.
3. Гольева А.А., Коваль В.Ю. Некоторые вопросы стратиграфии Болгарского городища // РА. 2021. № 1. С. 133–151.
4. Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 109–111.
5. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.
6. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.
7. Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгары // СА. 1969. № 1. С. 211–222.
8. Полубояринова М.Д. Отчет о работах в Болгарах Татарской АССР в 1980 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7681.
9. Смирнов А.П. Отчет о раскопках городища Великие Болгары в 1947 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 123.
10. Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 18–23.
11. Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С. 120–132.
12. Хлебникова Т.А. Отчет о раскопках Болгарского городища в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6415.
13. Хлебникова Т.А. Отчет о работах в Болгаре в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6709.
14. Хлебникова Т.А. Отчет об исследованиях Болгарского городища в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8520.
15. Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 316–329.

Информация об авторах:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

EXTERNAL LINES OF THE EARLY BOLGAR FORTIFICATION

V.Yu. Koval, D.Yu. Badeev

The second part of the article deals with the issues of tracing and dating the external line of the fortifications of the city of Bolgar, which existed in pre-Mongol times. The task of this line was to defend the territory adjacent to the citadel and inhabited by craftsmen and tradesmen. Until now, it was assumed that there was only one such line. However, excavation materials indicate several lines (at least two). The problem is aggravated by very approximate dating of the ditches discovered during excavations and the absence (or extremely low degree of preservation) of embankments, which are no longer visible in the relief. Lack of reliable information about the fortification of the Bolgar at the beginning of the 13th century casts doubt on the catastrophic destruction of the city by the Mongols in 1236.

The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology of the RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. NIOKTR 122011200266-3).

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, pre-Mongol era, ditch, rampart, defensive line.

REFERENCES

1. Badeev, D. Yu. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 16. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 53–63 (in Russian).
2. Baranov, V. S., Gubaydullin, A. M. 2016. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 193–218 (in Russian).
3. Gol'eva, A. A., Koval' V. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 133–151 (in Russian).
4. Gubaidullin, A. M. 2011. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (2), 109–111 (in Russian).
5. Gubaydullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiya v Srednem Povolzh'e v X – pervoy polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)*. Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan (in Russian).
6. Krasnov, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 99–123 (in Russian).
7. Krasnov, Yu. A., Smirnov, A. P., Khlebnikova, T. A. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 211–222 (in Russian).
8. Poluboyarinova, M. D. 1980. *Otchet o rabotakh v Bolgarakh Tatarskoy ASSR v 1980 g. (Report on the Work in the Bolgars of the Tatar ASSR in 1980)* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. dossier 7681 (in Russian).
9. Smirnov, A. P. 1947. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Velikie Bolgary v 1947 g. (Report on the excavations of the Great Bolgar settlement in 1947)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. dossier 123 (in Russian).
10. Khlebnikova, T. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 18–23 (in Russian).
11. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 120–132 (in Russian).
12. Khlebnikova, T. A. 1976. *Otchet o raskopkakh Bolgarskogo gorodishcha v 1976 g. (Report on the excavations at Bolgar Fortified Settlement in 1976)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. dossier 6415 (in Russian).
13. Khlebnikova, T. A. 1977. *Otchet o rabotakh v Bolgare v 1977 g. (Report on Works Conducted in the Bolgar in 1977)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. dossier 6709 (in Russian).
14. Khlebnikova, T. A. 1981. *Otchet ob issledovaniyakh Bolgarskogo gorodishcha v 1981 g. (Report on the Studies by the Bolgar Fortified Settlement)*. Arkhiv IA RAN. R-1. № 8520 (in Russian).
15. Khovanskaya, O. S. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 316–329 (in Russian).

About the Authors:

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Badeev Denis Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ XIII – НАЧАЛА XIV В. ИЗ РАСКОПА CLXXIX БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2022 г. Р.М. Валеев, А.И. Бугарчев

Статья посвящена изучению одной группы серебряных монет, найденных на территории раскопа CLXXIX Болгарского городища. Все они чеканены на болгарских монетных дворах в период 1251–1332 гг. Общее количество, по подсчётам автора, достигает 134 дирхамов и фракций. Приводится перечень с указанием веса и времени чеканки каждого типа. Также в раскопе был найден клад, состоявший из 46 монет. Изучив стратиграфию, авторы предположили, что в квадратах 19, 49 и 53 раскопа CLXXIX могли находиться ещё три небольших клада. Используя метрологию монет из раскопа, авторы распределили весь нумизматический материал по весовым группам – номиналам. К статье прилагаются две фототаблицы с изображениями 25 монет.

Ключевые слова: археология, дирхам, фракция, клад, денежное обращение, Болгарское городище, раскоп CLXXIX, XIII–XIV вв.

С 2012 до 2016 г. на территории Базарной площади Болгарского городища проводились раскопки под руководством В.Ю. Ковалёва и Д.Ю. Бадева. Раскоп получил номер CLXXIX (179).

В результате пятилетних работ здесь было найдено 283 серебряных и 1903 медных монеты, чеканенных в основном в XIII–XIV вв. Весь нумизматический комплекс поступил в Болгарский музей-заповедник. Первоначальная атрибуция была проведена научным сотрудником Болгарского музея Д.Г. Мухаметшиным.

Общий обзор нумизматического материала раскопа CLXXIX ранее уже был представлен в статье Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Федоровой (2016, с. 18–31). Отдельные вопросы метрологии медных монет были исследованы в статьях А.И. Бугарчева (2020, с. 8–11) и Е.А. Фёдоровой (2020, с. 111–114). В данной работе мы рассмотрим серебряные джучидские дирхамы, выпущенные в период 1250–1330-х гг., который чеканились на монетных дворах Болгарского региона (табл. 1).

Таблица 1

Джучидские монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г	Примечание
138	Мунке или Арыг-Буга	Булгар	(1251-1266)	0,45	Фрагмент
940*	Мунке	Булгар	(1251-1259)	0,61	
773	Анонимный	Булгар	(1266-1273)	0,98;	2 экз. С/43 ¹ . №773 – от- верстие
940*	Анонимный	Не указан	(1266-1273)	1,39	
43*	Анонимный	Не указан	(1266-1273)	0,73*	С/205
1094	Менгу-Тимур	Булгар	(672?) (1273-1274?)	1,62	С/17
1250	Менгу-Тимур	Не указан	(677?) (1278-1279?)	0,49	С/34. Склеено 2 части
813	Менгу-Тимур	Не указан	(1270-е)	0,44	С/37-38, новый вар. Надломана
572	«Ан-Насир ли-Дин Аллах»	Булгар	692 (1292-1293)	1,37	С/63. Токта хан
1071	Анонимный	Булгар	(I половина 1290-х) ²	1,45	С/69
723	Анонимный	Булгар	(1290-е)	1,28	С/71
163	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,35;	2 экз. С/82
1132				1,12	
1416	Анонимный	Не указан	[688] (1289)	0,83	С/89. Трёхногая тамга
450	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,29	С/125
393	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,14	С/126
567	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1313)	1,32;	2 экз. С/127
898				1,29	

849 112 629 281	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,34; 1,35; 1,37; 1,35	4 экз. C/128
382	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,35	C/128. Перекладина у правой ножки
603	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,36	C/128. Перекладина у левой ножки
486 793 835	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,41; 1,37; 1,39	3 экз. C/131
1004	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в. (1300-1320)	1,24	C/132
429	Анонимный	Не указан	(1300-1320)	1,32	C/135
528 1079	Анонимный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в. (1300-1320)	1,38; 1,37	2 экз. C/136
709	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,28	C/140
1430	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,27	C/142
355*	Анэпиграфная	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,54	C/142. ½ монеты
889	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,83	C/143. Обломана.
565	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,38	C/151. Облом.
1124	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,22	C/154.
1066	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,37	C/155
409*	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,30*	C/156
1086	Анонимный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,22	C/156, вар. Обломана.
505 700	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,18; 1,24	2 экз. C/157. №505-облом.
72 187 837	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,37; 1,39; 1,31	3 экз. C/161
333 694	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,31; 1,42	2 экз. C/163
904	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,35	C/164
556 732	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,36; 1,48	2 экз. C/165
403* 440*	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,30*; 1,34*	2 экз. C/170
100 124 1434	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	0,95; 1,3; 1,20	3 экз. C/171. №100 - обломана
252 762 828* 1129	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,39; 1,31; 1,47*; 1,33	4 экз. C/172
135 403*	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,30; 1,28*	2 экз. C/173
447	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,26	C/174? Фракция
1272	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,27	C/175.
248	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,36	C/176
166	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,33	C/176
631	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,28	C/178
542	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	0,36	C/179.
53 868 353 501 116	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,41; 1,38; 1,34; 1,23; 1,38	5 экз. C/180
396	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,25	C/185. Облом.
598*	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,36*	C/188
588	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,35	C/189
685 800	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,03; 1,30	2 экз. C/192. Обломана

1078	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,05	С/193. Обломана.
72* 202 355 411 661	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,29*; 1,42; 1,3; 1,26; 1,43	5 экз. С/194
268 283	Анэпиграфный	Не указан	(1300-1320)	1,45; 1,38	2 экз. С/195
621 640	Анэпиграфный	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	0,26-2	2 экз. С/196.
187* 187 513 459 764 216*	Анэпиграфный	Не указан	(1320-1327)	1,31; 1,33; 1,32; 1,32; 1,25 1,31*	6 экз. С/198. №513 – 3 фрагмента
149 314 549	Анонимный	Не указан	(1320-1327)	1,09; 0,89; 1,15	3 экз. С/202. №314 – 4 отверстия
774	Анонимный	Не указан	(1320-1327)	0,24	С/203.
509	Узбек	Мохши	(1320-е)	1,53	Лебедев, Гумаюнов, 2011, XXIII г.
31	Анонимный	Булгар	728 (1328-1329)	1,24	С/59
224 282 132 29	Мухаммад Узбек	Булгар ал-Махруса	731 (1331-1332)	1,44; 1,72; 1,51; 1,38	4 экз. Тип «Бугарчев, Петров, 2018, S 12»
16 171 224 794 579 824 238 457 813 276 75 472 377 1359 752 61 140 802 475 504 453 558 29 599 23 282 448 132 4 б/н	Мухаммад Узбек	Булгар ал-Махруса	731 731 731 732 (1332-33) 731 Год? Год? «723» Год? «723» «723» «723» «723» «723» Год? Год? 731 731 731 «722» «722» 731 731 731 731 731 731 «722» 731 731 731	1,23; 1,59; 1,44; 1,53; 1,50; 1,53; 1,53; 1,47; 1,60; 1,31; 1,51; 1,54; 1,5; 0,73; 1,30; 1,54; 1,59; 1,55; 1,61; 1,38; 1,38; 1,05; 1,72; 1,47; 1,51; 1,42; 1,39	30 экз. Дирхам №1359 обломан, 4 отверстия. Дирхам без номера (1,39 г) – находка 2015 г. без указания раскопа.

¹ Типология болгарских монет приводится по монографии А.З. Сингатуллиной (2003).

² Датировка приводится по нашей работе, изданной в журнале «Археология Казахстана» (Бугарчев, 2021, с. 150).

*Три монеты с шифром 187 – С/198 (2 экземпляра) и С/161.

*Две монеты с шифром 940 – с именем Мунке и С/43.

*Две монеты с шифром 355 – С/142 и С/194.

*Монета С/156 (№ 409) – после экспертизы вес исправлен с 1,32 на 1,30 г.

*Монета С/172 (№ 828) – после экспертизы вес исправлен с 1,35 на 1,47 г.

*Монета С/170 (№ 403) – после экспертизы вес исправлен с 1,34 на 1,30 г. С таким же № 403 у дирхама С/173 вес после экспертизы исправлен с 1,27 на 1,28 г.

*Монета С/170 (№ 440) – после экспертизы вес исправлен с 1,35 на 1,34 г.

*Монета С/194 (№ 72) – после экспертизы вес исправлен с 1,35 на 1,29 г.

Монета С/188 (№ 598) – после экспертизы вес исправлен с 1,37 на 1,36 г.

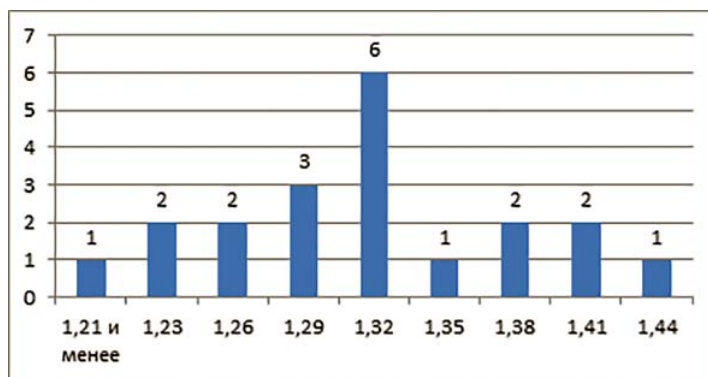

Рис. 1. Гистограмма 1. Зависимость количества монет чеканки 1320–1329 гг. от значения их веса.

Fig. 1. Histogram 1. Dependence of the number of coins minted in 1320–1329 on their weight.

*Монета № 216 первоначально атрибутирована как С/177, 1,32 г; нами исправлено на С/198, 1,31 г.

*Монета С/205 (№ 43) – после экспертизы вес исправлен с 0,77 на 0,73 г.

Неатрибутированные анонимные и анэпиграфные серебряные монеты разного веса – 10 экз.

Отдельные экземпляры представлены в фототаблицах 1 и 2 (рис. 3; 4).

Примерные датировки анонимных и анэпиграфных типов¹ даются по монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова (2018), а также по статье А.И. Бугарчева (2020, с. 79–85).

Всего в таблице 1 приводятся сведения о 134 монетах (из них к чеканке Болгара ал-Махруса 1330-х гг. относятся 32 экз.).

Рассмотрим представленный материал по хронологическим периодам:

– 1251–1266 гг. (время Монгольской империи) – 2 экземпляра;

– 1266–1281 (правление хана Менгу-Тимура) – 6 экз.;

– 1280–1290-е (правление ханов Туда-Менгу, Тула-Буги и начало правления Токты) – 50 экз. (с учётом клада № 28; Бугарчев, Петров, 2018, с. 108);

– 1300–1320 гг. (вторая часть правления Токты и начало правления Узбека) – 40 экз.;

– 1320–1328 гг. (время Узбека) – 29 экз.;

– последняя четверть XIII – первая четверть XIV в. (более точно не атрибутируются) – 20 экз.;

– 1330-е гг. (731–733 гг. х.) (реформа Узбека) – 32 экз.

Приведённые цифры свидетельствуют о постепенной активизации монетного обращения в средневековом Булгаре в период от 1250-х гг. до начала 1330-х гг. Для справки укажем общее количество ордынских дирхамов чеканки следующего периода 710–765 гг. х. (1310–1364 гг.) южных монетных дворов (Сарай-Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид, Хорезм и Гулистан), найденных в раскопе, – 139 экземпляров. Однако данный блок монет выходит за географические рамки нашей работы.

Кроме единичных экземпляров, на территории раскопа в 2013 г. в квадрате 68 был найден клад, датируемый 1290-ми гг. (Бугарчев, Петров, 2018, клад № 28)². Клад находился в кожаном кошельке и состоял из 47 дирхамов: 46 анэпиграфных монет – это экземпляры с изображением змея. Из них 16 штук несут наследную «двуногую» тамгу Менгу-Тимура с перекладной у правой ножки, и 28 штук – с перекладной у левой ножки (на двух дирхамах положение перекладных не выявлено). Ещё одна кладовая монета – это анонимный экземпляр с

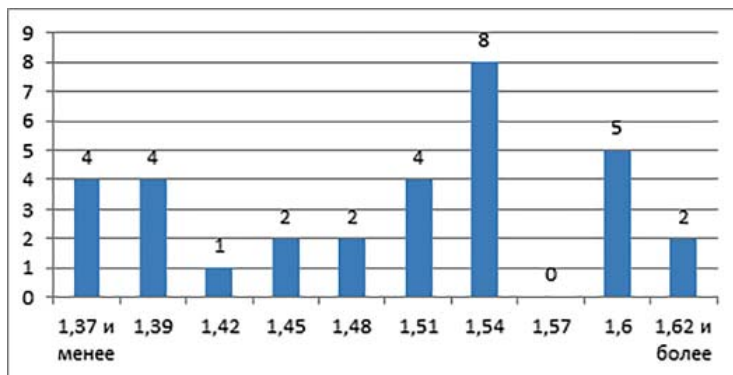

Рис. 2. Гистограмма 2. Зависимость количества монет Узбека МД Булгар ал-Махруса (раскоп CLXXIX) от значения их веса.

Fig. 2. Histogram 1. Dependence of the number of coins of Uzbek, Bulgar al-Mahrusa mint (the excavation CLXXIX), on their weight.

изображением личины животного. В таблице 1 данные монеты клада 28 не учтены.

Также в раскопе были выявлены три скопления монет, которые могут именоваться кладами.

1. Квадрат 19. Здесь подняты: анэпиграфный дирхам С/131 (датировка – 1320–1327 гг., глубина залегания 171 см), анэпиграфный дирхам С/198 (датировка – 1320–1327 гг.) и дирхам с именем Узбек хана 732 года хиджры (1332–1333). Глубина залегания двух последних 178 см. Кроме указанных трёх монет, возможно кладовых, в квадрате 19 были обнаружены: дирхам Узбека «722» г. х. (глубина 143 см) и два дирхама Бердибека 759 г. х. (с глубины 123 и 122 см соответственно).

2. Квадрат 49. 2 экземпляра С/198 и анэпиграфный С/161 (датируется 1300–1320 гг.). Все они имеют одинаковую стратиграфию: участок Г, слой IV п., гор. 2, глубина 144 см. В таблице 1 они учтены под № 187.

3. Квадрат 53. Дирхамы С/128 (глубина 128 см), С/135 (глубина 133 см), С/82 (глубина 137 см, все они датируются 1300–1320 гг.), а также С/202 (глубина 133 см) и С/176 (глубина 140 см, оба датируются 1320–1327 гг.). Таким образом, на одном квадрате с

глубины 140–128 см поднято 5 серебряных монет с примерно одним временем чеканки.

Насколько описанные комплексы являются кладами – пока сказать невозможно, необходимо рассмотреть сопутствующий археологический материал.

Одной из основных особенностей булгарского денежного обращения являлось наличие большой массы анонимных/анэпиграфных монет без указания эмитента и времени чеканки. Часть монет не встречалась в составе кладов, поэтому датировать их можно достаточно широко. В таблице 1 они записаны как выпущенные в «последнюю четверть XIII – I четверть XIV в.». Это типы С/125, С/132, С/136, С/142, С/143, С/154, С/156, С/170, С/174 (?), С/175, С/178, С/188, С/189, С/193 и С/196.

К нумизматическому блоку середины XIII в. относятся 73 медные монеты – 44 динара с именем багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха и 29 монет с именем каана Мунке, чеканенных в 1240–1250-х гг. (Бугарчев, 2020, с. 8–11). Так как медные монеты с Мунке – это на 99% перечеканенные динары ан-Насира, то для анализа метрологии нами были суммированы показания веса динаров

обоих эмитентов. Гистограмма веса экземпляров ан-Насира и Мунке показала максимум на значении $1,6 \pm 0,1$ г (Бугарчев, 2020, с. 8–11).

В 2013 г. на участке Г (квадрат 46, глубина 223 см) была обнаружена куфическая монета X в. (фельс?) весом 2,59 г, № 1138 по описи.

Как было установлено ранее, в 665/1266–1267 г. с приходом к власти первого золотоордынского хана Менгу-Тимура в Улусе Джучидов была проведена денежная реформа. В Булгарском регионе были выведены из обращения серебряные эмиссии с именами ан-Насира, Мунке и Арыг-Буги. На монетных дворах Булгар, Биляр, Керман и, возможно, на анонимном были выпущены серебряные монеты восьми номиналов с указным весом от 0,31 до 3,1 г (Бугарчев, Петров, 2018, с. 185–186). К началу XIV в. в обращении остались дирхамы и фракции трёх весовых групп – с указным весом 0,31–1,09–1,39 г или $1-3\frac{1}{2}-4\frac{1}{2}$ весового данга. Из раскопа CLXXIX к первой группе относятся монеты C/154, C/174, C/175, C/179, C/196 и C/203, ко второй – C/202, к третьей, самой многочисленной – C/125–128, C/131, C/132, C/135, C/136, C/140, C/142, C/151, C/155–157, C/161, C/163–165, C/170, C/172–173, C/176, C/178, C/180, C/185, C/188–189, C/192, C/194–195, C/198 и C/59 (C/59 – это первый тип после долгого перерыва с указанием даты – 728/1328–1329 г.). Количественное распределение следующее: 7 экз. номиналом 1 данг; 3 экз. номиналом $3\frac{1}{2}$ данга; 58 монет номиналом $4\frac{1}{2}$ данга. Как видно из приведённых цифр, самым востребованным номиналом являлись дирхамы с указным весом 1,39 г.

Рассмотрим метрологию дирхамов, выпущенных в период 1320–1329 гг. (рис. 1).

Учтено 20 экз. (C/131, C/157, C/173, C/176, C/194, C/198, C/59). Шаг 0,03 г.

Мода $1,32 \pm 0,02$ г, 6 экз. Разброс значений веса от 1,18 до 1,43 г.

В 1330–1331 г. в регионе была проведена очередная денежная реформа. В обращение были выпущены дирхамы нового образца: с указанием эмитента – Мухаммада Узбека, с помещением наследной «двуногой» тамги Менгу-Тимура, с указанием монетного двора Булгар ал-Махруса («Булгар Богохранимый, Богоспасаемый») и годами чеканки от 731 до 733 г. х. (1330/1331–1332/1333). Сюда же относятся экземпляры с искажёнными датами «722» и «723» гг. х. (должно быть 732 или 733 год хиджры). Все они выпускались с указным весом 1,56 г, или 5 весовых дангов (рис. 2).

Учтено 32 экз. Шаг 0,03 г.

Мода $1,54 \pm 0,02$ г. Разброс значений веса необломанных экземпляров от 1,05 до 1,72 г. С учётом допуска дирхамы чеканились с указным весом 1,56 г.

Здесь также можно отметить метрологию монет из клада со змеями (клад № 28). Мода гистограммы установлена на значении $1,41 \pm 0,02$ г, средний вес дирхамов со змеем – 1,36 г.

Наблюдается чёткое разделение дореформенных эмиссий 1320-х гг. и пореформенных именных дирхамов начала 1330-х гг. – после монометаллической монетной системы в денежном обращении Болгарского региона стала использоваться полиметаллическая система – серебряные и медные монеты. Со второй половины 1320-х гг. на рынки региона стали поступать медные монеты – пулы «тамга в треугольнике». На территории раскопа CLXXIX было найдено 317 пулов. Метрология следующая – мода гистограммы $1,0 \pm 0,1$ г, 130 экз., средний вес 0,98 г.

Для средневековых серебряных монет очень важным являлся такой показатель, как чистота драгоценного металла. В 2017 и в 2018 годах для ча-

сти дирхамов, найденных в раскопе, была проведена экспертиза. Приведём её результаты.

Монеты № 16 и № 72 – акт экспертизы № 2-1 от 05.10.2017 г. Оба экземпляра 980 пробы. Монеты № 824, 828, 599, 598, 558, 528, 509 (Мохши), 450, 440, 409, 579, 403, 224, 72, 16, 297, 216, 132, 43, 29 – акт экспертизы № 3-1 от 23.08.2018 г. У всех 20 экземпляров проба 960. Данные цифры свидетельствуют о высоком качестве серебра, применявшегося для чеканки ордынских монет второй половины XIII – первой трети XIV в.

Среди находок можно отметить данг Мохши № 509, который чеканился в 1320-е гг. (Лебедев, Гумаюнов, 2011, XXIII г). Кроме болгарской «меди», в раскопе были найдены пулы Сарая 1320-х гг. – 4 экземпляра 721/1321–1322 г., 7 экземпляров 726/1325–1326 г. и 6 экземпляров 731/1330–1331 г. Из сопоставления количества болгарских и сарайских пулов видно,

что основу медного денежного обращения составляли местные выпуски. В дальнейшем большинство пулов, обращавшихся в Булгарском регионе, чеканились на МД Сарай ал-Джадид и Гулистан.

В отличие от анонимных/анэпиграфных типов, которые не выходили за пределы Среднего Поволжья, новые дирхамы стали распространяться по всей территории Золотой Орды и русских княжеств. Они встречаются в составе кладов Харьковской области (Украина), Крыма, в Курской, Владимирской, Оренбургской, Саратовской, Пензенской областях, в Чувашии и Ставропольском крае.

В дальнейшем нами планируется рассмотреть отдельными блоками дирхамы южных монетных дворов первой половины XIV в., а также пулы, чеканенные в 1330–1360-х гг. Это позволит более полно представить нумизматический материал раскопа CLXXIX.

Примечания:

¹ Для монет, битых после 1266 г., за критерий типа принимаются два параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты. Изменение одного из параметров даже на одной из сторон означает смену типа (Бугарчев, Петров, 2018, с. 19).

² Впервые доклад о находке клада был сделан Д.Г. Мухаметшиным на VI Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (2013, г. Болгар).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчёт об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, СХСII) в 2016 году. Т. III. М., 2017. Приложение 9. Раскоп 179, 2016 год. Определение монет (28 стр.).

2. Бугарчев А.И. О кладе болгарских монет начала XIV в. // Нумизматические чтения ГИМ 2020 года. Москва, 25 и 26 ноября / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 79–85.

3. Бугарчев А.И. Предварительные итоги изучения нумизматического материала раскопа CLXXIX Болгарского городища // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020а. С. 8–11.

4. Бугарчев А.И. Изображения зверей, птиц и рыб на серебряных монетах болгарского региона в XIII–XIV вв. // Археология Казахстана. 2021. № 1 (11). С. 145–159.

5. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII–первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., илл.

6. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // *Stratumplus*. 2011. № 6. С. 1–24.

7. Мухаметшин Д.Г., Фёдорова Е.А. Нумизматические материалы из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. № 6 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во: Ин-т истории АН РТ, 2016. С. 18–32.

8. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

9. Фёдорова Е.А. Пулы Нуридждана из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Нумизматические чтения ГИМ 2020 года. Москва, 25 и 26 ноября. Мат-лы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2020. С. 111–114.

Информация об авторах:

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Заместитель директора по научной работе Института международных отношений, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие» Казанский (Приволжский) федеральный университет; (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь. Институт археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань, Россия). Abugar.61@ Rambler.ru

SILVER COINS OF THE 13TH – BEGINNING OF THE 14TH CENTURIES FROM THE EXCAVATION CLXXIX AT THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

R.M. Valeev, A.I. Bugarchev

The article presents the study of one group of silver coins found on the territory of the CLXXIX excavation site at the Bolgar fortified settlement. Almost all of them were minted at the Bulgarian mints during the period 1251–1332. The total amount, according to the authors' calculations, reaches 134 dirhams and fractions. A table is provided indicating the weight and time of minting of each type. Also, a treasure consisting of 46 coins was found in the excavation. After studying the stratigraphy, the authors suggested that there could be three more small treasures in squares 19, 49 and 53 of the CLXXIX excavation. Using the metrology of coins from the excavation, the authors distributed all numismatic material by weight groups. Two photo tables with images of 25 coins are attached to the article.

Keywords: archaeology, dirham, treasure, monetary circulation, Bulgarian settlement, excavation CLXXIX, 13th–14th centuries.

REFERENCES

1. Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskopy CLXXIX, CXCI) v 2016 godu (Report on Archaeological Excavations of 2016 at Bolgar Settlement (Digs 179, 192) Vol. III. Moscow. Prilozhenie 9. Raskop 179, 2016 god. Opredelenie monet (28 str.). (in Russian).*
2. Bugarchev, A. I. 2020. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2020).* Moscow: State Historical Museum, 79–85 (in Russian).
3. Bugarchev, A. I. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* III. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 8–11 (in Russian).
4. Bugarchev, A. I. 2021. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 1 (11). 145–159 (in Russian).
5. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv. (Coin Hoards of 13th – the first third of 14th Centuries from Wilāyat Bulghār)* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
6. Lebedev, V. P., Gumaiunov, S. V. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 67–90 (in Russian).
7. Mukhametshin, D. G., Fedorova, E. A. 2016. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordyy (Golden Horde Numismatics)* 6. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 18–32 (in Russian).
8. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.).* Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).
9. Fedorova, E. A. 2020. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2020).* Moscow: State Historical Museum, 111–114 (in Russian).

About the Authors:

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Vice-President of Russian National Committee of ICOMOS. Deputy Director of International Relations Institute. Kazan Federal University. Kremlevskaya str., 18, Kazan, 420018, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

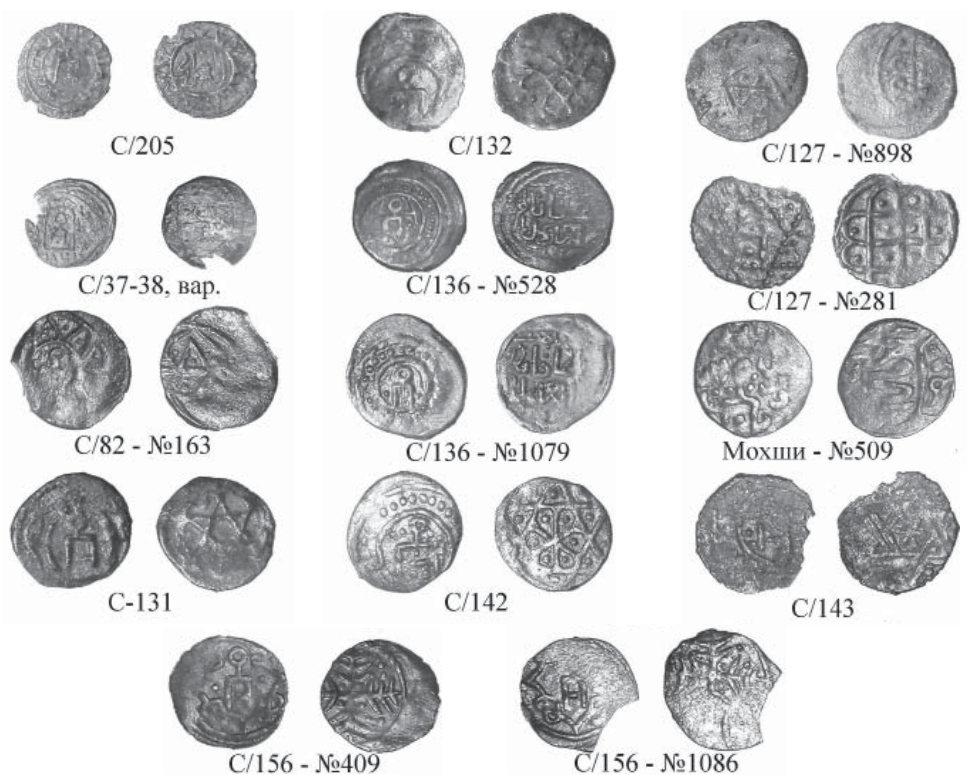

Рис. 3. Фототаблица 1. Дирхамы из раскопа CLXXIX.
 Fig. 3. Photo table 1. Dirhams from the excavation CLXXIX.

Рис. 4. Фототаблица 2. Дирхамы из раскопа CLXXIX.
 Fig. 4. Photo table 2. Dirhams from the excavation CLXXIX.

НОВЫЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАРА (СТАВРОПОЛЬЕ)

© 2022 г. Е.И. Нарожный, И.Б. Тищенко

Публикуются материалы десяти новых мусульманских захоронений XIV в. из городища Маджары (Ставрополье), исследованных в 2020 г. между бетонными фундаментами будущего торгово-офисного здания в г. Будённовске. Периферийные ряды средневекового кладбища – ямы с подбоем или узкие ямы с вертикальными стенками, за исключением трех захоронений с перекрытием из сырцовых кирпичей. Захоронения разнополых взрослых людей, подростков и почти годовалого ребенка уложены головой на З, с легким поворотом или на правом боку, к Ю. Три погребения из десяти – простые грунтовые ямы со скелетами со следами их поворота в противоположную от Кыблы сторону, т.е. на С. Такое их положение, судя по аналогии с «языческим» могильником поселения «Железнодорожное-2» на Кубани, скорее всего, является реминисценцией традиционных домусульманских обрядов, сохраненных частью населения Маджара после ее исламизации.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Северный Кавказ, город Маджары, мусульманский погребальный обряд, среднеазиатское влияние, сырцовый кирпич, ямы с подбоем, уступы внутри могилы.

В 2020 г. ООО «Археолог» (г. Саратов) проводились археологические работы методом наблюдения¹ на территории золотоордынского городища Маджары (современная территория г. Будённовска Ставропольского края) (рис. 1: 1). Исследования проводились во внутреннем пространстве между существующими бетонными фундаментами будущего торгово-офисного центра (ул. Кочубея, д. 226а) площадью в 300 м². Во внутреннем пространстве прямоугольной формы (рис. 2: 1) было выявлено 10 грунтовых мусульманских захоронений XIV в. – погр. № 1–8, 10–11², расположенных компактно (рис. 2: 1) в несколько рядов. Вероятно, что все они занимали периферийную (?) часть кладбища с основной частью за пределами раскопа. Захоронения вводятся в научный оборот впервые и представляют определенный научный интерес.

Полученную выборку захоронений можно разделить на четыре условных типа по характеру оформления их могильных ям (табл. 1).

В каждом типе захоронений, за исключением захоронений из «Типа 4», зафиксированы разные варианты

кирпичных закладов подбоя, одновременно являвшихся и перекрытиями ям (рис. 3: 2–3, 5; 4: 1, 3; 5: 8; 6: 2–3; 7: 2–3; 8: 1). В одних случаях кирпичи³ установлены двумя параллельными рядами от северной до южной стенки, которые поставлены «на ребро», опираясь на уступы. В других случаях кирпичи уложены плашмя и «на ребро», образуя невысокую «ступеньку» в два или три вертикальных ряда. Отмечены и узкие промежутки между кирпичами со следами использования глинистого раствора, которым обмазывали и горизонтальные поверхности закладов. Остатки раствора заметны между крайними кирпичами и южной стенкой, затем, вместе с фрагментами кирпичей, его куски попадали внутрь подбоев. Выявленные различия в способе укладки кирпичей закладов не совсем понятны и могут быть объяснены различиями размеров погребальных ям, предназначавшихся под захоронения людей разного возраста. Согласно известным рекомендациям погребального обряда Средневековья, заклады из сырцовых кирпичей, либо из камыша, или из дерева должны были предохранять могилу и находя-

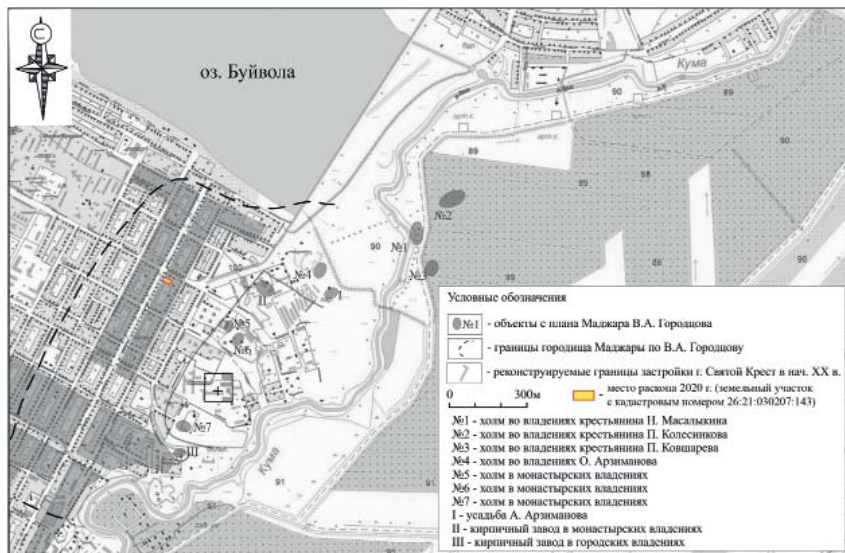

Рис. 1. 1 – место расположения раскопа 2020 года в системе жилой застройки г. Буденновска (Ставропольский край).

Fig. 1. 1 – location of the excavation site in 2020 in the residential development system of Budenkovsk (Stavropol Territory).

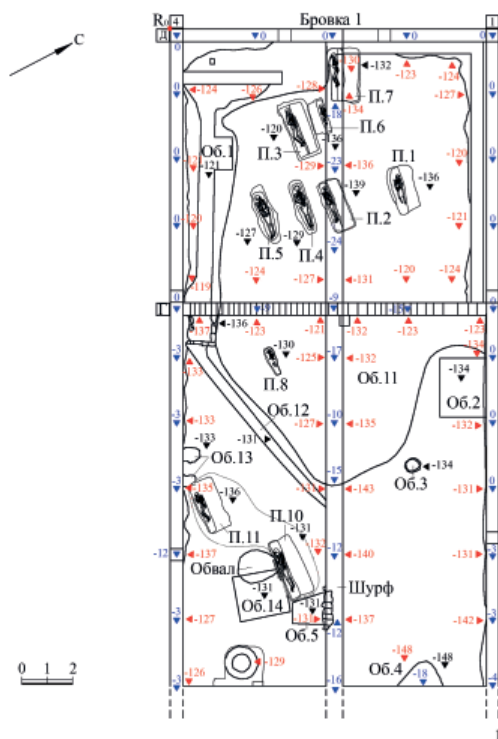

Рис. 2. 1 – фрагмент плана раскопа 2020 года на Маджарах с участком раскопанных захоронений.

Fig. 2. 1 – a fragment of the plan of the excavation of 2020 on Madzhary with the site of the excavated burials.

Таблица 1

Типы ям и половозрастная характеристика погребенных в них

№ п/п	Тип погребального сооружения	№ погребения	Пол	Возраст*
1.	Тип 1. Грунтовая яма, вытянутая с З на В; с одним заплечиком у северной стенки ямы, подбой с южной стороны, заклад-перекрытие из сырцовых кирпичей.	Погр. №№ 1 (рис. 3, 1-3),	?	10-12 лет
		Погр. № 2 (рис. 3, 5-6)	Муж.	35-45 лет
		Погр. № 7 (рис. 6, 1-3).	?	11-13 лет
2.	Тип 2. Яма с широким уступом у С стороны и узкой погребальной ямой с вертикальными или косо расположенными стенками вдоль Ю стенки ямы	Погр. №№ 3 (рис. 4, 1-3),	Жен.	20-25 лет
		Погр. № 10 (рис. 7, 1-4)	Жен.	23-25 лет.
		Погр. № 11 (рис. 8, 1-4).	Жен.	23-25 лет.
3.	Тип 3. Яма с уступом вдоль Ю стенки, яма, вдоль С стенки узкая яма (зеркально типу 2)	Погр. 6 (рис. 5, 7-28).	Жен.	20-25 лет
4.	Тип 4. Грунтовые ямы без подбоя, кирпичных закладов и уступов	Погр. № 4 (рис. 5, погр. 4, 1-3),	Жен.	45-55 лет
		Погр. № 5 (рис. 5, погр. 5, 1-3)	Муж.	25-35 лет
		Погр. № 8 (рис. 6, погр. 8, 1-3).	?	9-11 мес.

* Антропологические материалы, переданные на временное хранение в КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, где эти материалы были обработаны н.с. музея Н.А. Абрамовой.

щиеся там захоронения от попадания земельной засыпки. Лишь в особых случаях, например, при рыхлом грунте, те же регламентации допускали сооружение погребальных ям только с уступами (Халикова, 1986, с. 44–46).

Захоронения, вынесенные в «Тип 1» (табл. 1: 1), можно считать не только традиционным типом мусульманских погребальных конструкций (Халикова, 1986, с. 44–45), а, по мнению других специалистов, даже элитарным в социальной структуре золотоордынского общества. Этот тип погребений хорошо известен и среди мусульманских захоронений не только Маджара (Бабенко, 1996, с. 16–17), но, например, на Водянском и Селитренном городищах, где ямы с подбоями на момент исследований Л.Т. Яблонского составляли лишь «11,3% от общего числа учтенных погребений» (Яблонский, с. 271). Захоронения с подбоями известны и на других городских некрополях Золотой Орды (Васильев, 2007, прил. 5, тип Б1-1; Васильев, 2008, с. 190, тип Б1-1).

Захоронения «Типа 2» – погр. № 3 (рис. 4: 1–3), № 10 (рис. 7: 1–4) и № 11 (рис. 8: 1–4) аналогичны уже опули-

кованным погребениям из Маджар (Маджар, 2016, с. 97, рис. 55). Как и единственное погребение № 6 в «Типе 3» (рис. 5: 7–8), все рассматриваемые погребальные комплексы не позволяют даже предполагать их этнокультурные истоки.

Наибольший интерес представляют сразу три захоронения «Типа 4», совершенные в простых грунтовых ямах без подбоев, кирпичных закладов и уступов – погребения № 4 (рис. 5: 1–3), № 5 (рис. 5: 4–6) и № 8 (рис. 6: 5–6). Исходя из того, что географически Кыбла по отношению к Маджару находится в южном направлении, подбоя в мусульманских могилах этого городища (при ориентировке погребенных головой на запад) устраивались с южной стороны могилы. Разворот лица и туловища погребенных направлялись тоже на юг (Нарожный, 1988, с. 159–172), т. е. как это и регламентировали правила мусульманского погребального обряда (Халикова, 1986, с. 44–47).

Наличие закладов из кирпича, как предписывалось теми же требованиями обряда, должно было предохранять захоронения от попадания земли

Таблица 2

Специфические черты погребального обряда

№ п/п	№ погребения	Тип ям	Специфика
1	Погребение № 1	Тип 1	Еле заметный поворот туловища к югу
2	Погребение № 2	Тип 1	Разворот к югу
3	Погребение № 3	Тип 2	Слабый разворот к югу
4	Погребение № 4	Тип 4	?
5	Погребение № 5	Тип 4	?
6	Погребение № 6	Тип 3	На правом боку, разворот к югу
7	Погребение № 7	Тип 1	На правом боку, разворот к югу
8	Погребение № 8	Тип 4	На левом боку, разворот на север
9	Погребение № 10	Тип 2	На правом боку, к югу
10	Погребение № 11	Тип 2	На правом боку, к югу

внутри ляхда. Однако наличие в подбоях грунта заполнения вперемешку с фрагментами кирпичей и глиняной обмазки, вероятно, можно объяснять процессом постепенного осыпания не совсем плотного грунта. Возможно, это одна из основных причин, не позволявших устроить в трех отмеченных выше погребениях «Типа 4» не только подбоев, но и узких «щелей» (ям с двумя уступами), как это допускалось упоминавшимся регламентом обряда. В результате указанные захоронения и были совершены в простых грунтовых ямах без подбоев, уступов и кирпичных закладов, что, вне всякого сомнения, требует объяснения возможных причин такого их своеобразия. Для этого сравним специфику положения погребенных внутри ям (табл. 2).

Таблица № 2 демонстрирует, что основная масса публикуемых погребений совершена с явным разворотом скелетов к югу (в сторону Кыблы); лишь в отдельных случаях этот разворот едва заметен (табл. 2). Резко отличаются от них уже отмечавшиеся выше захоронения № 4, 5 и 8; погребения № 4 и 5 демонстрируют положение скелетов, которое можно воспринимать различно. В погребении № 8 заметен явный разворот скелета, но не на юг

(на Кыблу), как в преобладающей части захоронений, а в противоположную от Кыблы сторону, т. е. на север (табл. 2). В погребении № 4 (рис. 5: 1) скелет уложен фактически «на спине», но лицевая часть его черепа повернута к северу. Верхние его конечности, согнутые в локтевых суставах, кистями лежат на нижней части живота, но левое крыло таза на 1,5 см ниже правого, что, вместе с указанным поворотом черепа, можно расценивать как показатель изначального, хотя и слабого уклона скелета на север (?), т. е. как и в погр. № 8 (рис. 6: 4). Такой характер возможного изменения первоначального труположения в погребении № 4 объясним, например, за счет зафиксированного в нем неровного (вогнутого) дна ямы (рис. 5: 2). Вероятно, это следы попытки сначала вырыть узкую яму с уступами (?), но из-за неплотного грунта затем снивелированную подсыпкой. А из-за последовавшей позднее просадки грунта подсыпки скелет и мог принять позу, напоминающую положение «на спине».

В захоронении № 5 (рис. 5: 4–6), как и в предыдущем (№ 4), череп скелета повернут к северу; к северу немного склонена и правая сторона грудной клетки. Левая рука

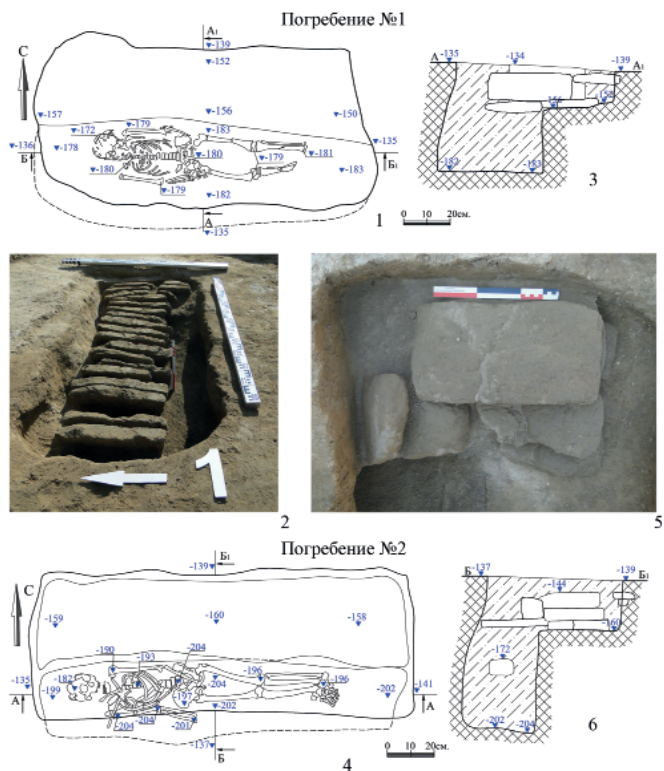

Рис. 3. 1–6 – погребения № 1 и № 2. 1–4 – планы погребений №№ 1 и 2; 2–6 – разрезы погребений №№ 1 и 2; 3, 5 – фото (3 – вид с севера, 4 – вид с юга) заклада-перекрытия из сырцового кирпича в погребении № 1 и фрагмента заклада в погребении № 2.

Fig. 3. 1–6 – burials No. 1 and No. 2. 1–4 – plans of burials No. 1 and 2; 2–6 – sections of burials No. 1 and 2; 3, 5 – photos (3 – view from the north, 4 – view from the south) laying-overlapping of mud bricks in burial No. 1 and a fragment of a pledge in burial No. 2.

кистью положена под левое крыло таза (поверх таза – смещенная кость ребра грудной клетки) (рис. 5: 4, 6). Е.А. Халикова подобное положение кисти одной из рук под крылом таза рассматривала как еще один показатель изначального разворота туловища, указывающего на направление поворота, когда крыло таза «накрывало» кисть руки со стороны разворота (Халикова, 1986, с. 44–47). К северу повернута и нижняя треть позвоночного столба. Стопа левой ноги почти под прямым углом повернута к стопе правой ноги; такая фиксация стала возможной при обертывании туловища умершего саваном перед его захоронением⁴, т. е. как этого требовали каноны «классического» мусульманского по-

гребального обряда (Халикова, 1986, с. 44–47). Стопа правой ноги повернута набок, пяточной костью к югу. Другими словами, и в этом захоронении отмечены признаки, демонстрирующие следы легкого разворота скелета на север. Таким образом, три погребальных комплекса, что фиксируется с разной степенью информативности, показывают: в момент совершения захоронений № 4 и 5 они были намеренно повернуты к северу, а погр. № 8 развернуто, но не юг, а также на север. При этом, напомним, указанные захоронения находились на том же самом мусульманском кладбище, что и другие захоронения, отличаясь от них не только разворотом скелетов в противоположную от Кыблы сторону,

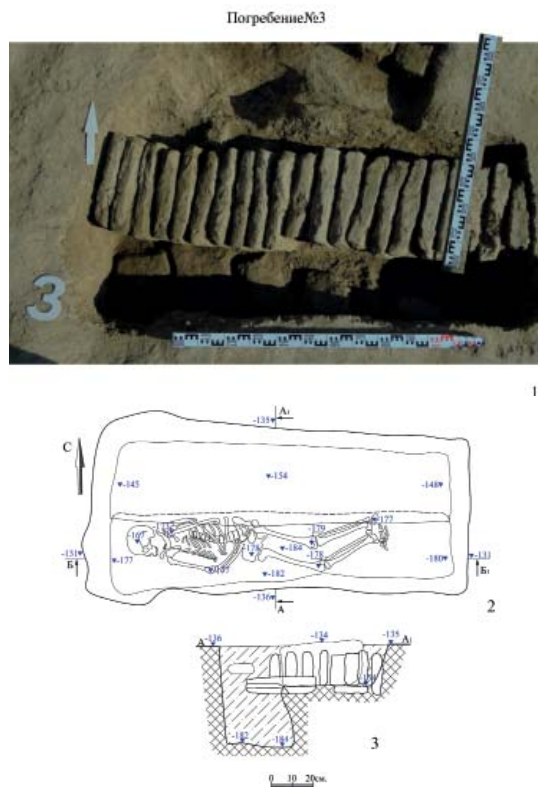

Рис. 4. 1 – погребение № 3: 1 – фото (вид с юга, сверху) заклада-перекрытия из сырцового кирпича; 2–3 – план и разрез погребения.

Fig. 4. 1 – burial No. 3 1 – photo (view from the south, from above) of the foundation-slabs of raw brick; 2–3 – plan and section of the burial.

но и захоронением в простых грунтовых ямах.

Причины использования столь нетипичного варианта погребальной обрядности объяснить довольно сложно. Вполне вероятно, что отмеченное положение погребенных могло быть связано не только с неплотным грунтом в этой части могильного поля, но и с погребальными традициями населения какого-то отдаленного от территории Маджара региона, по отношению к которому Кыбла могла находиться с северной стороны. Если это предположение получит подтверждение, тогда можно будет ставить вопрос о мигрантах, по каким-то причинам оказавшихся на территории золотоордынского Маджара, привнесших с собой и отмеченный вариант

(?) погребальных традиций. Однако следует указать и на другую возможность интересующей нас специфики, также связанной с возможной миграцией сюда части кочевого населения. С ней, вероятно, можно увязать известное нам почти тождественное, пока неопубликованное захоронение № 3 (головой на запад, на левом боку с разворотом к северу) с территории «языческого» могильника XIII–XIV вв. поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края.

Публикуемые погребения № 4, 5 и 8 пока являются «эксклюзивными» среди других мусульманских захоронений, раскопанных на Маджарах. Впрочем, они не находят аналогий и среди захоронений Маджара, иссле-

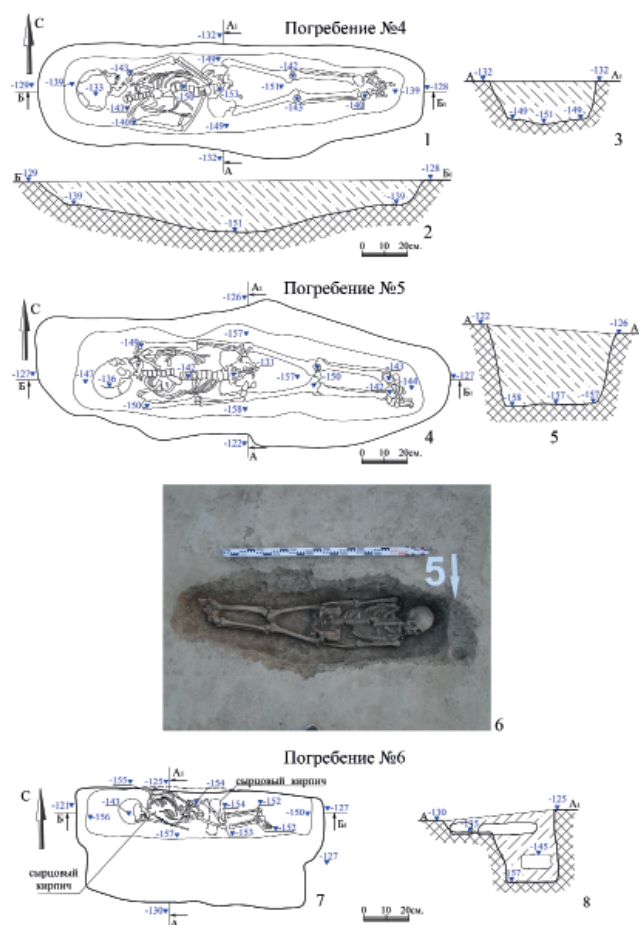

Рис. 5. 1–8 – погребения № 4, № 5 и № 6. 1–4, 6–7 – план погребений; 3, 5, 8 – разрезы захоронений.

Fig. 5. 1–8 – burials No. 4, No. 5 and No. 6: 1–4, 6–7 – plan (6 – photo, view from the north) of burials; 3, 5, 8 – sections of burials.

дованных в 1907 г. В.А. Городцовым (Городцов, 1911, с. 162–208; Нарожный, 1988, с. 159–172) или в 1990-х гг. Э.Д. Зиливинской⁵, которые больше известны по одной из работ В.А. Бабенко (Бабенко, 1997, с. 16–17; Маджар, 2015, с. 26, с. 86, рис. 54). Но на этом фоне особо интересными становятся наблюдения Е.А. Халиковой, и Л.Т. Яблонского, предполагавших присутствие среди населения Золотой Орды заметной доли мусульман из различных социальных групп, переселившихся сюда из нескольких регионов Средней Азии, являвшихся,

как правило «выходцами из Хорезма» (Яблонский, 2008, с. 270). Оказавшись в городах Золотой Орды, такие переселенцы преимущественно представляли собой основную массу мусульманских священнослужителей, торговцев и ремесленников. Ибн-Баттута среди «шафитских мударрисов» Сарая Берке упомянул и некоего «факиха, достойного имама Садрадина Аль-Лакзи» – одного «из превосходных людей» этого города. Некоторые исследователи рассматривают этого имама как выходца «из Лакза – средневековой области Дагестана»

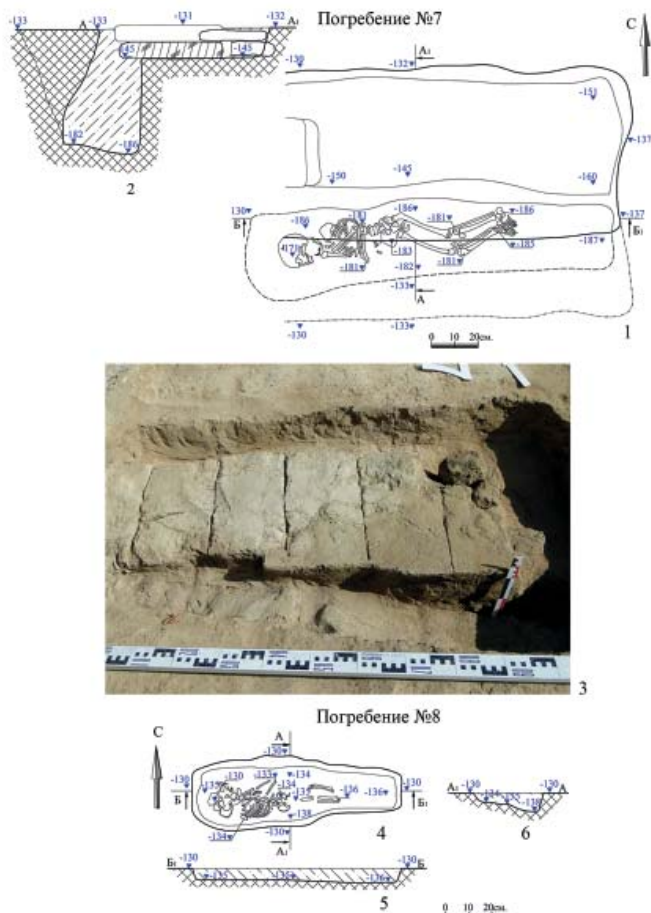

Рис. 6. 1–6 – погребения № 7 и № 8. 1–4 – планы погребений; 2, 5–6 – разрезы погребения; 3 – фото (вид с севера) заклада-перекрытия из сырцового кирпича погребения № 7.

Fig. 6. 1–6 – burials No. 7 and No. 8. 1–4 – burial plans; 2, 5–6 – sections of the burial; 3 – photo (view from the north) of the mortgange-overappings made of raw brick of burial No. 7.

(Шихсаидов, 2010, с. 40–44), что свидетельствует об обитании в городах Золотой Орды, включая и Маджары, мусульман не только среднеазиатского происхождения, переселенных из разных регионов Востока, олицетворявших собой самые разные половозрастные, этнокультурные и социальные группы населения. А некоторые из таких переселенцев какое-то время, как это демонстрируют, например, погребения № 4, 5 и 8, продолжали придерживаться привычных, привнесенных сюда на Маджары своих «старых» традиций и обрядов.

Публикуемые захоронения важны не только своей информативностью. Представляя собой периферийную часть мусульманского кладбища (рис. 2), их топография заставляет вспомнить и давнюю версию Э.В. Ртвеладзе, сегодня поддержанную и другими авторами (Бабенко, 1997, с. 16–17; Маджар, 2015, с. 26). Исследованные В.А. Городцовым (1907 г.) и Э.Д. Зиливинской (1990 г.) захоронения на Маджарах они связывают с территорией, якобы *единого «городского кладбища»*, обозначенного «Э.В. Ртвеладзе на плане» Маджара (Маджар, 2015, с.

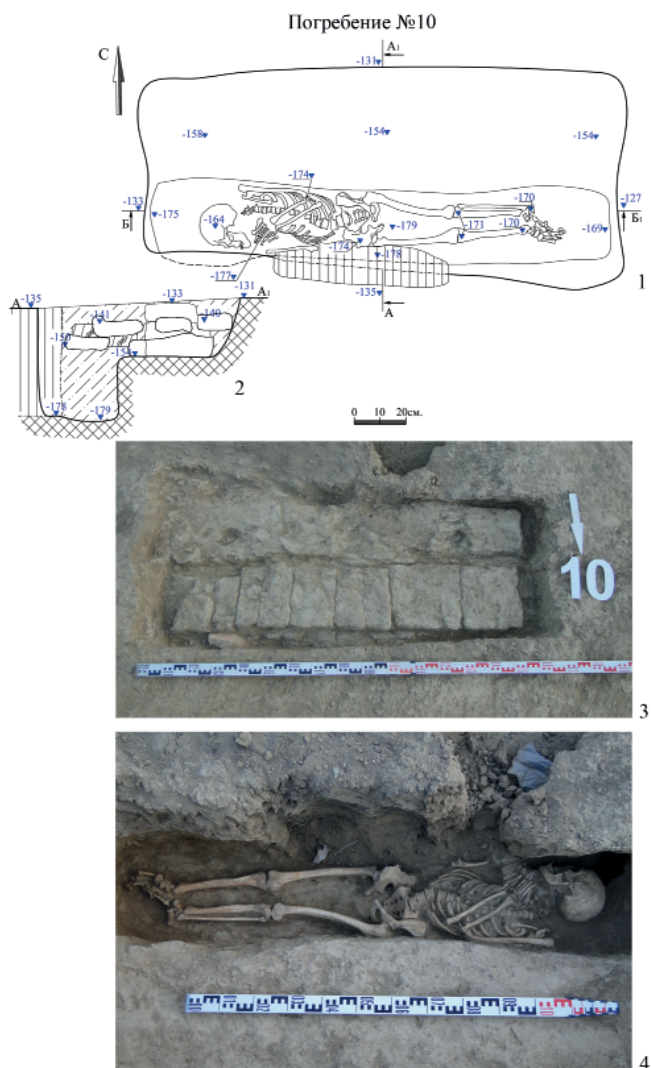

Рис. 7. 1–4 – погребение № 10: 1, 4 – план (4 – фото, вид с севера) погребения № 10; 2 – разрез погребения; 3 – фото (вид с севера, сверху) заклада-перекрытия из сырцовых кирпичей.

Fig. 7. 1–4 – burial No. 10: 1, 4 – plan (4 – photo, view from the north) of burial No. 10; 2 – section of the burial; 3 – photo (view from the north, from above) of the bookmark-overlappings of raw bricks.

26). Э.В. Ртвеладзе действительно *предположил* существование в Маджаре «крупного городского кладбища», находившегося «примерно в центре города», т. к. здесь якобы еще «до начала захоронений» отсутствовал «культурный слой», что «свидетельствовало и о заранее продуманном размещении кладбища в плане города» (Ртвеладзе, 1975, с. 8–9). Однако

даже в кратких описаниях раскопок на Маджарах 1990-х гг., как и в нашем случае, речь идет о захоронениях в культурном слое городища, в т. ч. и со стратиграфическим перекрытием ими отдельных хозяйственных ям (в т. ч. – с золотоордынской монетой внутри одной из них) (Бабенко, 1997, с. 16–17). Аналогичная ситуация отмечена и при исследовании публикуе-

Погребение №11

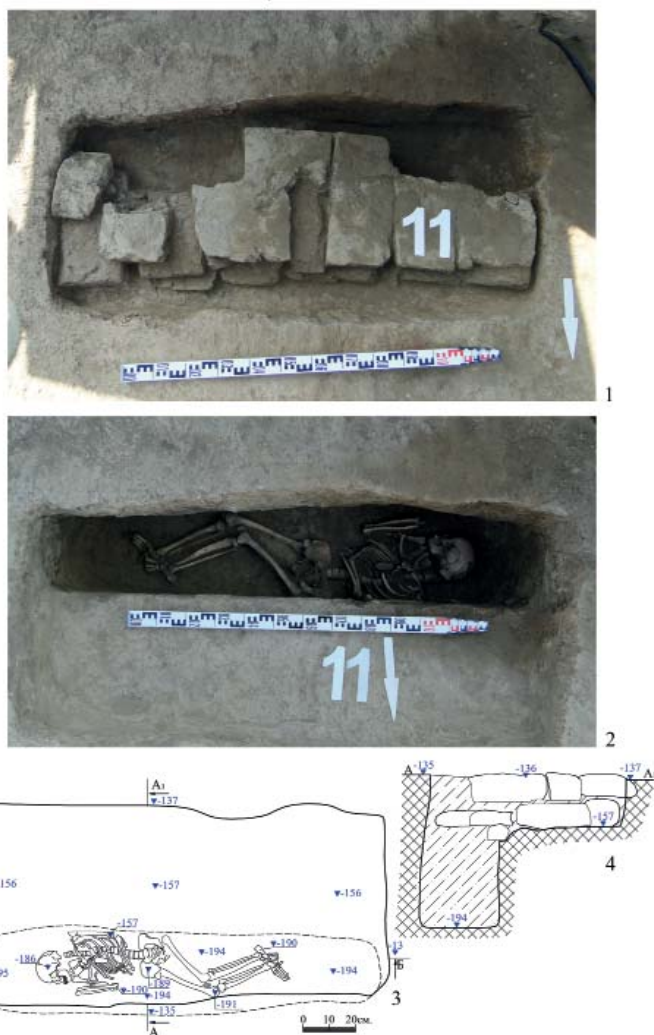

Рис. 8. 1–4 – погребение № 11: 1 – фото (вид с севера, сверху) заклада-перекрытия из сырцовых кирпичей; 2–3 – фото (вид с севера, сверху) и план погребения; 4 – разрез погребения.

Fig. 8. 1–4 – Burial No. 11: 1 – photo (view from the north, top) of the foundation-slabs of raw bricks; 2–3 – photo (view from the north, top) and the burial plan; 4 – section of the burial.

мых нами захоронений, рядом с которыми выявлено почти полтора десятка различных «объектов» XIV в. Все это создает впечатление существования не одного и заранее спланированного «городского кладбища» Маджара, а наличия на его территории нескольких некрополей, образовавшихся в разных частях городища. Слабо археологически изученный, данный город Золотой Орды находился, как спра-

ведливо отмечал еще Абу-л-Фида, называя его «Кумаджаром», «в государстве татар Берке», «на полпути между «Железными воротами» (Дербентом – Авт.) и ал-Азаком, к востоку от ал-Азака и к западу от «Железных ворот» с небольшим отклонением от них к югу» (Коновалова, 2009, с. 115). Он стал местом обитания значительного количества полиэтничного и поликонфессионального населения,

какая-то часть которого во многом обеспечивала то самое «среднеазиатское влияние» на его материальную культуру, которое в свое время выявлял и обосновывал Э.В. Ртвеладзе в своей кандидатской диссертации (Ртвеладзе, 1975). Но вместе и вперемешку с ними здесь, вероятно, обитали представители потомков населения различных групп «домонгольского» происхождения, на что, возможно, и указывают публикуемые погребения № 4, 5 и 8.

Несмотря на недавний скепсис и некоторую озабоченность по поводу необходимости организации и проведения на Маджарах разнообразных, в т. ч. «масштабных археологических исследований», исследователи вопрошают: «каковыми же должны быть их масштабы, чтобы они превзошли по площади сеть ирригационных каналов, которая покрывает многие километры» площади городища (Маджар,

2015, с. 24, прим. 1). Естественно, что, помимо таких каналов, часть Маджарского городища покрыта и современной застройкой (рис. 1), но, несмотря на это, городище необходимо исследовать хотя бы там, где это сегодня еще возможно. Подобную потребность наглядно документируют, например, результаты недавних результативных охранно-спасательных археологических исследований на территории городища, проведенных в т. ч. и силами ИА АН РТ (Бабенко, Сергеев, 2019, с. 161–170; Бочаров, Обухов, 2018, с. 125–133; Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018а, с. 404–406; Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018б, с. 31–38; Бочаров, Ситдииков, 2016, с. 192–197; Бочаров, Яворская, 2019, с. 184–199; Яворская, Антипина, 2017, с. 245–252; и др.). Отчасти это же демонстрируют и новые материалы, вводимые нами в научный оборот в данной публикации.

Примечания:

¹ Держатель Открытого листа (№ 2896–2020) и руководитель работ И.Б. Тищенко. Публикуемые материалы даны по: Тищенко И.Б. «Отчет о проведении археологических исследований (археологических наблюдений) участка поврежденного культурного слоя территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Маджары» на площади 300 кв. м в границах объекта строительства «Торгово-офисное здание на существующем фундаменте площадью 300 кв. м, расположенном на земельном участке с кадастровым номером 26:21:030207:143 по ул. Кочубея, д. 226а, г. Буденновска Буденновского района Ставропольского края (декабрь 2020 – январь 2021 г.)» – Саратов, 2021. – 190 с. // Управление Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия (г. Ставрополь, б/н). Вариант отчета, предоставленный для ОПИ И РАН, рассмотрен, утвержден и принят, однако и находится в стадии оформления для передачи в архив, из-за чего пока не получил ни номера хранения, ни соответствующего шифра.

² Первоначально были сфотографированы пятна погребений № 9–11, однако, как выяснилось позднее, пятно, принятое за «погр. № 9» (рис. 2), от археологического объекта иного характера. По этой причине во всех описаниях «погребение № 9» отсутствует.

³ Размеры кирпичей 0,32–0,35×0,19–0,20×0, 0,07–0,7 м и 0,43×0,26×0,07 м.

⁴ Подобные примеры использования савана нами были встречены при охранно-спасательных исследованиях более позднего мусульманского кладбища близ г. Керчи в Ленинском районе Крыма.

⁵ Материалы этих раскопок 1990-х годов кратко пересказаны В.А. Бабенко (Бабенко, 1997, с. 16–17); опубликованы планы нескольких отдельных захоронений (Маджар, 2015). Остальные материалы, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко В.А. Вклад Т.М. Минаевой в изучение средневекового г. Маджара и перспективы исследования // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.И. Минаевой / Под ред. З.В. Доде. Ставрополь: СГУ. 1997. С. 16–17.

2. Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 161–170.

3. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2. С.125–133 doi:10.24852/ra2018.2.24.125.133

4. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015-2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкарков. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404–406.

5. Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015-2017). Итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31–38.

6. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192–197.

7. Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 185–200.

8. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 192 с.

9. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 179 с.

10. Городицов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой. М., 1911. С. 162–208.

11. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 226 с.

12. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 7–108.

13. Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ. 1988. С. 159–172.

14. Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. и ее связей со Средней Азией. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Ташкент, 1975. 24 с.

15. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

16. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Исламоведение. 2010. № 1. С. 40–44.

17. Яблонский Л.Т. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ. С. 269–286.

18. Яворская Л.В., Антипина Е.Е. Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп Х(10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 245–252.

Информация об авторах:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск, Россия); zai_ein@mail.ru

Тищенко Игорь Борисович, главный специалист ООО «Археолог» (г. Саратов, Россия); ig.tishenko2010@yandex.ru

NEW MUSLIM BURIALS FROM THE GOLDEN HORDE CITY
OF MADZHAR (STAVROPOL REGION)

E.I. Narozhny, I.B. Tishchenko

The materials of ten new Muslim graves of the 14th century from the city of Madzhar (Stavropol region), investigated in 2020 between the concrete foundations of the future commercial and office building in Budennovsk, are published. The peripheral rows of the medieval cemetery are pits with lining, or narrow pits with vertical walls, with the exception of three burials with an overlap of raw bricks. The skeletons of heterosexual adults, teenagers and an almost one-year-old child are laid with their heads to the West, with a slight turn or on the right side, to the South. Three pits out of ten are simple ground pits, skeletons in which with traces of their turning in the opposite direction from the Qibla, i.e. to the North. This situation, judging by the analogy with the "pagan" burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2" in the Kuban, is most likely a reminiscence of traditional, pre-Muslim rituals preserved by part of the population of Madzhar after its Islamization.

Keywords: archaeology, Golden Horde, North Caucasus, the city of Madzhar, Muslim funeral rite, Central Asian influence, raw brick, pits with lining, ledges inside the grave.

REFERENCES

1. Babenko, V. A. 1997. In Dode, Z. V. (ed.). *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya T.I. Minaevoy (Materials of the Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of T. I. Minaeva)*. Stavropol: Stavropol State University Publ., 16–17 (in Russian).
2. Babenko, A. N., Sergeev, A. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 161–170 (in Russian).
3. Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)*. 4(14), 125–133 (in Russian).
4. Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages – XXX Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Karachaevs: Karachay-Cherkess State University Publ., 404–406 (in Russian).
5. Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 31–38 (in Russian).
6. Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. In *Kol Materialy V Mezhdunarodnoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference)*. Elista: Kalmyk State University. 192–197 (in Russian).
7. Bocharov, S. G., Yavorskyaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 185–200 (in Russian).
8. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
9. Vasil'ev, D. V. 2009. *Islamizatsiya i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and Funerary Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
10. Gorodtsov, V. A. 1909. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo s'ezda v Chernigove (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov, 1909)*. Moscow, 162–208 (in Russian).
11. Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
12. In Bgazhnokov, B. Kh. (ed.). 2015. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madzhar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus)*. Nal'chik: Publications department of KBIHR, 7–108 (in Russian).
13. Narozhny, E. I. 1988. In: Turgiev T. B. (ed.). *Pogrebal'nyy obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza. (The Funeral Rite of the Ancient and Medieval Population of the North Caucasus)*. Ordzhonikidze: North Ossetian State University Publ., 159–172 (in Russian).
14. Rtveladze, E. V. 1975. *Iz istorii gorodskoy kul'tury na Severnom Kavkaze v XIII–XIV vv. i ee svyazey so Sredney Aziei (From the History of Urban Culture in the North Caucasus in the 13th–14th Centuries and its Relations with Central Asia)*. PhD Thesis. Tashkent (in Russian).

15. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th – early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

16. Shikhsaidov, A. R. 2010. *Islamovedenie (Islamic Studies)* 1. 40–44 (in Russian).

17. Yablonsky, L. T. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University Publ., 269–286 (in Russian).

18. Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 245–252 (in Russian).

About the Authors:

Narozhny Evgeny I. Doctor of Historical Sciences, Professor. Karachay-Cherkess, U. D. Aliyev State University. Lenin str., 29, Karachayevsk, 369202, Karachay-Cherkess Republic, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Tishchenko Igor B. Limited Liability Company “Archeologist”. Ipatov str., 49, Stavropol, 355008, Russian Federation; ig.tishchenko2010@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ: ГЕОГРАФИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

© 2022 г. Д.З. Сагидуллаев

В статье рассмотрены особенности формирования поселенческой структуры золотоордынского времени в районе бассейна р. Урал на северо-востоке Прикаспия. К числу археологических памятников этой эпохи, расположенных на берегах р. Урал, относятся поселения: Сарайчик, Жайык, Жалпактал и Актобе-Лаэти. На основе материалов археологических исследований анализируется историческая топография их размещения и своеобразие планиграфии городской застройки. Представлены материалы сложения городских поселений Золотой Орды на р. Урал, а также изучены географические аспекты данного региона, реконструирована историческая топография поселений, особенности домостроения.

Ключевые слова: археология, поселения, Золотая Орда, Улус Джучи, река, Урал, топография, структура, планировка.

Степи Северо-Восточного Прикаспия в эпоху Средневековья характеризовались доминированием скотоводческого уклада хозяйствования, находясь в тесном взаимодействии с урбанизированными центрами Центральной Азии и Восточной Европы. Образование в середине XIII в. Улуса Джучи объединило их в одном государстве и создало условия для формирования крупных городских центров. Градостроительная политика золотоордынской эпохи изменила и поселенческий облик бассейна р. Урал. Приток большого количества поселенческого торгово-ремесленного населения, обживавшего открытые пространства равнин Северо-Восточного Прикаспия, привел к интенсивной урбанизации региона. Поселения стали играть важную роль в формировании новых торговых путей, становясь важными экономическими и административными центрами, обеспечивая устойчивое и безопасное функционирование региональных и трансконтинентальных магистралей. Комплексный сопоставительный анализ развития городских центров в контексте исторической географии Золотой Орды, экономического и культурного взаимодействия средневековых поселений региона позволяет выявить

закономерности их возникновения и развития.

Урбанистические центры Северо-Восточного Прикаспия золотоордынского времени Сарайчик, Актобе-Лаэти, Жайык, кроме городища Жалпактал, расположены в русле р. Урал. На этих поселениях и прилегающих к ним памятниках исследованы монументальные архитектурные сооружения, жилые и хозяйственные постройки, элементы городского и дворового благоустройства, некрополи и мавзолеи.

Все перечисленные археологические памятники находятся на значительном удалении от золотоордынских городов Нижнего Поволжья (не менее 400 км). Дистанция между самими поселениями Сарайчик, Жайык, Жалпактал составляет 300–400 км. Наименьшее расстояние отмечено между поселениями Актобе-Лаэти и Сарайчик – 40 км. Вероятно, они формировали единую поселенческую агломерацию, обеспечивая стабильную сухопутную и водную, морскую торговлю (рис. 1). Таким образом, можно констатировать, что поселения Северо-Восточного Прикаспия, будучи важными экономическими и административными центрами, соединенными между собой караванны-

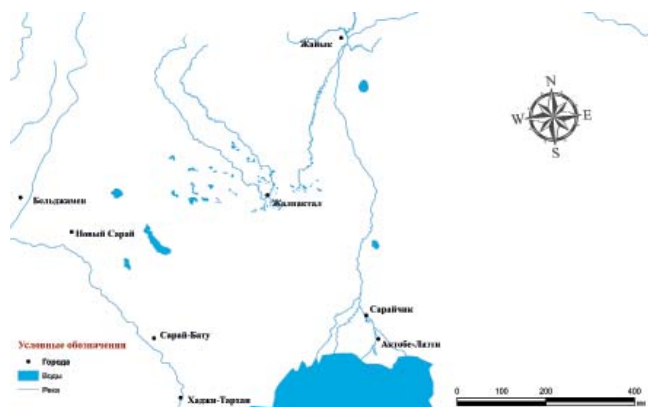

Рис. 1. Расположения памятников северо-восточного Прикаспия.
Fig. 1. The location of the monuments of the north-eastern Caspian Sea region.

ми путями, смогли создать единое политическое и торговое пространство.

Вопросы, связанные с изучением исторической географии Золотой Орды были поставлены и всесторонне исследованы В.Л. Егоровым и Г.А. Федоровым-Давыдовым. Г.А. Федоров-Давыдов в своей работе, посвященной золотоордынским городам, упоминает о памятниках Северо-Восточного Прикаспия, отмечая исследование некрополя, керамической мастерской и жилой застройки города Сарайчика, работы на городище Актобе и других объектах, в том числе раскопки двух мавзолеев в среднем течении р. Бузулук и находку двух золотоордынских поселений у с. Тендык (Федоров-Давыдов, 1994, с. 37). Обзор городов, расположенных между реками Волгой и Уралом, сделан В.Л. Егоровым (Егоров, 1985, с. 124). Проблемы возникновения, архитектурно-строительные традиции, этнокультурные характеристики, ремесло и торговля золотоордынских городов Поволжья отражены в исследованиях В.Л. Зеленева, учебном пособии В.Г. Блохина и Л.В. Яворской (Блохин, Яворская, 2006). Э.Д. Зиливинская в своей монографии дает описание культовых и гражданских построек Золотой Орды и выделяет их категории по планиграфии соору-

жений (Зиливинская, 2011). В работах Л.Ф. Недашковского исследованы система градостроения и агломерационные процессы золотоордынских центров (Недашковский, 2011).

Изучение золотоордынских памятников региона проводится с 1950 г. по инициативе А.Х. Маргулана под руководством Е.И. Агеевой, Т.И. Сениговой, Г.И. Пацевича, Л.Л. Галкина, З.С. Самашева, Г.А. Кушаева, К.М. Байпакова и др. (Агеева, Сенигова, Пацевич, 1953; Галкин, 1974; Самашев, 1990; Кушаев, 1993; Байпаков и др., 2005). Результаты многолетних археологических исследований Северо-Восточного Прикаспия дали ценный источниковый материал, иллюстрирующий закономерности развития материальной культуры городов в бассейне р. Урал.

Важным аспектом в изучении данного вопроса является оценка их места и роли в исторической географии Золотой Орды. Имеющиеся разрозненные данные и фрагментарно опубликованные в небольших сообщениях сведения об их планиграфии, особенностях застройки, структуре усадеб и технике домостроения, безусловно, требуют обобщения и введения в научный оборот.

Сарайчик находится на правом берегу р. Урал в 50 км севернее от

современного г. Атырау на острове между основным руслом Урала и его протокой – р. Сорочинкой. Остатки поселения сильно повреждены в результате разрушения береговой линии рекой Урал. Сохранилась только треть его территории. В настоящее время площадь Сарайчика, не считая прилегающего района с некрополем, составляет около 36 га (Самашев, 2001, с. 58–59).

Первые описания развалин памятника составлены П.И. Рычковым, изучавшим регион во время работы над книгой «Топография Оренбургской губернии» (1755–1760 гг.). Он описывал поселение так: «... Там еще поныне в земле находят многие палатки, видно, что бывали они кладбища знатных людей; ибо во многих находят гробы и кости. Сказывают, что строение Гурьева городка кирпича много взято из сих развалин. Да и ныне Яицкие казаки около сего места на форпостах находящиеся, на дело печей и на другие потребности, кирпич из оных развалин и из тех палаток выбирают» (Рычков, 1762, с. 261).

Сведения о сохранившейся застройке поселения в XVIII в. оставил П.С. Паллас: «Вал со рвом еще виден, и в окружности имеет до пяти вёрст. Он начинается при угле, который тихо текущая из степи речка Сарайчик делает с Яиком, около полторы версты ниже нынешнего форпоста, потом продолжается вверх оной речки и напоследок, обойдя форпост кривизнами, оканчивается при Яике. Посреди сего места проведен сухой ров, может быть для отвода прибылой воды. Внутри вала находятся основания и своды каменного строения, и по ныне можно заключить, что в городе были знатные дома» (Паллас, 1773, с. 610–611).

В 1861 г. заведующий Уральским войсковым чертежным корпусом топографов штабс-капитан А.Е. Алексеев сделал следующее описание Сарайчика: «... Длина города 1 верста 100

сажень (1 280 м), а ширина 1 верста 50 сажень (1 175 м), все это пространство было обнесено земляным валом, который и теперь хорошо виден; вся окружность этого вала 3 версты 350 сажень (3 943 м). В западной части развалин поселение, есть цитадель, стены которой гораздо выше, описанного вала; фигуру цитадели имеет неправильную, длина ее 200 сажень, а ширина 100 сажень.... Вне развалин города 200 сажень от юго-западного угла вала, на берегу р. Сорочинки, было большое кладбище, современное этому поселению, со множеством склепов, которые кроме одного все, по словам Сарайчиковских жителей, обвалились в р. Сорочинку вместе с яром, во время весеннего разлива Урала». А.Е. Алексеев также отмечает, что в окружении Сарайчика на расстоянии от 20 до 50 км находятся следы нескольких поселений золотоордынского времени (Алексеев, 1867, с. 5–6).

Разрушения береговой линии описаны священником сарайчиковской церкви Лоскутовым (Артюзов, 1937, с. 126). Большую интенсивность утрат территории поселения из-за изменений русла р. Урал и его притоков к 1930-м гг. отмечал и Н.К. Артюзов: «В том месте, где речка Сорочинка впадает в Урал, берег реки на северо-восток, север и запад также непрерывно разрушает. Это разрушение берегов с двух сторон привело к тому, что так называемая «Жилая лука» разделяется перешейком в 211 м, тогда как 70 с лишним лет назад это расстояние составляло около 1230 м. Пройдут 3–5 лет и «Жилая лука» превратится в остров. Лука «Медведица» у основания прорвана новым руслом Урала, а старое, огибавшее луку, теперь сухое. Таким образом, за 70 лет утеряна площадь длиной около 1100 м и шириной около 300 м. В целом погибла площадь около 320 гектаров. На этом пространстве находилась нема-

Рис 2. Реконструкция исторической топографии Сарайчика.

Fig. 2. The reconstruction of the historical topography of Saraichik.

лая часть построек золотоордынского Сарайчика (рис. 2). Из года в год становится все труднее ориентироваться в топографии интересующего нас памятника» (Артюзов, 1937, с. 126–127).

Экспедиция, организованная А.Х. Маргуланом в 1950 г., зафиксировала только небольшой фрагмент сохранившегося поселения. Изменившееся русло р. Урал ускорило обрушение береговой линии и разрушение остатков памятника: «По словам местных жителей, только в последние годы передвижной русла реки вправо, т. е. к северу, снесена водой примерно третья часть современного поселка и значительная часть, если не большая территория древнего Сарайчика» (Пацевич, 1950, с. 4). По наблюдению Г.И. Пацевича, от западного края современного поселка и на расстоянии 1,5 км к западу вверх по течению реки фиксировался культурный слой мощностью до 3 и более метров (Пацевич, 1950, с. 5).

На протяжении нескольких лет, в период работ на поселении Актобе-Лаэти и по береговой линии Сарайчика, наблюдения вел Л.Л. Галкин. В 1981 г. он фиксировал, что «береговые

обнажения культурного слоя поселения были прослежены на протяжении 700 м. Мощность культурного слоя на всем этом протяжении неоднородна. Он достигает здесь 5 м... Ежегодно береговая линия вместе с культурным слоем разрушается и отступает к западу не менее, чем на 1,5–2 м» (Галкин, 1981, с. 35–36). В ходе охранных работ, начатых в 1990 г. З.С. Самашевым в Сарайчике, в размытые обрывистого берега на протяжении около 800 м были выявлены в разрезах культурного слоя многочисленные остатки жилых строений (Самашев, 1990, с. 34). В 1996–2000 гг. Западно-Казахстанской экспедицией под его руководством была вскрыта площадь поселения свыше 16000 кв. м.

В результате этих работ удалось изучить топографию поселения и выделить периоды его развития в разных частях памятника. По мнению З.С. Самашева, поселение имеет три этапа формирования.

Ранний период приходится на первое десятилетие XIV в. Остатки поселения этого времени сохранились вдоль реки на пространстве шириной около 300 м. Размеры поселения это-

Рис 3. Топография Сарайчика.
Fig. 3. The topography of Saraichik.

го периода были намного больше, но его часть разрушена р. Урал. В центре располагались здания, возведенные в основном из сырцового кирпича. К югу на окраинах выявлены остатки конструкций юрт и легких каркасных строений (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 58).

Остатки жилых построек из сырцового кирпича имели по две – четыре комнаты 4×5 м. В комнатах были суфы шириной от 1,5 до 2 м, обогреваемые дымоходными горизонтальными каналами (канами) с очагом, тандыром. Стены помещений были обмазаны слоем глиняной штукатурки и побелены, полы утрамбованы глиной. На полах зафиксированы остатки циновок из тростника. Над суфами в стенах были устроены сводчатые ниши. Кроме жилых помещений во дворах выявлены хозяйственные постройки. Они отгораживались от жилых помещений стенами, сделанными из деревянного каркаса и сырцового кирпича. Кирпичи укладывались в каркасную деревянную конструкцию в виде «елоч-

ки» (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 60).

Во второй период (с 1330-х гг. до конца XIV в.) поселение сохранялось только в центральной части. Так как на 1330-е гг. пришелся подъем уровня воды в р. Урал (Самашев, 2001, с. 62), окраины Сарайчика в низинах оказались подтоплены и пришли в запустение. Городские постройки этого времени концентрируются на возвышениях, площадь поселения уменьшается, застройка уплотняется. На острове между руслами р. Жайык возводятся кирпичные сооружения (рис. 3). На незатапливаемых участках увеличивается количество дворов. Зафиксированы изменения в планировке. На возвышенностях сохраняются основные направления улиц и деление на кварталы. Новая застройка в значительной степени повторяет предшествующее расположение дворов. Прежние здания разрушались и засыпались, а новые дома возводились в традиционной технике. Появляются новации в виде многоквартир-

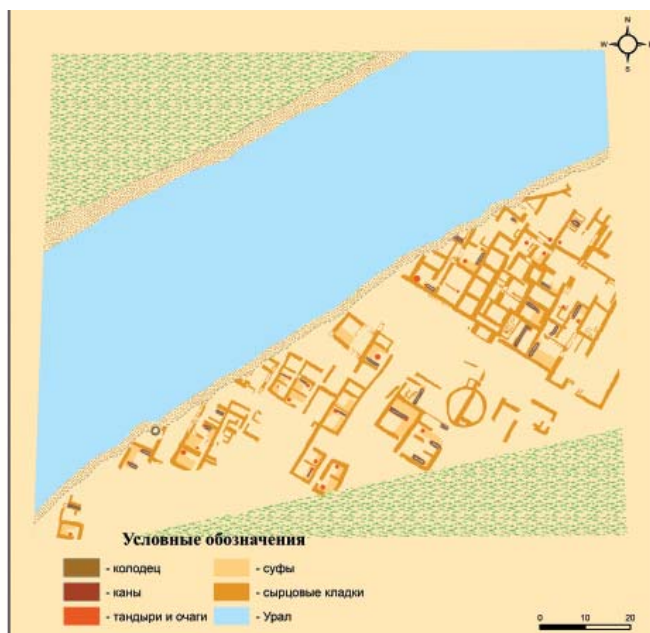

Рис 4. Планиграфия Сарайчика.

Fig. 4. The planigraphy of Saraichik.

ных линейно спланированных домов с хозяйственными сооружениями, расположенными под одной крышей с домом.

Как и в предшествующий период, значительную часть жилой площади помещений занимала П- или Г-образная суфа с топкой и каналами. Внутреннее пространство в некоторых случаях разделялось щитовыми или каркасными стенами. Стены и суфы штукатурились, белились, украшались кошмой и коврами. В ряде домов полы выкладывались красным жженым кирпичом с белоснежной алебастровой расшивкой. Рядом с топкой обычно фиксировалась ташна, представлявшая собой большой сосуд без дна, полностью врытый в землю, над которым в полу делалась выкладка из обожженных кирпичей с отверстиями (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 62).

На третьем этапе, в XV–XVI вв., центральная часть уменьшается и смещается к юго-востоку, ближе к ответвлению от р. Жайык протоки Со-

рочинка. Жилая застройка в городе становится очень плотной. Размеры многоквартирных домов составляют 20×12 м с жилыми помещениями 4×5 м. В них традиционно находятся суфы и ташна. Некоторые суфы имели топки, характерные для домостроительства бассейна р. Сырдарьи без топочного пода с закладочным отверстием сверху. В жилых помещениях пол был сложен из обожженного кирпича. В архитектуре и внутренних интерьерах сплетаются традиции Нижнего Поволжья, Хорезма и Сырдарьи (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 63–72).

Водоснабжение, вероятно, производилось за счет использования глубоких колодцев во дворах усадеб. Колодцы имели стены из кирпича, опиравшиеся на венцы из лиственницы, обеспечивающие прочность конструкций (рис. 4). Городские улицы от 4 до 8 м шириной и были вытянуты прямыми линиями. Следов арыков и водопроводов на улицах и других элементов благоустройства не обна-

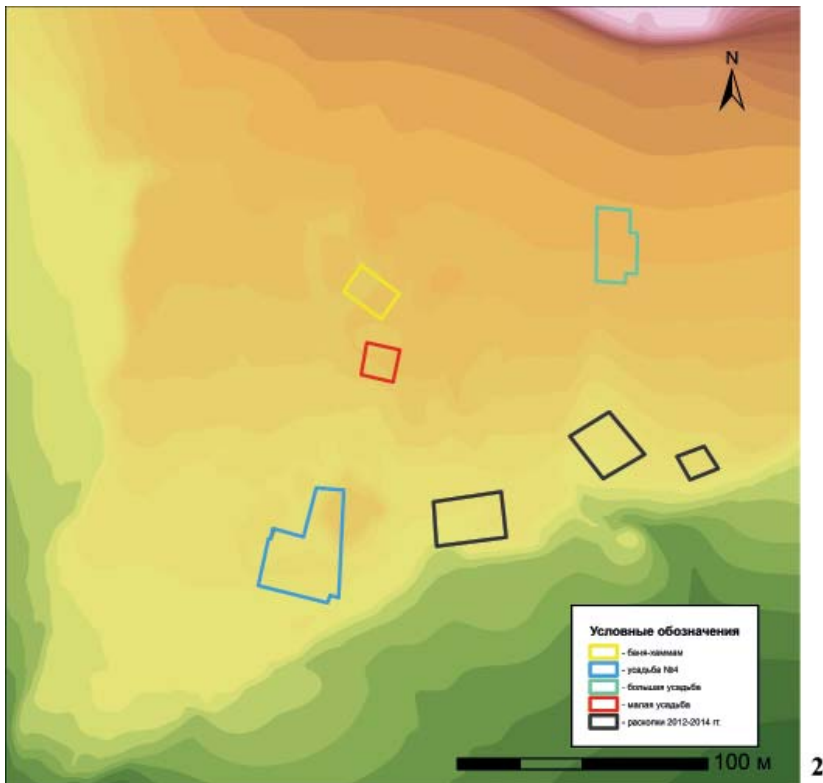
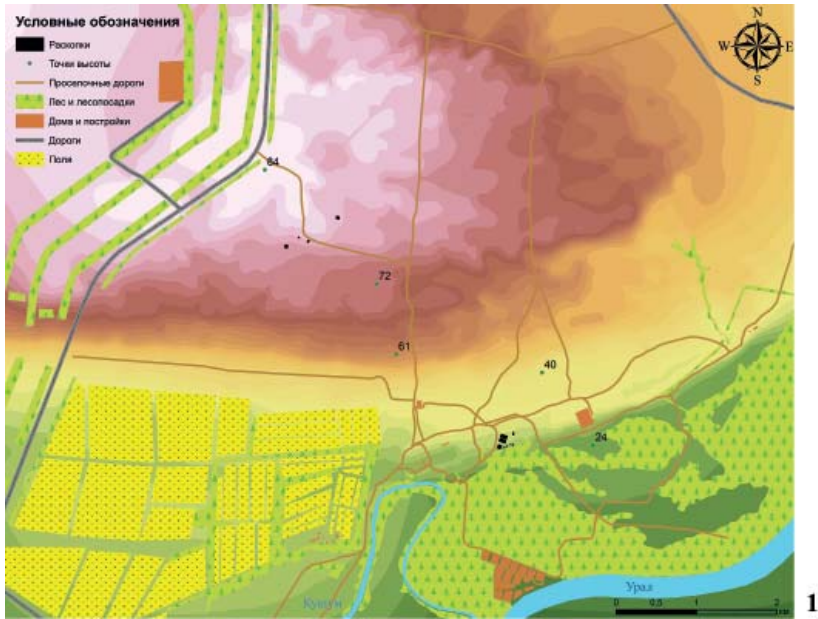

Рис 5. Топография городищ Жайык 1 (1) и Жайык 2 (2).
Fig. 5. The topography of the Zhaiyk 1 settlement.(1), the Zhaiyk 2 settlement.(2).

ружено, хотя среди находок имеются керамические дренажные трубы (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 62–63).

Жайык. Поселение Жайык расположено на морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста в 12 км от г. Уральска, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком р. Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины по течению р. Урал. По руслу реки последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы (рис. 5: 1, 2). С юга и юго-востока территорию поселения ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги. Площадь поселения составляет около 7 га на бугре высотой от 0,3 до 0,6 м. В 2 км к западу на вершине Свистун-горы располагается некрополь с остатками мазаров в виде задернованных всхолмлений высотой до 2–3 м с обломками жженого кирпича, поливных изразцов (Байпаков и др., 2005, с. 72).

Предположение о наличии нескольких средневековых поселений на территории г. Уральска впервые высказал Г.А. Кушаев (Кушаев, 1993, с. 122). Поселения располагались на холмисто-увалистой возвышенности слияния рек Чаган, Деркул, Урал, Барбастау. Притоки в пойме р. Урал в этом районе образуют долину шириной до 12 км, что повлияло на формирование поселенческой агломерации. По мнению Г.А. Кушаева, от с. Дарьинского на севере по течению р. Урал на юг до Меловых гор в устье реки Барбастау в IX–XVII вв. существовали шесть поселений: 1) поселение у с. Круглоозерное; 2) у г. Уральска, в 8 км на юг; 3) развалины сооружений в пойме р. Чаган; 4) курени Яицкого городка, на юге г. Уральска; 5) поселение «Сундук», у впадения р. Барбастау в р. Урал; 6) поселение Дарьинское в 1,5 км от поселка. Он считал,

что поселения образовывали здесь «городской оазис», что подтвердилось в ходе работ 1988–1990 гг. (Кушаев, 1993, с. 121–122).

Исследования, начатые под руководством К.М. Байпакова в районе поселка Круглоозерное в 2001 г., выявили постройки из кирпича, что подтвердило предположения Г.А. Кушаева о наличии поселения в 2,5 км от пос. Круглоозерное, в 10 км на северо-восток от южной окраины г. Уральска (Курени) у южной подошвы склона Свистун-горы. Следы валов и рвов обнаружены не были (Байпаков, 2001, с. 138–139). На поселении были раскопаны объекты культового и гражданского зодчества, производственные сооружения: «малая усадьба», «большая усадьба», «усадьба раскопа 4», «восточная баня-хаммам», «кирпичеобжигательная печь», «малый и большой мавзолей» (Байпаков, 2001, с. 139). В 2012–2014 гг. М.Д. Калменов продолжал изучение «восточной бани», также были раскопаны новые объекты: кирпичеобжигательная печь, печь по выжиганию извести и круглое погребальное сооружение (Калменов, 2013; 2015). В общей сложности на поселении было раскопано более 6000 кв. м.

В ходе исследований были выявлены жилые постройки, размеры помещений которых варьировались от 2,0×4,5 м до 9,47×4,75 м. Постройки были сложены из сырцового кирпича со стенами толщиной около 70 см. Их поверхность была покрыта глиняной штукатуркой внутри и снаружи. Внутренние перегородки выложены также из сырцового кирпича. Полы покрыты глиняной обмазкой. В помещениях фиксировались остатки традиционных П- и Г-образных суф из сырцового кирпича в жилых комнатах с двухканальными каналами и боковой топочной камерой.

Типологически выделяются два типа усадеб. Одна из них представ-

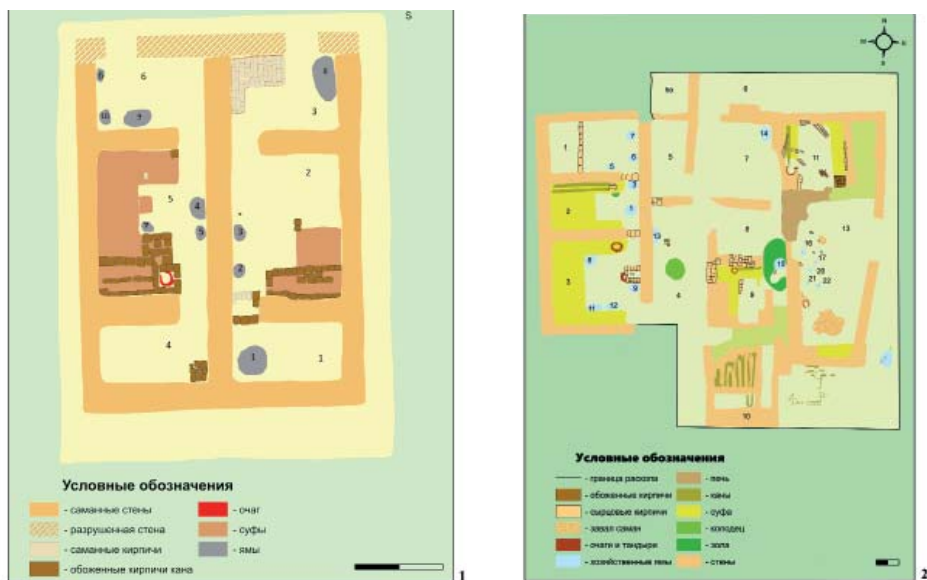

Рис. 6. План малой усадьбы (1), и усадьбы № 4 (2).

Fig. 6. The plan of the small estate (1), the estate № 4 (2).

лена планировкой «малой усадьбы» в виде отдельно расположенного строения из двух симметричных по планировке жилых секций, разделенных стеной (рис. 6: 1). Отдельные входы в жилища были со двора с северной стороны. В жилищах данного типа при входе был «тамбур», имевший хозяйственное назначение (помещения № 3 и 6). В жилых помещениях располагалась суфа с канами. Замыкали анфиладу жилых помещений небольшие комнаты-кладовые. Ташнау в «малых усадьбах» расположены в отдельных хозяйственных помещениях и сложены из жженого кирпича в виде четырёхугольника (Байпаков и др., 2005, с. 72–83, 84–85).

Иную планировку имеет тип «большие усадьбы» (рис. 6: 2). К их числу относятся усадьбы № 3, 4 раскопа IV 2002 г. (Байпаков, 2005, с. 84). Особенностью этого типа планировки является симметричное относительно основной оси расположение двух аналогичных по внутренней планировке жилых комплексов, объединенных в одну постройку с обширным айваном

и подсобно-хозяйственными отсеками (Байпаков и др., 2005, с. 83–84).

Жалпактал был обнаружен Д.В. Марыксиным в 2010 г. на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области в 5 км к северо-западу от с. Жанажол (быв. Мокринское) у зимовки Акташ (Марыксин, 2012). Поселение располагается у максимального сближения рек Малого и Большого Узеней, где их протоки впадают в озера Камыш-Самар, Кошкар, Канбак, Айдын и Сор-Айдын, а также весной заполняют множество высохших водоемов. Площадь памятника составляет 68 га. Поселенческая часть памятника занимает несколько крупных холмов высотой до 2 м в центральной части и диаметром до 50 м. Поселенческий культурный слой фиксируется и на расположенных рядом десятках более мелких всхолмлений (рис. 7). Некрополи Жалпактала находятся вблизи поселений: Мокринский I, III, Кошкар, Жалпактал I.

В ходе раскопок поселения Жалпактал в 2010–2014 гг. на площади

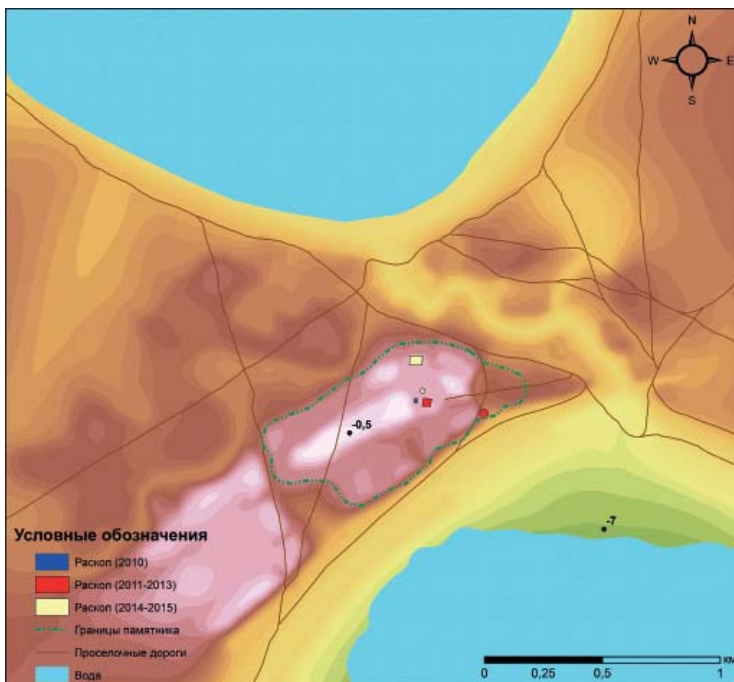

Рис 7. Топография Жалпакгала.
Fig. 7. The topography of Jalpaktal.

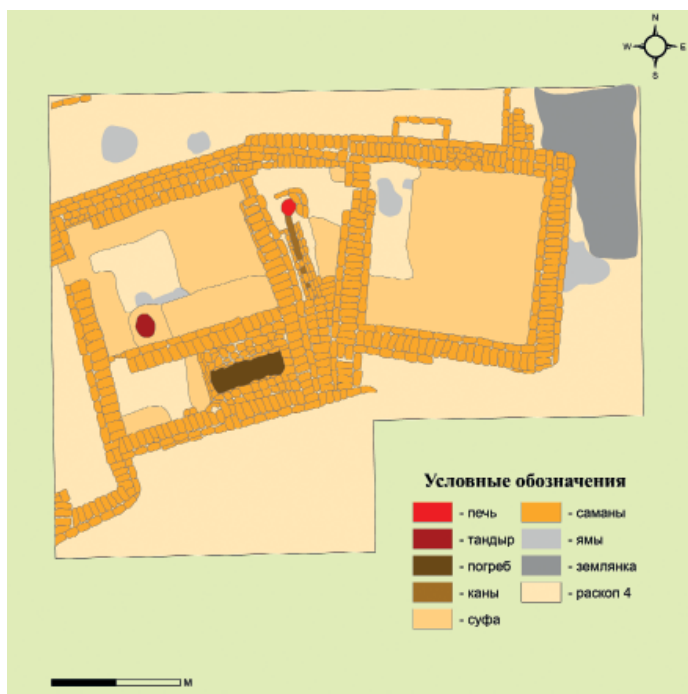

Рис 8. План раскопа 4. Жалпактал.
Fig. 8. The excavation plan 4. Jalpaktal.

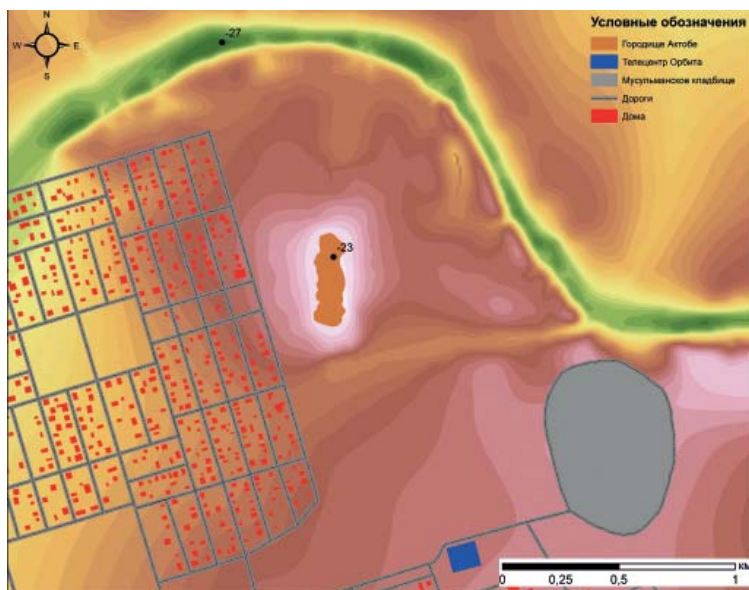

Рис. 9. Топография Актобе-Лаэти.
Fig. 9. The topography of Aktobe-Laeti.

около 500 кв. м было обнаружено около десятка построек, формирующих усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками (Марыксин, 2012; Марыксин, 2013; Сдыков, 2014, с. 104–109; Марыксин, 2015). Жилые помещения построены из сырцового кирпича с П- и Г-образными суфами. Суфы имеют размеры в зависимости от площади помещения. Преобладают П-образные суфы. По внутреннему периметру помещения суфа данного типа в преобладающих случаях примыкает ко всем стенам. Комнаты отапливались также с помощью овальных печей тандыров и очагов. В изученных постройках в отличие от Сарайчика и Жайыка не были обнаружены ташнау. При строительстве зданий использовались большеформатные сырцовые кирпичи (Сдыков, 2014, с. 112). В ходе археологических исследований изучена также мечеть с минаретом и нефами (рис. 8).

Актобе-Лаэти расположен на окраине г. Атырау в урочище Актобе к востоку от поселка Томарлы (бывший центр совхоза «Тендык») на старой

дельтовой протоке, на одном из рукавов р. Урал. Впервые поселение обнаружено в начале 1960-х гг. местным краеведом В.А. Афанасьевым и геологом-нефтяником С. Карымсаковым (Сдыков, 2014, с. 165). Дальнейшие исследования памятника продолжились в работах Л.Л. Галкина, который вел масштабные археологические раскопки и отождествлял памятник как Лаэти. После него исследования продолжил В.А. Афанасьев в течение трех полевых сезонов.

Поселение не повреждено поздними перекопами, так как находилось под водами Каспия (рис. 9) (Сдыков, 2014, с. 165–182). Время существования памятника относится к XIII–XIV вв. Памятник представляет собой остатки торгово-ремесленного поселения и имеет уникальную сохранность культурного слоя. Связанный с ним некрополь пока не найден. Рядом выявлены только более поздние захоронения, не связанные со временем существования памятника.

Поселение вытянулось в меридиональном направлении в 200–250 м

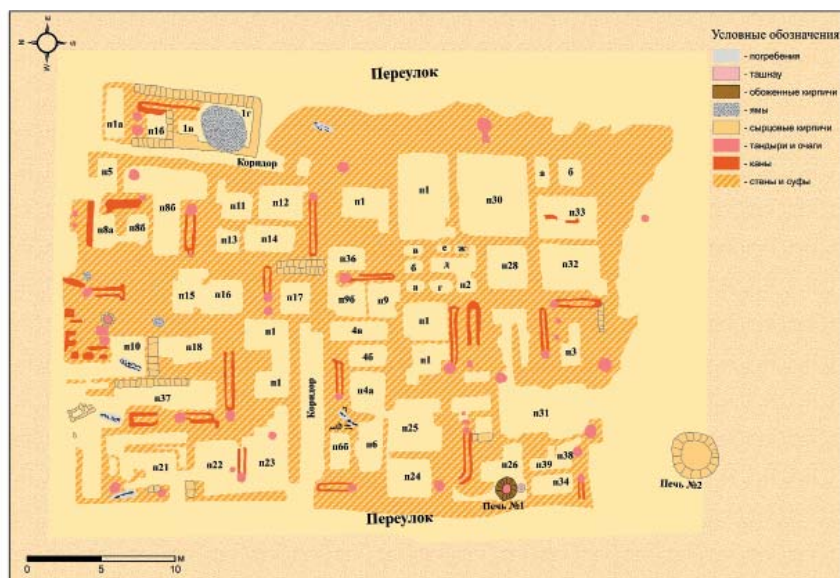

Рис 10. План квартала А. Актобе-Лаэти.
Fig. 10. The plan of the quarter A. Aktobe-Laeti.

на возвышенности высотой 1–1,5 м. Ширина освоенной территории около 80 м. В планировке поселения выделяется главная улица длиной около 200 м и шириной от 1,8 м до 2,5 м. Вдоль нее расположены не менее 42 усадеб размерами 8–10×15–20 м. После гибели поселения на его месте возникает мусульманское кладбище (Галкин, 1974, с. 4). Начиная с 1974 по 1983 г. исследовано около 3000 кв. м.

Первые раскопки были начаты в 1974 г. с изучения усадьбы, расположенной в южной части поселения. Раскопанные усадебные дома памятника в отличие от других памятников региона объединяли множество помещений в одно сооружение. В нескольких ямах зафиксированы обожжённые фрагменты плотной камышовой кровли. Судя по этим находкам, крыши домов были сложены из камыша, уложенного на балки диаметром 8–10 см, и обмазаны сверху глиной (Галкин, 1974, с. 4; 1983).

Из всех изученных объектов выделяется усадьба, выявленная в 1979 г. Она была самой крупной среди всех

изученных в ходе раскопок (рис. 10). В усадьбе насчитывалась 38 помещений, соединённых коридорами и сквозными проходами. В большинстве комнат обнаружены суфы, отопительные очаги, каналы. Суфы были традиционные П- и Г-образные, но встречались и длинные каналы с несколькими каналами, сложенные вдоль одной стены. Размеры суф зависели от площади помещений. В комнатах имелись хозяйственные ямы и ташнау. В некоторых случаях эти сооружения находились в отдельных помещениях и могли располагаться в хозяйственных комнатах. Полы помещений были вымощены плотной глиной коричнево-серого цвета (Галкин, 1979).

Жилые постройки Актобе-Лаэти формируют отдельные усадебные кварталы, которые связаны со спецификой ремесленной деятельности. Застройка города сложилась под влиянием традиций пришлого степного центральноазиатского и местного домонгольского населения, а также оседлых городских групп переселен-

цев Средней Азии. Доминирующими в градостроительной культуре являлись традиции мусульманских истоков, распространение которых, вероятно, шло из Средней Азии и Волжской Булгарии. Возникновение поселения в этой степной зоне оказало сильное влияние на развитие экономических связей ремесленного, земледельческого и кочевого населения региона (Сдыков, 2014, с. 165–182).

Известные по результатам археологических исследований золотоордынские памятники Северо-Восточного Прикаспия расположены в районах с многочисленными реками и озерами. Данный регион находится в Каспийской неизменности, где климат является резко континентальным. В северных частях региона снег выпадает больше, чем в южной части, где находятся Сарайчик и Актобе-Лаэти. Особенностью региона является то, что он расположен на территории, где существовала караванная торговля и благоприятные условия для кочевого и оседлого хозяйства. Поселения возникают в долинах на небольших всхолмлениях, не подтапливаемых в период половодий. Планиграфия их застройки привязана к рельефу, селитебная часть локализуется на возвышенностях.

Домостроительная культура имеет прямые аналогии с городами Поволжья, Хорезма и Средней Азии. Она

в основном представлена многокомнатными усадьбами, объединёнными в квартальную застройку с ремесленными мастерскими, торговыми рядами, зданиями мечетей и бань. Городская застройка формировала комфортную среду обитания для жителей поселений. К числу особенностей, сближающих поселения региона с поволжскими городами эпохи Улуса Джучи, бесспорно относится и отсутствие следов фортификационных сооружений на данных памятниках, за исключением, возможно, Сарайчика.

Жилые постройки на всех поселениях формировали различные по размеру усадьбы, которые имели несколько комнат, суфы с канами, очаги и ташнау. Кроме жилых комнат в них были хозяйственные помещения, схожие с домами золотоордынских городов Поволжья. Планировка жилых усадеб Нижнего Поволжья и Северо-Восточного Прикаспия имеют схожие традиции (Байпаков и др., 2005, с. 84). В деталях домостроительства между поселениями Северо-Восточного Прикаспия прослеживаются некоторые различия. Вероятно, их истоки связаны с топографией местности и особенностями генезиса традиций городского населения. В целом во всех этих поселениях сложилась градостроительная структура, имеющая прямые аналогии в общегородской культуре Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Сенигова Т.Н., Пацевич Г.И. Отчет об археологических работах в Сарайчике за 1950–1952 гг. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1953.
2. Алексеев А.Е. О развалинах татарского города Сарай-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 30. С. 2–7.
3. Артюзов Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1937.
4. Байпаков К.М. Отчет Уральской археологической экспедиции в 2001 году. Археологические работы в Западно-Казахстанской области. Уральск / Архив Западно-Казахстанского центра истории и археологии, 2001.
5. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.

6. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология Золотордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 225 с.
7. Галкин Л.Л. Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской области в 1974 г. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1974.
8. Галкин Л.Л. Отчет об археологических работах Волго-Уральского археологической экспедиции АН СССР в 1979 г. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1979.
9. Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской археологической экспедиции за 1983 год. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1983.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
11. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. 252 с.
12. Калменов М.Д. Отчет о научно-исследовательской работе: Археологические исследования объектов историко-культурного наследия по теме «Городище Жайык» 2014 года. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015.
13. Калменов М.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового городища Жайык 2012 г. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013.
14. Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 175 с.
15. Марыкшин Д.В. Отчет о раскопках курганного комплекса Лебедевка VIII, Мокринский I, Караозен и городища Жалпактал в 2011 году. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2012.
16. Марыкшин Д.В. Отчет о раскопках городища Жалпактал, поселения Бауржан-Аяк и курганных комплексов Кошкар и Карозен в 2012 г. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013.
17. Марыкшин Д.В. Отчет о раскопках курганных комплексов Райым I, Алебастрово I, Сегизсай (Лебедевка) VIII и городища Жалпактал в 2014 г. Алматы / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015.
18. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город и его округа: на материалах Нижнего Поволжья. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Ижевск, 2011. 43 с.
19. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. Ч. I. 117 с.
20. Пацевич Г.И. Раскопки развалин древнего города Сарайчика / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, 1950.
21. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб: Императорская Академия Наук. Ч.1, 1762. 331 с.
22. Самашев З.С. Работы на городище Сарайчик в 1990 году / Атырауский областной историко-краеведческий музей, 1990.
23. Средневековые города бассейна реки Урал / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск: Полиграфсервис, 2014. 187 с.
24. Тасмагамбетов И., Самашев З.С. Сарайчик. Алматы: Берел, 2001. 320 с.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Информация об авторе:

Сагидуллаев Дарын Зайнуллаевич, преподаватель кафедры Истории Республики Казахстана. Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан); daryn_sagidullin@mail.ru

GOLDEN HORDE SETTLEMENTS OF THE NORTH-EASTERN CASPIAN REGION: GEOGRAPHY, TOPOGRAPHY, HOUSING CONSTRUCTION

D.Z. Sagidullaev

The article considers the features of the formation of the settlement structure of the Golden Horde period in the area of the Ural River basin in the north-east of the Caspian Sea. The archaeological sites located on the banks of the Ural River of this era include the settlements: Saraychik, Zhaiyk, Zhalpaktal and Aktobe-Laeti. Based on the materials of archaeological research, the geographical characteristics of the region, the historical topography of their location and the peculiarity of the planography of urban development are analyzed. The

materials of the addition of the urban settlements of the Golden Horde on the Ural River are presented, as well as the historical topography of the settlements and the features of housing construction are reconstructed.

Keywords: archaeology, ancient settlements, Golden Horde, Jochi Ulus, river, Ural, topography, structure, layout.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Senigova, T. N., Patsevich, G. I. 1953. *Otchet ob arheologicheskikh rabotakh v Saraychike za 1950–1952 gg.* (Report on archaeological work in Saraychik for 1950–1952) Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
2. Alekseev, A. E. 1867. In *Ural'skie voyskovye vedomosti (Ural military news)* 30, 2–7 (in Russian).
3. Artyuzov, N. 1937. *Otchet o raskopkakh, proizvedennykh v 1937 g. na meste razvalin zolotoordynskogo goroda Saraychika* (Excavation reports of Saraychik in 1937). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
4. Baypakov, K. M. 2001. *Otchet Ural'skoy arheologicheskoy ekspeditsii v 2001 godu. Arkheologicheskie raboty v Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti* (Report of the Ural Archaeological expedition in 2001. Archaeological work in the West Kazakhstan region). Ural'sk. Archive of the West Kazakhstan Center of Archeology and History (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk* (Medieval Fortified Site of Zhayyk). Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
6. Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya Zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya* (Archaeology of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region). Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
7. Galkin, L. L. 1974. *Otchet o polevykh issledovaniyakh v Gur'evskoy oblasti v 1974 g.* (Report on field research in the Guryev region in 1974). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
8. Galkin, L. L. 1979. *Otchet ob arheologicheskikh rabotakh Volgo-Uralskoy arheologicheskoy ekspeditsii AN SSSR v 1979 g.* (Report on the archaeological work of the Volga-Ural Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences in 1979). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
9. Galkin, L. L. 1983. *Otchet o rabotakh Volgo-Ural'skoy arheologicheskoy ekspeditsii za 1983 god* (Report on the work of the Volga-Ural Archaeological expedition in 1983). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
10. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Zilivinskaya, E. D. 2011. *Ocherki kul'ovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy* (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture). Astrakhan: Astrakhan University Publishing House (in Russian).
12. Kalmenov, M. D. 2015. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote: Arkheologicheskie issledovaniya ob'ektov istoriko-kul'turnoe naslediya po teme «Gorodishche Zhayyk» 2014 goda* (Research report: Archaeological research of historical and cultural heritage sites on the theme “Zhayyk Settlement” in 2014). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
13. Kalmenov, M. D. 2013. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovogo gorodishcha Zhayyk 2012 g.* (Report on the archaeological research of the medieval settlement of Zhayyk 2012). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
14. Kushaev, G. A. 1993. *Etyudy drevney istorii stepnogo Priural'ya* (Etudes of the ancient history of the Steppe Urals). Uralsk: “Dialog” Publ. (in Russian).
15. Maryksin, D. V. 2012. *Otchet o raskopkakh kurgannogo kompleksa Lebedevka VIII, Mokrinskiy I, Karaozen i gorodishcha Zhalpaktal v 2011 godu* (Report on the excavations of the mound complex Lebedevka VIII, Mokrinsky I, Karaozen and the settlement of Zhalpaktal in 2011). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
16. Maryksin, D. V. 2013. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Zhalpaktal, posleniya Baurzhan-Ayak i kurgannykh kompleksov Koshkar i Karozen v 2012 g.* (Report on the excavations of the Zhalpaktal settlement, the Baurzhan-Ayak settlement and the Koshkar and Karozen burial mounds in 2012). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).
17. Maryksin, D. V. 2015. *Otchet o raskopkakh kurgannykh kompleksov Rayym I, Alebastrovo I, Segizsay (Lebedevka) VIII i gorodishcha Zhalpaktal v 2014 g.* (Report on the excavations of the burial

mounds of Raiym I, Alabastrovo I, Segizsay (Lebedevka) VIII and the settlement of Zhalpaktal in 2014). Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

18. Nedashkovskiy, L. F. 2011. *Zolotoordynskiy gorod i ego okruga: na materialakh Nizhnego Povolzh'ya (The Golden Horde city and its districts: based on the materials of the Lower Volga region)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).

19. Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

20. Patsevich, G. I. 1950. *Raskopki razvalin drevnego goroda Saraychika (Excavation of the ruins of the ancient city of Saraychik)*. Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

21. Rychkov, P. I. 1762. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Topography of the Orenburg Province)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

22. Samashev, Z. S. 1990. *Raboty na gorodishche Saraychik v 1990 godu (Works on the Saraychik settlement in 1990)*. Atyrau Regional Museum of Local History (in Russian).

23. In Sdykov, M. N. (ed.). 2014. *Srednevekovye goroda basseina reki Ural (Medieval Towns in the Ural River Basin)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).

24. Tasmagambetov, I., Samashev, Z. S. 2001. *Saraychik*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).

25. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Daryn Zainullaevich S. Mahambet Otemiusly West Kazakhstan University. Saraychik Str., 34, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan, ; daryn_sagidullin@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

ГЛАЗУРОВАННАЯ ЧАША С ПЕРСИДСКИМИ СТИХАМИ ИЗ АЗАКА

© 2022 г. Н.И. Юдин, А.Н. Масловский, М. Каземпур

Статья посвящена переводу надписей на большой поливной чаше азербайджанского производства, происходящей из раскопок Азака. Данная находка является уникальной для археологии Золотой Орды. Впервые, с момента обнаружения, выполнен полный перевод, сохранившейся части надписи. Стихотворный текст принадлежит ранее неизвестному поэту – Мохи Ал Дин Али Олнасеру. Это один из самых объемных по содержанию эпиграфических памятников, найденных при раскопках золотоордынских памятников. Возможно, от чаши с подобной же надписью происходит фрагмент с Самосдельского городища, на котором сохранилось имя мастера гончара – Махмуд ибн Юсуф. В работе также приводятся сведения о доле и хронологии ширванской керамике в комплексе находок из Азака и других городов Золотой Орды, дается ее технологическое описание, приводятся отдельные наиболее яркие образцы.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, керамика, Ширван, Иран, поливная керамика, средневековье, Азак.

В 2000 году в ходе раскопок в городе Азове, на участке по адресу: ул. Толстого, 41, в яме 5 были найдены несколько фрагментов большой орнаментированной поливной чаши (Белинский, Масловский, 2001, с. 44, рис. 6).

В ходе реставрации удалось полностью склеить большую часть сосуда и таким образом частично определить его морфологические параметры (Масловский, 2006, с. 430–431, рис. 49,8). Диаметр венчика 34,8 см, максимальный диаметр тулова 30 см, сохранившаяся высота сосуда 10,0 см (рис. 1: 1). Было установлено, что чаша изготовлена в одной из мастерских Ширвана – исторической области на территории закавказского региона современного Азербайджана.

Среди археологических находок с территории Золотой Орды керамика Ширвана впервые выделена И.В. Волковым, указавшим следующие характерные для данной группы признаки (Волков, 2000):

– емкостно-донная программа конструирования полого тела с полным вытягиванием сосуда из комка глины (РФК-7) (Бобринский, 1978);

– полость кольцевого поддона содержит следы вырезания косо поставленным резцом, в результате чего

вокруг центральной части поддона образуется желобок.

Характерна форма поддона, массивного, с сильным утолщением в верхней части. Достаточно часто встречаются клейма на внутренней стороне поддона. Отмечено, что указанная специфика изготовления поддонов фиксируется в Азербайджане этнографически (Волков, 2000, с. 45). Это подтверждают и опубликованные материалы раскопок средневековых азербайджанских, а также грузинских и армянских памятников. Наибольшее количество опубликованных на настоящий момент находок данной керамики происходит из раскопок в Орен-Кале (Якобсон, 1959, табл. IX, X, XII), Шабране (Достиев, 1989, с. 194–207), Шамкире (Достиев, 2017, с. 663–672), а также в Грузии и Армении (Мицишвили, 1992).

К числу специфических технологических признаков также относятся:

– использование глин с незначительной естественной примесью песка и слюды;

– тонкий слой глазури, который не скрывает шероховатостей черепка;

– орнаментация сочетает технику «сграффито» и полихромную роспись, а также технику «резерв»;

– широкое использование в роспи-

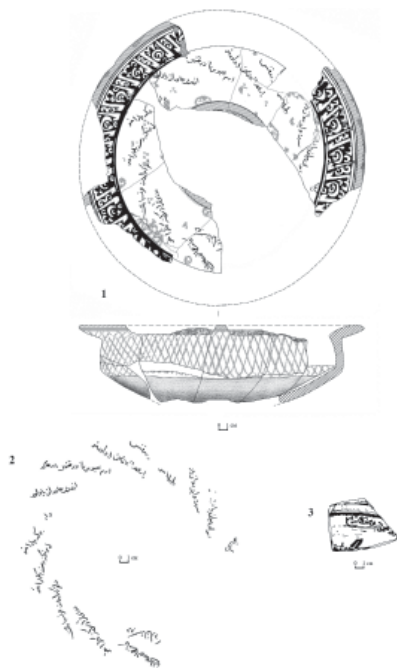

Рис. 1. Находки поливной керамики из раскопок Азака и Самосдельского городища: 1 – фрагменты поливной чаши ширванского производства со стихами из раскопок Азака (2000 год, г. Азов, ул. Толстого, 41, Яма 5); 2 – прорисовка надписей на ширванской чаше из раскопок Азака в 2000 году; 3 – фрагмент поливной чаши ширванского производства с надписью из раскопок Самосдельского городища.

Fig. 1. Finds of glazed ceramics from the excavations of Azak and the Samosdelka settlement: 1 – fragments of a Shirvan-made glazed bowl with verses from Azak excavations (2000, Azov, 41, Tolstogo str., Pit 5); 2 – drawing of inscriptions on the Shirvan bowl from Azak's excavations in 2000; 3 – a fragment of a glazed bowl of Shirvan production with an inscription from the excavations of the Samosdelka settlement.

си «марганца», в том числе на сосудах с зелёной глазурью.

Версия об азербайджанском происхождении этой группы керамики в городах Золотой Орды поддержана российскими исследователями А.Н. Масловским (Масловский, 2006, с. 430–431), с оговорками – В.Ю. Ковалем (Коваль, 2010, с. 130), С.Г. Бочаровым и А.Г. Ситдиковым (Бочаров, Ситдиков, 2018, с. 84–93).

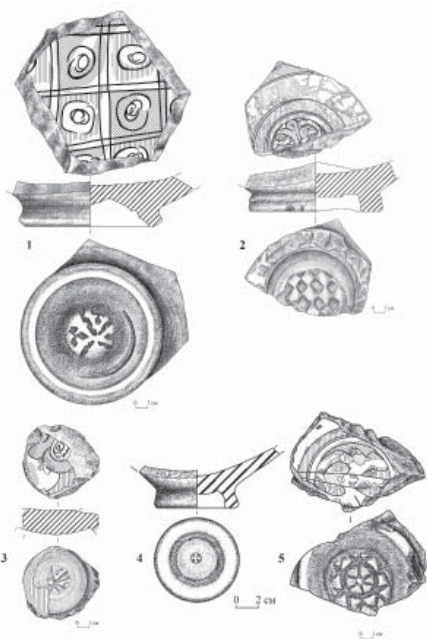
Фрагменты ширванских глазурованных сосудов встречены среди находок с Царевского (Юдин, 2011), Водянского (Лапшин, Мыськов, 2013, с. 187) и Селитренного городищ (Валиев и др., 2013, с. 235), Болгара (Ситдиков и др., 2015, с. 16–18; Ситдиков и др., 2016, с. 2016), Маджара (Волков, 2016, с. 202), Увека (Кубанкин, Масловский 2013, с. 130–155). Азак является самым западным центром Золотой Орды, где отмечена керамика Азербайджана.

Находка, рассматриваемая в работе, не единственная, сделанная при раскопках в Азаке. В числе наиболее примечательных фрагментов данной

группы керамики – донья с клеймами (рис. 2, 3) (Гудименко, 1993, с. 17, рис. 2,9; Масловский, 2001, с. 129, рис. 1, 6; Масловский, 2006, с. 431, рис. 49, 6–7), фрагменты крупной чаши с характерным тонким слоем глазури, росписью в технике сграффито и расцветкой пятнами (Дмитриенко, 2006, с. 19, илл. 264).

Отметим также крупные фрагменты чаш и блюд, внутреннее поле которых заполнено абстрактными либо растительными мотивами. Орнаментальные элементы на них представлены растительными побегами, фестонами и спиральями (рис. 4). Согласно наблюдениям С.А. Кравченко, общее количество находок азербайджанской керамики из раскопок Азака, известных на момент создания её статьи, составляло несколько десятков фрагментов (Кравченко, 2017, с. 550, рис. 11, 1–3).

Помимо азакской находки, с территории Золотой Орды происходит фрагмент ещё одной чаши с подобной надписью со сборов на Самосдельском городище, опубликованный И.В. Волковым (рис. 1: 3). Обе чаши декорированы в стиле, который в иранской литературе носит название «Фейруз» или «Фируз» (Firuze).

На фрагменте из Самосдельского городища сохранилась подпись гончара: «Сделал Махмуд сын Юсуфа чашечник» (Волков, 2000, с. 46, илл. 2, 1). К сожалению, из-за ошибки при макетировании в подрисовочной подписи в статье И.В. Волкова в качестве места находки обеих чаш указано городище Самосделка.

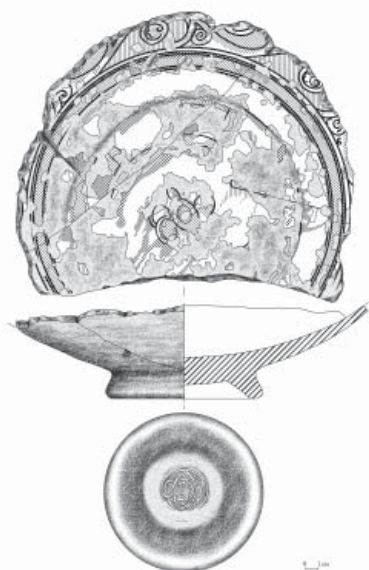

Рис. 2. Фрагменты доньев поливных чаш и блюд ширванского производства с клеймами из раскопок Азака: 1 – 1999 г., ул. Московская 38/40, Р-V, яма 1; 2 – 1991 года, профилакторий, яма 8; 3 – 2001 г., ул. Толстого, 41, кв. 7Ж, шт. 1; 4 – 1996 год, ул. Московская 38/40, Р-IV, яма 4; 5 – 1991 г., профилакторий, яма 8.

Fig. 2. Fragments of underpans of glazed bowls and dishes of Shirvan production with stamps from the Azak excavations: 1 – 1999, Moskovskaya street 38/40, dig V, pit 1; 2 – 1991, profilaktoriy, pit 8; 3 – 2001, Tolstogo Street, 41, sec. 7zh, layer 1, 4 – 1996, Moskovskaya Street 38/40, dig IV, pit 4; 5 – 1991, profilaktoriy, pit 8.

В мае 2020 года в рамках проекта о сотрудничестве между Азовским музеем-заповедником и Тебризским университетом исламского искусства (г. Тебриз, Иран), при непосредственном участии иранских коллег удалось перевести содержание сохранившейся части надписей на находке из Азова (Азака).

Орнамент на чаше из Азака разделен на три зоны. Внешняя содержит надпись, выполненную почерком, очень близким почерку «куфи», и состоящую из непрерывно повторяющегося имени «Аллах».

Средняя орнаментальная зона чаши включает надпись, являющуюся строками из поэмы. Полностью сохранились 12 строк стихотворного произведения, разбитых на группы по 2 строки в каждой. Еще одно двухстрочие сохранилось частично. Надписи расположены веерообразно и под острым углом «расходятся» от центрального медальона. Учитывая размер интервалов, с которым размещены двухстрочия на поверхности чаши, можно предполагать, что всего

Рис. 3. Фрагмент нижней части тулова поливного блюда ширванского производства с клеймом из раскопок Азака (1992 г., г. Азов, ул. Ленинградская, жилище 1).

Fig. 3. A fragment of the lower part of the body of a glazed dish of Shirvan production with a stamp from the excavations of Azak (1992, Azov, Leningradskaya str., dwelling 1).

строк должно было быть 16 или 18, а значит, до нас не дошла примерно одна четверть от стихотворного произведения, изначально нанесенного на сосуд.

Ниже приведен перевод надписей на фрагменте чаши из Самосдельского городища и стихотворения на чаше из Азака.

Самосдельское городище, фрагмент поливной чаши (рис. 1: 3).

محمود بن يوسف كاسه گر

Махмуд Ибн Юсуф гончар.

Азак, фрагменты чаши с надписями (рис. 1: 2).

....آنرا در میان باد

[...] находясь между

сизе и аб роуан бад

Зеленью трав и бегущей водой

بیلان و من... [در قفس

Вместе с соловьями я [...] в клетке.

از قضا آرد مکان یادآور من

Порой мне кажется, что здесь

آدم محبوب را در قفس....

[...] как узник в темнице.

...آن شب جاودان یادآور من

Эта бесконечная ночь на-

поминает мне [...]

دا (تم که یا) د کند یار آخر

Уверен, мой единствен-

ный друг не забудет меня

(د) ل بر نکند زمن یار آخر

И не уйдет вплоть до последнего дня

دانم که مرا به دست غم نسیاری

Я знаю, ты не причинишь мне грусть

روزی بمراد میکند کار آخر

И однажды все пройдет

так, как начертан путь

کاتب محی الدین علی الناصر

Сочинил Мохи Алдин Али Олнасер

Перевод сохранившихся бейтов, то есть пар рифмующихся между собой строк, и их предполагаемое общее число позволяют сделать интересные выводы относительно жанра всего стихотворения. Вероятнее всего,

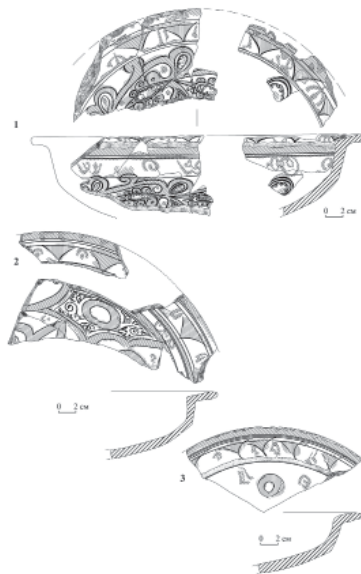

Рис. 4. Находки керамики ширванского производства из раскопок Азака: 1 – 2005 г., улица Толстого, 70, яма 5; 2 – 2001 г., улица Толстого, 41, квадрат 7Ж, пласт 1; 3 – 2001 г., улица Московская, 16, яма 13.

Fig. 4. Finds of Shirvan-made ceramics from Azak excavations: 1 – 2005, 70 Tolstoy Street, pit 5; 2 – 2001, 41 Tolstogo Street, sec. 7Ж, layer 1; 3 – 2001, 16 Moskovskaya Street, pit 13.

перед нами «газель». Средневековый автор Шамс-ад-Дин Мухаммад-ибн-Кайс Ар-Рази определяет этот жанр как «всякое стихотворение, которое ограничивается разными видами [воспевания] любви, таким как описание локона и родинки или повествование о встрече, разлуке, любовном томлении, с упоминанием о пахучих травах и цветах, ароматах и дождях, и описанием покинутых стоянок...» (Шамс-ад-Дин, 1997, с. 43).

В пользу того, что перед нами именно газель, говорит наличие авторской подписи, помещенной в последний бейт и являющейся частью рифмы как данного двустипия, так и всего стихотворения. Маркировка конца газели с помощью авторской подписи – важный отличительный признак жанра (Рейснер, 1985, с. 62).

В соответствии с классификацией многочисленных сюжетов газели, выделенных и исследованных Ахмадом Тамимдари, тексту на чаше из Азака соответствует *ашикана* – любовно-лирическая газель (Тамимдари, 2007, с. 184).

Факт сходства орнаментального стиля рассматриваемых фрагментов чаш позволяет осторожно предположить их серийное производство, а места обнаружения показывают географию поступления продукции этой серии.

К сожалению, персона поэта, сочинившего стихи, нанесенные на чашу из раскопок Азака, неизвестна в самом Азербайджане и Иране. Таким образом, данная находка является единственным известным нам образцом его творчества.

подавляющее большинство экземпляров азербайджанской (ширванской) керамики в Азаке датирует-

ся серединой XIV века (Кравченко, 2017, с. 550). В эти же хронологические рамки попадает и азакская чаша с надписями (Масловский, 2001, с. 11, илл. 254–255). Только в 2019 году в ходе раскопок на Петровском бульваре было обнаружено несколько образцов более ранней керамики. На других золотоордынских памятниках период поступления поливных сосудов из Ширвана продолжался дольше. Для Водянского городища это 1300–1360 гг., для Увека – 1310–1360 гг., однако здесь встречены фрагменты из слоев, датируемых 1270–1300 гг. (Бочаров, Ситдииков, 2018, с. 85).

Газель, нанесенная на поливную чашу, перевод которой представлен в данной работе, дает нам еще один неожиданный и прекрасный письменный источник времен существования Золотой Орды и является косвенным указателем на уровень культурного развития ее городского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2001. С. 179–251.
2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. *Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г.* Исторические связи Ширвана и Золотой Орды в XIII–XIV вв., на примере распространения поливной керамики // Археология Азербайджана. 2018. № 2. С. 84–93
4. *Волков И.В.* Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции, посвящённой 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной / Ред. О.Н. Иноваткина. М.: Пересвет, 2000. С. 45–50.
5. *Волков И.В.* Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.
6. *Гудименко И.В.* Итоги раскопок III Азовского археологического отряда и отряда «Дельта» в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11 / Ред. А.А. Горбенко, В.Е. Максименко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 1993. С. 12–19
7. *Достиев Т.М.* Поливная керамика средневекового города Забрана (XI–XIII вв.) // СА. 1989. № 3. С. 193–206.
8. *Достиев Т.М.* Поливная керамика средневекового города Шамкир // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань-Кишинев: Stratum Plus. 2017. С. 639–674.
9. *Дмитриенко М.В.* Отчет об археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. / Архив АМЗ КВФ 13430/1-2 АА 9945
10. *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

11. Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 130–154.

12. Кравченко С.А. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань-Кишинев: Stratum Plus. 2017. С. 539–559.

13. Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград: Перо, 2013. 216 с.

14. Мицишвили М. Н. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. III. Nessebre, 27–31 mai 1985 / Ред. В.Т. Гюзелев. София: Изд-во университета «Св. Клемент д'Охрид», 1992. С. 281–294.

15. Масловский А.Н. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого 41 в 2000 году. (Раскоп I) Азов, 2001 / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24892, 24894.

16. Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 1999–2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2001. С. 129–135.

17. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–473.

18. Рейснер М.Л. К проблеме сравнительного изучения иранской и арабской поэтики (характеристика категории «тахаллус») // Вестник Московского университета. Востоковедение. 1985. № 4. С. 54–64.

19. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск / Авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 16–18.

20. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 13–15.

21. Тамимдари Ахмад. История персидской литературы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 235 с.

22. Шамс ад-Дин Мухаммад-ибн-Кайс Ар-Рази. Свод правил персидской поэзии. Часть II. О науке рифмы и критике поэзии. М.: Наука, 1997. 469 с.

23. Юдин Н.И. Фрагмент красноглиняной поливной чаши из материалов Царевского городища // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тезисы докладов. Оренбург, 1–3 февраля 2011 г. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2011. С. 114–116.

24. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен 1959. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 228–302.

Информация об авторах:

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник. Азовский историко-археологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); niarchaeologist@gmail.com

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом обеспечения сохранности объектов культурного наследия. Азовский историко-археологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

Др. Мехди Каземпур, доцент факультета исламского искусства и ремесел. Тебризский университет исламского искусства (г. Тебриз, Иран); M.kazempur63@gmail.com

GLAZED BOWL WITH PERSIAN POTTERY FROM AZAK

N.I. Iudin, A.N. Maslovski, M. Kazempur

The article presents translation of the inscriptions on a big glazed bowl of Azerbaijani origin from the excavations of Azak. This find is unique for the archaeology of the Golden Horde. For the first time, since the moment of discovery, full translation, the preserved part of an inscription is published. The poetic text belongs to the previously unknown poet, Mokhi

Al Din Ali Olnasser. This is one of the most voluminous epigraphic monuments found during the excavations of the Golden Horde sites. A fragment from the Samosdelka settlement, which bears the name of the master potter, Mahmud ibn Yusuf, probably comes from a bowl with a similar inscription. The work also provides information about the share and chronology of Shirvan ceramics in the complex of finds from Azak and other cities of the Golden Horde, gives its technological description and cites some of the most striking images.

Keywords: archaeology, Golden Horde, ceramics, Shirvan, Iran, glazed pottery, Medieval Ages.

REFERENCES

1. Belinsky, I. V., Maslovsky, A. N. 2001. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1999–2000)* 17. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 179–251 (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Azerbaydzhana (Archaeology of Azerbaijan)* 2, 84–93 (in Russian).
4. Volkov, I. V. 2000. In Inovatkina, O. N. (ed.). *Srednyaya Aziya. Arkheologiya. Istoriya. Kul'tura (Central Asia. Archaeology. History. Culture)*. Moscow: "Peresvet" Publ., 45–50 (in Russian).
5. Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 139–221 (in Russian).
6. Gudimenko, I. V. 1993. In Gorbenko, A. A. Maksimenko, V. E. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 11. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 12–19 (in Russian).
7. Dostiev, T. M. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 193–206 (in Russian).
8. Dostiev, T. M. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th – 18th Centuries)*. Kazan–Chisinau: Stratum Plus, 639–674 (in Russian).
9. Dmitrienko, M. V. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Tolstogo, 70 in 2005 g. (Report on archaeological excavation in Azov, at 70 Tolstoy St. in 2005)*. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum КБФ 13430/1-2 AA 9945
10. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Kubankin, D. A., Maslovsky, A. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 20 (4), 130–154 (in Russian).
12. Kravchenko, S. A. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th – 18th Centuries)*. Kazan–Chisinau: Stratum Plus, 539–559 (in Russian).
13. Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P., 2013. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2011–2012 gg. (Research on the Vodyansk settlement in 2011–2012)* Volgograd: "Pero" Publ. (in Russian).
14. Mitsishvili, M. N. 1992. In Gyuzelev, V. T. (ed.). *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. III. Sofia: University "St. Clement d'Ochride" Publ., 281–294 (in Russian).
15. Maslovsky, A. N. 2001. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Tolstogo 41 v 2000 godu. (Raskop I) (The report on the rescue archaeological excavations in Azov at 41 Tolstoy Str. in 2000. (The excavation I))*. Azov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 24892, 24894 (in Russian).
16. Maslovsky, A. N. 2001. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 17. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 129–135 (in Russian).
17. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473 (in Russian).

18. Reysner, M. L. 1985. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIII. Vostokovedenie (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XIII. Oriental studies)* (4), 54–64 (in Russian).

19. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Kulikov, A.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” 16–18 (in Russian).

20. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V., Danilchenko, A. I. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ., 13–15 (in Russian).

21. Tamindari, Akhmad. 2007. *Istoriya persidskoy literatury (The history of Persian literature)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).

22. Shams ad-Din Mukhammad-ibn-Kays Ar-Razi. 1997. *Svod pravil persidskoy poezii. Chast' II. O nauke rifmy i kritike poezii (A set of rules in Persian poetry. Part II. About the science of rhyme and criticism of poetry)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

23. Iudin, N. I. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *XLIII Mezhdunarodnaya Uralo-Povolzhskaya Arkheologicheskaya Studencheskaya Konferentsiya (43rd International Ural-Volga Archaeological Student Conference)*. Orenburg: “OGPU” Publ., 114–116 (in Russian).

24. Yakobson, A. L. 1959. In Iessen, A. A. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoj (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 67. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 228–302 (in Russian).

About the Authors:

Iudin Nikita I. Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve. Moskovskaya st. 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; niarchaeologist@gmail.com

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Kazempur Mehdi. PhD, Associate Professor. Tabriz University of Islamic Arts, Azadi Blvd, Hakim Nizami Ganjavi Sq. Tabriz. Iran; M.kazempur63@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

**ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА ТЕРРИТОРИИ НИЗОВЬЕВ ВОЛГИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ГИДРОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ)**

© 2022 г. Е.М. Пигарёв

Автором на анализе материалов гидрологических и археологических исследований рассматриваются исторические процессы, происходившие в дельте реки Волга в средние века. Приводятся современные данные по гидрологии Каспийского моря, изменению уровня его вод, площади водного зеркала и суши. Дается подробный график изменения уровня Каспийского моря во временном интервале VII–XV вв., что позволяет выделить благоприятные периоды для хозяйственной деятельности человека. Обозначены три природных благоприятных периода соответствующих трем историческим эпохам – Хазарского каганата, области Саксин и Золотой Орды. Для каждой эпохи предлагается физико-географическая характеристика и список известных археологических объектов, соответствующих времени. Показана зависимость изменения освоенных человеком площадей волжской дельты от колебаний уровня Каспийского моря. Отмечаются катастрофические повышения уровня моря, происходившее в X в. и на протяжении всего XIII в., повлиявшие на дальнейшее развитие нижневолжских территорий. В золотоордынской эпохе выделяется природный благоприятный период, приходящийся на время правления ханов Узбека и Джанибека – пик экономического и культурного расцвета Улуса Джучи. На основе гидрологического прогноза обозначаются перспективы в поисках, обнаружении и изучении археологических объектов, в настоящее время, находящихся под водами Каспия.

Ключевые слова: археология, уровень Каспийского моря, трансгрессия, регрессия, дельта Волги, гидрология, Хазарский каганат, область Саксин, Золотая Орда, городища, поселения, могильники.

Низовья реки Волга относятся к южной части Нижнего Поволжья, расположенной в южной части Прикаспийской низменности. Низовья Волги состоят из двух природных зон – Волго-Ахтубинской поймы и дельты р. Волги, которые являются самостоятельной физико-географической провинцией с природными условиями, резко отличающимися от окружающей местности. Многочисленные реки и богатая растительность придают ландшафту дельты Волги большое своеобразие и превращают её в оазис на фоне сопредельных однообразных плоских солончаковых полупустынь и пустынь, практически лишенных водных объектов и растительности (Загрязняющие вещества..., 2017). К западу от Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги расположена Черноземельская провинция, характеризующаяся своео-

бразным рельефом бэровских бугров. К востоку от Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги расположена Прикаспийская провинция, где наряду с плоскими первично морскими и аллювиальными равнинами широкое распространение получили на крупных песчаных массивах эоловые формы рельефа (Разработка проекта..., 2011, с. 45–46).

Каспийское море, на северном побережье которого расположена рассматриваемая нами территория, является самым крупным в мире замкнутым водоемом, уровень которого на 27,5 м ниже уровня Мирового океана. Каспий существенно отличается от других морей и крупных озер одной уникальной особенностью: значительными вековыми и многолетними колебаниями его уровня, играющими огромную роль в жизни населения прибрежных стран.

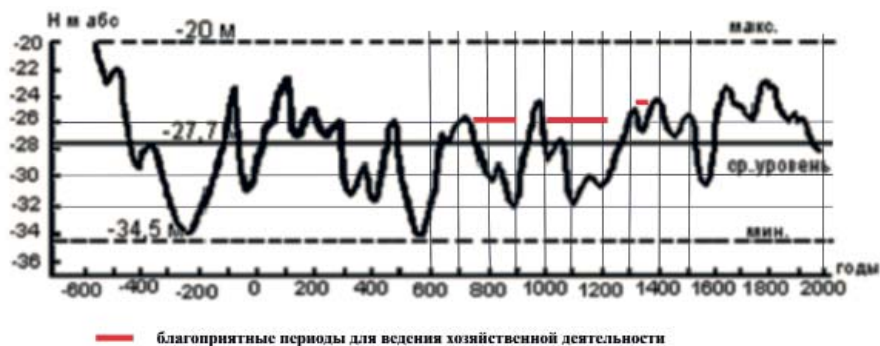

Рис. 1. График изменения уровня Каспийского моря за 2000 лет.

Fig. 1. Chart of changes in the level of the Caspian Sea over 2000 years.

Феномен разнопериодных колебаний уровня Каспийского моря (УКМ) включает как нагонные и стгонные перемещения водных масс, так и длящиеся в течение нескольких десятилетий трансгрессии и регрессии береговой черты. Все эти процессы динамики уровня моря ведут за собой существенные и нередко катастрофические последствия, затрагивающие прежде всего морские мелководья и сушу на низменных участках побережья (в первую очередь Северного Прикаспия). Социально-экономическое развитие человеческих цивилизаций в прибрежной зоне Каспийского моря всегда было связано с колебаниями уровня моря, являющимися самой существенной особенностью гидрологического режима Каспия и основным фактором, лимитирующим все виды хозяйственной деятельности Каспийского региона.

Аномальные колебания УКМ в первую очередь отражаются на гидрологии и морфометрии мелководного Северного Каспия. Наличие обширных мелководий, очень малые уклоны дна являются причиной того, что даже небольшое снижение уровня влечет за собой осушение обширных территорий. Понижение уровня моря приводило к коренному переформированию берегов и опустыниванию прибрежных территорий, обуслов-

ливалось снижение уровня грунтовых вод, сопровождалось значительными изменениями экосистемы Каспия. В период снижения уровня моря природопользование и хозяйственная деятельность человека были основаны на активном освоении освобождающихся от морских вод береговых территорий. Повышение уровня, в свою очередь, приводило к изменению природных, социально-экономических и медико-экологических условий прибрежных территорий в процессе их затопления и подтопления. Все это вызывало переселение значительных масс населения из зон затопления.

Трансгрессии и регрессии моря в дочетвертичный период определялись в основном тектоническими процессами и горообразовательными движениями, а в четвертичный период колебания уровня были обусловлены исключительно климатической изменчивостью (Водный баланс..., 2016, с. 76).

За историческое время (2000 лет) диапазон изменения среднего УКМ составил примерно 7 м (от -32 до -25 м БС) (рис. 1). Минимальный уровень в последние 2000 лет был во время дербентской регрессии (VI–VII в. н. э.), когда он снижался до -32 м БС. За время, прошедшее после дербентской регрессии, средний УКМ изменялся в еще более узком диапазоне от -30

до -25 м БС. В эти периоды площадь моря, по сравнению с современной, увеличивалась в несколько раз и в несколько раз сокращалась. Следует отметить, что уровень моря стоял в X в. на отметке -29 м БС, в начале XIV в. на отметке -25 м БС, а в настоящее время на отметке около -27 м БС (Водный баланс..., 2016, с. 79).

Во втором тысячелетии самый низкий уровень был в XI–XIII вв. По данным П.А. Православлева и М.Ф. Розена, тогда уровень моря был на 4–5 м ниже, чем в 1925 г., т. е. только в этом случае можно было добраться по суше до Караван Сарая, остатки которого сейчас затоплены водами Бакинской бухты. Постройка Караван-Сарая относится к 1234–1235 гг. На основании своих исследований Караван Сарая Н.В. Ханыков дает отметку уровня моря для XII века -29,18 м БС.

Наиболее низкое положение, на отметке -32 м БС, УКМ занимал в XI–XII вв., а самое высокое, -24 м БС, в начале XIX в. (1805 г.). Было установлено, что в отдельные периоды с X по XVI в. уровень опускался ниже современного на 12 м. Основная причина значительного понижения уровня Каспия между X и XIII вв., по мнению многих авторов, заключалась в прекращении стока Амударьи в Каспийское море, который существовал в течение 14 веков (с V в. до н. э. до X в. н. э.). С первой половины XIII века до середины XVI в. сток Амударьи в Каспий возобновился, и уровень моря заметно повысился: размах его колебаний составил за эти три неполных столетия около 6 м (Водный баланс..., 2016, с. 81).

В регрессивные эпохи на обширной обсохшей площади Северного Каспия и на смежных осушенных низменных территориях происходила полная смена ландшафтов, основных процессов рельефообразования и осадконакопления. Здесь вместо аквального ландшафта каспийского

мелководья возникали обширные низменные сухие полупустынные степи, прорезанные речными долинами. Падение уровня моря приводило к эрозионному врезу, удлинению основных речных долин и активному выдвиганию дельт. С понижением УКМ часть древних людей возвращались в прежние места обитания. Каждый раз с поднятием уровня Каспия они вынуждены были покидать благодатную территорию и переселяться в другие области, не занятые водой. Учитывая динамику УКМ, подобные волны расселения людей, ранее компактно проживающих на территории Северного Каспия, были неоднократными.

Сферой наших научных интересов является период Средневековья, когда на территории современной Астраханской области существовали государства с развитой системой расселения: Хазарский каганат (VIII–X вв.), Область Саксин (XII в.) и Золотая Орда (XIII–XV вв.).

Рассмотрим процессы, происходившие с Каспийским морем в указанный период (VIII–XV вв.) (рис. 1):
– VII в. – УКМ фиксируется на отм. -32 м БС, затем к началу VIII в. его уровень резко поднимается до -26 м БС. В первой половине VIII в. начинается падение уровня моря.

– IX в. – УКМ фиксируется на отм. -30 м БС, в середине столетия наблюдается резкое повышение уровня до -29 м БС с последующим его падением.

– X в. – УКМ фиксируется на отм. -32 м БС в начале века, с резким скачком вверх до -28 м БС в середине столетия и продолжающимся подъемом до -24 м БС во второй половине столетия, и таким же резким падением уровня до -29 м БС к началу следующего века.

– XI в. – УКМ фиксируется на отм. -26 м БС с резким падением до -29 м БС с плавным повышением до -27,5 м БС на протяжении большей части столетия.

– XII в. – УКМ фиксируется на отм. -32 м БС с плавным подъемом уровня в середине столетия до -30 м БС и с последующим плавным падением до -31 м БС к началу следующего века.

– XIII в. – УКМ фиксируется на отм. -31 м БС с плавным повышением до -25 м БС в течение всего периода.

– XIV в. – УКМ фиксируется на отм. -25 м БС с достаточно резким падением до -27 м БС к середине столетия и повышением к началу XV в. до -24 м БС.

Приведенный график изменений УКМ показывает тенденцию к повышению нижней границы уровня моря, общую для периода с VII в. по XV в., когда уровень не опускался ниже отм. -32 м БС, а пик повышения не преодолевал -24 м БС (рис. 1). Из этого же графика мы можем выделить периоды определенной природной благоприятности, позволяющей человеку вести стабильную хозяйственную деятельность.

Первый благоприятный период приходится на середину VIII – середину X вв., когда средний УКМ фиксируется на отм. -29 м БС. Второй благоприятный период длился с середины XI в. до середины XIII в., когда средний УКМ фиксируется на отм. -30 м БС. Третий благоприятный период, достаточно короткий, приходится на XIV в. с нижним значением уровня моря -27 м БС (величина, близкая к современному состоянию).

При изменениях УКМ менялась и конфигурация его водной поверхности и, что естественно, происходило изменение площади водного зеркала и территории суши (рис. 2–5)¹. На уровне -30 м БС у островов Чечень и Кулалы появляется сухопутная связь с береговой сушей. Такая же связь появляется у острова Тюлений на уровне -31 и -32 м БС (Абдурахманов, Теймуров, 2014, с. 13).

За расчетную основу мы принимаем современный УКМ -27 м БС,

при котором площадь водной поверхности составляет 104,6 тыс. км² (Каспийское море..., 1986, с. 13). Первый благоприятный период, выделенный нами, имеет УКМ -29 м БС, площадь водной поверхности составляет 71,9 тыс. км². Второй благоприятный период, зафиксированный на уровне -30 м БС, имеет площадь водной поверхности 61,8 тыс. км².

Таким образом, в первом благоприятном периоде, относящемся к середине VIII – середине X вв., т. е. ко времени существования Хазарского каганата, площадь суши Северного Прикаспия увеличивается на 32,7 тыс. км² от современных показателей (рис. 2, 3). Во втором благоприятном периоде, длившемся с середины XI в. до середины XIII в. и относящемся ко времени существования области Саксин, площадь суши увеличивается на 42,8 тыс. км² (рис. 4). В третьем благоприятном периоде, приходящемся на XIV в. и относящемся к золотоордынской эпохе, резких изменений суши не фиксируется, площадные показатели близки к современному состоянию (рис. 5).

Необходимо отметить, что колебания УКМ влияли не только на изменения осушенных или подтопленных площадей. Эти колебания неразрывно связаны с климатическими изменениями на территории Евразийского континента и, естественно, Прикаспийской низменности. При понижении уровня моря не только открывались новые огромные пространства плодородной земли, но и происходил процесс осушения Волго-Ахтубинской поймы и опустынивания северной части Прикаспийской низменности, а это в свою очередь приводило к невозможности ведения хозяйствования человеком на этих территориях. И, наоборот, при поднятии уровня вод Каспия часть ранее освоенных земель затапливались, но при этом происходил процесс увлажнения степных

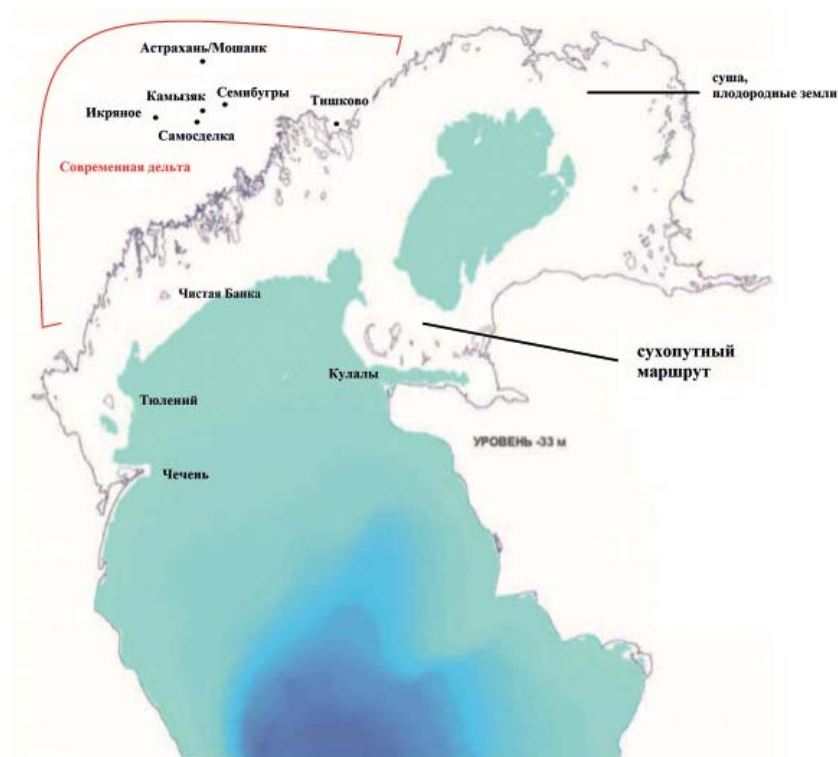

Рис. 2. Конфигурация водной поверхности моря на уровне -33 м БС и площадь суши в VI–VII вв.

Fig. 2. Configuration of the water surface of the sea at the level of -33 m BS and land area in the 6th–7th centuries.

пространств северной части Прикаспийской низменности и Волго-Ахтубинской поймы, что активизировало человеческую деятельность в этом регионе. Эти процессы достаточно четко иллюстрируются материалами археологических изысканий.

За последние десятилетия в ходе археологических исследований на территории низовьев Волги обнаружен целый ряд археологических объектов (города, поселения, могильники), относящихся к различным периодам эпохи Средневековья. Большая часть таких памятников изучена только поверхностно в ходе археологических разведок. Некоторые памятники, такие как городище Мошаик и Самосдельское городище, исследуются уже продолжительное время, а некоторые – поселение «Семибугры»,

были обнаружены недавно и изучение их находится на начальном этапе, на них в ходе археологических раскопок были зафиксированы следы каспийских трансгрессий (Пигарёв, 2017б, с. 283–290; Самосдельское городище..., 2011; Соловьев и др., 2021, с. 99–104).

Хазарский период

Большинство известных на сегодняшний день памятников хазарского времени на территории Астраханской области располагаются непосредственно в дельте Волги. Самым ранним захоронением хазарского времени в дельте Волги является единичное погребение на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор» в северо-восточной части дельты (Пантелеев, 2018, с. 484). К периоду VIII–IX вв. относится поясной набор из разрушенного погребения на бэровском бугре

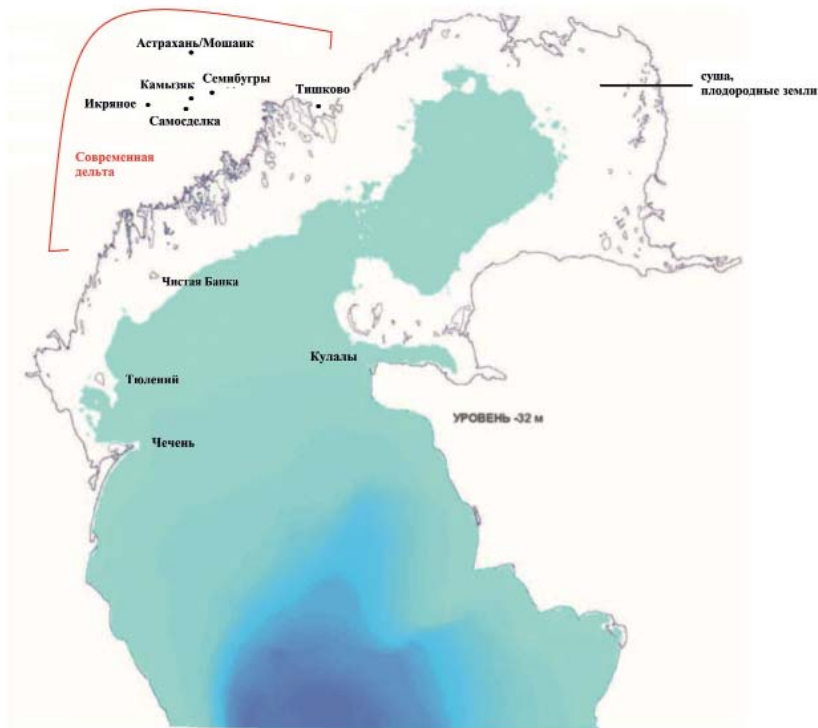

Рис. 3. Конфигурация водной поверхности моря на уровне -32 м БС и площадь суши во вт. пол. IX – нач. X вв.

Fig. 3. Configuration of the water surface of the sea at the level of -32 m BS and land area in the 9th – 10th centuries.

«Ялан-Тобе» недалеко от села Татарская Башмаковка южнее Астрахани (Васильев, 1991).

На грунтовом могильнике «Татарский» городища Мошаик за годы исследований было обнаружено 7 погребений, относящихся к IX–X вв. (Пантелеев, 2010, с. 92–106; 2018, с. 484–487; Васильев, 2021, с. 22–23).

В центральной части дельты Волги были выявлены захоронения хазарского времени на грунтовых могильниках «Бугор Щучий» и «Бугор Посольский» (Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 175–190; Пантелеев, 2018, с. 484).

В восточной части дельты Волги на грунтовом могильнике «Лбище» изучено 6 погребений хазарского времени (Васильев, 1993).

Материалы IX–XI вв. получены при исследовании могильников:

«Долгий», «Большой Таболинский», «Тюрлюме», «Хмелевинский-I», «Клязьтобе» и «Ковыльный» (Пантелеев, 2002, с. 7–8; 2018, с. 484–487; Кутуков, 2005, с. 25–30; Амбарнова, 2007, с. 12; Рябичкин, 2008, с. 8–11).

Таким образом, захоронения середины VIII–X вв. (хазарской эпохи) концентрируются в дельте Волги в грунтовых могильниках на бэровских буграх в северной, западной и северо-восточной её частях.

Нерешенной проблемой хазарской археологии является вопрос о локализации города Итиль. В XIX в. члены Петровского общества исследователей Астраханского края помещали Итиль на городище Хаджи-Тархан (Шареный бугор) (Панахалиева, 2007, с. 126–131). Л.Н. Гумилев, и вслед за ним М.И. Артамонов, считали, что

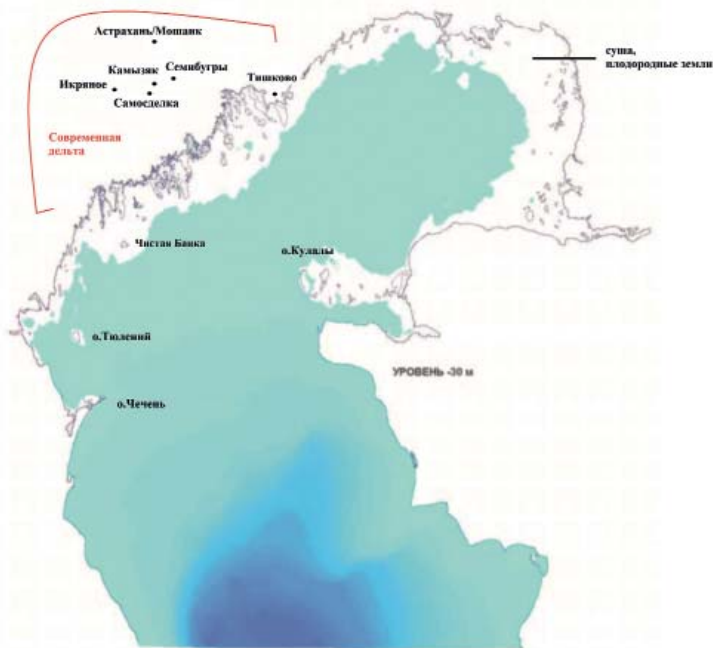

Рис. 4. Конфигурация водной поверхности моря на уровне -30 м БС и площадь суши в сер. XII – нач. XIII вв.

Fig. 4. Configuration of the water surface of the sea at the level of -30 m BS and the land area in the 12th–13th centuries.

Итиль находился на Селитренном городище или в его окрестностях (Артамонов, 2001, с. 519–542). Р.М. Магомедов указывал местонахождение Итиля на затонувшем острове Чистая банка (Магомедов, 1994, с. 146–147, 149). И.Г. Семёнов локализует его в дельте или в придельтовой зоне Волги (Семенов, 2002, с. 179–190). На рубеже тысячелетий была высказана гипотеза о том, что остатками Итиля является Самосдельское городище, расположенное в дельте Волги (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226). В последние годы на роль хазарской столицы было выдвинуто обнаруженное поселение «Семьбугры» (Соловьев и др., 2021, с. 99–104).

Анализируя месторасположение памятников хазарской эпохи, мы видим, что все они находятся в северной части современной дельты. Центральная и южная части дельты в настоящее время малодоступны для

исследователей. Однако, учитывая данные современной гидрологии, показывающие для VIII–X вв. огромные плодородные и благоприятные пространства, мы можем предполагать выявление в перспективе достаточно большого количества археологических объектов, находящихся в данное время в погребенном состоянии или укрытых водами Каспия. Исходя из вышеизложенного, мы можем говорить о том, что в настоящий момент нам известны только памятники, составляющие северную часть Хазарии.

Область Саксин

С X по XI вв. происходит достаточно резкое (катастрофичное) поднятие УКМ на 8 м, некогда комфортная территория покрывается морскими водами, население Хазарского каганата вытесняется в другие регионы. В XI в. уровень моря начинает вновь понижаться и в XII в. наступает очередная благоприятная для ведения

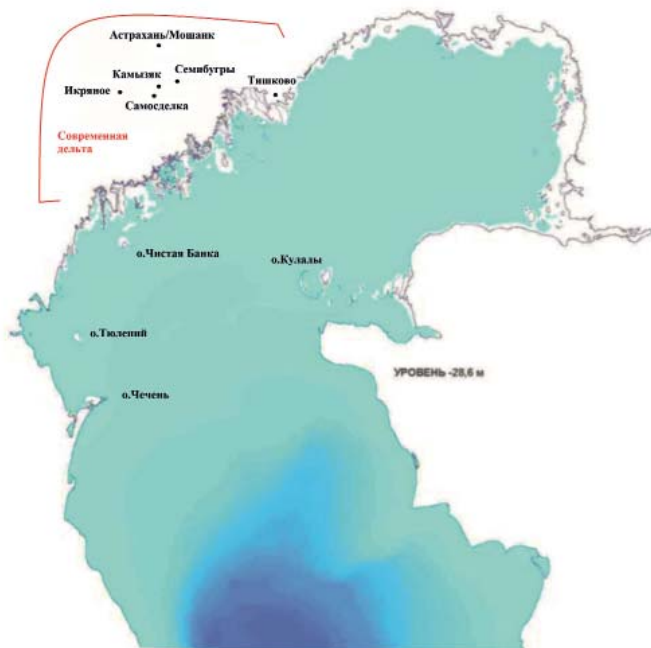

Рис. 5. Конфигурация водной поверхности моря на уровне -28,6 м БС и площадь суши в настоящее время.

Fig. 5. The configuration of the water surface of the sea at the level of -28.6 m BS and the land area at the present time.

хозяйства период. В этот период в Северном Прикаспии в дельте Волги формируется область Саксин, включающая в себя 3 крупных города и несколько десятков поселений с развитым земледельческим и скотоводческим хозяйством, ремеслами и торговлей.

Самосдельское городище расположено на правом берегу р. Старая Волга (Бирюль) в 1 км к западу от с. Самосделка, занимает площадь около 2 км². Культурный слой памятника содержит остатки материальной культуры хазарского (IX–X вв.), предмонгольского (XI–XII вв.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.) времени, соотносится исследователями с городом Саксин (Васильев, Гречкина, 2021б, с. 257).

Городище Мошаик расположено на восточной окраине г. Астрахани, занимает площадь 250 га. Культурный слой памятника содержит остатки ма-

териальной культуры предмонгольского (XI–XII вв.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.) времени, соотносится исследователями с городом Суммеркент (Васильев, Гречкина, 2021б, с. 184).

Городище «Бекетовское» расположено в 4 км к юго-востоку от с. Бекетовка, на левобережье р. Бахтемир. Проведены только археологические разведки, заложен 1 шурф, показавший наличие культурного слоя мощностью до 70 см. Площадь распространения археологического материала – 18 га. Время: X–XII вв. и эпоха Золотой Орды (Валиев и др., 2009, с. 339–345).

Поселения: «Большой Черный», «Красный», «Черемуха-I», «Хуторская Шишка», «Черенское», «Малое Могутинское-I», «Малое Могутинское-II», «Большое Могутинское-I», «Большое Могутинское-II», «Кирельта-I»,

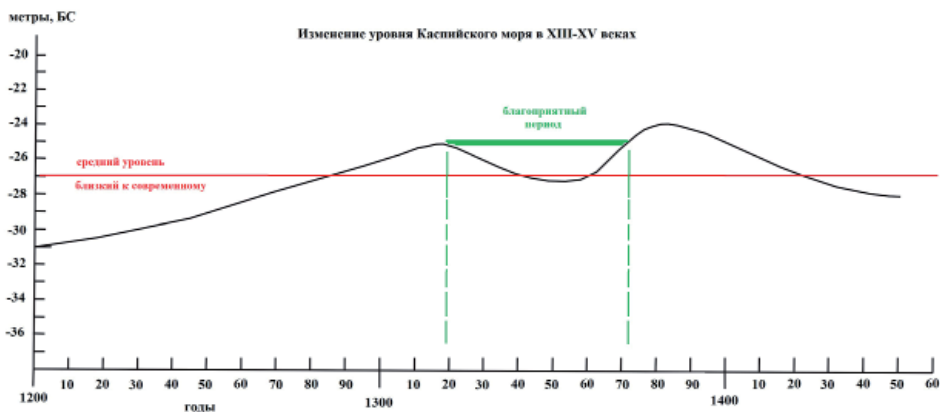

Рис. 6. График изменения уровня Каспийского моря в XIII–XV вв.
 Fig. 6. Chart of changes in the level of the Caspian Sea in the 13th–15th centuries.

«Кирельта-II», «Большое Маврушкино», «Малое Маврушкино», «Большое Черенское», «Хайсунское», «Паюсное», «Долгое», «Свиное», «Черное», «Сергиевское», «Алгаза-I», «Алгаза-II», «Комаровка», «Бекетовка», «Малый Чека», «Большой Чека», «Песчаный», «Стекольный», «Барский», «Барский-2», «Южный», «Цацинское», «Петухов», «Попок», «Алексеевка» (Пантелеев, 2001, с. 31–32; Валеев и др., 2009, с. 339–345; Жирова, 2009; Васильев, 2021а, с. 32–33).

Могильники: «Чертово городище», «Большой Черный», «Широкий», «Федоровский», «Томалак», «Урочище Красное Разбугорье», «Красный», «Большой Казалак», «Большой Долгий», «Похоронный», «Песчаный», «Касыпак-Тобе», «Кара-Тобе», «Ялан-Тобе», «Жулан-Тобе», «Ажанай», «Кюзене», «Промысловый», «Бос-Тобе», «Караколь», «Татарский» городища Мошаик, «Кызыл-Тобе», «Малый», «Большой Морской», «Чулпанский», «Петровский» (Васильев, 1991; Пантелеев, 2001, с. 31; Кутуков, 2003; Кутуков, 2005; Пигарев, 2006, с. 98–102; Рябичкин, 2008; Амбарнова, 2007; Амбарнова, 2012).

Золотоордынский период

С XIII по XIV вв. вновь происходит резкое изменение УКМ, за сто-

летие воды моря поднимаются на 6 м (рис. 1; 6). Население области Саксин вынуждено покинуть освоенную территорию, большая часть которой оказалась в зоне затопления. Этот период связан также с приходом на Нижнюю Волгу монголов и образованием здесь столичного центра Улуса Джучи. В 20-х гг. XIV в. уровень вод опускается на 2 м до отм. -27 м БС, а в 60-х гг. XIV в. вновь начинает повышаться, дойдя к началу XV в. до отм. -24 м БС. Таким образом, большая часть территории, освоенной человеком в хазарский и саксинский периоды, оказалась затопленной и непригодной к активной хозяйственной деятельности. Большинство поселений области Саксин, видимо, прекратили свое существование. Часть из них, расположенных в северной части бывшей области Саксин, возродились и продолжили существование в золотоордынский период. В золотоордынский период получили развитие земли, находящиеся к западу, северу и востоку от дельты, именно в этот период осваивается Волго-Ахтубинская пойма, где появляются многочисленные золотоордынские города и поселения (Пигарёв, 2015, с. 181–196; 2016, с. 187–190; 2017, с. 220–224; 2017а, с. 287–291; 2019, с. 483–508). Благо-

приятный (по УКМ) период в это время приходится на 20–60-е гг. XIV в. (время правления ханов Узбека и Джанибека), который характеризуется как пик экономического и культурного развития Золотой Орды (рис. 6). Вероятно, что из-за подтопления земли Саксинии были выведены из активного оборота и в экономике Золотой Орды существенного влияния не играли.

Представленные материалы хорошо иллюстрируют, как человеческая активность на землях Северного Прикаспия в Средневековье зависела от регулярных изменений уровня Каспия. Прогнозирование УКМ специалистами предполагает понижение уровня к 2040–2050 гг. до -29 и -30 м БС (Во-

дный баланс..., 2016, с. 291). Признаки этого процесса мы уже наблюдаем в наши дни, когда происходит опустынивание преддельтовых земель, обмеление дельтовых территорий и пересыхание многочисленных малых рек. Это открывает большие перспективы в поисках, обнаружении и изучении археологических объектов, в настоящее время, находящихся под водами Каспия. Использование в археологии материалов исследований специалистов по проблемам Каспия даёт возможность серьезно скорректировать наши представления об исторической географии и маршрутах торговых и культурно-обменных путей в эпохи Хазарского каганата и области Саксин.

Примечания:

¹ Для удобства восприятия на схемах конфигурации водной поверхности Каспийского моря и территории дельты Волги показаны не все выявленные к настоящему времени памятники археологии, а только основные географические «маяки», позволяющие оценить масштаб изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдурахманов Г.М., Теймуров А.А.* Замечательные особенности биологического разнообразия прибрежных, морских и островных экосистем Каспийского моря. Новый взгляд на возраст островов и уровенный режим // Юг России: экология, развитие. 2014. № 3. С. 7–24.
2. *Амбарнова Л.Ю.* Отчет об археологических разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 2007 году / Архив АГОИАМЗ, НВ.
3. *Амбарнова Л.Ю.* Отчет об археологических разведках в Красноярском, Приволжском, Лиманском, Володарском, Икрянинском и Камызякском районах Астраханской области в 2012 году / Архив АГОИАМЗ, НВ.
4. *Артамонов М.И.* История хазар. СПб.: Лань, 2001. 687 с.
5. *Валиев Р.Р., Мирсиянов И.Р., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г.* Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг.) // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань, 17 марта 2009 года» / Отв. ред. И.М. Миргалиев. Казань: Фэн, 2009. С. 339–346.
6. *Васильев Д.В.* Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992 / Архив Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ). НВ 13244.
7. *Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Шнайндштейн. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2001. С. 48–54.
8. *Васильев Д.В.* Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 189–267.
9. *Васильев Д.В.* Нижнее Поволжье в домонгольскую эпоху (сер. X в. – первая пол. XIII в.). Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021а. 68 с.
10. *Васильев Д.В.* Нижнее Поволжье в Хазарскую эпоху (VIII–X вв.). Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021в. 58 с.

11. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Словарь-справочник по Астраханской археологии. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021б. 424 с.
12. Васильев Д.В., Зиливинская Э. Д. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М.: Наука, 2008. С. 224–226.
13. Водный баланс и колебания уровня Каспийского моря. Моделирование и прогноз / Под ред. Е.С. Нестерова. М.: Триада, 2016. 378 с.
14. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
15. Загрязняющие вещества в водах Волжско-Каспийского бассейна / Отв. ред. В.Ф. Бреховских, Е.В. Островская. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2017. 408 с.
16. Каспийское море: Гидрология и гидрохимия / Отв. ред. С.С. Байдин, А.Н. Косарев. М.: Наука, 1986. 261 с.
17. Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках в Приволжском, Икрянинском и Камызякском районах Астраханской области в 2003 году / Архив АГОИМЗ, НВ.
18. Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 году / Архив АГОИМЗ, НВ.
19. Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2005 г. / Архив АГОИМЗ, НВ.
20. Кутуков Д.В. Пантелеев С.А. Исследования булгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 175–190.
21. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. 168 с.
22. Панахалиева Д.У. Некоторые архивные данные о городище Хаджи-Тархан // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 11 апреля 2007 г. / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. С. 126–131.
23. Пантелеев С.А. Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Ред. Е.В. Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 31–32.
24. Пантелеев С.А. Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 2002 году / Архив АГОИМЗ, НВ.
25. Пантелеев С.А. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 92–106.
26. Пигарёв Е.М. К вопросу об исследовании «Чертова городища» // Археологическое наследие Саратовского края / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2006. С. 98–102.
27. Пигарёв Е.М. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв: Stratum Plus, 2015. С. 181–196.
28. Пигарёв Е.М. Дельта Волги в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмтой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 187–190.
29. Пигарёв Е.М. Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) // Археология Евразийских степей. 2017б. № 1. С. 283–290.
30. Пигарёв Е.М. Дельта Волги в XIII–XV вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Т. II. (Электронный ресурс) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017а. С. 287–291.
31. Пигарёв Е.М. Золотоордынские города Нижнего Поволжья (к проблеме изучения малых городов) // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и

империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука. 2017. С. 220–224.

32. *Пигарёв Е.М.* Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга) // *Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2* / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 483–508.

33. Разработка проекта СКИОВО, включая НДВ, бассейна реки Волга (С-11-01). Книга 1. Общая характеристика бассейна реки Волга / Отв. исп. Лурье М.В. М.: ООО «ВЕД», 2011. 180 с.

34. *Рябичкин Д.В.* Отчет об археологических разведках в Володарском, Икрянинском и Камызякском районах Астраханской области в 2008 году. Архив АГОИМЗ, НВ.

35. Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. 169 с.

36. *Семёнов И.Г.* К вопросу об исторической географии Хазарии // *Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1.* М.: Сэфер, 2002. С.179 – 190.

37. *Соловьев Д.С., Тимофеев А.А., Стукалов Г.В., Котеньков С.А., Коваленко А.В.* Археологические исследования на поселении «Семибугры» в 2019–2020 годах // *Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. XIII* / Под. ред. А.А. Курапова, А.Н. Алиевой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. С. 99–104.

38. *Шнайдитейн Е.В.* Средневековый Мошаик // *Материалы четвертой краеведческой конференции. Ч. II.* Астрахань: АГПИ, 1992. С. 3–11..

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail.ru

CHANGES IN THE LEVEL OF THE CASPIAN SEA AND ITS INFLUENCE ON HISTORICAL PROCESSES IN THE LOWER REACHES OF THE VOLGA IN THE MIDDLE AGES (ANALYSIS OF MATERIALS OF HYDROLOGY AND ARCHEOLOGY)

E.M. Pigarev

The author analyzes the materials of hydrological and archaeological research and examines the historical processes that took place in the Volga River delta in the Middle Ages. Modern data on the hydrology of the Caspian Sea, changes in its water level, the area of the water mirror and land are presented. A detailed schedule of changes in the level of the Caspian Sea in the time interval of the 7th– 15th centuries is given, which allows us to identify favorable periods for human economic activity. There are three natural favorable periods corresponding to three historical epochs – the Khazar Khaganate, the Saksin region and the Golden Horde. For each epoch, a physical and geographical characteristic and a list of known archaeological sites corresponding to the time are proposed. The dependence of changes in the areas of the Volga delta developed by man on fluctuations in the level of the Caspian Sea is shown. Catastrophic sea level rises that occurred in the X century and throughout the 13th century, which influenced the further development of the Lower Volga territories, are noted. In the Golden Horde epoch, a natural favorable period stands out, falling during the reign of the khans of Uzbek and Janibek – the peak of the economic and cultural flourishing of the Ulus of Jochi. On the basis of the hydrological forecast, prospects are outlined in the search, discovery and study of archaeological sites currently located under the waters of the Caspian Sea.

Keywords: archaeology, Caspian Sea level, transgression, regression, Volga delta, hydrology, Khazar Khaganate, Saksin region, Golden Horde, cities, settlements, burial grounds.

REFERENCES

1. Abdurakhmanov, G. M., Teymurov, A. A. 2014. In *Yug Rossii: ekologiya, razvitie (South of Russia: ecology, development)* 3, 7–24 (in Russian).

2. Ambarnova, L. Yu. 2007. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Ikryaninskom rajone Astrahanskoj oblasti v 2007 godu (The report on archaeological reconnoissances in the Ikryaninsky district of the Astrakhan Region in 2007)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
3. Ambarnova, L.Yu. 2012. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Krasnoyarskom, Privolzhskom, Limanskom, Volodarskom, Ikryaninskom i Kamyzyakskom rajonakh Astrahanskoj oblasti v 2012 godu (The report on archaeological reconnoissances in the Krasnoyarsk, Volga, Limansky, Volodarsky, Ikryaninsky and Kamyzyaksky districts of the Astrakhan Region in 2012)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
4. Artamonov M. I. 2001. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Saint Petersburg: "Lan" Publ. (in Russian).
5. Valiev, R. R., Mirsiyapov, I. R., Mukhamadiev, A. G., Sitdikov, A. G. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaja istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)»*. 17 marta 2009 g. (*Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Social-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.)"*. March 17, 2009.) 1. Kazan: "Fan" Publ., 339–346 (in Russian).
6. Vasil'ev, D. V. 1992. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arheologicheskikh rabotakh v Narimanovskom, Ikryaninskom, Privolzhskom, Limanskom i Kamyziakskom raionakh Astrahanskoj oblasti v 1991 g. (Report on Scientific Research and Archaeological Activities in Narimanovsky, Ikryaninsky, Privolzhsky, Limansky and Kamyzyaksky Districts of the Astrakhan Region in 1991)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve. NV 13244 (in Russian).
7. Vasil'ev, D. V. 2001. In Shnaidshtein, E. V. (ed.). *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletij: Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Archeology of the Lower Volga Region at the turn of the millennium: materials of the all-Russian scientific and practical conference)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University Publ., 48–54 (in Russian).
8. Vasil'ev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189–267 (in Russian).
9. Vasil'ev, D. V. 2021. *Nizhnee Povolzh'e v domongol'skuyu epohu (ser. X v. – pervaya pol. XIII v.) (The Lower Volga Region in the pre-Mongol era (the middle of the X century. - the first half of the XIII century))*. Astrakhan: «R. V. Sorokin» Publ (in Russian).
10. Vasil'ev, D. V. 2021. *Nizhnee Povolzh'e v Hazarskuyu epohu (VIII–X vv.) (The Lower Volga Region in the Khazar era (8th–10th centuries))*. Astrakhan: «R. V. Sorokin» Publ (in Russian).
11. Vasil'ev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2021. *Slovar'-spravochnik po Astrahanskoj arheologii (Dictionary – reference book on Astrakhan archaeology)*. Astrakhan: «R. V. Sorokin» Publ (in Russian).
12. Vasilyev, D. V., Zilivinskaia E. D. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 224–226 (in Russian).
13. In Nesterov, E. S. (ed.). 2016. *Vodnyj balans i kolebaniya urovnya Kaspijskogo morya. Modelirovanie i prognoz (Water balance and fluctuations of the Caspian Sea level. Modeling and forecasting)*. Moscow: "Triada" Publ. (in Russian).
14. Egorov, V. L. 1985. *Istoriicheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. In Brekhovskih, V. F., Ostrovskaya, E. V. (eds.). 2017. *Zagryaznyayushchie veshchestva v vodah Volzhsko-Kaspijskogo bassejna (Pollutants in the waters of the Volga-Caspian basin)*. Astrakhan: «R. V. Sorokin» Publ. (in Russian).
16. In Baydin, S. S., Kosarev, A. N. (eds.). 1986. *Kaspijskoe more: Gidrologiya i gidrohimiya (The Caspian Sea: hydrology and hydrochemistry)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Kutukov, D. V. 2003. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Privolzhskom, Ikryaninskom i Kamyzyakskom rajonakh Astrahanskoj oblasti v 2003 godu (The report on archaeological reconnoissances in the Privolzhsky, Ikryaninsky and Kamyzyaksky districts of the Astrakhan Region in 2003)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
18. Kutukov, D. V. 2004. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh na territorii Privolzhskogo, Volodarskogo, Ikryaninskogo, Kamyziakskogo i Limanskogo raionov Astrahanskoj oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Reconnoissances in the Privolzhsky, Volodarsky, Ikryaninsky, Kamyzyaksky and Limansky Districts of the Astrakhan Region in 2004)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).

19. Kutukov, D. V. 2005. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh na territorii Privolzhskogo, Volodarskogo, Ikryaninskogo, Kamyziakskogo i Limanskogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 2005 g.* (Report on Archaeological Reconnaissances in the Privolzhsky, Volodarsky, Ikryaninsky, Kamyzyaksky and Limansky Districts of the Astrakhan Region in 2005). Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
20. Kutukov, D. V. Pantelev, S. A. 2013. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3 (5), 175–190 (in Russian).
21. Magomedov, M. G. 1994. *Hazary na Kavkaze (The Khazars in the Caucasus)*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House (in Russian).
22. Panahalieva, D. U. 2007. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 11 aprelya 2007 g.* (Crossroads of History. Actual problems of historical science. Materials of the All-Russia scientific conference April 11, 2007). Astrakhan: "Astrakhan University" Publ., 126–131 (in Russian).
23. Pantelev, S. A. 2001. In Shnaydshteyn, E. V. Grechkina, T. Yu., Kutukov, D. V. (eds.). *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletij. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Archaeology of the Lower Volga region at the turn of the millennium. Materials of the All-Russia scientific and practical conference)*. Astrakhan: "AGPU" Publ., 31–32 (in Russian).
24. Pantelev, S. A. 2002. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Privolzhskom rajone Astrahanskoy oblasti v 2002 godu (The report on archaeological reconnaissances in the Privolzhsky district of the Astrakhan Region in 2002)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
25. Pantelev, S. A. 2010. In *Nauchnyy Tatarstan (Scientific Tatarstan)* 4, 92–106 (in Russian).
26. Pigarev, E. M. 2006. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 6. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 98–102 (in Russian).
27. Pigarev, E. M. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 181–196 (in Russian).
28. Pigarev, E. M. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures within the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 187–190 (in Russian).
29. Pigarev, E. M. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 283–290 (in Russian).
30. Pigarev, E. M. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arheologicheskiiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov (Elektronniy resurs) (V (XXI) all-Russia Archaeological Congress. (Electronic Resource))*. Barnaul: Altai State University, 287–291 (in Russian).
31. Pigarev, E. M. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 313–318 (in Russian).
32. Pigarev, E. M. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 483–508 (in Russian).
33. In Lurie, M. V. (resp. executor) 2011. *Razrabotka proekta SKIOVO, vklyuchaya NDV, bassejna reki Volga (S-11-01). Kniga I. Obschchaya harakteristika bassejna reki Volga (The SKIOVO project development, including NDV, of the Volga River basin (C-11-01). Book I. General characteristics of the Volga River basin)*. Moscow: LLC "VED" (in Russian).
34. Ryabichkin, D. V. 2008. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Volodarskom, Ikryaninskom i Kamyzyakskom rajonah Astrahanskoy oblasti v 2008 godu (The report on archaeological reconnaissances in Volodarsky, Ikryaninsky and Kamyzyaksky districts of Astrakhan Region in 2008)*. Astrakhan. Archive of Astrakhan State United Historical, Architectural Museum-Reserve (in Russian).
35. In Vasil'ev, D. V. (ed.). 2011. *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniya i interpretacii. Sbornik nauchnykh statey. (Samosdelka settlement: of study and interpretation. Collection of scientific articles)*. Astrakhan: "Astrakhan digital Printing House" Publ. (in Russian).
36. Semenov, I. G. 2002. In *Materialy Vos'moy Ezhegodnoy Mezhdunarodnoy Mezhdistsiplinarnoy konferencii po iudaike (Proceeding of the Eighth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies)* I. Moscow: "Sefer" Publ., 179–190 (in Russian).

37. Solov'ev, D. S., Timofeev, A. A., Stukalov, G. V., Koten'kov, S. A., Kovalenko, A. V. 2021. In Kurapov, A. A., Alieva, A. N. (eds.). *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya: sbornik statej (Astrakhan Readings of Local History)* XIII. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 99–104 (in Russian).

38. Shnajshtejn, E. V. 1992. *Materialy chetvertoj kraevedcheskoj konferentsii (Materials of the Fourth Local History Conference)* II. Astrakhan: "AGPI" Publ. 3–11 (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.198.205>

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ МИГРАЦИИ В ПРИМОКШАНЬЕ В XIII–XV ВЕКАХ

© 2022 г. Ю.А. Зеленева, Р.М. Валеев

Миграции в истории человечества по разным причинам происходили всегда и везде. В Примокшанье в XIII–XV вв. наблюдаются внешние и внутренние миграции, обусловленные как переселением из-за пределов региона, так и последующим перемещением масс населения внутри его. Основное население Примокшанья до XIII в. – мордва. К началу XIII в. на западе региона и на нижней Мокше появляется русское население. Возможно, что здесь было и небольшое количество болгар. Внешние миграции особенно усилились в связи с монгольским завоеванием XIII в.. Отмечается значительный приток тюркоязычного населения. Внешние миграции приводят и к внутренним миграциям в регионе. Соотношению двух форм миграций и их значению для этнокультурного развития региона посвящена данная статья.

Ключевые слова: миграции, археологические памятники, мордва, тюрки, русские, Мохши, Темников, Итяковское городище, Золотая Орда.

К 1237 г. большая часть Примокшанья была заселена мордвой-мокшей. Это хорошо подтверждается наличием здесь большого числа археологических памятников этого народа. Русское продвижение на восток в бассейн Цны и Мокши приводит к тому, что в начале XIII в. граница между Рязанским княжеством и мордвой проходила в основном по реке Цне и по правому берегу нижнего течения Мокши. Не позднее XII в. на нижней Цне возникает известный археологам Темгеновский городок с тремя селищами-посадами, а под 1209 г. в летописи упоминается русский город Кадом в низовьях реки Мокши (Зеленева, 2011, с. 136–138). Однако это не означает, что мордва, заселявшая до XII в. бассейн Цны, полностью покинула данную территорию. Частично происходит её аккультурация, но в некоторых местах Поценья мордва с её самобытной культурой, как показали исследования последнего времени, сохранилась и в золотоордынский период (Андреев, 2020).

В массиве самого мордовского населения Примокшанья перед монгольским завоеванием, возможно, произошло появление болгарских переселенцев. На это указывает по-

явление гончарной керамики болгарского типа и городищ с мощными многорядными укреплениями. Таких как Скановское и Саровское. Правда, нужно отметить, что городища с многорядными укреплениями в XI–XIII вв. известны и с мордовской лепной керамикой. К тому же Саровское городище находится в районе с распространением топонимов, связанных с Пургасом – сёла: Пургасово, Пурдошки; городище Пургасово. Раскопки Саровского городища, пусть и сильно разрушенного, дают некоторые основания считать, что здесь находился центр раннегосударственного объединения мордвы во главе с Пургасом.

Скановское городище тоже, скорее всего, оставлено мордовским населением. Косвенным свидетельством об этом может быть легендарное сообщение о Нарчатке, погибшей здесь во время борьбы с монголами. Имя Нарчатка – мордовское дохристианское. Возможно, по её имени назван населённый пункт Наровчат. С мордовского языка переводится как полевые болота или при произношении *Наручадь* – тинное болото. Современное мордовское название Наровчата – *Норзяд*. Мордовское население в дан-

ном районе фиксируется с III в. (Тезиковский могильник) и до настоящего времени – село Печуры (современное произношение Печуры).

После 1239 года сюда начинает переселяться тюркская золотоордынская знать. М.Г. Сафаргалиев, изучавший фонд Саровского монастыря, указывает, что в нём имеются родословные татарских князей Сеид-Ахметовых, Кудашевых, Тенишевых и Янгалычевых, происходивших от князя Бехана (беханиды). Впоследствии они известны как «темниковские татары», а владения их располагались в бассейне реки Мокши, где до настоящего времени сохранились названия мордовских сёл, которыми они владели. Например, Тенишево в Краснослободском районе Мордовии.

После образования Золотой Орды эта территория входит в состав государства чингизидов. М.Г. Сафаргалиев считал, что Примокшанье было передано в управление Бехану ещё Бату-ханом и не исключал возможность появления центра этого владения Наровчата-Мохши ещё в XIII в. (Сафаргалиев, 1996, с. 361–362). Археологические данные не подтверждают наличия слов XIII в. в Мохши-Наровчате. Как и для большинства золотоордынских городов, его расцвет относится к XIV в.

Первоначально наименование города Мохши стало известно при изучении Х.Д. Френом нумизматического материала, но связать его с каким-то либо археологическим объектом не представлялось возможным. В дальнейшем В.М. Терёхин в конце XIX в. отмечает, что к юго-западу от Наровчата имеются следы золотоордынского городища. В центральной части Наровчата им были найдены массивные белокаменные блоки, которые он относил к какому-то значительному архитектурному сооружению.

В годы Первой мировой войны во время учений запасных частей были

найжены различные предметы золотоордынского времени. Эти находки привлекли внимание саратовского археолога А.А. Кроткова, который пришёл к выводу, что монеты с чеканкой Мохши происходят из городища в селе Наровчат. Впоследствии он провёл во второй половине 20-х гг. XX в. разведки и раскопки на территории Наровчата и в ряде своих статей попытался обосновать, что именно здесь находился ордынский город Мохши. При этом начальной датой его основания он определял 1313 г. – по наиболее ранней монете найденной здесь.

В начале XXI в. была найдена монета чеканенная, по мнению некоторых исследователей в Мохши в 1309 г. После изучения коллекций монет из различных музеев и сборов оказалось, что таких монет известно около десятка. Т.е. чеканка города Мохши началась ещё при Тохте (Голубев, без года. Без страницы).

Если согласиться с мнением М.Г. Сафаргалиева, то можно предположить, что Примокшанье было передано под управление Бехану и беханидам ещё во второй половине XIII в. Возникает вопрос, в каком статусе был этот регион и каков был титул его правителя. В литературе иногда встречается такое название как Мордовский улус. Но в письменных источниках такое название отсутствует. В средние века у монголов и тюрков слово улус обозначало государство, область (в вольном переводе). В XIII в. оно всё больше обозначало область, например, Улус Джучи как часть Монгольской империи. Исходя из этого, называть Примокшанье Мордовским улусом нет достаточных оснований. Скорее всего, эта область была той административной единицей, которая могла выставить десять тысяч воинов – тумен. Набираемый здесь тумен был смешанным – тюркско-мордовским. Мордва в нём составляла большинство, являясь основным

Рис. 1. Предполагаемые ставки темника в Примокшанье в XIII – нач. XVI вв.
 Fig. 1. The estimated rates of the temnik in Primokshansky in the 13th – beginning 16th centuries .

народом на данной территории. Косвенно об этом говорят факты участия мордвы-мокши ещё в походе Бату-хана в Европу в 1241–1242 гг. Русские источники XVI в., касаясь событий Ливонской войны, отмечают среди войск Русского государства «темниковских татаровей», помещая рядом с ними мордву (Документы..., 1940, с. 152). Создаётся впечатление, что сохраняется прежняя структура организации тумена: темник, татарские тысячи и сотники со своими дружинами, и мордовские ратники. Главное же и в XVI в. здесь сохраняется топоним – город с названием Темников, т.е. ставка темника.

Где была ставка темника в Примокшанье в XIII в. определить, опираясь на известный сейчас круг археологических, нумизматических и письменных источников проблематично. Правда, М.Г. Сафаргалиев не приводя ссылок на документы, пишет, что город Темников существовал уже в 90-х годах XIII в., что весьма возможно.

Исходя из находок монет 1309 г. чеканенных в городе Мохши, мы можем выдвинуть гипотезу, что ставка темника в начале XIV в. уже находилась на месте Нарвчатского городища. С этого времени начинается и формирование культурного слоя золо-

тоордынского города. К XIII в. можно отнести существование здесь мордовского поселения и одновременных ему могильников. Слои мордовского поселения XIII – начала XIV в. по результатам проведённых на настоящее время исследований также не выделяются. Возможно, они уничтожены при формировании золотоордынского города в XIV в. С полной уверенностью можно говорить только о том, что в нижней части культурного слоя Наровчатского городища имеется значительное количество мордовской лепной керамики.

Непонятны пока и причины начала чеканки дирхемов в Мохши при Тохте. Более объяснимы причины массовой чеканки монеты (в том числе и медной) при Узбеке, который в начальный период своего правления находился на севере своего государства – сначала в Укеке, потом в Булгаре. Может быть, в какой-то отрезок времени он находился и в Мохши. Чеканка монет от его имени, начавшаяся здесь в определённой мере подтверждает этот тезис. С этого времени наблюдается быстрое развитие этого провинциального золотоордынского города. Оно продолжалось относительно недолго – на протяжении около пятидесяти лет, как впрочем, и большинство ордынских городов.

В первой половине XIV в. миграции мусульманского населения в Мохши и в целом в Примокшанье, судя по археологическим данным, усиливаются, что не противоречит общей исторической ситуации начала правления Узбека. Материальная культура этого города обретает облик, схожий с золотоордынскими городами Нижнего Поволжья. Появляются усадьбы с постройками из сырцового кирпича, гончарные мастерские с горнами ордынского провинциально типа. В центре города возвышается мечеть, от которой сохранились белокаменные блоки фундамента. Вторая мечеть

была возведена в мусульманской части городского кладбища (это место и сейчас носит название «Мизгить» – мечеть). Здесь примыкая к рядовым мусульманским захоронениям, находятся значительное количество (?) для этого региона мавзолее. Раскопавшая несколько из них А.Е. Алихова указывает на некоторые среднеазиатские элементы в их устройстве (мавзолеей № 1, который по монетам датируется серединой XV в.), что говорит о смешанном характере мигрировавшего в этот регион мусульманского населения (Алихова, 1973, с. 233). Надо отметить, что это не противоречило общему ходу исторического развития, так как определённые контакты с обобщённым Востоком и Югом существовали ещё до монгольского завоевания. Другое дело, что переселенческие процессы и межкультурное взаимодействие в первой половине XIV в. являлись в основном результатом внутриордынского характера.

Но, несмотря на изменения в этноконфессиональном составе жителей города можно предположить, что новое население всё-таки большинством не являлось. Мордва, если иметь в виду наличие крупных языческих могильников этого времени (Старосотенский могильник к северо-западу от Наровчата, разрушенный при рытье пруда), численно преобладала. К тому же Старосотенский могильник практически смыкается с мусульманским некрополем на Мизгити и есть некоторые основания думать, что и там хотя бы частично захоронена исламизированная мордва. Элементы мусульманского погребального обряда А.Е. Алихова отмечала и в мордовском языческом Старосотенском могильнике (Алихова, 1973, с. 227).

Судя по всему, основное мордовское население Мохши, которое проживало здесь и до середины XIV в. продолжало заниматься традиционным сельским хозяйством. Вновь

прибывшие переселенцы в конце XIII, особенно в первой половине XIV в., представляли собой феодальную военно-административную прослойку, ремесленников, небольшое количество мусульманского духовенства и скорее всего торговцев. Возможно, что кроме мордовского и тюркского населения в Мохши проживали и русские. По крайней мере, М.Д. Полубояринова выделяет в материалах из раскопок А.Е. Алиховой малое количество русской керамики (Полубояринова, 1978, с. 116–120). Поэтому город Мохши в период его расцвета можно считать полиэтничным и мультикультурным, что вообще-то характерно для золотоордынских городов.

Ситуация в Примокшанье и конкретно в Мохши изменилась в период великой замятни. После децентрализации Золотой Орды, которая наступила на рубеже 50–60-х годов XIV в. а не смогли сохранить стабильность в регионе и темники Примокшанья (беханиды?). Предположительно в 1361 г. Мохши подчинил себе пришедший с Нижнего Поволжья Тагай, а в 1366–1367 гг. исходя из некоторых (в основном нумизматических) данных здесь обосновался Пулад-Тимур. Междоусобная борьба, а также ликвидации администрации темника в Мохши приводит к постепенному упадку этого города. Сообщения в некоторых статьях и книгах о том, что этот город уничтожил Тимур, не подтверждаются ни письменными, ни археологическими источниками. Нужно отметить, что находок последней трети XIV–XV вв., а тем более археологического слоя на территории Наровчатского городища пока не обнаружено, кроме мавзолея середины XV в. Следующий по времени археологический период относится уже к моменту постройки здесь русской крепости в XVII в. Хотя некоторые типы русской гончарной керамики можно датировать и более ранним временем

(XVI в.), но этот материал никто серьёзно не изучал. В XV в. в районе Мохши сохранился только религиозный центр, т.е. возможно мечети, и продолжал функционировать некрополь в районе Мизгити, как место захоронения родственников.

В XIV в. археологически фиксируются факты появления русского населения в Примокшанье (Аксёнова, Зеленева, Шакиров, 1990). Для этого времени русская миграция в Среднее Примокшанье ещё не было массовым явлением. На левобережной Цне русские поселения как отмечалось выше появляются ещё в предмонгольский период. Но усиленное русское заселение Поценья происходит, начиная с позднезолотоордынского времени, когда здесь увеличивается количество русских селищ. В качестве примера можно привести селище у села Польное Ялтуново XV–XVII вв. на левом берегу Цны (Милонов, 1944, с. 7–8).

Ставка темника была перенесена ниже по реке Мокше, что связано с неблагоприятной политической обстановкой в Верхнем Примокшанье. Город Мохши приходит в упадок. Одновременно отмечается, что в XIV в. ряд мордовских могильников этого региона прекращает функционировать.

С последней трети XIV в. на месте городища эпохи раннего железа в Нижнем Примокшанье формируется укрепленное поселение позднезолотоордынского времени, получившее в историографии название Итяковского городища. По моему мнению, именно сюда была перенесена ставка темника после великой замятни. Подтверждением этому является и находка на городище бляхи с надписью «Тохтамыш», которая могла принадлежать какому-то административному лицу. Возможно, уже в это время данный замок получил название Темников. Судя по археологическому материалу, городище существовало по первую треть

XVI в. (Степанов, 1963). Создаётся впечатление, что замок прекратил своё существование с 1536 г., когда город Темников был перенесён ниже по реке Мокше на то место, где он находится и в настоящее время.

В окрестностях города Темникова есть городище Старый город, который иногда считают Темниковым до 1536 г. Но данное городище, во первых, очень небольшое и слабо укреплённое для XV–XVI вв., а во вторых, по археологическому материалу относится к раннему железному веку (Мартьянов, 1976, с. 147). Название же, скорее всего, оно получило от местного населения как старое городище, но с Темниковым не соотносимое и лишь впоследствии у местных краеведов начало формироваться ошибочное мнение, что это старый город Темников, до переноса его на новое место.

Существование города под названием Темников до 1536 г. считают возможным и историки, при этом определяя его как город темника (Акчурин, Ишеев, 2017, с. 633). В этом году город был только перенесён на несколько километров западнее, сохранив прежнее название. Итяковское городище находится в 4-х километрах восточнее современной окраины Темникова. В XVI в. это расстояние было несколько больше. Причины переноса могут быть разные. Но основной видится изменение русла реки Мокши. Современное русло реки проходит несколько южнее от Итяковского городища, а вблизи городища проходит её старица. Современный Темников возник в 1536 г. на берегу реки Мокша, где находится и в настоящее время.

Таким образом, следует признать, что Примокшанье уже с III века было заселено мордвой. В предмонгольское время, возможно, здесь появляется болгарское население. Русские же в это время осваивают Цнинское левобережье и Нижнюю Мокшу, появляясь в Среднем Примокшанье не ранее последней трети XIV в. Наибольшее же изменение связано с монгольским завоеванием и миграцией сюда тюркоязычного населения. Первоначально, на мой взгляд, это была военно-феодалная элита, затем переселяются и другие социальные группы. Археологические данные подтверждают смешение культур в регионе, что является следствием миграций. Например, у мордвы, сохранявшей традиционную этническую культуру обнаруживаются черты, связанные с принятием ислама. Процесс исламизации не был завершён, но к середине XIV в. он чётко прослеживается.

В административном отношении Примокшанье являлось частью территории Золотой Орды. Регион представлял тумен воинов и управлялся темником. С начала XIV в. и до последней его трети его ставкой был крупный региональный центр – город Мохши. С последней трети XIV в. и по первую треть XVI в. центром являлось поселение, находящееся на месте Итяковского городища, которое возможно называлось Темниковым, а с 1536 г. оно было перенесено на место, где и сейчас находится город под этим названием.

Миграции XIII–XV вв. оказали существенное влияние на всю последующую этнокультурную историю этого края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнова Т.В., Зеленева Ю.А., Шакиров А.Г. Поселение Шаверки IV // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 147–165.
2. Акчурин М.М., Ишеев М.Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. № 3. (Т. 5). С. 629–658.

3. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.
4. Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–166.
5. Голубев В.О. Чекан монет Мохши. Пенза: типография ИП Соколова А.Ю., 2020. 44 с.
6. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск: МНИИЯЛИЭ при СНК МАССР, 1940. 436 с.
7. Зеленева Ю.А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынско-рязанской границе) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, 2011. С. 136–138.
8. Мартыанов В.Н. Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. С. 147–157.
9. Милонов Н.П. Отчёт об археологических исследованиях по берегам р. Цны и её левым притокам рр. Азе и Алешне в 1944 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2.
10. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.
11. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: Инсан, 1996. 768 с.
12. Степанов П.Д. Итыковское городище // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 24 / Ред. кол. К.А. Котков, Л.Г. Филатов, С.О. Циркин. Саранск, 1963. С. 116–130.

Информация об авторах:

Зеленева Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zelenev@mail.ru

Валева Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Заместитель директора по научной работе Института международных отношений, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие» Казанский (Приволжский) федеральный университет; (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

THE INTERNAL AND EXTERNAL MIGRATIONS IN THE MOKSHA LITTORAL DURING THE 13TH–15TH CENTURIES

Yu.A. Zeleneva, R.M. Valeev

Migrations in the history of mankind took place at all times and everywhere for various reasons. The external and internal migrations in the Moksha Littoral to be occurred in the 13th–15th centuries, caused by both resettlement from outside the region and the subsequent displacement of the masses of the population within it. The main residents of the Moksha Littoral before the 13th century were the Mordvins. By the beginning of the 13th century Russian population appeared in the west of the region and on the Lower Moksha. It is possible that there were a small number of the Volga Bulgarian settlers. As a result of the Mongol conquest in the 13th century the external migrations intensified. There was a significant influx of the Turkic-speaking population. The external migrations also led to internal resettlement in the region. The article deals with the correlation of these two forms of migration and their significance for the ethnic-cultural development in the region.

Keywords: archaeological sites, migrations, the Mordvins, the Turks, the Russians, Mokshsi, Temnikov, Ityakovo settlement, The Golden Horde.

REFERENCES

1. Aksenova, T. V., Zeleneva, Yu. A., Shakirov, A. G. 1990. In Zeleneva, Yu. A. (ed.). *Novye istochniki po etnicheskoy i sotsial'noy istorii finno-ugrov Povolzh'ya. I tys. do n. e. – I tys. n. e. (The new sources on the ethnic and social history of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. 1st millennium BC – 1st millennium AD)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 147–165 (in Russian).
2. Akchurin, M. M., Isheev, M. R. 2017. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 5 (3), 164–192 (in Russian).

3. Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 226–237 (in Russian).
4. Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 151–166 (in Russian).
5. Golubev, V. O. 2020. *Chekan monet Mokhshi (Minted Mohshi coins)*. Penza: Sokolov, A.Yu. Tipography.
6. 1940. *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (Documents and Materials on the History of the Mordovian ASSR)* 1. Saransk: Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography (in Russian).
7. Zelenev, Yu. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy» (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde)* 2. Kazan: "Foliant" Publ., 136–138 (in Russian).
8. Mart'ianov, V. N. 1976. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 52. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 147–157 (in Russian).
9. Milonov, N. P. 1944. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po beregam r. Tsny i ee levym pritokam rr. Aze i Aleshne v 1944 g. (The report on archaeological studies undertaken along the Tsna river banks and its left tributaries Aze and Aleshna rivers in 1944)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1, R-1, dossier 2 (in Russian).
10. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Safargaliev, M. G. 1996. *Raspad Zolotoy Ordy (The break-up of the Golden Horde)*. Moscow: "Insan" Publ. (in Russian).
12. Stepanov, P. D. 1963. In Kotkov, K. A., Filatov, L. G., Tsirkin, S.O. (eds.). *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 24. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 116–130 (in Russian).

About the Authors:

Zelenev Yuri A. Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zelenev@mail.ru

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Vice-President of Russian National Committee of ICOMOS. Deputy Director of International Relations Institute. Kazan Federal University. Kremlevskaya str., 18, Kazan, 420018, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 903.26+903.082+543.429.9

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.206.214>

ИСТОРИЯ ОРОШЕНИЯ СЫГНАКА¹

© 2022 г. С.С. Мургабаев, Л.Д. Малдыбекова, М.М. Бахтыбаев,
К.М. Жетибаев, М. Гурсой, Б.С. Сиздилов

При изучении средневековых городов наряду с целым рядом сложных вопросов, включая структуру, оборонительную систему, локализацию городов по письменным источникам, выявление хозяйственных округов, важным является изучение древней оросительной системы. Хотя город Сыганак упоминается в арабских и персидских источниках X в., данные об оросительной системе города мы можем встретить в сочинении XVI века «Михман-наме-ий» Бухара Фазлаллаха ибн Рузбихана. В вакуфных грамотах, обнаруженных В.В. Бартольдом, упоминаются реки у города Сыганак и каналы, проведенные из Сырдарьи. Данные об ирригации Сыганака содержатся в «Книге Большого Чертежа», «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова. В советское время на вопросы оросительной системе Сыганака обратили внимание Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич, В.Н. Грошев. С. Жолдасбаев, долгие годы изучавший город Сыганак, особое внимание обратил на происхождение названия канала Туман арык, выведенного из Сырдарьи. В данной статье авторы обращают внимание на спорный вопрос, связанный с расположением средневекового города Сыганак. В одних источниках город располагается на правом берегу, в других – на левом берегу реки Сырдарья. Некоторые исследователи, опираясь на данные источников, высказывают предположение о том, что в письменных источниках упоминается другой город Сыганак. Полевые исследования авторов показали, что Сырдарья имела несколько старых русел в окрестностях города Сыганак. Обнаружение этих русел подтверждает, что в свое время город находился на левом берегу Сырдарьи. Реки Сарысу и Шу, протекающие из Центрального Казахстана и Семиречья в северо-западной оконечности Каратау, впадали в эти старые русла. Также в ходе исследований вдоль древних каналов было выявлено несколько средневековых городов и поселений городов Сырдарьи. В статье приведены сведения о арыках, выведенных из Сырдарьи, также приводятся данные о реках, берущих начало в южной части Каратау, об их древних названиях. Авторы отмечают, что встречающиеся в вакуфных грамотах топонимические названия Кыраш, Токтамыс, Келте-Шалкия, Арыстанды, Мынбулак сохранили свои наименования до настоящего времени.

Ключевые слова: археология, Сыганак, Сырдарья, орошение, русло, городище, Каратау, письменный источник.

Введение

В настоящее время город Сыганак находится в Жанакорганском районе Кызылординской области, вдоль трассы Западная Европа – Западный Китай. Общая площадь средневекового города вместе с рабадом составляет 309 га. Город расположен в 15 км к югу от современного канала Сырдарьи.

История орошения Сыганака средневековой эпохи изучена недостаточно полно и мало освещена в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей. Известно, что ос-

новным источником водоснабжения земель древнего орошения на юге Казахстана являлась река Сырдарья с притоками мелких речек, стекающих с Каратау.

Первые сведения о системе орошения и наименовании ирригационных сооружений Сыганака получены из письменных источников средневекового периода. Наиболее подробные сведения о городе содержатся в труде XVI века «Михман-наме-ий Бухара» секретаря Шайбани хана Фазлаллаха ибн Рузбихана. Сыганак в описании Рузбихана – цветущий, красивый,

¹ Работа выполнена в рамках проекта МОН РК № BR10965310 «Комплексное археологическое исследование объекта историко-культурного наследия – средневековое городище Сыганак».

благоустроенный, возделанный город на границе с Дешт-и Кипчаком, т. е. на границе культурной, орошенной территории и степи. Среди посевов он отмечает зерновые культуры, бахчи, наличие садов и огородов и замечает, что «оросительные каналы... обработанных полей все выведены из реки Сейхун. Степи и поля той страны богаты водой, травой, кустарником...» (Фазлаллах ибн Рузбихан, 1976, с. 116). Названия каналов в своем труде Рузбихан не приводит.

Интересные сведения о Сыганаке можно найти в русском источнике «Книга Большого чертежа» (середина XVI в). Данные «Книги Большого Чертежа», относящиеся к Казахстану, охватывают территорию от рек Есиль и Сарысу до Улытау и Каратау. В этой долине названо около 50 географических названий. Названы реки и главные озера: Сырдарья, Урал, Жем, Иргиз, Тургай, Жыланшык, Сагиз, Темир, Булдырты и другие. Показаны места гор Улытау, Каратау, Мугалжар, Нарынские, приаральские пески. О Сыганаке здесь сказано следующее: «А от устья Кендерлика 150 верст, с левая страны реки Сыра, град Сунак, против Карачатовой горы. А промеж озера Акбашлы и реки Саук, и озера Акколь и по обе страны реки Зеленчика, и реки Кендерлика и реки Сарсы, и песков Кара-кум на тех местех, на 600 верстех, кочевья Казацкия Орды. – На реке же Сыре от Сунака 90 верст град Ясырван». В этом источнике указывается, что город находится на левой стороне Сырдарьи (Книга Большого Чертежа..., 1950). Труд был обновлен и переписан в 1627 году, а более поздние авторы предполагают, что его первая запись была написана между 1584 и 1598 годами (Якубовский, 1929, с. 137).

Упоминание о Сыганаке находим в ценном источнике по истории Казахстана – «Чертежной книге Сибири», составленной сыном тобольско-

го боярина Семеном Ремезовым. В «Чертежной книге Сибири» указаны города Сауран, Сыганак, Туркестан, Узгент, Карнак, Караул. Ремезов дал зарисовку «мавзолея Коркут Ага», расположенного на берегу р. Сырдарьи. Первый русский картограф Семен Ремезов зафиксировал в своей книге Сыганак на правом берегу Сырдарьи (Ремезов, 1710).

Система орошения Сыгнака была достаточно хорошо изучена известным русским востоковедом В.В. Бартольдом. По сведениям В.В. Бартольда население города занималось поливным земледелием. На основе литературных данных и вакуфных грамот (хотя В.В. Бартольд и сомневается в подлинности этих грамот, но тем не менее это не умаляет их значения как исторического источника) он отмечает, что земли, расположенные в северо-западной северной части города, орошались мелкими арыками, выведенными из горных речек, стекавших с Каратау. Из приведенных В.В. Бартольдом документов видно, что в XVI и XVII вв. в окрестностях Сыгнака было еще много возделанных участков или тепе (тобе). В документе, якобы дарованном Тимуром, говорится о назначении шейха Сирадж-ад-дина шейх-ал-исламом и пожаловании ему участков на арыках Ордакент, Кызылтал, Тюмень и Бузул-узяк. Об арыке Тюмень сказано, что он вытекает из Сырдарьи. Также В.В. Бартольд приводит названия многих рек и каналов: Мын-булак, Чулак, Арсланды, Кете-Чалгил (Капта-Джалгийя), Токтамыш, Хисарчук и Хараш. Именно опираясь на вакуфные грамоты, В. Бартольд отмечает, что как город Сыганак существовал еще в XVII веке (Бартольд, 1904, с. 264–268).

Член Туркестанского кружка любителей археологии Е.Т. Смирнов, опираясь на средневековые источники о завоеваниях монголов, перечислил средневековые города, захвачен-

ные Джучи: Сыганак, Бархалигент, Узгент, Ашнас, Джент и Джанкент. Лично в этом районе Е. Смирнов не был, но в своей работе отметил, что Сыганак и его окрестности орошались Туман арыком, выведенным из Сырдарьи (Смирнов, 1897, с. 1–8). Современное название арыка – Томен арык, в работах разных исследователей встречается в виде Туман арык, Тюмень-арык, Тюмень-Арык, поэтому в рамках данной статьи названия арыка оставили в авторском варианте.

В 1900 году была опубликована статья В.А. Каллаура, в которой также содержатся сведения о Туман арыке. Исследовав систему арыков вокруг Сыганак В.А. Каллаур ошибочно заключил, что Сыганак орошался водой, проведенной из реки Арысь, так как в то время река Сыр-Дарья шла по Кызыл-кумам. Название канала он объясняет тем, что над рытьем канала работало 10 тысяч человек, т. е. тумен) (Каллаур, 1900, с. 9–11).

С южной стороны город Сыганак орошался Туман арыком и с северо-восточной стороны оросительными водами, выведенными из родников Каратау. В грамотах, выданных выдающимся религиозным деятелям города, говорится о том, что они имеют право возделывать землю, используя воды таких источников, как Мынбулак, Шолак, Арыстанды, Кызылтал, Келте Шалгия, вытекающих из Каратау. Отсюда можно заключить, что водные угодья в городе были переданы религиозным деятелям. В грамотах особо отмечалось, что с них не должны взиматься налоги и в праздничные, религиозные праздники, пост им во время убоя скота должны отдавать отборные части (Ибрагимов и др., 1969, с. 313–320).

Вопросы орошения и ирригации Сыганак затронуты в работах А.Ю Якубовского. Ученый в своем труде «Развалины Сыгнака (Сугнака)» отмечает, что город орошался водами

Туман арыка. Ученый пишет, что в вода из водокачки станции Старый Тюмень-арык протекает на расстояние до километра, доходит до Актобе и разветвляется, одна ветвь идет в Коккесене, а другая на юго-запад, в Сыганак (Якубовский, с. 158). Кроме того, со слов местных жителей Якубовский сообщает, что город, помимо Тюмень-арыка, орошается крупным арыком из канала Бозгыл. Он пишет, что канал Бозгыл Узек вытекает из озера Бозгыл Узек, куда вода поступает во время разливов Сырдарьи в озеро (апрель, май, июнь месяцы), через арык доходит до города. Это озеро находится между Тюмень-арыком и Жанакурганом в 30 вестах от Сыганак (Якубовский, 1929, с. 159).

Вопросы орошения и водоснабжения Сыганак в свое время были рассмотрены в работах Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича (Агеева, Пацевич, 1958, с. 9, 150).

Подробные сведения об ирригации Сыганак можно найти в исследовании В.Н. Грошева «Ирригация Южного Казахстана в средние века». Им были обследованы расположенные на южных склонах Каратау остатки ирригационных сооружений вокруг Сыганак, Саурана, Туркестана, наименования которых известны по письменным источникам эпохи Средневековья. Анализ письменных источников и разведка окрестностей города позволили ученому сделать выводы о том, что водоснабжение и орошение пахотных земель Сыганак осуществлялись с помощью 2 значительных по размерам каналов – Тюмень-Арыка, выведенного из Сырдарьи, и Бузук-Узяка (Бузгил-Узака), выведенного из одноименного озера. Кроме Тюмен арыка и Бузук-Узяка орошение земель в позднее Средневековье происходило с помощью арыков, выведенных из горных речек. В ходе исследований ирригационного отряда были обнаружены остатки 2 распределитель-

ных каналов, подходивших к городу с южной и юго-западной стороны от Сырдарьи. Один канал орошал территорию, прилегающую к городу с западной и северо-западной стороны. Ширина его ложа 5 м, высота валов 1–2 м. Канал был прослежен на расстоянии 1500 м от современного магистрального канала Тюмень-Арык по направлению к основному бугру Сыганака. По всей длине канала расположены трассы 18 распределителей, очевидно, второго порядка (ширина 1,5–2 м), отходящие с обеих сторон от основного русла. На поверхности они прослеживаются лишь у истоков, а затем теряются среди песчаной почвы и кустарников. Еще один канал подходил с южной стороны к городищу, где соединялся со рвом. Русло его сохранилось на протяжении около 300 м, ширина его 3 м. Других ответвлений от этого канала ирригационному отряду обнаружить не удалось. В.Н. Грошев заключил, что с помощью этого ответвления ров заполнялся водой из магистрального канала. В результате наблюдений выяснилось, что оба канала были ответвлениями позднесредневекового Тюмень-Арыка, реконструированного и в настоящее время функционирующего под тем же названием. В восточной части прилегающей к городу местности со стороны гор обнаружены остатки от истоков 3 арыков, начинающихся в межгорных впадинах. Ширина ложа арыков 3 м, их трассы прослеживаются на протяжении 200, 500 и 800 м от истоков. У стен городища В.Н. Грошевым и его отрядом зафиксировано ложе среднего арыка, идущее в направлении главного въезда в город и теряющееся у стен городища (Грошев, 1985, с. 94–96).

Ряд работ орошению Сыганака посвятил С. Жолдасбаев. По его мнению, Сыганак орошался Туман арыком, вырытым представителями племени туман, жившими в окрестностях

Сыганака в XIV–XV вв. (Материалы по истории..., с. 97), в то время как Каллаур предполагает, что название Тюмень-арык происходит от слова «тумен», т. е. «десять тысяч». Также, по мнению С. Жолдасбаева, система орошения Сыганака значительно сложнее оросительной системы Отрара, так как Отрар располагался вблизи устья реки Арысь, в месте ее впадения в Сырдарью, а Сыганак – на расстоянии 20–30 км от Сырдарьи (Жолдасбаев, 2008, с. 155).

Теперь давайте обратим внимание на достоверность письменных источников. О местонахождении города Сыганак в сочинении «Книга большого чертежу или древняя карта Российского государства», обновленной и переписанной в 1627 году, говорится, что город Сыганак (Сунак) расположен на левом берегу Сыра и на противоположной стороне находится Каратау (Карачатова гора). Исследователи считают, что книга была написана между 1584 и 1598 годами. Данные этого труда можно рассматривать как достоверный источник. Потому что, как мы уже говорили, Сырдарья в разные периоды меняла свое русло. Одно из этих старых русел прекрасно сохранилось восточнее города Сыганака на расстоянии до 3 км, начинаясь с юга и юго-запада современного поселка Жанакорган и двигаясь в северо-западном направлении. Название старого русла Сырдарьи, расположенного на востоке Сыганака, сохранилось среди местного населения под названием Караколь (ныне озеро Айдархан). Здесь также можно видеть два ответвления древнего русла – одно из них проходило близ Сыганака на юго-запад от Караколя, а второе – на север (рис. 1).

Первое русло, то есть Караколь (озеро Айдархан), сворачивая от озера на юго-запад и проходя поблизости от Сыганака, сохранилось как озеро Сунак ата севернее села Екпинды

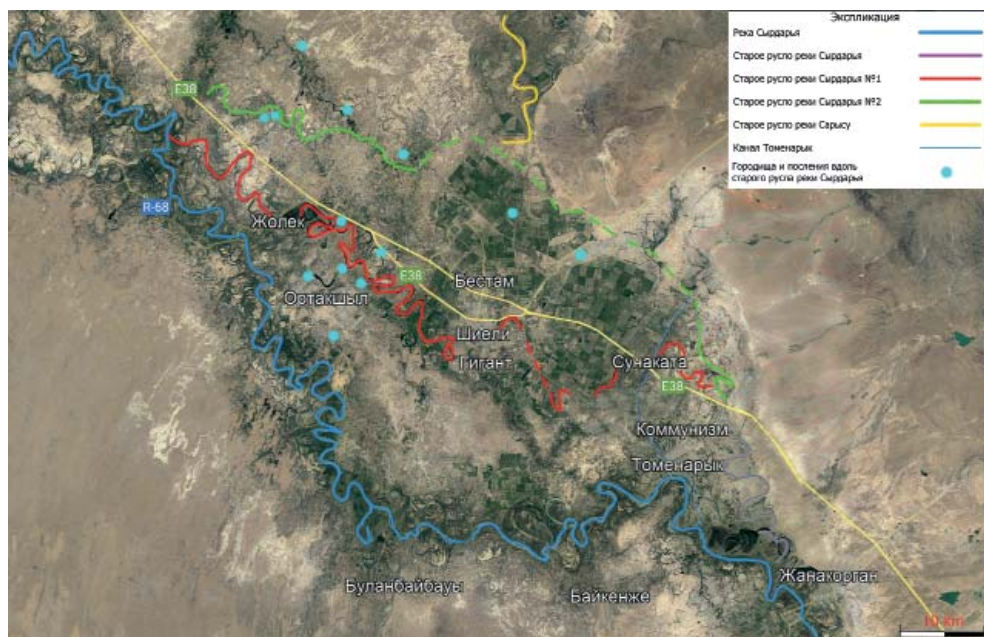

Рис. 1. Карта древних русел в районе средневекового городища Сыганак.

Fig. 1. Map of ancient channels in the area of the medieval settlement Syganak.

на левой стороне трассы Западный Китай – Западная Европа, небольшое озеро Сасыкколь на западе села Авангард. Это русло, двигаясь, проходило по современному городу Шиели в северо-западном направлении и через Байгекум, Жолек и впадало в нынешнее русло Сырдарьи в 60 км на северо-запад от Сыганака. В этом случае Сыганак располагался на правом берегу Сырдарьи (рис. 1).

Второе русло протекало севернее Сыганака. Если сведения письменных источников, описывающие Сыганак как город на левом берегу Сырдарьи, верны, тогда мы думаем, что это второе русло, которое проходит вдоль Каратау. Еще одна интересная деталь – даже в наше время арыки из Сырдарьи, начиная с города Сыганак самотеком текут сразу на север, то есть к подножию Каратау. При расчете специальными средствами мы видим, что старые русла Сырдарьи у подножья Каратау на 7 м ниже уровня современной Сырдарьи и современных

арыков, в том числе канала Сунак ата, который является продолжением Томен арыка. Это русло, протекая вдоль южного подножья Каратау в юго-западном направлении по нынешнему селу Енбекши, соединяется со старым руслом (Нансай). Возможно, река Сарысу из Бетпака и река Шу, проходящая через Мойынкумы, объединившись в оконечности Каратау, впадали в старое русло Сырдарьи. Это старое русло Сырдарьи и сейчас впадает в современное русло реки в окрестностях села Тартогай. В этом случае верным будут данные, что город Сыганак находился на левом берегу Сырдарьи (рис. 1).

Фазлаллах ибн Рузбихан описал Сейхун к северу от Сыганак: «Августейший кортеж развернулся напротив Сыганак со стороны Сейхуна, на склоне высокого песчаного холма, который представляет в виде небольшой горы в том владении и расположен к северу от Сыганак» (Фазлаллах ибн Рузбихан, 1976, с. 117).

Сочинение Рузбихана «Михманнаме-ий Бухара» написано в начале XVI века, «Книга большого чертежа» – в конце XVI века; вполне вероятно, что в это время город Сыганак находился на левом берегу Сырдарьи.

Как было указано выше, старые русла Сырдарьи, которые сейчас сохранились как сухие или затопленные грунтовыми водами, имеют несколько ответвлений к западу от Сыганака. Один из них известен как Нансай (Нан-большой). Как долго функционировали эти русла неизвестно, исследований в этом направлении не проводилось. Однако в 2004–2006 гг. при картографировании археологических памятников Кызылординской области вдоль этих древних русел было выявлено несколько средневековых городов и поселений. Причин, по которым эти города прекратили существование, несколько. Это и агрессивные захватнические войны и природные факторы. Природным фактором является то, что с изменением русла реки города вдоль нее переместились в другое место. Вдоль старых русел к западу и северо-западу от Сыганака выявлены десятки больших и малых поселений, таких как поселение Мортык (X–XIV в.), городище Бестам (X–XIV в.), поселение Торкуль Шиелинский (VIII–XII в.), поселение Торткуль Мортык (X–XII в.), поселение Торткуль Кызылтам (XVIII–XIX в.), городище Актобе Ортакшыл (VIII–XII в.), поселение Жетимтобе (X–XII в.), городище Жаман Актобе (X–XIII в.), поселение Тонирек Там (Ногай Корган) (XVIII–XIX в.), городище Нансай, поселение Торткуль (X–XII в.), городище Омбай (X–XIV в.), Мортык (2) (XIV–XVI в.) (Қазақстан республикасының..., 2011, с. 415–478). Раскопок ни в одном из них не проводилось, но, судя по подъемному материалу, мы можем предположить, что города и поселения функционировали в период от VIII–X вв. до XVIII–

XIX вв. О времени существования этих русел можно точнее говорить по результатам раскопок этих городов и поселений. Это связано с тем, что жизнь в этих городах, поселениях могла прекратиться не только из-за изменения русла реки, но и других политических причин, войн (рис. 1).

Следует отметить, что реки Мынбулак, Шолак (Дарбаза), Арыстанды, Кызылтал, Кете-Шалкия из Каратау не подходят для орошения Сыганака. Потому что между Каратау и Сыганакком уровень старого русла Сырдарьи ниже. В грамотах говорится только о том, что эти горные реки выделены в качестве земель, непосредственно принадлежащих городу. В ходе разведочных исследований мы убедились, что практически все современные названия гидронимов из Каратау сохранили прежние названия. Здесь также упоминается родник Токтамыш (Тохтамыш), Харащ (Кыраш) (Якубовский, 1929, с. 137). Исток родника Кыраш расположен в 70 км к юго-востоку от Сыганака, на южном склоне Каратау в 5,9 км к северу от современного села Кыраш, а имеющий несколько истоков родник Токтамыс расположен в 9,5 км на северо-восток от названного села. По этим данным мы можем видеть, насколько обширными были размеры земледельческой округи, принадлежавшей городу Сыганак.

Следов арыков, протянутых из Сырдарьи, в настоящее время в городе Сыганак сохранилось много. Среди них и каналы, известные нам из письменных источников, такие как Тумен арык или Ески Тумен арык, Булдырык, Бозгылт озек.

Таким образом, сомнения некоторых исследователей, вызванные противоречивыми сведениями письменных источников относительно местонахождения города Сыганак (то на правом берегу, то на левом), необоснованы, это не город менял место, а менялось русло реки Сырдарьи.

Будущие комплексные изучения данные о времени существования поселений, встречающихся вдоль этих каналов. этих русел, позволят получить новые

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Хронологическая классификация керамики // Труды Института истории, археологии и этнографии. Археология. Отдельный оттиск. Т. 5 / Алматы: Изд-во Академии Наук Казахской ССР, 1958. С. 3–215.
2. *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан (1902 г) // ЗВОРАО. Т. 15. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. 278 с.
3. *Грошев В.Н.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алматы: Наука, 1985. 156 с.
4. *Каллаур В.А.* Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) в Перовском уезде разрушенные Чингиз ханом в 1219 г. // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии (1899–1900), 5, протокол № 1 от 7.П.1900. С. 9–11.
5. Книга Большому чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
6. *Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В.* Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алматы: Наука, 1969. 655 с.
7. *Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. 40 с.
8. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1710 г. СПб., 1882.
9. *Смирнов Е.А.* Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарья // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии от 17 февраля. 1897. С. 1–44.
10. *Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфгани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Отв. ред. А.К. Арендса. М.: Наука, 1976. 334 с.
11. *Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры II. Ленинград: Издание ГАИМК, 1929. С. 123–159.
12. *Жолдасбаев С.* Сығанақ аумағын суландыру жүйесі жайлы пікірлер // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 2008. №1. С. 153–156.
13. Қазақстан республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы / Отв. ред. Б. Куандықов, К. Байпаков, Ж. Курманкулов. Алматы: Аруна, 2011. 504 с.

Информация об авторах:

Мургабаев Сагынбай Серикбаевич, магистр, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Малдыбекова Лаззат Джумагуловна, научный сотрудник. Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); lazzat.maldybekova@ayu.edu.kz

Бахтыбаев Мэлс Маратович, магистр, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Жетибаев Копжасар Мустафаевич, кандидат исторических наук, директор. Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); kopzhasar.zhetibaev@ayu.edu.kz

Гурсой Музаффер, Ph.D., и.о. доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Сиздинов Багдаулет Сапарбаевич, Ph.D., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт археологии Международного казах-

ско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

HISTORY OF THE SYGANAK IRRIGATION

S.S. Murgabayev, L.D. Maldybekova, M.V. Bakhtybaev, K.V. Zhetybaev,
M. Gursoy, B.S. Sizdikov

When studying medieval cities, along with the complex issues, including the structure, defense system, localization of cities according to written sources, identifying economic districts, is the study of the ancient irrigation system. Although the city of Syganak is mentioned in Arabic and Persian sources of the 10th century, we can find data on the irrigation system of the city in the work of the 16th century “Mikhman-name-iy” by Bukhara Fazlallah ibn Ruzbikhan. The waqf letters discovered by V.V. Bartold mention rivers near the city of Syganak and canals drawn from the Syrdarya. Data on the irrigation of Syganak are contained in the “Book of the Big Drawing”, “Drawing Book of Siberia” by S. Remezov. In Soviet times, E.I. Ageeva and G.I. Patsevich, V.N. Groshev drew attention to the issues of the irrigation system of Syganak. S. Zholdasbaev, who studied the city of Syganak for many years, paid special attention to the origin of the name of the canal Tuman aryk, derived from the Syr Darya. In this article, the authors drew attention to a controversial issue related to the location of the medieval city of Syganak. In some sources, the city is located on the right bank, in others – on the left bank of the Syrdarya River. Some researchers, relying on these sources, suggest that another city, Syganak, is mentioned in written sources. Our field studies have shown that the Syr Darya had several old channels in the vicinity of the city of Syganak. The discovery of these channels confirms that at one time the city was located on the left bank of the Syr Darya. The Sarysu and Shu rivers from Central Kazakhstan and Semirechye at the northwestern end of Karatau flowed into these old channels. Also, in the course of research along the ancient canals, several medieval cities and settlements of the cities of the Syr Darya were identified. The article provides information about ditches, derived from the Syr Darya, also provides data on the rivers originating in the southern part of Karatau, about their ancient names. The authors reveal that the toponymic names of Kyrash, Toktamys, Kelte-Shalkiya, Arystandy, Mynbulak found in vakuf charters have retained their names to this day.

Keywords: archaeology, Syganak, Syrdarya, irrigation, channel, ancient settlement, Karatau, written source.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography)* V. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 3–215 (in Russian).
2. Bartold, V. V. 1904. *Otchet o komandirovke v Turkestan (1902 y).* (Report on a business trip to Turkestan 1902). Series: *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society) 15. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
3. Groshev, V. N. 1985. *Irrigatsiya Yuzhnogo Kazakhstana v srednie veka (Irrigation of Southern Kazakhstan in the Middle Ages)*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Kallaur, V. A. 1900. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzheniya lyubiteley arkheologii (1899–1900, 5)* (Minutes of meetings and reports of members of the Turkestan of archeology lovers. year V), 9–11 (in Russian).
5. In Serbina, K. N. 1950. *Kniga Bol'shomu chertezhu / (The Book of the Great Map)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
6. Ibragimov, S., Pishchulina, K., Iudin, V. 1969. *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–17th Centuries)*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Lerkh, P. 1870. *Arkheologicheskaya poezdka v Turkestanskiy kray v 1867 godu (Archaeological Trip to the Turkestan Region in 1867)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

The work was carried out within the framework of the project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. BR10965310 “Comprehensive archaeological study of the object of historical and cultural heritage – the medieval settlement of Syganak”.

8. Remezov, S. U. 1882. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1710 g.* (The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son boyar Semyon Remezov in 1710).

9. Smirnov, E. A. 1897. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii. 17 Fevralia* (Minutes of meetings and reports of members of the Turkestan of archaeology lovers. February 17th), 1–44 (in Russian).

10. Fazlallakh, Ibn Ruzbikhan Isfagani. 1976. In Arends A. K. (ed.). *Mikhman-name-yi Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)* (Notes of the Bukhara guest). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Yakubovsky, A. Yu. 1929. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture) II. Leningrad, 123–159 (in Russian).

12. Zholdasbaev, S. 2008. In *Izvestiia NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk* (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series) 1, 153–156 (in Kazakh).

13. Kuandykov, B., Baypakov, K., Kurmankulov, Zh. (eds.). 2011. In *Qazaqstan respublikasynyn tarikhi zhane madeni eskertkisherinin zhinagy. Qyzyorda oblysy* (Collection of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda region). Almaty: "Aruna" Publ. (in Kazakh).

About the Authors:

Murgabayev Sagynbay S. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Maldybekova Lazzat D. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; lazzat.maldybekova@ayu.edu.kz

Bakhtybaev Mels M. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; mels.bakhtybaev@ayu.edu.kz

Zhetibaev Kopzhasar M. Candidate of History Sciences. Director of the Research Institute of Archaeology. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; kopzhasar.zhetibaev@ayu.edu.kz

Gursoy M. Ph.D. Associate professor. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Sizdikov Bagdaulet S. Ph.D. Associate professor. International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОСТАНКОВ ИЗ ДВУХ НАИБОЛЕЕ КРУПНЫХ МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ 1238 Г. В ЯРОСЛАВСКОМ ДЕТИНЦЕ¹

© 2022 г. Х.Х. Мустафин, А.В. Энговатова, И.Э. Альборова, А.А. Тарасова

В статье приводятся результаты генетических исследований останков людей, погибших и погребенных в 1238 г. на территории детинца г. Ярославль. В отличие от анализа данных археологических, антропологических и письменных источников, анализ древней ДНК позволяет непосредственно изучать состав населения этого города в момент монгольского завоевания. Судя по генетическому профилю как Y-хромосомной, так и митохондриальной ДНК, около 40% исследованной нами выборки не относится к доминирующим гаплогруппам. Наименьшая однородность по Y-хромосоме характерна для выборки из захоронения в яме № 110, которое располагалось вблизи фортификационных сооружений. В нем же были обнаружены останки двух мужчин, относящихся к гаплогруппе R1a(Z93), маркирующей возможное «восточное» происхождение их предков. На взгляд авторов, в погребения у стен детинца могли попадать не только простые жители города и его окрестности, но и профессиональные воины-защитники, а также нападавшие. Без погребального инвентаря и в условиях санитарного захоронения определить, кем были мужчины «восточного» происхождения, не представляется возможным. Однако их присутствие, несомненно, влияет на генетическое разнообразие городского населения.

Ключевые слова: археология, древняя ДНК, генетическая экспертиза, средневековый город, население Ярославля, Поволжье, генетический профиль, массовые захоронения

Введение

Исследования социального и этнического состава населения древнерусских городов традиционно проводились посредством анализа данных археологических, антропологических, эпиграфических и письменных источников. В рамках современного междисциплинарного подхода для этих целей стали применяться такие относительно новые естественно-научные методы, как оценка изотопного состава костной ткани и анализ древней ДНК.

Изучение генетических профилей групп древнего населения – актуальная задача, решение которой стало возможным лишь в последние десятилетия в связи с совершенствованием методов молекулярно-генетического анализа скелетированных останков. Пестрота генофонда городского на-

селения не могла быть в полной мере оценена классическими методами антропологии, такими как, например, краниометрия или краниоскопия. Упомянутые методы позволяют лишь опосредованно рассматривать генетические процессы в палеопопуляциях, в то время как генетическая экспертиза – это переход на новый качественный уровень к прямому, непосредственному изучению генотипов и их совокупностей.

В начале 2022 г. нами были опубликованы результаты ДНК-анализа останков из одного из массовых захоронений на территории ярославского детинца – сооружения № 76 (Мустафин и др., 2022). Девять подобных «братских могил» были обнаружены и изучены при работах экспедиции ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой в 2005–2008, 2020,

¹ Археологическая часть статьи подготовлена в рамках плановой темы "Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг." № НИОКТР 122011200265-6.

2021 г. Судя по результатам комплексных исследований, они одновременны и совершались с целью санитарного погребения погибших при разорении города войсками хана Батые в 1238 г. (Энговатова и др., 2012; Энговатова, 2019; Engovatova et al., 2021). Было показано, что при разной частоте встречаемости в выборке из массового захоронения в сооружении № 76 и серии XII–XIV вв. из негородских некрополей северо-запада Новгородской земли представлены одни и те же гаплогруппы Y-хромосомы. Однако численность мужской выборки из сооружения № 76, составлявшая всего 8 индивидов, позволила нам получить представление только о ее структуре, а не о генетическом профиле городского населения Ярославля в целом. Дальнейшее изучение уникальной антропологической серии из Ярославля, представляющей собой коллекцию скелетных останков более двухсот пятидесяти индивидов из массовых захоронений 1238 г., позволит охарактеризовать генетическое разнообразие в одном из крупнейших городских центров Древней Руси в домонгольскую эпоху.

Перспективным также является изучение представленности и процентного соотношения гаплогрупп в наиболее крупных по количеству погребенных людей массовых захоронениях, обнаруженных в разных частях ярославского детинца, с целью выявления их возможной специфики. На некоторые различия в их половозрастной структуре ранее обращали внимание антропологи (Гончарова, Бужилова, 2007, с. 58; Энговатова и др., 2009; Тарасова, 2019, т. 1, с. 94, 108).

Отдельным вопросом, ответ на который также может дать генетическая экспертиза, является установление наличия останков мужчин, «восточное происхождение» которых давало бы основание с какой-то долей вероятности предполагать их принадлежность

войску Батые. Краниологический анализ в целом не предназначен для целей индивидуальных реконструкций. Его результаты теоретически могли бы указать на присутствие явно отличающихся от генеральной совокупности морфотипов, характерных для монголоидов. Однако, как известно из письменных источников, часть войск хана Батые составляли представители покоренных монголами народов (Кучкин, 2020, с. 4), которые могли обладать вполне европеоидной внешностью (например, жители среднеазиатских городов, таких как Хорезм, Бухара и др.). Археологический контекст (сохранившиеся «половецкие» сапоги) и индивидуальная антропологическая характеристика одного из погребенных в сооружении № 76 позволяли заключить, что этот индивид мог быть «инородным» для Северо-Восточной Руси элементом, однако по итогам молекулярно-генетической экспертизы это не было подтверждено (Энговатова, 2012; Мустафин и др., 2022; Андреева и др., 2022). Подбирая образцы для анализа ДНК из двух самых крупных по численности массовых захоронений мы в первую очередь останавливали свой выбор на мужчинах, черепа и кости посткраниального скелета которых несли следы прижизненных, возможно, боевых травм, а также обладавших т. н. «комплексом всадника»¹. На наш взгляд, эти люди могли быть как воинами-защитниками Ярославля, так и нападавшими.

Материал и метод

Материалом для данного исследования послужила выборка образцов костных останков людей из двух самых больших по численности массовых захоронений – сооружения № 9 и ямы № 110. Первое из них находилось в центре города недалеко от Успенского собора, второе – вблизи линии фортификационных сооружений (рис. 1). При изучении антропологической выборки из сооружения № 9 было зафик-

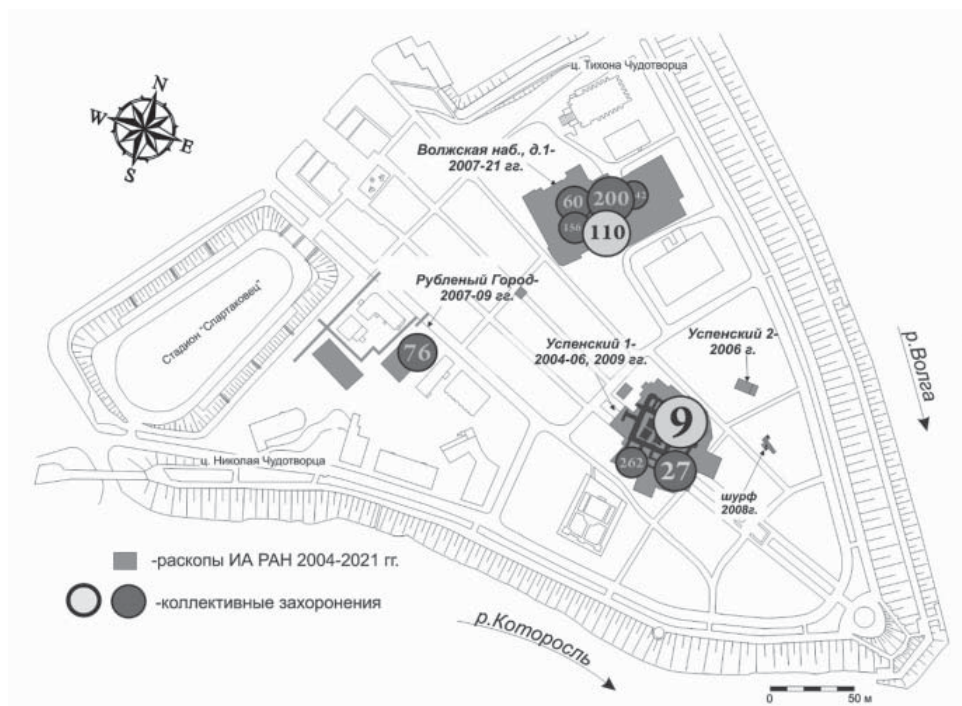

Рис. 1. Расположение раскопов и массовых обнаруженных массовых захоронений на территории центра Древнего Ярославля.

Fig. 1. Location of excavations and mass graves found on the territory of the center of old Yaroslavl.

сировано двукратное преобладание числа женщин и небольшое относительное количество молодых мужчин (Гончарова, Бужилова, 2007, с. 58). В захоронении в яме № 110, напротив, обнаружено намного больше останков мужчин (64,6%), чем женщин (35,4%). В сооружении № 9 при этом также было представлено намного больше, чем в яме № 110, детей – 26 и 8% соответственно (Тарасова, 2019, т. 1, с. 94, 108). Эта тенденция – преобладание мужчин в погребениях у городских стен и женщин и детей в центре древнего детинца – сохраняется и при подсчете объединенных по топографическому принципу выборок, включающих и остальные изученные массовые захоронения (Археология древнего Ярославля, 2012, с. 241; Тарасова, 2019, т. 1, с. 126, 127).

Для проведения палеогенетических исследований сотрудниками

Института археологии РАН были отобраны образцы в виде зубов или фрагментов костей. Пробоподготовка и выделение ДНК осуществлялись в специальном лабораторном помещении, находящемся на этаже, на котором никакие другие генетические исследования не проводятся. В лаборатории фильтровентиляционная система создает избыточное давление, и все работы по комплексной обработке образцов и выделению из них древней ДНК происходят в системе герметичных перчаточных боксов, соединенных передаточными камерами. Важным моментом при этом является использование особо чистого азота для замещения воздуха в перчаточных боксах и шлюзовых камерах. Указанные меры направлены на предотвращение такого опасного явления, как контаминация. Все последующие работы по ПЦР амплификации, приго-

товлению NGS библиотек проводятся на другом этаже в лабораторном помещении, изолированном от современной ДНК, также в специальных изоляторах с газовой средой из особо чистого азота.

Древняя ДНК выделялась из костной муки, получаемой в результате пробоподготовки в соответствии с известным и широко используемым в палеогенетике протоколом, описанным в работе, посвященной выделению ДНК из древних образцов костной ткани (Dabney et al., 2013).

Количественную оценку качества выделенной ДНК, а также пол исследуемого индивида определяли с использованием набора реагентов Quantifiler™ Trio (TFS). Для генотипирования ДНК, принадлежащей индивидам мужского пола, по 27 STR-маркерам Y-хромосомы использовался высокочувствительный набор Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (TFS). Указанный набор реагентов в применении к деградированной ДНК древних образцов дает в ряде случаев весьма неплохие результаты (Csáky et al., 2020; Стасюк, 2020; Сиротин и др., 2019; Mary et al., 2019; Naak W., et al., 2008). Фрагментный анализ осуществлялся на секвенаторе AB3500xl (TFS), а последующая обработка данных выполнялась программой IDX v.1.4 GeneMapper (TFS). Предполагаемая гаплогруппа определялась в онлайн-программе <https://www.nevgen.org/>.

Для NGS Y-хромосомы при приготовлении геномных библиотек использовался набор реагентов «GenSeq-конструктор таргетных ДНК библиотек v1.1» (АНИПРО, Россия). Таргетное NGS проводилось с помощью набора реагентов VariFind™ M-RU module IL-v.1 (Parseq Lab). Набор содержит праймеры по 32 SNP маркерам Y-хромосомы, по 52 SNP маркерам X-хромосомы и по 288 аутосомным SNP маркерам.

Для митохондриальной ДНК таргетное NGS гипервариабельных сегментов I, II, III (ГВС-I, II, III) было проведено с помощью набора реагентов PowerSeq™ CRM (Promega), охватывающего расширенную контрольную область с координатами 16013–16569 и 1–592.

Биоинформационная обработка результатов NGS выполнялась стандартными средствами. Картирование осуществлялось на полный геном человека (GRCh38.p7, PRJNA31257) и последовательность mt-DNA человека (rCRS, NC_012920.1). Отфильтровывались варианты, не соответствовавшие следующим критериям: глубина прочтения > 15x, качество картирования > 35.

Анализ NGS данных mt-DNA проводился с использованием программного обеспечения GeneMarker HTS Software (SoftGenetics), а вероятная гаплогруппа митохондриальной ДНК определялась в онлайн-программе <https://empop.online>. Более подробно методика описана в предыдущих статьях участников настоящей работы (Стасюк и др., 2020; Мустафин и др., 2022).

Результаты и обсуждение

При фрагментном анализе получены гаплотипы для одиннадцати мужчин из сооружения № 9 и восьми из ямы № 110. По этим данным были предсказаны Y-хромосомные гаплогруппы. Таргетное NGS Y-хромосомы было осуществлено для всех этих мужских образцов, кроме одного, для которого концентрация выделенной ДНК оказалась слишком малой (инд. 154 из сооружения № 9). По результатам NGS митохондриальной ДНК определены митотипы и по ним предсказаны митохондриальные гаплогруппы для девяти индивидов (8 мужчин, 1 женщина) из сооружения № 9 и восьми (4 мужчины, 4 женщины) из ямы № 110.

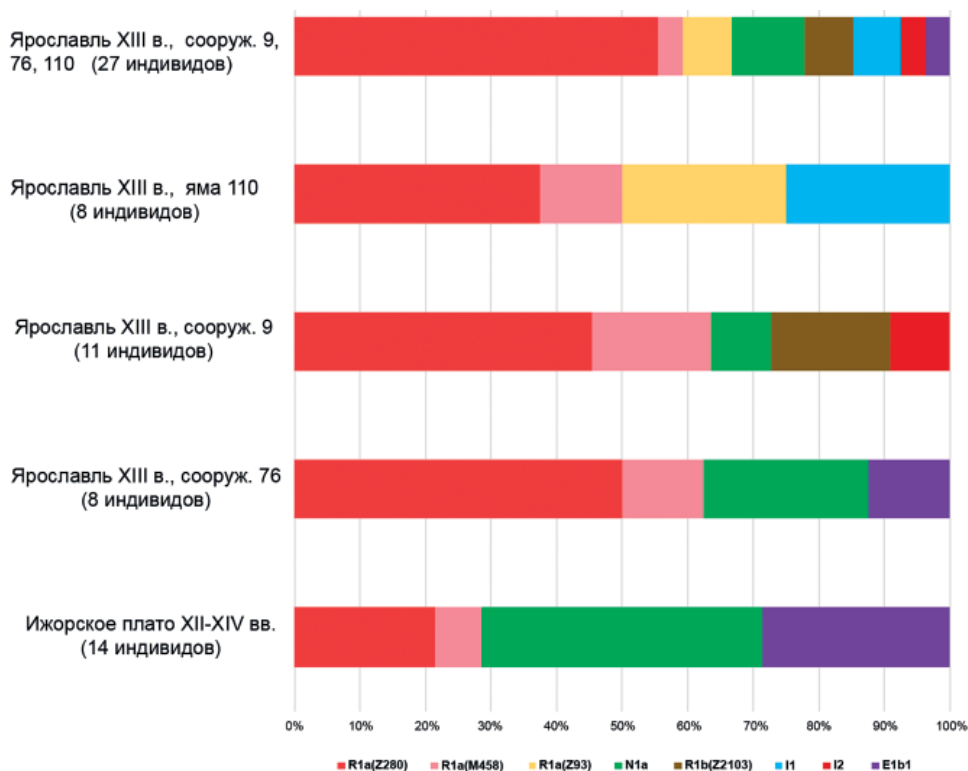

Рис. 2. Соотношение Y-хромосомных гаплогрупп в выборках.

Fig. 2. The ratio of Y-chromosomal haplogroups in the samples.

Результаты генетического анализа Y-хромосомы и митохондриальной ДНК представлены в таблицах 1–3. В таблицах 4 и 5 собраны опубликованные данные о встречаемости Y-хромосомных и митохондриальных гаплогрупп, обнаруженных у индивидов из массовых захоронений в Ярославле, в других средневековых сериях.

Во всей исследованной нами на данный момент серии выявлено преобладание останков мужчин, относящихся к субкладам R1a(Z282>Z280) и R1a(Z280>M458). Они составили чуть более 60% выборок из сооружений № 9 (инд. № 25, 32, 34, 36, 42, 54, 100) и 76 (инд. № 1, 2, 8, 14, 15) и почти 50% из ямы № 110 (инд. № 70, 71, 72, 78, 79). Эти субклады встречались также в памятниках IX–XIII вв. на территориях Польши, Эстонии,

Швеции, Дании и Венгрии². Среди мужчин из сооружения № 9 оказался индивид (№ 116) с гаплогруппой N1a, также встреченной среди образцов из сооружения № 76, распространение которой весьма обширно и описано в нашей предыдущей статье (Мустафин и др., 2022). У остальных индивидов из исследуемых захоронений были выявлены гаплогруппы, не найденные в ранее изученном погребении в сооружении № 76.

Сравнение представленности гаплогрупп в трех (включая сооружение № 76) исследованных нами массовых захоронениях показало наибольшее разнообразие в выборке из ямы № 110, которая располагалась вблизи фортификационных сооружений (рис. 2). Это можно заключить исходя из наименьшей частоты встречаемости в яме № 110 самых рас-

Таблица 1

Результаты фрагментного анализа
Y-хромосомы исследованных индивидов (гаплотипы)

Сооружение	№ индивида	Локусы Y-хромосомы																											
		DYS393	DYS390	DYS19	DYS391	DYS385 a	DYS385 b	DYS439	DYS389 I	DYS392	DYS389 II	DYS458	DYS437	DYS448	DYS449	DYS460	Y-GATA-H4	DYS456	DYS576	DYS570	DYS438	DYS481	DYS533	DYS665	DYS627	DYS518	F38/S1 a	F38/S1 b	
9	22	13	24	16	11	13	15	13	13	11	31	17	15	19	30	10	11	15	18	18	10	13	23	20	39	37	39		
	25		25	15	10		14		14		30	15		19		11		16		18	11	23	12	23	17	43	38	38	
	32	13	25	16	10	11	14	11	13	11	29	16	14	20		11	12	17	18	19	11	25		23	16	44	37	38	
	34	13	25	16		11	16	11	13	11	30	15	14	19		12	13	16	17	19	11	23	13	23	16	39	36	38	
	36	13	25							13	30								19					24	23				
	p42	13	24			12	14	11	13		30	15	14		34	11		18	18	11				23					
	54			17	10	10		11	13		30	18			31	12		16		18	11	25	12	22	17	41	36	39	
	100	13		17		14	14	10	13			15	14			11		15	17	19				24					
	110	12	25										14						19										
	116	13	23	14		11	14	11	13	13		17	15	19	29	12		17	17	17	11	21	12	23		37	36	36	
154	12	25			11	14		13					19		10		16	20					24						
110	23	13	24	17			14	10	14		32	16	14	20	30	12	12	17	18	20	11	23		23	18	41	36	37	
	67	14	24	14		13	13	11	12		28	14	16	19	28	10	11	15	17	19		26	11	21			38	39	
	70	13	24	16		14	14	11	14		30	16	14			11	12	18	18	19	11	27	23	17					
	71	13	25	15	11	11	15	10	13	11	31	16	14	21	32	11	13	15	18	19	11	23	12	23	16	42	38	39	
	72	13	24			11	14	12	13	13		17	15				12	16	18	16	12	22		24	22	38	36	36	
	78	12	24	15	10	14	17	13	12	12		17	14	19		11	11	15	16	22	9	23		23					
	79	13	24			11	14	10	13		30	15	14	19		11	12	16	17	21	11	22		23	17		38	38	
	81	13	24	14	10	14	14	11	12	11	28	15	16	20	27	10	11	14	15	19	10	26		22	19	41	36	37	

Таблица 2

Y-хромосомные гаплогруппы исследованных индивидов

сооружение	Номер индивида	Возраст, лет	Предиктор Y-гаплогруппы по <i>nevegen.org</i>	Y-гаплогруппа по NGS
9	22	45-49	I2a1b (M423)	I2a1b (M423)
	25	25-29	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1b1a2 (Z280)
	32	40-45	R1a (Z282>M458)	R1a1a1b1a1 (M458)
	34	40-49	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1b1 (Z283)
	36	25-35	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1b1a (Z282)
	p42	50+	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1b1a (Z282)
	54	30-39	R1a (Z282>M458)	R1a1a1b1a (Z282)
	100	18-23	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1 (M417)
	110	25-29	R1b (L23>Z2103)	R1b1a1b1 (L23)
	116	35-45	N1a2 CTS6380	N1a2 (F1008)
154	40-49	R1b (L23>Z2103)		
110	23	35-45	R1a (Z93>Z94)	R1a1a1b2a (Z94)
	67	25-35	I1a (CTS1800>DF29)	I (CTS1800)
	70	25-29	R1a (Z282>M458)	R1a1a1b1a1 (M458)
	71		R1a (Z282>Z280)	R1a1a1b1a2 (Z280)
	72	30-39	R1a (Z282>Z280)	R1a1 (M448)
	78	30-39	R1a (Z282>Z280)	R1a1a1 (M448>M417)
	79	30-39	R1a (Z93>Z94)	R1a1a1b (M448>M417>Z645)
	81	45-49	I1a (CTS1800>DF29)	I1a1 (CTS1800>DF29>CTS6364)

Таблица 3

Митотипы и предсказанные по ним гаплогруппы исследованных индивидов

Номер сооружения	Номер индивида	Пол	Митотипы	Митохондриальные гаплогруппы по <i>empor. online</i>
9	22	М	A73G T146C T195C A259G A263G A302AC T310TC G513GCACA T16093C T16224C T16311C T16519C	K
	32	М	A73G T152C G185A A263G C462T T489C C16069T T16093C T16126C T16224C C16294T G16319A T16311C	I1c
	34	М	T146C T239C A263G A302AC T310TC C553T T16362C A16482G	H6
	36	М	T146C	HV
	54	М	C16184T C16185T C16192T	H
	65	Ж	A73G T152C A189G T195C T204C G207A T213C A263G C299T A302AC C303CT T310TC C325T C16223T T16263C C16320T T16519C	W
	100	М	A73G T146C T152C T195C A263G G380A AC493A C602A T16224C T16311C T16519C	K
	110	М	T152C A263G	H
	154	М	A73G A189G C194T T195C T204C G207A A263G T310TC C375T C552T C16223T C16292T T16519C T16325C	W6
	23	М	T72C A73G A93G T152C G228A A263G C298T C16223T T16298C A16399G G16483A G16558A	HV
110	42	Ж	A111C C150T C575T C16218T C16221T C16223T T16224C	H
	49	Ж	A263G T310TC C456T T16304C C16400T	H
	69	Ж	C150T T16189C	H
	71	М	A73G T146C T152C A263G T16519C	H
	79	М	A73G T195C A263G C497T T507C C16111T T16224C T16311C G16483A T16519C G16558A	K
	81	М	A73G C150T A263G C16111T C16270T G16483A G16558A	USb
	83	Ж	G143A T152C G16483A	H

пространенных в ярославской серии Y-хромосомных гаплогрупп R1a(Z282>Z280) и R1a(Z280>M458).

Важным результатом молекулярно-генетической экспертизы останков из массовых погребений в сооружении № 9 и яме № 110 стало выявление присутствия в них мужчин, происхождение или распространение гаплогрупп, к которым они принадлежат, в древности и современности³ тяготеет к различным регионам за пределами Восточной Европы. К таковым относятся гаплогруппы I1a, I2a, R1b(Z2103) и R1a(Z93). Их присутствие существенно увеличивает неоднородность генетического профиля населения Ярославля. Отмечая эту неоднородность, нельзя не упомянуть, что исследуемая серия является уникальной и представляет собой одномоментный «срез» людей, которые находились внутри городских укреплений в момент штурма 1238 г. В их числе могли оказаться как постоянные жители города и его округа, которые, судя по письменным источникам, могли иметь разное происхождение, так и застигнутые в нем иноземные торговцы, команды их «караванов», а также и сами нападавшие. Велико искушение причислить к последним индивидов «восточного» происхождения (с гаплогруппой R1a(Z93)) из ямы

№ 110, однако при отсутствии погребального инвентаря и в условиях санитарного захоронения невозможно определить были ли эти мужчины горожанами, торговцами, защитниками или нападавшими. К тому же все вышеперечисленные гаплогруппы без исключения также встречались в средневековых восточноевропейских могильниках (табл. 4).

Из четверых мужчин из ямы № 110, на костях черепа которых были обнаружены дефекты от заживших травм, лишь один (инд. № 72) принадлежал к самому распространенному в исследованной нами ярославской серии субкладу R1a(Z282>Z280). Еще двое (инд. 67, 81) оказались носителями I1a(DF29), а один (инд. 79) – R1a(Z93). Косвенно это может быть свидетельством военной специализации данных индивидов, однако для эпохи Средневековья нам известно о том, что и торговцы имели отношение к военным занятиям и должны были обладать «боевыми» навыками, которые позволяли бы, например, защитить свои товары (Стефанович, 2012, с. 347, 483).

Реконструкции лиц по черепам мужчин, принадлежащих самой распространенной среди ярославцев гаплогруппе R1a(Z282), а также индивидов, принадлежащих субкладу

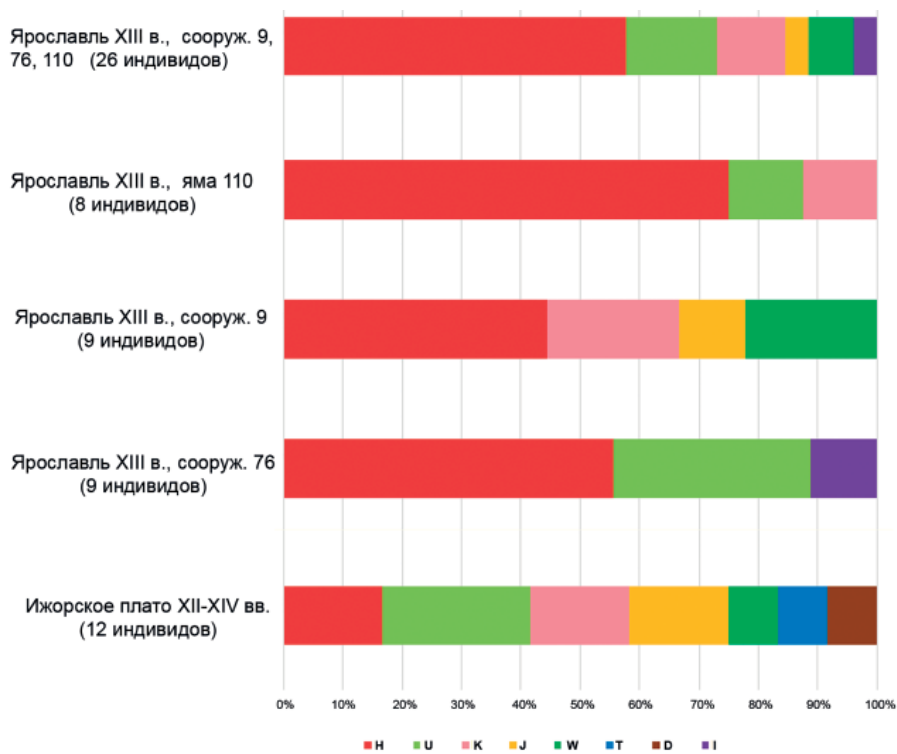

Рис. 3. Соотношение митохондриальных гаплогрупп в выборках.

Fig. 3. The ratio of mitochondrial haplogroups in the samples.

R1a(Z93), маркирующему, вероятно, восточное происхождение, представлены на рисунке 4.

Рассматривая генетический профиль Y-хромосомной ДНК объединенной выборки из всех трех исследованных массовых захоронений (рис. 2), можно констатировать, что с увеличением численности образцов открывается картина наличия среди жертв события 1238 г. людей разного происхождения, в том числе мужчин, предки которых, возможно, были выходцами из различных регионов Азии. Их присутствие способствует более «пестрой» и разнородной картине генетического разнообразия в исследуемой нами городской серии по сравнению, например, с выборкой из погребений сельского населения XII–XIV вв. с территории Ижорского плато. Безусловно, для описания генетического профиля населения средне-

векового Ярославля более бесспорным были бы данные, полученные по людям, погребенным на городских некрополях. Однако исследование серии из массовых захоронений позволяет узнать, кто находился в городе в день штурма, что является свидетельством генетической неоднородности городской популяции в конкретный исторический момент времени.

Наибольшее разнообразие митохондриальных гаплогрупп (рис. 3) зафиксировано в выборке из захоронения в сооружении № 9, располагавшегося вблизи Успенского собора. В объединенной ярославской серии неоднородность по митохондриальной ДНК хоть и велика, однако все же уступает неоднородности в серии из негородских некрополей XII–XIV вв. с территории Ижорского плато, что, на наш взгляд, в будущем требует отдельной интерпретации.

Таблица 4

Опубликованные данные по палеогенетическим исследованиям образцов с Y-гаплогруппами, диагностированными у индивидов из исследованных массовых захоронений

Номер сооружения/ индивида	Гаплогруппа	Место раскопок или название могильника	Датировка	Страна	Публикация
Сооруж. 9: 25, 34, 36, р42, 100 Сооруж. 76: 1, 8, 14, 15 Яма 110: 71, 72, 78	R1a (Z280)	Kukruse, Ida-Viru	1180-1240 гг.	Эстония	Saag et al., 2019
		Saaremaa, Salme (4 graves)	VIII в.	Эстония	Margaryan et al., 2020
		Bodzia	X-XI вв.	Польша	
		Gotland, Frojel	900-1050 гг.	Швеция	Damgaard et al., 2018a
		Karasuyr, Burial 5, Bedpakdala, Karasuyr	1150-1350 гг.	Казахстан	
		Radonezh cemetery, Church of Athanasius the Great	1560-1617 гг.	Россия	
		Teglisy (3 graves), Ratchino (1 grave), Izhora plate	XII-XIII вв.	Россия	
Karos I, II (2 graves)	кон. IX - сер. X в.	Венгрия	Saag et al., 2019		
Сооруж. 9: 32, 54, Сооруж. 76: 2 Яма 110: 70	R1a (M458)	Gotland, Kopparsvik (2 graves)	900-1050 гг.	Швеция	Margaryan et al., 2020
		Gotland, Frojel (3 graves)	900-1050 гг.	Швеция	
		Ladoga	X-XII вв.	Россия	
		Kurevanikha	X-XIII вв.	Россия	
		Sandomierz	X-XI вв.	Польша	
		Cedynia	973-1150 гг.	Польша	
		Langeland, Stengade I	X в.	Дания	Damgaard et al., 2018b
		Gotland, Kopparsvik	900-1050 гг.	Швеция	
		Karos II (4 graves)	кон. IX - сер. X в.	Венгрия	
Сооруж. 76: 7	E1b (V13)	Székkutas-Kápolnadűlő/239	650/660-700/710 гг.	Венгрия	Neparáczi et al., 2019
		Collegno	580-630 гг.	Италия	Amorim et al., 2018
		Velikino (3 graves), Ratchino (1 grave)	XII-XV вв.	Россия	Стасюк и др., 2020
		Oland	200-400 гг.	Швеция	Margaryan et al., 2020
Сооруж. 76: 10	N1a1 (M46>> L1026)	Nordland	VI-X вв.	Норвегия	Margaryan et al., 2020
		Oland	IX-XI вв.	Швеция	
		Saaremaa, Salme (7 graves)	VIII в.	Эстония	
		Skara, Varnhem (3 graves)	X-XII вв.	Швеция	
		Gotland, Frojel (2 graves), Kopparsvik (1 grave)	900-1050 гг.	Швеция	Csáky et al., 2020b
		Gnezdovo	X-XI вв.	Россия	
		Uyelgi, Chelyabinsk region, Kurgan 28 (9 graves)	X-XI вв.	Россия	
		Kunpeszér (7 graves)	сер. VII в.	Венгрия	
		Kunszállás-Fülöpjakab (4 graves)	вт. пол. VII – кон. VIII вв.	Венгрия	
		Csepel	вт. пол. VII в.	Венгрия	
		Petőfiszállás	VII в.	Венгрия	
Szalkszentmárton	перв. треть VII в.	Венгрия	Csáky et al., 2020a		
Сооруж. 9: 116 Сооруж. 76: 11	N1a2 (CTS6380>>L67)	Central Yakutia, Balyktaek	до XVIII в.	Россия	Zvenigorosky et al., 2020
		I2a1 (M423)	Ladoga	IX-XII вв.	Россия
Chernigov	X-XI вв.		Украина		
Karos	IX-X вв.		Венгрия	Neparáczi, E., et al., 2019	
Яма 110: 67, 81	I1a (DF29)	Saaremaa (19 graves)	VIII-IX вв.	Эстония	Margaryan et al., 2020
		Ladoga (9 образцов)	X-XIII вв.-	Россия	
		Gnezdovo	X-XII вв.	Россия	
		Chernigov	X-XIII вв.	Украина	
Яма 110: 23, 79	R1a (Z93)	Karos-Eperjesszög, Nagykörös-Fekete dűlő	X в.	Венгрия	Fóthi, E., et al., 2020
		Karos (2 graves)	X в.	Венгрия	Neparáczi, E., et al., 2019
		Székesfehérvár	X в.	Венгрия	Nagy, P.L., et al. 2021
Сооруж. 9: 110, 154	R1b (Z2103)	Kenézlő-FazekaszugII	X в.	Венгрия	Neparáczi, E., et al., 2019
		Ellwangen	XVI в.	Германия	Immel, A., et al., 2019

Заключение

Изучение уникальной антропологической серии, насчитывающей останки более двухсот пятидесяти

человек, погибших и погребенных на территории ярославского детинца в 1238 г., с использованием методов молекулярно-генетического анализа по-

Таблица 5

Опубликованные данные по палеогенетическим исследованиям образцов с митохондриальными гаплогруппами, диагностированными у индивидов из исследованных массовых захоронений.

Номер сооружения/ индивида	Гаплогруппа	Место раскопок или название могильника	Датировка	Страна	Публикация	
Сооруж. 76: 2	IIa1	Nor_Mid, Sor-Trondelag	XI в.	Норвегия	Margaryan et al., 2020	
		Gotland, Frojel	IX-XI вв.	Швеция		
		Oxford, St_John's_College_Oxford	IX-X вв.	Великобритания		
Сооруж. 9: 32	J1c	Karos (2 graves)	X в.	Венгрия	Margaryan et al., 2020	
		Bodzia	X-XI вв.	Польша		
		Sealand (4 graves), Langeland (2 graves), Jutland, Funen	IX-X вв.	Дания		
		Ladoga (2 graves)	X-XI вв.	Россия		
		Saaremaa (2 graves)	VIII в.	Эстония		
		Gotland (3 graves), Skara, Uppsala (2 graves), Oland	X-XI вв.	Швеция		
		Nor Noth	VIII-XV вв.	Норвегия		
		Easten Settlement (5 graves)	X в.	Гренландия		
		Dorset, Oxford	X в.	Великобритания		
Сооруж. 9: 34, 36, 54, 110 Сооруж. 76: 1, 7, 8, 10, 15 Яма 110: 23, 42, 49, 69, 71, 83	H (и суб-ветви)	Gotland, Kopparsvik, Frojel	IX-XI вв.	Швеция	Margaryan et al., 2020	
		IsleOfMan, Balladoole	IX-X вв.	Остров Мэн		
		Langeland, Bogøvej	X в.	Дания		
		Ladoga	X-XI вв.	Россия		
		Chernigov	X-XI вв.	Украина		
		Saaremaa, Salmе	VIII в.	Эстония		
		Langeland, Kaagården	X в.	Дания		
		Oland	IX в.	Швеция		
		Uyelgi, Chelyabinsk region	IX в.	Россия		Csáky et al., 2020b
		Kongemarken (6 graves), Galgedil (5 graves), Riisby (2 graves)	XI-XIII вв.	Дания		Melchior, L., et al., 2010
Сооруж. 76: 5, 6, 13	U5a	East of Erding (Kletthamer Feld, Upper Bavaria)	IV-V вв.	Германия	Sofeso et al., 2012	
		Norton, Cleveland Market	400-600 гг.	Великобритания	Töpf et al., 2006	
Яма 110: 81	U5b	Nor North (4 graves)	X-XI вв.	Норвегия	Margaryan et al., 2020	
		Oxford	IX-X вв.	Великобритания		
		Gotland (5 graves)	IX-X вв.	Швеция		
		Jutland (2 graves)	X-XI вв.	Дания		
		Gnezdovo	X-XI вв.	Россия		
		Hofstadir (2 graves)	XI-XIII вв.	Исландия		
		Western Sattlement	IX-X вв.	Гренландия		
		Hajdú-Bihar County (3 graves), Szabolcs-Szatmár-Bereg County (2 graves)	X-XI вв.	Венгрия		Maár, K., et al., 2021
Uyelgi, Chelyabinsk region	X-XI вв.	Россия	Csáky et al., 2020b			
Сооруж. 9: 22, 100 Яма 110: 79	K	Funen (2 graves), Jutland (2 graves), Langeland	VIII-XII вв.	Дания	Margaryan et al., 2020	
		Saaremaa	VIII-X вв.	Эстония		
		Easten Settlement (2 graves)	X-XI вв.	Гренландия		
		Hofstadir	IX в.	Исландия		
		Nor Noth	IX в.	Норвегия		
		Ladoga, Gnezdovo	X-XI вв.	Россия		
		Skara (7 graves), Oland (2 graves), Gotland, Karda	IX-XI вв.	Швеция		
		Dorset (2 graves)	X-XI вв.	Великобритания		
		Hajdú-Bihar County (5 graves), Bács-Kiskun County (2 graves), Somogy County		Венгрия		Maár, K., et al., 2021
Сооруж. 9: 65, 154	W	Hiitola (3 graves)	XII-XV вв.	Финляндия	Översti, S., et al., 2019	
		Saaremaa	VIII-X вв.	Эстония	Margaryan A. et al., 2020	
		Ostrów Lednicki	XI-XIV вв.	Польша	Juras, A., et al., 2014	

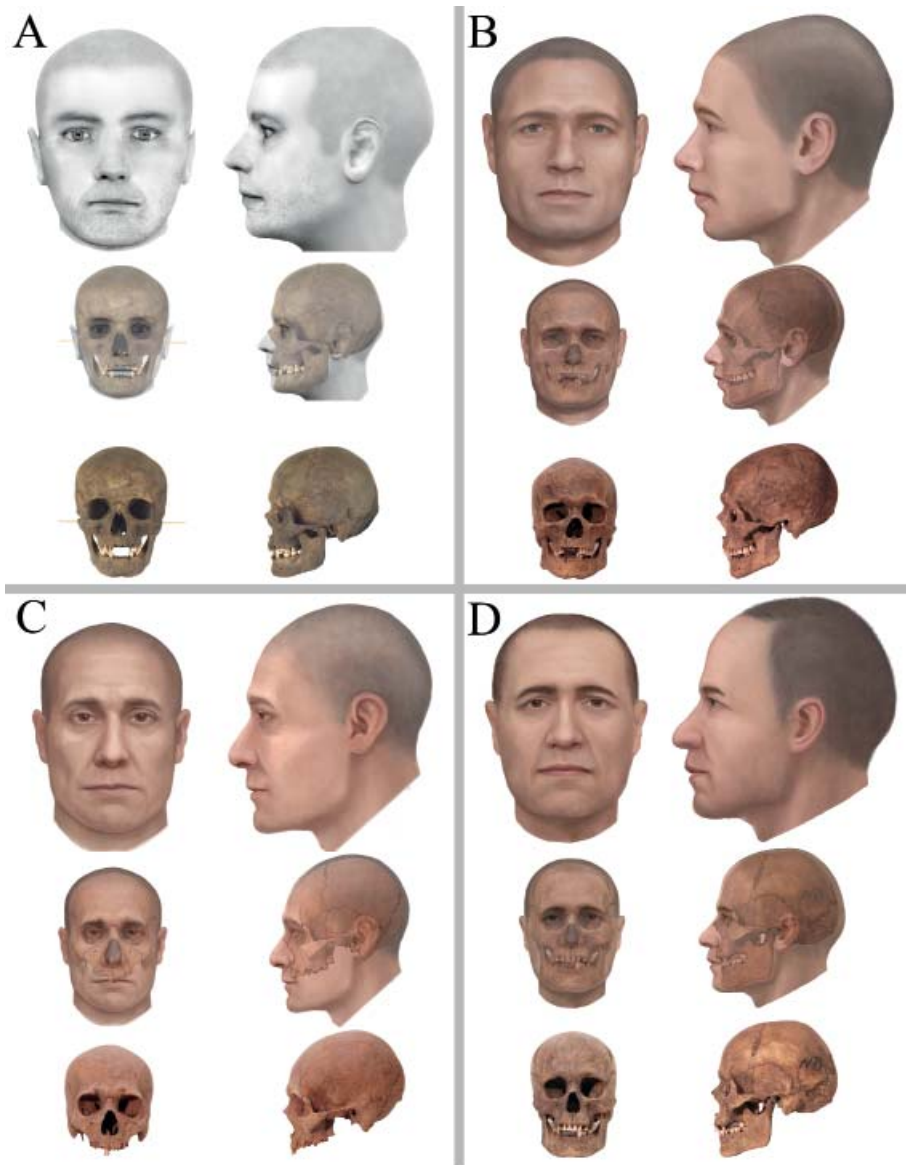

Рис. 4. Реконструкции лиц по черепам индивидов из массового захоронения в яме № 110 захоронений: **A.** Инд. 71. R1a(Z282). Автор – С.А. Никитин; **B.** Инд. 72. R1a(Z282). Автор – А.В. Рассказова; **C.** Инд. 23. R1a(Z93). Автор – А.В. Рассказова; **D.** Инд. 79. R1a(Z93). Автор – А.В. Рассказова.

Figure 4. Reconstructions from the skulls of individuals from the mass grave in pit No. 110 of burials: **A.** Ind. 71. R1a(Z282). Author – S.A. Nikitin; **B.** Ind. 72. R1a(Z282). Author – A.V. Rasskazova; **C.** Ind. 23. R1a(Z93). Author – A.V. Rasskazova; **D.** Ind. 79. R1a(Z93). Author – A.V. Rasskazova.

зволяет на новом уровне обратиться к вопросу о составе населения древнерусского города. С увеличением исследованной выборки открывается картина разнообразия компонентов сложения городской популяции, боль-

ше 40% которой, судя по генетическому профилю как Y-хромосомной, так и митохондриальной ДНК, не относятся к доминирующим гаплогруппам. При этом меньшая однородность по Y-хромосоме характерна для захо-

ронения в яме № 110, которое располагалось вблизи фортификационных сооружений.

Судя по демографическим характеристикам, в выборке из этого захоронения наблюдается значительный «перевес» количества мужчин над женщинами, а также небольшое число детей (Тарасова, 2019, т. 1, с. 94, 108). На наш взгляд, в погребениях вблизи линии укреплений могли находиться не только жители города, участвовавшие в обороне или укрывающиеся за его стенами, но и профессиональные воины-защитники, а также, возможно, нападавшие. Безусловно, при отсутствии погребального инвентаря и в условиях санитарного захоронения без соблюдения какого-либо обряда определить были ли мужчины «восточного» происхождения, выявленные по результатам анализа

ДНК, защитниками или нападавшими, не представляется возможным. В любом случае их присутствие увеличивает неоднородность генетического профиля населения Ярославля в период монгольского нашествия по Y-хромосоме. Более заметным это разнообразие выглядит при сравнении с выборкой из погребений сельского населения с территории Ижорского плато.

Выявленная неоднородность ярославской серии из исследованных захоронений по митохондриальной ДНК хоть и велика, но уступает таковой в серии из негородских некрополей XII–XIV вв. с территории Ижорского плато. В будущем этот феномен требует отдельной интерпретации с привлечением данных письменных и археологических источников.

Примечания:

¹ В большинстве случаев в связи со спецификой комплектности костяков в условиях массовых захоронений санитарного характера были диагностированы лишь какие-либо компоненты описанного А.П. Бужиловой «комплекса всадника» (Бужилова, 2008, с. 110–120).

² Здесь и далее распределение гаплогрупп в средневековых выборках см. в таблицах 4, 5.

³ Здесь и далее для определения современного распространения гаплогрупп использовались обширные базы данных по Y-хромосоме, опубликованные в 2015 году (Willuweit et al., 2015; Балановский, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В., Мальярчук А.Б., Григоренко А.П., Кунижева С.С., Манахов А.Д., Эгноватова А.В., Рогов Е.И. Археогенетический анализ индивида из захоронения с территории древнего Ярославского Кремля // КСИА. 2021. № 265. С. 294–308.
2. Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
3. Афанасьев Г.Е., Вень Ш., Тун С., Ван Л., Вэй Л., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К., Ли Х. Хазарские конфедераты в бассейне Дона // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии / Ред. М.В. Добровольская, Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2015. С. 146–153.
4. Балановский О.П. Генофонд Европы. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 354 с.
5. Бужилова А.П. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // Orus: Междисциплинарные исследования в археологии / Ред. А.П. Бужилова. М.: Параллели, 2008. Вып. 6. С. 110–120.
6. Гончарова Н.Н., Бужилова А.П. Антропологические исследования останков из коллективного захоронения XIII века // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, Музей-заповедник «Ростовский кремль», 2007. С. 56–63.
7. Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30.
8. Мустафин Х.Х., Эгноватова А.В., Альборова И.Э., Тарасова А.А. Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле // Археология Подмосковья. Вып. 18 / Отв. ред. А.В. Эгноватова. М.: ИА РАН, 2022. С. 107–119. DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-367-1.107-119. 1.03 0.25

9. Сиротин С.В., Богачук Д.С., Волошинов А.А., Тарасова А.А., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э. Два необычных захоронения эпохи позднего средневековья в бахчисарайском районе республики Крым // КСИА. 2019. № 256. С. 293–307.

10. Стасюк И.В., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э. «Славянская колонизация» водской земли: историография, проблемы, новые подходы // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2020. № 5. С. 347–361.

11. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно–политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.

12. Энговатова А.В. Рубленный город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 91–111.

13. Энговатова А.В., Антипина Е.Е., Власов Д.В., Добровольская М.В., Карпунин А.А., Осипов Д.О. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2012. С. 185–208.

14. Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68–78.

15. Csáky V., Gerber D., Szeifert B. et al. Early medieval genetic data from Ural region evaluated in the light of archaeological evidence of ancient Hungarians // *Scientific Reports*. Vol. 10: 19137. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75910-z>.

16. Dabney J., Knapp M., Glocke I. et al. Complete mitochondrial genome sequence of a Middle Pleistocene cave bear reconstructed from ultrashort DNA fragments // *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110(39). 2013. №110. P. 15758–15763. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1314445110>.

17. Engovatova A.V., Cherkinsky A., Zaiseva G.I. The extermination of the ancient Russian city of Yaroslavl at the beginning of the 13th century: the long journey to exact dating // *Radiocarbon*. 2021. 62(6):1833–1844 DOI: 10.1017/RDC.2020.137

18. Fóthi, E., Gonzalez, A., Fehér, T. et al. Genetic analysis of male Hungarian Conquerors: European and Asian paternal lineages of the conquering Hungarian tribes. *Archaeol Anthropol Sci* 12, 31 (2020). DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00996-0>.

19. Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyer C., Ganslmeier R. Heyd V., Hawkesworth C., Pike A., Meller H., Alt K. Ancient DNA, strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2008, 105, pp. 18226–18231. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0807592105>.

20. Hollard, C., Keyser, C., Giscard, P. H., Tsagaan, T., Bayarkhuu, N., Bemmman, J., ... & Ludes, B. (2014). Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers. *Forensic Science International: Genetics*. Volume 12. P. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.05.012>.

21. Immel, A., Key, F.M., Szolek, A., Barquera, S., Robinson, M.K.,..., & Krause, J. Analysis of genomic DNA from medieval plague victims suggests long-term effect of *Yersinia pestis* on human immunity genes. *Molecular Biology and Evolution*. 2021. Volume 38, Issue 10. P. 4059–4076. DOI: <https://doi.org/10.1093/molbev/msab147>.

22. Juras, A., Dabert, M., Kushniarevich, A., Malmström, H., Raghavan, M., Kosicki, J. Z., ... & Piontek, J. (2014). Ancient DNA reveals matrilineal continuity in present-day Poland over the last two millennia. *PLoS ONE*, 9(10), e110839. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0110839>.

23. Maár, K., Varga, G.I.B., Kovacs, B., Schutz, O.,... & Neparaczki, E. . Maternal lineages from 10–11th century commoner cemeteries of the Carpathian Basin. *Genes* (Basel). Mar 23;12(3):460. DOI: <https://doi.org/10.1101/2021.01.26.428268>.

24. Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al. Population genomics of the Viking world // *Nature*. 2020. Vol. 585. P. 390–396. . DOI: <https://10.1038/s41586-020-2688-8>.

25. Mary L., Zvenigorosky V., Kovalev A., Gonzalez A., Fausser J.-L., Jagorel F., Kilunovskaya M., Semenov V., Crubézy E., Ludes B., Keyse Ch. Genetic kinship and admixture in Iron Age Scytho-Siberians. *Human Genetics* 138(4). 2019. P. 411–423. DOI: 10.1007/s00439-019-02002-y.

26. Melchior, L., Lynnerup, N., Siegismund, H. R., Kivisild, T., & Dissing, J. (2010). Genetic diversity among ancient Nordic populations. *PLoS ONE*, 5(7), e11898. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0011898>.

27. Nagy, P.L., Olasz, J., Neparáczi, E. et al. Determination of the phylogenetic origins of the Arpád Dynasty based on Y chromosome sequencing of Béla the Third. *European Journal of Human Genetics*. 2021. Vol. 29. P. 164–172 (2021). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41431-020-0683-z>.

28. Neparáczi E., Maróti Z., Kalmár T. et al. Y-chromosome haplogroups from Hun, Avar and conquering Hungarian period nomadic people of the Carpathian Basin // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9: 16569. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-53105-5>.

29. Neparáczi, E., Maróti, Z., Kalmár, T., Kocsy, K., Maár, K., Bihari, P., ... & Pálfi, G. (2018). Mitogenomic data indicate admixture components of Central-Inner Asian and Srubnaya origin in the conquering Hungarians. *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205920>.

30. Översti, S., Majander, K., Salmela, E. et al. Human mitochondrial DNA lineages in Iron-Age Fennoscandia suggest incipient admixture and eastern introduction of farming-related maternal ancestry. *Sci Rep* 9, 16883 (2019). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-51045-8>.

31. Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I. et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*. 2017. 8, 14615. DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>.

32. Wang, C., Reinhold, S., Kalmykov, A. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. *Nature Communications* 10 (590). 2019. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>.

33. Willuweit S., Roewer L. The new Y Chromosome haplotype reference database. *Forensic Sci. Int. Genet.* 2015; 15. P. 43-48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.11.024>.

Информация об авторах:

Мустафин Харис Харрасович, кандидат технических наук, заведующий лабораторией исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики.. Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (г. Долгопрудный, Россия); kh-mstf@yandex.ru

Энговатова Ася Викторовна, кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, заведующая отделом сохранения археологического наследия. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); engov@mail.ru

Альборова Ирина Эдуардовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет). (г. Долгопрудный, Россия); ira_teuchezh@mail.ru

Тарасова Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); taa-volga@yandex.ru

GENETIC EXAMINATION OF REMAINS FROM THE TWO LARGEST MASS BURIALS OF 1238 IN YAROSLAVL DETYNETS

Kh.Kh. Mustafin, A.V. Engovatova, I.E. Alborova, A.A. Tarasova

The article presents the results of genetic studies of the remains of people who died and were buried in 1238 on the territory of the citadel in the city of Yaroslavl. The analysis of ancient DNA allows us to directly study the composition of the population of this ancient Russian city along the Volga at the time of the Mongol conquest. By the genetic profile of both Y-chromosomal and mitochondrial DNA, we can say that about 40% of the samples studied do not belong to the dominant haplogroups. The lowest homogeneity in the Y-chromosome is typical for the burial in pit No. 110, which was located near the fortifications. It also contained the remains of two men belonging to the haplogroup R1a (Z93), marking the possible "eastern" origin of their ancestors. In the authors' opinion, not only ordinary residents of the city and its environs, but also professional defenders, as well as attackers, could get into the burials near the walls of the citadel. Absence of grave goods and in the conditions of a sanitary burial, makes not possible to determine who the men of "eastern" origin were. However, their presence undoubtedly affects the genetic diversity of the city's population.

The archaeological part of the article was prepared within the framework of the planned topic "Preservation of the archaeological heritage: methodological aspects and materials of field research 2010-2020" No. NIOKTR 122011200265-6. 122011200265-6.

Keywords: archaeology, ancient DNA, genetic expertise, medieval city, population of Yaroslavl, Volga region, genetic profile, mass graves

REFERENCES

1. Andreeva, T. V., Malyarchuk, A. B., Grigorenko, A. P., Kunizheva, S. S., Manakhov, A. D., Engovatova, A. V., Rogaeв, E. I. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 265. 294–308 (in Russian).
2. *Arkheologiya drevnego Yaroslavl'ya: zagadki i otkrytiya (Archaeology of Ancient Yaroslavl: Riddles and Discoveries)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Afanas'ev, G. E., Ven', Sh., Tun, S., Van, L., Vey, L., Dobrovol'skaya, M. V., Korobov, D. S., Reshetova, I. K., Li, Kh. 2015. In Dobrovol'skaia, M. V., Chernykh, E. N. (eds.). *Estestvennonauchnyye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii (Natural Science Methods of Research and the Paradigm of Modern Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146–153 (in Russian).
4. Balanovsky, O. P. 2015. *Genofond Evropy (European Gene Pool)*. Moscow: "KMK" Publ. (in Russian).
5. Buzhilova, A. P. 2008. In Buzhilova, A. P. (ed.). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology)* 6. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 110–120 (in Russian).
6. Goncharova, N. N., Buzhilova, A. P. 2007. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiya: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yaroslavl Museum-Reserve; "Rostov Kremlin" State Museum-Reserve, 56–63 (in Russian).
7. Kuchkin, V. A. 2020. In *Rossiyskaya istoriya (Russian History)* 4, 3–30 (in Russian).
8. Mustafin, Kh. Kh., Engovatova, A. V., Al'borova, I. E., Tarasova, A. A. 2022. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 18. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 107–119 (in Russian).
9. Sirotin, S. V., Bogachuk, D. S., Voloshinov, A. A., Tarasova, A. A., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I. E. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 256, 293–307 (in Russian).
10. Stasyuk, I. V., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I. E. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5). 347–361 (in Russian).
11. Stefanovich, P. S. 2012. *Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh (Boyars, Youths, Squads: the Military-Political Elite of Russia in the 10th–11th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
12. Engovatova A.V. *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)* 4(78), 91–111 (in Russian).
13. Engovatova, A. V., Osipov, D. O., Faradzheva, N. N., Buzhilova, A. P., Goncharova, N. N. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 68–78 (in Russian).
14. Engovatova, A. V., Antipina, E. E., Vlasov, D. V., Dobrovol'skaya, M. V., Karpukhin, A. A., Osipov, D. O. 2012. In Leont'ev, A. E. (ed.). *Arkheologiya: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yaroslavl Museum-Reserve, 185–208 (in Russian).
15. Csáky, V., Gerber, D., Szeifert B. et al. 2020. In *Scientific Reports* 10, 19137. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75910-z>.
16. Dabney, J., Knapp, M., Glocke, I. et al. 2013. In *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110 (39), 15758–15763. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1314445110>.
17. Engovatova, A. V., Cherkinsky, A., Zaiseva, G.I. 2021. In *Radiocarbon* 62 (6), 1833–1844. DOI: 10.1017/RDC.2020.137
18. Fóthi, E., Gonzalez, A., Fehér, T. et al. 2020. In *Archaeol Anthropol Sci* 12, 31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-019-00996-0>.
19. Haak, W., Brandt, G., de Jong, H.N., Meyer, C., Ganslmeier, R. Heyd, V., Hawkesworth, C., Pike, A., Meller, H., Alt, K. 2008. In *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 105, 18226–18231. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0807592105>.
20. Hollard, C., Keyser, C., Giscard, P. H., Tsagaan, T., Bayarkhuu, N., Bemmann, J., ... & Ludes, B. 2014. In *Forensic Science International: Genetics*. Vol. 12, 199–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.05.012>.

21. Immel, A., Key, F.M., Szolek, A., Barquera, S., Robinson, M.K.,... & Krause, J. 2021. In *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 38, Issue 10. P. 4059–4076. DOI: <https://doi.org/10.1093/molbev/msab147>.
22. Juras, A., Dabert, M., Kushniarevich, A., Malmström, H., Raghavan, M., Kosicki, J. Z., ... & Piontek, J. 2014. In *PLoS ONE*, 9 (10), e110839. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0110839>.
23. Maár, K., Varga, G.I.B., Kovacs, B., Schutz, O.,... & Neparaczki, E. 2021. In *Genes* (Basel). Mar 23;12(3):460. DOI: <https://doi.org/10.1101/2021.01.26.428268>.
24. Margaryan, A., Lawson, D. J., Sikora, M. et al. 2020. In *Nature* 585, 390–396. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2688-8>.
25. Mary, L., Zvéni gorosky, V., Kovalev, A., Gonzalez, A., Fausser, J.-L., Jagorel, F., Kilunovskaya, M., Semenov, V., Crubézy, E., Ludes, B., Keyse, Ch. 2019. In *Human Genetics* 138(4), 411–423. DOI: [10.1007/s00439-019-02002-y](https://doi.org/10.1007/s00439-019-02002-y).
26. Melchior, L., Lynnerup, N., Siegismund, H. R., Kivisild, T., & Dissing, J. 2010. In *PLoS ONE* 5 (7), e11898. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0011898>.
27. Nagy, P.L., Olasz, J., Neparaczki, E. et al. 2021. In *European Journal of Human Genetics* 29, 164–172. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41431-020-0683-z>.
28. Neparaczki, E., Maróti, Z., Kalmár, T. et al. 2019. In *Scientific Reports* 9, 16569. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-53105-5>.
29. Neparaczki, E., Maróti, Z., Kalmár, T., Kocsy, K., Maár, K., Bihari, P., ... & Pálfi, G. 2018. In *PLoS ONE* 13 (10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205920>.
30. Översti, S., Majander, K., Salmela, E. et al. 2019. In *Sci Rep* 9, 16883 (2019). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-51045-8>.
31. Unterländer, M., Palstra, F., Lazaridis, I. et al. 2017. In *Nature Communications* 8, 14615. DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>.
32. Wang, C., Reinhold, S., Kalmykov, A. et al. 2019. In *Nature Communications* 10 (590). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>.
33. Willuweit, S., Roewer, L. 2015. In *Forensic Sci. Int. Genet.* 15, 43–48. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.11.024>.

About the Authors:

Mustafin Kharis Kh. Candidate of Technical Sciences, Head of the laboratory. Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University). Institutsky lane, 9, Dolgoprudny, 141701, Russian Federation; kh-mstf@yandex.ru

Engovatova Asya V. Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science, Head of the Department of Preservation of Archaeological Heritage. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; engov@mail.ru

Alborova Irina E. Candidate of Biological Sciences. Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University). Institutsky lane, 9, Dolgoprudny, 141701, Russian Federation; ira_teuchezh@mail.ru

Tarasova Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; taa-volga@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

НАСЛЕДИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА¹

© 2022 г. С.Г. Бочаров

Золотоордынским государством за время существования на Крымском полуострове созданы два города Солхат – Крым (Старый Крым) и Кырк-Ер (Чуфут-Кале). Во время своего возникновения в середине XV в. Крымское ханство «получает в наследство» на полуострове только эти два города. В это время существуют прибрежные генуэзские города – Каффа (совр. Феодосия), Солдайя (совр. Судак), Чембало (совр. Балаклава) и Воспоро (совр. Керчь), а также два города поздневизантийского княжества Феодоро: столица княжества, носящее то же название Феодоро (совр. Мангуп) и город Каламита (совр. Инкерман). В итоге османского завоевания 1475 г. количество городов османского Крыма осталось прежним, изменились только их названия: Каффа превратилась в Кефе, Солдайя – в Судак, Чембало – в Балаклаву, Воспоро – в Керчь, Феодоро – в Мангуп, Каламита – в Инкерман. Общее число городов османского Крыма оставалось практически неизменным на протяжении трех веков. В противоположность этому на территории Крымского ханства в последней четверти XV – начале XVI вв. будет основано пять новых городов. К двум старым золотоордынским городам – Солхату и Кырк-Еру добавятся Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлѐв и Ор-Капу. Причем приоритет в развитии получают именно новые города. Политический и экономический центр золотоордынского Крыма Солхат во второй половине XV в. утратит свое административное значение и экономическое влияние. В ханский период он будет называться Старый-Крым. Основной вывод исследования, что все новые города Крымского ханства (Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлѐв, Ор) не связаны с предшествующей многовековой урбанистической традицией Таврических византийских или генуэзских городов, возникают на ранее не занятых местах, на которых в лучшем случае располагались золотоордынские поселения. Исходные градостроительные основы этих городов идут от золотоордынской (в широком смысле – восточной) градостроительной традиции.

Ключевые слова: археология, город, историческая география, историческая топография, Крымский полуостров, Золотая Орда, Крымское ханство. Османская империя, провинция-лива Кефе, Керчь, Ак-Мечеть.

Один из переломных периодов в истории Крыма – это последняя четверть XV в. Во второй – третьей четвертях XV в. на раннем этапе формирования Крымского ханства на территории полуострова доминировали три политических образования (рис. 1). Первое из них, собственно Крымское ханство, – осколок некогда единой Золотоордынской державы (Смирнов, 2005, с. 85–112). Второе государство – поздневизантийское княжество Феодоро, сформировавшееся в конце XIV – начале XV вв. на землях Юго-Западного Крыма с византийским (греческим) оседлым

населением (Мыц, 2009, с. 21–45). Третье – Генуэзская Газария – отдельное государственное образование, созданное итальянской республикой Св. Георгия с системой городов и значительными сельскими округами и имевшее четкие административные границы (Бочаров, 2019а, с. 742–743). Ситуация кардинально изменилась в 1475 г. (рис. 2), когда генуэзские владения и земли княжества Феодоро были завоёваны Османской империей (Olgıati, 1991, p. 389), после чего они были включены в отдельную провинцию империи, куда помимо южно-крымских земель (Öztürk, 2000,

¹ Работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5).

Рис. 1. Политическая карта Крымского полуострова с расположением городов, третья четверть XV в. 1 – Крымское ханство, 2 – Генуэзская Газария, 3 – княжество Феодоро, 4 – территории Крымского ханства, занятые оседлым христианским населением.

Fig. 1. The political map of the Crimean peninsula with the location of cities, the third quarter of the 15th century. 1 – the Crimean Khanate, 2 – Genoese Gazaria, 3 – the Principality of Theodoro, 4 – the territories of the Crimean Khanate occupied by the Christian sedentary.

р. 65–67) вошли территории Таманского полуострова и дельты Дона (Berindei, Veinstein, 1979, p. 390). Тогда же Крымское ханство частично утратило свою независимость и стало вассальным по отношению к Турции государством (Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1970, p. 326).

Османам в Крыму достались города Генуэзской Газарии: Кефе (Каффа), Керчь (Воспоро), Судак (Солдайя), Балаклава (Чембало), и два города княжества Феодоро – Мангуп (Феодоро), Инкерман (Каламита) (рис. 1–2). До османского завоевания 1475 г. развитой системы городских центров у Крымского ханства не существовало. К моменту своего возникновения в середине XV в. у ханства на полуострове было только два города, основанных в предыдущий золотордынский период: Солхат (Старый Крым) (Крамаровский, 1989,

с. 141–157) и Кырк-Ер (Чуфут-Кале) (рис. 1) (Герцен, Могаричев, 1993, с. 39–58). За три века (1475–1774 гг.) османского присутствия в Крыму количество подчинённых им городов почти не изменилось (Veinstein, 1986, p. 221). В XVIII в. к шести городам добавляется седьмой, Ени-Кале (рис. 2), выросший из посада новой турецкой крепости, построенной для защиты Керченского пролива от проникновения кораблей Российской империи.

Если в османском Крыму продолжают существовать города, основанные генуэзцами и византийцами, хотя и приобретая новые восточные черты, то в это же время (конец XV – первая половина XVI вв.) на территории Крымского ханства помимо двух существующих центров – Старый Крым (Солхат) и Кырк-Ер (рис. 1) – появилось пять новых городов. Это Бахчи-

Рис. 2. Политическая карта Крымского полуострова с расположением городов, 1475–1774 гг. 1 – Крымское ханство, 2 – Османская империя, 3 – территории Крымского ханства, занятые оседлым христианским населением.

Fig. 2. The political map of the Crimean peninsula with the location of cities, 1475–1774. 1 – the Crimean Khanate, 2 – the Ottoman Empire, 3 – the territories of the Crimean Khanate occupied by the Christian sedentary.

сарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв и Ор-Капу (рис. 2).

Историческая топография городов Крымского ханства и крымских владений Османской империи в наши дни активно исследуется. Средневековые генеральные планы реконструированы для четырех из шести городов Крымского ханства: Старого Крыма (Бочаров, 2021), Ак-Мечети (Бочаров, 2015), Карасубазара (Bocharov, 2021) и столицы государства – Бахчисарая (Бочаров, Сейтумеров, 2017). А также для четырёх из семи городов османской провинции: Кефе (Бочаров, 2000, с. 3), Керчи (Бочаров, 2005, с. 145–151), Мангупа (Бочаров, 2008, с. 191–212) и Балаклавы (Бочаров, 2019б).

Сегодня в научной литературе отсутствуют исследования по определению истоков градостроительства Крымского ханства на основании из-

учения исторической топографии его городских центров. Данная статья является первой попыткой заполнить лакуну в этой тематике.

В ограниченной по объёму статье мы не сможем провести сравнение всех шести городов Крымского ханства с семью городами османской провинции Кефе. Мы сделаем это на показательном примере двух малых городов: османской Керчи и татарской Ак-Мечети.

Город Керчь был наследником византийского центра в Восточном Крыму у Керченского пролива – города Боспор (XII – первая половина XIV вв.) и генуэзского города Воспоро (вторая половина XIV–XV вв.). Византийский Боспор в третьей четверти XIV в. (точная дата неизвестна) переходит во владение Генуэзской республики. При османах бывший центр генуэзских владений Восточ-

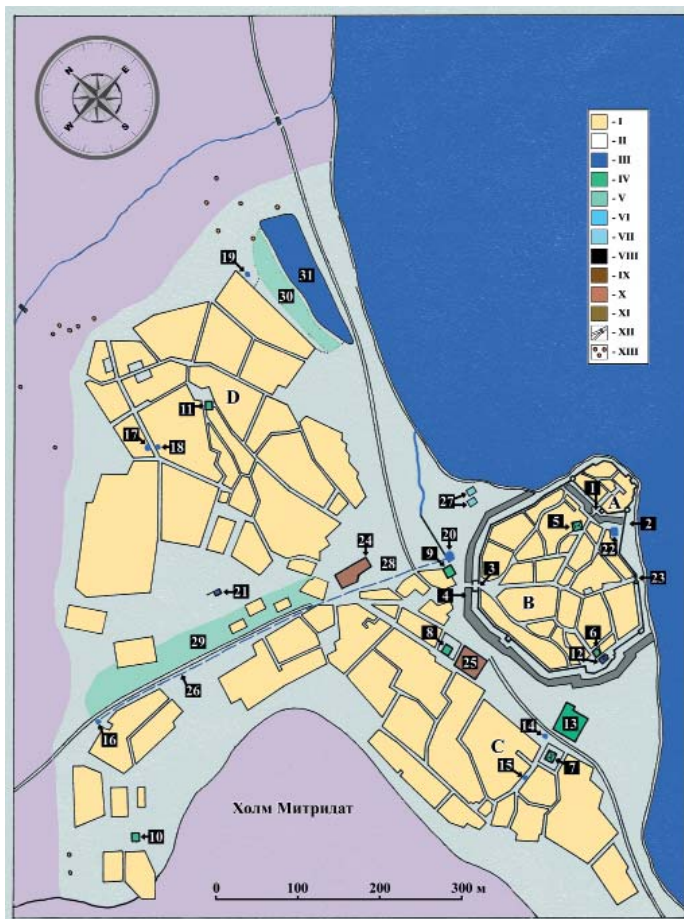

Рис. 3. Город Керчь. Реконструкция генерального плана.

Цветовые значения. I – городские кварталы, II – улицы и площади, III – бани, фонтаны, водоемы, IV – мечети, медресе, V – мусульманские кладбища, VI – греческая церковь, VII – рыбные склады, VIII – каменные крепостные сооружения, IX – каравансарай, X – холм Митридат, XI – крепостные рвы, XII – дороги и мосты, XIII – ветряные мельницы. Городские объекты. А – цитадель, В – город в пределах крепостных сооружений, С – западный участок предместья, D – северный участок предместья, 1 – ворота цитадели, 2 – ров цитадели, 3 – главные ворота, 4 – крепостной ров, 5 – мечеть Баязида Вели, 8 – мечеть Ходжи Синана, 9 – мечеть Мустафы Челеби, 6, 7, 10, 11 – мечети, 12 – греческая церковь Иоанна Предтечи, 13 – Текке дервишей, 14–19 – колодцы, 20–22 – фонтаны, 23 – крепостная калитка, 24–25 – караван-сарай, 26 – водопровод, 27 – рыбные склады, 28 – рыночная площадь, 29–30 – мусульманские кладбища, 31 – водоём с солёной водой.

Fig. 3. Town of Kerch. Reconstruction of the master plan.

ного Крыма, резиденция консула город и крепость Воспоро (Vosporo) (Heyd, 1886, p. 185; Balard, 1978, p. 443–444), получает другое имя – Керчь – и становится центром одного из шести административных округов (kazâ) Кефейского санджака (Ben-

nigsen, Lemerrier-Quellejaj, 1970, p. 362–327; Veinstein, 1990, p. 585, 587). Удачное расположение города на морском пути в Азовское море и близость с Кавказским побережьем, в котором встречались товарные потоки из Крымского ханства и Чер-

кессии, определило направленность рынка, в основном ориентированного на торговлю рыбой, икрой, зерновыми (пшеница, просо, ячмень), солью, вином, лошадьми, скотом, а также рабами (Berindei, Veinstein, 1975, p. 62, 63, 77, 78; 1976, p. 146, 147; Bennigsen, Veinstein, 1980, p. 55, 57; Inalcik, 1995, p. 93). Не следует забывать и об особом стратегическом положении провинции, и в особенности керченской крепости, на северной границе империи. Помимо контроля над проливом, соединяющим Черное и Азовское моря, крепость была важнейшим звеном в организации и обеспечении рейдов крымских и османских войск против черкесов Северного Кавказа (Berindei, Veinstein, 1979, p. 391).

Всю территорию Керчи можно разделить на три градообразующие части: цитадель, крепость с внутренней застройкой – собственно город, и неукрепленное предместье (рис. 3).

Цитадель (внутренняя крепость – Ич-Хисар) располагалась на выдающемся в море небольшом мысу (рис. 3: А). Площадь около 0,32 га. Общая длина крепостных стен около 207 метров, со стороны суши западный участок стены цитадели был усилен еще одной оборонительной стеной с барбаканом и рвом с каменной обкладкой (стена и ров повторяют начертание западной стены внутренней крепости, их длина около 79 метров) (рис. 3: 2). По картографическим материалам цитадель имела плотную застройку, в которой четко выделяются пять небольших кварталов (рис. 3: А). Во внутреннем пространстве Ич-Хисара Эвлия Челеби отмечает двадцать домов, одну квартальную мечеть, продовольственный склад, оружейный склад (арсенал) и цистерну для воды (Книга путешествия, 2008, с. 196).

Крепость располагалась на равнинном прибрежном участке, под восточным склоном горы Митридат, примыкая с запада к цитадели, и включала

крепостное кольцо и усиливающую его с напольного пространства линию барбаканов, а также крепостной ров (рис. 3: 4). Крепостное кольцо длиной около 617 м (без учета стен цитадели) укрепляло приморскую часть города на протяжении 157 м и опоясывало город со стороны суши на протяжении 440 м. Собственно город, защищенный крепостным кольцом, занимал площадь 3,2 га. Планировка кварталов иррегулярная. Четко выделяются четыре градообразующие магистрали: центральная улица, соединявшая ворота крепости с воротами цитадели, улица, пролегающая от центральной к приморской калитке, и две улицы, отходившие от ворот крепости на восток ко рву цитадели и на север, к церкви Иоанна Предтечи. Все остальные переулки связывали кварталы с этими улицами (рис. 3). При описании города Эвлия Челеби упоминает единственную соборную мечеть султана Баязида Вели, древней конструкции и крытую черепицей (прямоугольное в плане здание размером около 8×12 м, располагалось на центральной городской улице в 25 м западнее ворот цитадели) (рис. 3: 5). В целом о городской застройке путешественник сообщает: *“...всего 200 домов, с верхними и нижними этажами, сложенные из камня, но без садов и виноградников, и стоящие тесно. Все они крыты дерном и черепицей. Имеется всего одна грязная баня. Есть 10 лавченок и 50 складов каменной кладки. Имеется и церковь неверных”* (Книга путешествия, 2008, с. 195). Церковью неверных назван храм св. Иоанна Предтечи (крестово-купольный храм с тремя выступающими абсидами), сохранившийся до наших дней и находившийся на северо-западной части средневековой городской территории, в 10 метрах от северной куртины крепостного кольца (рис. 3: 12).

Предместье располагалось к северу и западу от крепости и в конце

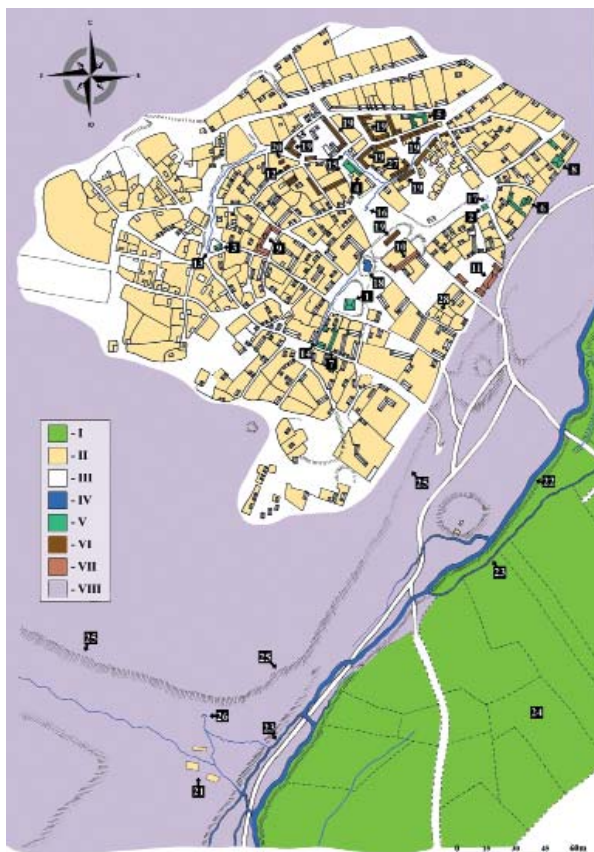

Рис. 4. Город Ак–Мечеть. Реконструкция генерального плана.

Цветовые значения. I – сады, огороды, II – городские кварталы, III – улицы и площади, IV – бани, фонтаны, реки, ручьи, V – мечети, медресе, VI – караван-сарай, VII – торговые ряды, лавки, VIII – прилегающие территории.

Городские объекты. 1 – Кебир Джамии (Ак-Мечеть). 2, 3 – мечети. 4–6 – теккие. 7, 8 – медресе. 9–11 – каравансарай. 12 – гостевой дом иностранных купцов. 13–17 – фонтаны. 18 – баня. 19 – лавки, торговые места. 20 – храм в гостевом доме иностранных купцов. 21 – место нахождения пригорода, где располагался дворец калга-султана. 22 – река Салгир. 23 – каналы на реке Салгир. 24 – сады и огороды. 25 – скальные обрывы. 26 – фонтан в пригороде. 27 – русская церковь конца XVIII в. 28 – греческая церковь.

Fig. 4. Town of Ak-Mechet. Reconstruction of the master plan.

XVIII в. занимало площадь около 18,3 га (рис. 3: С, D). Его кварталы разделены Каффийской дорогой на два отдельных участка. Западный участок предместья (площадь 7,9 га) находился в пространстве, ограниченном восточным и северо-восточным склоном г. Митридат, южной и Каффийской дорогой (рис. 3: С). Планировка кварталов иррегулярная, сеть улиц и переулков спускалась вниз по скло-

ну горы к магистральным дорогам и рыночной площади. Северная часть пригорода (площадь около 10,4 га) располагалась на равнинном участке, ограниченном с юга Каффийской дорогой, с востока дорогой на северное побережье Керченского полуострова, с севера рекой Мелик-Чесма (рис. 3: D). Планировка кварталов иррегулярная, в этой части пригорода выделяются три основные улицы, ведущие

на рыночную площадь. В северной части пригорода находилась одна мечеть (рис. 3: 11), три водяных колодца (рис. 3: 17–19) и фонтан (рис. 4: 21).

Экономический центр города – рыночная площадь – находился в пространстве между крепостью, западной и северной частями пригорода. Там находились лавки и склады товаров (рис. 3: 28). Недалеко от площади, на север от нее, был построен караван-сарай (рис. 3: 24). На рыночной площади около больших ворот крепости находилась мечеть Мустафа Челеби (рис. 3: 9) (Книга путешествия, 2008, с. 196). Рядом с этой мечетью находился главный городской фонтан (рис. 3: 20), снабжавший город основным количеством воды (прямоугольное в плане строение с глухими стенами, внутренним бассейном-цистерной, с декорированным фасадом и пятью трубками для воды). Вода к фонтану подводилась по керамическому водопроводу из кооптированного источника, расположенного на западной городской окраине. Городская пристань находилась на берегу Керченского пролива, у северного участка крепостного кольца. На пристани располагались амбары для хранения рыбы (рис. 3: 27). В 1771 г. в пригороде (Топографическое описание, 1868, с. 193) отмечены пять мечетей, две бани, до 600 турецких и татарских домов, шестнадцать греческих, восемь армянских и до пятидесяти лавок. Когда в 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора город Керчь вошел в состав Российской империи, общая площадь городской территории с предместьями составляла около 21,4 га.

Завершая краткое описание исторической топографии Керчи, заметим, что городской пейзаж этого османского города полностью наследует планировку Генуэзского Воспоро и частично византийского Боспора, являясь (с

учётом появления нового восточного вектора, выразившегося в появлении зданий, связанных с господствующим положением ислама) продолжателем многовековой традиции византийского градостроительства на Крымском полуострове с внесением северо-итальянских фортификационных элементов, привнесённых в этот процесс генуэзцами.

Далее рассмотрим особенности исторической типологии малого города Крымского ханства Ак-Мечети. Город расположен в Центральном Крыму на террасе Третьей гряды Крымских гор. Терраса пологая, практически ровная с запада и юга, и ограничена обрывами в 7,0–14,0 м с севера и востока. Ниже окраины города под восточными обрывами протекает река Салгир. Город не защищен никакими фортификационными сооружениями. Планировка городских кварталов иррегулярная, без линейной системы. Выделяются несколько градообразующих доминант: три площади у городских мечетей с фонтанами воды (рис. 4: 1, 2, 3); торговые ряды в северной части города (рис. 4: 19). На позднесредневековой городской территории удалось локализовать три мечети (рис. 4: 1–3), два медресе (рис. 4: 7, 8), три караван-сарая (рис. 4: 9–11), один гостевой дом иноземных купцов (рис. 4: 12), пять фонтанов (рис. 4: 13–17), одну баню (рис. 5: 18), городской торг, рыночные места (рис. 4: 19).

Мечеть Кебир Джамии находилась на центральной городской площади города. Со значительными перестройками эта мечеть сохранилась до наших дней (рис. 4: 1). Вторая мечеть находилась рядом с фонтаном на площади в восточной части города, имя её неизвестно (рис. 4: 2). Третья мечеть расположена среди жилых кварталов в западной части города, рядом с ней тоже находился фонтан с питьевой водой (рис. 4: 3). Первое медресе находилось в центральной части города

в 30 м южнее Кебир Джамии (рис. 4: 7). Вторая школа богословов размещалась на западной окраине Ак-Мечети (рис. 4: 8). Три теккие расположены в центральной и восточной части городской территории (рис. 4: 4–6).

У реки Салгир под северными обрывами городского плато находился пригород, где располагался дворец второго лица в государстве калга-султана (рис. 4: 21). Эвлия Челеби так описывает этот пригород: *«К югу от вышеописанного города есть... дворец всех калга-султанов. Здесь 200 построек, двухэтажных, сложенных из камня. Но все это устроено и украшено не столь великолепно, как в ханском дворце в Бахчисарае. На широкой площади этого дворца находится мечеть с одним минаретом»* (Книга путешествия, 2008, с. 140).

Вода к городу подводилась от источника, расположенного на значительном расстоянии, благодаря магистральному водопроводу из керамических труб (Паллас, 1999, с. 26). А в городской черте распределялась между пятью фонтанами, расположенными среди квартальной застройки (рис. 4: 13–17).

Ак-Мечеть практически не меняет свой внешний вид в XVII–XVIII вв. (Бочаров, 2015, с. 9). Основные изменения связаны с притоком в город христианского населения (греческого и армянского). Ак-Мечеть в качестве самостоятельной городской единицы входит в российский Симферополь. На своём месте остаётся мечеть Кебир-Джамии, а сеть средневековых улиц доживает до наших дней. К 1783 г. площадь этого позднесредневекового города была около 42,0 га.

Завершая краткое описание исторической топографии Ак-Мечети, отметим, что появление этого города не связано с предшествующей многовековой традицией крымских византийских или генуэзских городов. Город

возник на ранее не занятом месте, на котором в лучшем случае располагалось золотоордынское селение. Ак-Мечеть не имела фортификационных сооружений, так же как и Бахчисарай с Карасубазаром. Исходные градостроительные основы этого города следует искать в золотоордынской (как продолжение привнесённой монголами) градостроительной традиции.

Исследование по определению истоков градостроительства городских центров Крымского полуострова XVI–XVIII вв. на основании изучения исторической топографии позволяет заключить, что в османском Крыму продолжают существовать города, основанные византийцами и генуэзцами в подавляющем большинстве расположенные у моря (за исключением Мангуп-Кале), которые приобретают некоторые новые восточные черты. В то же время на территории Крымского ханства, помимо двух существующих центров Старый Крым (Солхат) и Кырк-Ер, появляются пять новых городов – Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв и Ор-Капу – преимущественно континентального расположения (за исключением Гезлёва) (рис. 2). В дальнейшем развиваются и преуспевают не два старых, а именно эти пять новых городов. На Крымском полуострове будут соседствовать остатки трёх градостроительных традиций – византийской, северо-итальянской (латинской) и золотоордынской (монгольской). При этом новые города Крымского ханства, основанные в последней четверти XV – первой половине XVI вв., во всех основных планиграфических особенностях являются продолжателями традиций золотоордынского градостроительства (Bocharov, 2019, p. 37), которые получили в них дальнейший импульс развития после исчезновения ордынского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы, конец XIII в. – 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.
2. Бочаров С.Г. Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. Вып. 4 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. С. 145–151.
3. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Т. 3 / Отв. ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Антикава, 2008. С. 191–212.
4. Бочаров С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Т. 7 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ЦИН, 2015. С. 5–10.
5. Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков, Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019a. С. 741–770.
6. Бочаров С.Г. Балаклава – введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus, 2019. № 6. С. 321–328.
7. Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 107–121 doi.org/10.24852/pa2021.2.36.121.135
8. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 21–30.
9. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993. 126 с.
10. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. стат. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.
11. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.
12. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.
13. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство. Т. 27. М.: Наука, 1999. 246 с.
14. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в 2-х томах. Т. I. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М.: ИД Рубежи XXI, 2005. 542 с.
15. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям 1774 года // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. VII. Одесса, 1868. С. 166–198.
16. Balard M. La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle) II. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria, 1987. 1007 p.
17. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomans. In Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1970. Vol. XIII-3. P. 221–237.
18. Bennigsen A., Veinstein G. La Grande Hord Nogay et le commerce des steppes Pontiques (fin XV siècle – 1560). In Social and Economic History of Turkey (Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi) (1071–1920). Ankara, 1980. P. 49–63.
19. Berindei M., Veinstein G. Réglements de Süleymân Ier concernant le livâ de Kefe. In Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1975. Vol. XVI-1. P. 57–104.
20. Berindei M., Veinstein G. La Tana – Azaq de la présence Italienee a l'Emprise Ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle). In Turcica. 1976. T. VIII/2. P. 110–201.
21. Berindei M., Veinstein G. La présence Ottomane au Sud de la Crimée et en Mer d'Azov dans première moitié du XVIe siècle. In Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1979. Vol. XX (3-4). P. 389–465.
22. Bocharov S. Heritage of Golden Horde: the Genesis of Crimean Khanat Towns // Altin Orda ve Merasi. Uluslararası Sempozyum. Istanbul 25–26 Kasım 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi, 2019. P. 37.
23. Bocharov S. Karasubazar – historical topography of the town of the Crimean Khanate in the 16-18 centuries. In Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021.

Vol. 14. Issue 1. P. 4–16. DOI: 10.17516/1997-1370-0567

24. Heyd W. *Historie du Commerce du Levant au Moyen-âge*. Leipzig: Harrassowitz, 1886. T. II. 820 p.

25. Inalcik H. *The Customs Register of Caffa, 1487–1490*. Boston: Harvard university press, 1995. 203 p.

26. Olgiati G. *The Genoese Colonies in Front of the Turkish Advance (1453–1475)*. In *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 1991. Vol. 15 (26). P. 381–389.

27. Öztürk Y. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2000. 567 p.

28. Veinstein G. *From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century*. In *Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1 (2). P. 221–237.

29. Veinstein G. *Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle)*. In *İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres*. Samsun, 1990. P. 584–606.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

HERITAGE OF THE GOLDEN HORDE: THE ORIGINS OF CRIMEAN KHANAT CITIES

S.G. Bocharov

Golden Horde State during its existence on the Crimean Peninsula origin two towns Solkhat – Krym (modern Stariy Krym) and Kirk-Yer (modern Chufut-Kale). At the time of its emergence in the mid-15th century, the Crimean Khanate "inherited" only these two towns on the peninsula. Coastal Genoese towns - Caffa (modern Feodosia), Soldaia (modern Sudak), Cembalo (modern Balaklava) and Vosporo (modern Kerch) were situated near as well as two towns of the Late Byzantine principality Theodoro: the capital of the principality – Theodoro (now Mangup) and the town Calamita (now Inkerman). As a result of the Ottoman conquest of 1475 the number of Ottoman Crimean towns remained the same, only their names were changed: Caffa became Kefe, Soldaia – Sudak, Cembalo – Balaklava, Vosporo – Kerch, Theodoro – Mangup, Calamita – Inkerman. The total number of the Ottoman Crimean towns remained virtually unchanged for three centuries. In contrast, in the territory of the Crimean Khanate in the last quarter of the 15th and early 16th centuries five new towns were founded. Bahchisaray, Karasubazar, Ak-Mechet, Gezlev and Or Kapu were added to two old Golden Horde cities – Solkhat and Kirk-Yer. It were new towns that got priority in development. The political and economic center of Golden Horde Solkhat in the second half of the 15th century would lose its administrative importance and economic influence. During the khan's period it would be called Eski Krym. The main conclusion of the study is that all new towns of the Crimean Khanate (Bahchisaray, Karasubazar, Ak-Mechet, Gezlev, Or Kapu) were not connected with the previous centuries-old urbanistic tradition of local Byzantine or Genoese cities, they appeared in previously unoccupied places, where at best there were Golden Horde settlements. The original urban planning foundations of these cities come from the Golden Horde (in the broad sense – the Eastern) urban planning tradition..

Keywords: archaeology, town, historical geography, historical topography, Crimean Peninsula, Golden Horde, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Province of Kefe, Kerch, Ak-Mechet.

REFERENCES

1. Bocharov, S. G. 2000. *Istoricheskaiia topografiia Kaffy, konets XIII v. – 1774 g. (fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia) (Historical Topography of Caffa in Late 13th Century – 1774 (Fortification, Cult Sites, Water-Supply System))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

2. Bocharov, S. G. 2005. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 4. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 145–151 (in Russian).

The work on the article was carried out with the support of the Priority 2030 program of Sevastopol State University (strategic project No. 5).

3. Bocharov, S. G. 2008. In Mogarichev, Yu. M. (ed.). *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Works)* 3. Simferopol: "Antikva" Publ., 191–212 (in Russian).
4. Bocharov, S. G. 2015. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekovye tyursko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 7. Kazan: "TsIN" Publ., 5–10 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 741–770 (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 321–328 (in Russian).
7. Bocharov, S. G. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 107–121 (in Russian).
8. Bocharov, S. G., Seytumerov, Sh. S. 2017. In *Srednevekovye tyursko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 7, 5–10 (in Russian).
9. Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragotsennostey. Kyrk-or. Chufut-kale (Fortress of Jewels. Kyrk-Or. Chufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriya" Publ. (in Russian).
10. Chelebi, E. 2008. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). (Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler)*. Simferopol: "Dolya" Publ. (in Russian).
11. Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).
12. Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
13. Pallas, P. S. 1999. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh (Observations made during a Journey to the Southern Governorships of the Russian State in 1793–1794)*. Series: Nauchnoe nasledstvo (Scientific Legacy). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoi Porty (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire)* Vol. I. Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).
15. 1868. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 7. Odessa, 166–198 (in Russian).
16. Balard, M. *La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle)* II. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria, 1987. 1007 p.
17. Bennigsen, A., Lemerrier-Quelquejay, C. 1970. In *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. Vol. XIII-3. 221–237.
18. Bennigsen, A., Veinstein, G. 1980. In *Social and Economic History of Turkey (Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi) (1071–1920)*, 49–63.
19. Berindei, M., Veinstein, G. 1975. In *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. Vol. XVI-1, 57–104.
20. Berindei, M., Veinstein, G. 1976. In *Turcica*. 1976. T. VIII/2, 110–201.
21. Berindei, M., Veinstein, G. 1979. In *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. Vol. XX (3-4), 389–465.
22. Bocharov, S. 2019. In *Altin Orda ve Merasi*. Uluslararası Sempozyum. Istanbul 25–26 Kasım 2019. Istanbul: Istanbul Üniversitesi, 37.
23. Bocharov, S. 2021. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* 14 (1), 4–16. DOI: 10.17516/1997-1370-0567
24. Heyd, W. 1886. *Historie du Commerce du Levant au Moyen-âge*. Leipzig: Harrassowitz, T. II.
25. Inalcik, H. 1995. *The Customs Register of Caffa, 1487–1490*. Boston: Harvard university press.
26. Olgiati, G. 1991. In *Tarih Araştırmaları Dergisi* 15 (26), 381–389.
27. Öztürk, Y. 2000. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı.
28. Veinstein, G. 1986. In *Mediterranean Historical Review* 1 (2), 221–237.
29. Veinstein, G. 1990. In *İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres*. Samsun, 1990. 584–606.

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory. Associated professor. Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

УДК 94(470.41):031

<https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40.242.248>

«ТАТАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ, ОБОБЩЕНИЯ И НАУЧНОЙ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ ОБ АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

© 2022 г. Р.В. Шайдуллин

Научная статья посвящена исследованию характерных особенностей разработки археологического контента на страницах 6-томной «Татарской энциклопедии» на русском и татарском языках. В ней, наряду с краткой иллюстрацией истории становления и развития археологических исследований на территории современного Татарстана, в статистическо-рубрикационном контексте рассматривается понятийно-терминологический контент раздела «Археология» «Татарской энциклопедии», а также обращается особое внимание проблеме персонификации имен археологов и нумизматов на страницах энциклопедии. Кроме того, в статье фрагментарно анализируются «Археологическая карта Республики Татарстан» и «Археологические памятники Татарской АССР» в контексте использования материалов этих справочных изданий при написании исторических справок для раздела «Археология» о древних и средневековых памятниках историко-культурного наследия народов Татарстана. При этом высказываются отдельные критические суждения относительно содержательного уровня ряда статей по разделу «Археология». В итоговой части статьи говорится о социокультурной значимости разработки и издания иллюстрированной энциклопедии «Археология Татарстана». Это энциклопедическое издание станет новой формой систематизации и обобщения археологических материалов о материальной и духовной культуре народов Татарстана, собранных и изданных российским историко-археологическим сообществом за многие десятилетия.

Ключевые слова: «Татарская энциклопедия», «Археологическая карта Республики Татарстан», «Археологические памятники Татарской АССР», раздел «Археология», тематическая статистика представленности терминов и понятий на страницах Татарской энциклопедии, проблемы персонификации имен археологов, иллюстрированная энциклопедия «Археология Татарстана».

Многотомная «Татарская энциклопедия», ставшая знаковым общественно-политическим и этнокультурным явлением в жизни народов Татарстана, значительно активизировала процесс формирования этнополитических запросов республики. Об этом свидетельствует тот факт, что именно за год до принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана (30 августа 1990 г.) было издано специальное Постановление Совета Министров Татарской АССР (№ 339 от 6 сентября 1989 г.) «О подготовке и издании Татарской Советской Энциклопедии» (Государственный архив, л. 35). Этот исторический документ стал стартовой основой для развития современной татарской энциклопедистики в России. Последовавшие за ним другие правовые акты: «О госу-

дарственной программе Республики Татарстан по подготовке и изданию многотомной Татарской энциклопедии и энциклопедических справочников» от 15 февраля 1993 г. (Постановление КМ РТ); «О дополнительных мерах по подготовке и изданию многотомной Татарской энциклопедии» от 3 мая 1994 г. (Постановление КМ РТ, 1994); «Об утверждении Программы «Татарская энциклопедия» Республики Татарстан на 1997–2004 годы» от 4 мая 1997 г. (Постановление КМ РТ, 1997); Указ Президента РТ «О программе «Татарская энциклопедия» от 10 февраля 1997 г. (Указ Президента РТ, 1997) заложили крепкую правовую и материально-техническую основу для институционализации особого научно-исследовательского учреждения – Института Татарской

энциклопедии и регионоведения АН РТ, специализирующегося на разработке и издании энциклопедий и научно-справочных трудов.

Вложенные в создание Института Татарской энциклопедии материально-технические и человеческие ресурсы не заставили долго ждать первых результатов. В 1999 г. впервые в истории и культуре Татарстана и татарского народа увидело свет фундаментальное энциклопедическое издание «Татарский энциклопедический словарь» на русском языке, в 2002 г. – его дополненный и переработанный вариант на татарском языке (Татарский энциклопедический словарь, 2002). В 2002–2014 гг. достоянием многонационального населения Татарстана и татарского народа стала 6-томная «Татарская энциклопедия» на русском языке. Большим научным достижением коллектива института стала многотомная «Татарская энциклопедия» на татарском языке (Татарская энциклопедия, 2002–2014). Эти издания перевернули представления широкой общественности о возможностях национально-региональной энциклопедии по систематизации и научному обобщению материалов из различных сфер знаний и экономической, хозяйственной и культурной жизни многонационального Татарстана, а также из многовековой социоисторической повседневности почти 6-миллионного татарского народа, расселенного на огромных пространствах Евразии.

В научно-концептуальной основе современной татарской энциклопедистики лежат два основополагающих принципа: «Республика Татарстан» и «татарский народ». Они не только позволили собрать, систематизировать и обобщить материалы о многовековой истории, материальной и духовной культуре татарского народа, но и комплексно аккумулировать информационные данные из разных сфер знаний,

культуры и практики татарстанского социума.

В «Татарской энциклопедии» значительный объем занимают статьи, посвященные истории, археологии, этнографии, религии и общественной мысли народов Татарстана. Среди названных разделов, разрабатываемых отделом истории и общественной мысли Института, особое место занимал небольшой по объему раздел «Археология». Что было связано с многочисленными сложностями, возникшими при разработке текстового и иллюстративного материалов статей этого раздела. Они объяснялись тем, что в 1990-е гг. вследствие отсутствия устоявшихся консолидированных мнений относительно многих памятников материальной и духовной культуры древних и средневековых народов Поволжья и Приуралья степень научной систематизации и обобщения археологических материалов в Татарстане была не на должном уровне. К тому же по причине деструктивного идеологического диктата политических структур СССР на многонациональное ученое сообщество страны скопилось множество дискуссионных моментов, связанных с ролью этнических сообществ Волжской Булгарии и Золотой Орды в этногенезе татарского народа. Ведущую роль в исторической конструкции этногенеза татарского народа тогда играли такие ведущие татарстанские археологи, как А.Х. Халиков, Р.Г. Фахрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Все это наложило известный отпечаток на научное содержание статей раздела «Археология», часть из которых имеет логически незавершенный, отчасти и дискуссионный характер.

Необходимо отметить, что за более чем столетний период археологического исследования многовекового историко-культурного и духовного наследия народов современного Татарстана было сделано достаточно

много. Этот процесс, начавшийся в XIX в. в «любительском» формате благодаря усилиям казанских и елабужских энтузиастов из различных сфер знаний и практики (П.В. Алабин, Г. Ахмаров, Н.Ф. Высоцкий, А.Ф. Лихачев, Н.П. Лихачев, П.А. Пономарев, И.В. Шишкин, С.М. Шпилевский, А.А. Штукенберг и др.), к началу XX в. приобрел научно-исследовательский характер. Большую роль в этом сыграли IV археологический съезд, состоявшийся в 1877 г. в Казани, и создание при Казанском Императорском университете Общества археологии, истории и этнографии (1878 г.). Успешная институционализация этого общества и его периодического издания («Известия Общества археологии, истории и этнографии») способствовала не только координации работ по археологическому обследованию территории Татарстана, но и научной популяризации знаний о древних и средневековых памятниках Казанского края.

Эти начинания были продолжены в 1920-е гг. С образованием в 1920 г. Татарской АССР в рамках обществ Научного татароведения и Археологии, истории и этнографии начались целенаправленные археологические и народоведческие исследования материальной и духовной культуры коренных народов республики, в первую очередь татар (Н.И. Воробьев, Г.С. Губайдуллин, Н.Ф. Калинин, В.С. Смолин, М.Г. Худяков и др.). Именно в эти годы М.Г. Худяковым была разработана первая Археологическая карта Татарстана, Н.Ф. Калинин исследованы болгарские памятники, В.С. Смолиным описан и опубликован Джукетаусский клад (XIV – начало XV вв.). Этот клад, случайно обнаруженный в 1924 г. близ с. Данауровка Чистопольского кантона, включал 194 предмета, в том числе золотые створчатые браслеты, броши, корбочки, монеты делийских султа-

нов 1300–1341 гг., жемчужные бусы (Руденко, 2005, с. 277).

Начинания М.Г. Худякова по археологическому картографированию памятников историко-культурного наследия народов Татарстана были продолжены в 1960–1980-е гг. такими казанскими археологами, как Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Ф.Ш. Хузин, Г.В. Юсупов. В результате в 1980-е гг. ими была издана 6-томная «Археологическая карта Республики Татарстан», которая содержит сведения о 4300 археологических памятниках Татарстана (Казаков, 2002, с. 193). Издание многотомной «Археологической карты Республики Татарстан» позволило начать работу по систематизации археологических памятников Татарстана, которая завершилась публикацией научно-справочного издания «Археологические памятники Татарской АССР». В справочнике дано описание 515 археологических памятников Татарстана, что составляло примерно 12% зафиксированных на карте объектов историко-культурного наследия народов Татарстана (Казаков, Старостин, Халиков, 1987).

Однако после выхода в свет этого коллективного справочного издания дальнейшие работы по научной систематизации и обобщению археологических памятников застопорились в рамках индивидуальных исследований татарстанских археологов. В 1990-е гг. с началом работ над «Татарским энциклопедическим словарем» казанские археологи были привлечены к написанию статей по разделу «Археология». Именно материалы справочного издания «Археологические памятники Татарской АССР» тогда для них стали каркасом для словарных статей. К сожалению, из-за низкого уровня систематизации и обобщения контента этого справочного издания лишь примерно одна пятая

часть его статей вошла в Татарский энциклопедический словарь. Такая малая представленность статей в словаре по разделу «Археология» объяснялась тем, что во многих справках, размещенных в книге «Археологические памятники Татарской АССР», не имелось нужных исторических данных для полноценного и разностороннего раскрытия археологического памятника или культуры, даже для словаря, не говоря уже многотомной «Татарской энциклопедии». В результате многим авторам статей в срочном порядке приходилось дополнять материалы из других источников. Позже эти словарные статьи – в ходе работы над многотомной «Татарской энциклопедией» – были заново переработаны, актуализированы и существенно дополнены новыми данными. Но, несмотря на это, остались отдельные статьи на словарном уровне (к примеру, «Атрысский комплекс», «Ошнякский комплекс»). Причины этого объяснялись как отсутствием материалов о некоторых археологических объектах, так и уровнем научно-исследовательского профессионализма отдельных авторов статей. В итоге лишь небольшая часть (172 справки) из 4300 археологических памятников, зафиксированных в многотомной «Археологической карте Республики Татарстан», вошла в 6-томную «Татарскую энциклопедию» (см. табл. 1).

Кроме того, в энциклопедию по разделу «Археология» вошло свыше 40 статей об известных татарстанских археологах и нумизматах, среди которых Р.М. Валеев, Р.С. Габяшев, И.Л. Измайлов, Е.П. Казаков, Н.Ф. Калинин, А.Г. Мухамадиев, А.Г. Ситдинов, А.П. Смирнов, В.С. Смолин, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, М.Г. Худяков, Ф.Ш. Хузин. Персонафикация известных татарстанских археологов и нумизматов на страницах «Татарской энциклопедии» стала важ-

ным шагом в научной популяризации этого, биографического, направления знаний и исследовательской практики как в контексте вклада этих ученых в археологическую науку, так и в плане инсталляции их связи с понятийно-терминологическим контентом раздела «Археология».

К сожалению, многовековое историко-культурное наследие народов Татарстана в «Татарской энциклопедии» занимает незначительный объем (213 справочных статей), что, по нашим подсчетам, составляет чуть более одного 1% от общего количества включенных в неё понятий, терминов и персоналий. Однако, несмотря на такое малое количество статей, представленных на страницах «Татарской энциклопедии» по разделу «Археология», археологические материалы значительно расширяют круг научных знаний по древней и средневековой материальной и духовной культуре народов, живших и живущих на территории Татарстана, в первую очередь тюркских и финно-угорских этнических сообществ. Одним из ее достоинств являются обзорные статьи об археологических культурах и комплексах, выделенных на территории Поволжья и Приуралья, которые придают системный характер научной реконструкции историко-культурного наследия народов Татарстана. Кроме того, комплексно представленная на страницах «Татарской энциклопедии» периодизация истории заселения современного Татарстана и поэтапного формирования на его территории различных этнических сообществ, начиная с каменного века и завершая Улусом Джучи и татарскими ханствами, возникшими после его распада в XV в., позволяет не только целостно рассмотреть развитие народонаселения в регионе, но и системно исследовать процесс совершенствования материальной и духовной культуры народов Поволжья и Приуралья. При

Таблица 1

Рубрикация материалов по разделу «Археология» в «Татарской энциклопедии»*

Тематические рубрики	Общее количество статей	В %
Археологическая культура	26	15,1
Археологический комплекс	36	20,91
Городище	16	9,3
Клады	5	2,9
Могильник	10	5,81
Монетно-весовая система	7	4,07
Предметы вооружения	15	8,71
Селище	4	2,4
Прочие	53	30,8
Итого:	172	100

* Таблица составлена по данным: Татарская энциклопедия. Казань, 2002–2014. Т. 1–6.

этом в краткой форме в ней нашли комплексное отражение основные этапы становления и развития археологических исследований в Татарстане, а также системная персонификация этого процесса. К тому же многие наработки татарстанских археологов получили не столько научную популяризацию, сколько научную апробацию (Абдуллин, Измайлов, Ситдииков, Хузин, 2015).

Таким образом, контент раздела «Археология» научно значим как в контексте развития археологической науки в Татарстане, так и в плане иллюстрации историко-культурных памятников на страницах многотомной энциклопедии. «Татарская энциклопедия» – это фундаментальное национально-региональное издание, которое, несмотря на то что, охватило лишь наиболее научно разработанные археологические памятники, на сегодняшний день является не только

прорывным научно-справочным трудом в области современной татарской энциклопедистики, но и основой для разработки отраслевой иллюстрированной энциклопедии «Археология Татарстана». Её оригинальная текстовая, иллюстративная и научно-методологическая база создаёт благоприятные условия для реализации этого перспективного проекта. Отраслевая энциклопедия по археологии не только позволит значительно расширить информационную базу знаний и исследовательской практики в области археологической науки, но и способствует форсированию научной систематизации, обобщению материалов многовекового историко-культурного наследия народов Татарстана на новом аналитическом уровне и, как следствие, совершенствованию культурно-образовательного пространства в области российской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Энциклопедический словарь по археологии Татарстана: концептуальные проблемы // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 236–248.
2. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 1903.
3. *Казаков Е.П.* Археологическая карта Республики Татарстан // Татарская энциклопедия. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. 672 с.
4. *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 240 с.
5. Постановление КМ РТ «О государственной программе Республики Татарстан по подготовке и изданию многотомной Татарской энциклопедии и энциклопедических

справочников» от 15 февраля 1993 г. № 60 // Текущий архив Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

6. Постановление Кабинета Министров РТ от 3 мая 1994 г. №185 «О дополнительных мерах по подготовке и изданию многотомной Татарской энциклопедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/8102517/> (дата обращения: 3.10.2021).

7. Постановление Кабинета Министров РТ от 4 мая 1997 г. №376 «Об утверждении Программы «Татарская энциклопедия» Республики Татарстан на 1997–2004 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917002066/> (дата обращения: 3.10.2021).

8. Руденко К.А. Джукетаусский клад // Татарская энциклопедия. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. 656 с.

9. Татарская энциклопедия: в 6 томах / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Изд-во ИТЭ, 2002–2014.

10. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. 703 с.

11. Указ Президента РТ М.Ш. Шаймиева от 10 февраля 1997 г. №УП-73 «О программе «Татарская энциклопедия» и «Положение о главном редакторе Татарской энциклопедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/8112722/> (дата обращения: 3.10.2021).

Информация об авторе:

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий центром энциклопедистики. Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); srv60@yandex.ru

«TATAR ENCYCLOPEDIA» IN THE CONTEXT OF SYSTEMATIZATION, GENERALIZATION AND SCIENTIFIC POPULARIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE ARCHEOLOGY OF TATARSTAN

R.V. Shaydullin

The scientific article is devoted to the study of the characteristic features of the development of archaeological content on the pages of the 6-volume "Tatar Encyclopedia" in Russian and Tatar languages. In it, along with a brief illustration of the history of the formation and development of archaeological research in the territory of modern Tatarstan, the conceptual and terminological content of the section «Archeology» of the «Tatar Encyclopedia» is considered in a statistical and rubricational context, and special attention is paid to the problem of personification of the names of archaeologists and numismatists on the pages of the encyclopedia. In addition, the article fragmentally analyzes the «Archaeological map of the Republic of Tatarstan» and «Archaeological monuments of the Tatar ASSR» in the context of using the materials of these reference publications when writing historical references for the section «Archeology» about ancient and medieval monuments of the historical and cultural heritage of the peoples of Tatarstan. At the same time, some critical judgments are expressed regarding the content level of a number of articles on the section «Archeology». The final part of the article talks about the socio-cultural significance of the development and publication of the illustrated encyclopedia «Archeology of Tatarstan». This encyclopedic publication will become a new form of systematization and generalization of archaeological materials about the material and spiritual culture of the peoples of Tatarstan, collected and published by the Russian historical and archaeological community for many decades.

Keywords: «Tatar Encyclopedia», «Archaeological map of the Republic of Tatarstan», «Archaeological monuments of the Tatar ASSR», section «Archeology», thematic statistics of the representation of terms and concepts on the pages of the Tatar Encyclopedia, problems of personification of the names of archaeologists, illustrated encyclopedia «Archeology of Tatarstan».

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M., Izmailov, I. L., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 236–248 (in Russian).

2. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (State Archive of the Republic of Tatarstan)*. Fund R-128. Inv. 3. dossier 1903 (in Russian)
3. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaya entsiklopediya (Tatar Encyclopedia)*. Kazan': Institut Tatarskoy entsiklopedii AN RT, 2002. T. 1: A–V. 672 s.
4. Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
5. 1993. *Postanovlenie KM RT «O gosudarstvennoy programme Respubliki Tatarstan po podgotovke i izdaniyu mno-gotomnoy Tatarskoy entsiklopedii i entsiklopedicheskikh spravochnikov» ot 15 fevralya 1993 g. № 60 (Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan "On the State program of the Republic of Tatarstan for the preparation and publication of a multi-volume Tatar Encyclopedia and encyclopedic reference books" dated February 15, 1993 No. 60)* Current archive of the Institute of Tatar encyclopedia and regional studies Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
6. 1994. *Postanovlenie Kabineta Ministrov RT ot 3 maya 1994 g. №185 «O dopolnitel'nykh merakh po podgotovke i izda-niyu mnogotomnoy Tatarskoy entsiklopedii» (Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated May 3, 1994 No.185 "On additional measures for the preparation and publication of a multi-volume Tatar Encyclopedia")* [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/8102517/> (date of application 3.10.2021) (in Russian).
7. 1997. *Postanovlenie Kabineta Ministrov RT ot 4 maya 1997 g. №376 «Ob utverzhdenii Programmy «Tatarskaya en-tsiklopediya» Respubliki Tatarstan na 1997–2004 gody» (Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated May 4, 1997 No. 376 "On approval of the Program "Tatar Encyclopedia" of the Republic of Tatarstan for 1997–2004")*. [Electronic resource]. URL: [http:// docs.cntd.ru/document/917002066/](http://docs.cntd.ru/document/917002066/) (date of application 3.10.2021) (in Russian).
8. Rudenko, K. A. 2005. In *Tatarskaya entsiklopedi,ya (Tatar Encyclopedia) 2*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
9. Khasanov, M. Kh. (ed.). 2002–2014. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)*. Kazan: Institute of the Tatar Encyclopaedia (in Russian).
10. *Tatarskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Tatar Encyclopedic Dictionary)*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia (in Russian)
11. 1997. *Ukaz Prezidenta RT M.Sh. Shaymieva ot 10 fevralya 1997 g. №UP-73 «O programme «Tatarskaya entsiklopediya» i «Polozhenie o glavnom redaktore Tatarskoy entsiklopedii» (Decree of the President of the Republic of Tatarstan M.Sh. Shaimiev dated February 10, 1997 No. UP-73 "On the Tatar Encyclopedia program" and "Regulations on the Chief Editor of the Tatar Encyclopedia")* [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/8112722/> (date of application 3.10.2021) (in Russian).

About the Author:

Shaidullin Rafail V. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Pushkin str., 56, 420015, Kazan, Russian Federation; srv60@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.

Список сокращений

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник;
 АГПИ – Астраханский государственный педагогический институт;
 АГУ – Астраханский государственный университет
 АЕС – Археология евразийских степей
 АЛТГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
 АлтГУ – Алтайский государственный университет.
 АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
 АН СССР/РАН – Академия наук СССР / Российская академия наук
 АО – Археологические открытия
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГИМ – государственный исторический музей
 ГМВ – Государственный музей Востока
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 Известия АН Каз ССР. Сер. Общ. наук – Известия Академии Наук Казахской ССР Серия Общественных наук
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
 КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
 КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар.
 КемГУ – Кемеровский государственный университет

КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФАН СССР – Коми филиал Академии наук СССР
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского северо-востока
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 м-к – могильник
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 НИИ при СовМин УдАССР – научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской автономной советской социалистической республики
 ОмГУ – Омский государственный университет
 п. – погребение
 ПГГПУ (ПГПУ) – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ПГНИУ – Пермский государственный научный исследовательский университет
 ПФИЦ УрО РАН – Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РК – Республика Коми
 РФА – рентгено-флюоресцентный анализ
 СА – Советская археология. М.
 СГУ – Ставропольский государственный университет
 СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
 СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
 СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
 СЭМ РФЛА – сканирующая электронная микроскопия с приставкой для локального микрорентгеноспектрального анализа
 УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
 УКМ – Уровень Каспийского моря;
 УНАЭЦ – Учебно-научный археолого-этнологический центр
 УрГУ – Уральский государственный университет
 ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 27.06.2022 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20